

Юлия Набокова Вампир высшего класса

VIP значит вампир – 3

Книга подготовлена для библиотеки Huge Library (scan - HL ocr, spellcheck & conv - diabo) <http://huge-library.org>

«Вампир высшего класса»: Альфа-книга; Москва; 2010

ISBN 978-5-9922-0735-4

Аннотация

Прага — самый романтичный город мира и столица невидимой миру вампирской империи. Здесь легко влюбиться и потерять голову, особенно если ты — юная вампириша, а твой спутник — молчаливый и неотразимый двухсотлетний Гончий. Здесь легко угодить в эпицентр интриг древних вампиров и очень трудно найти выход из старинных подземелий, если имел несчастье там заблудиться. Здесь оживает прошлое и становятся реальными призраки. Здесь начинается будущее, а настоящее кажется иллюзорным. Наслаждайтесь пражскими каникулами. И будьте очень, очень осторожны, если хотите прожить отпущенную вампиру вечность. Ведь Прага — это город разбитых надежд и опасных встреч.

Набокова Юлия Вампир высшего класса

ПРОЛОГ

**КРАТКИЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАЖСКОГО ДОГОВОРА 1956
ГОДА**

I. Права и обязанности Ордена Гончих

1. Орден Гончих считается особым подразделением Клуба, отвечающим за защиту жизни, здоровья, прав и свобод членов Клуба, а также всех местных жителей. Приоритетными являются интересы членов Клуба, второстепенными — интересы местных жителей.

2. К основным обязанностям Ордена Гончих относятся:

- охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности;
- предотвращение и раскрытие преступлений и других правонарушений;
- выявление и задержание преступника;
- ведение дознания и следствия по делам, отнесенным к полномочиям Гончих;
- защита личности, прав и свобод участников Клуба и местных жителей;
- обеспечение тайны существования Клуба.

3. Каждый Гончий имеет единократное право на инициацию одного человека, при его согласии и в том случае, если кандидатура не противоречит правилам вступления в Клуб. В этом случае кандидатура одобряется только Советом старейшин без вынесения на голосование остальных членов Клуба.

II. Положения о телепатии, ментальном допросе и иных вмешательствах в разум

1. Телепатия является средством ментального общения.

2. В отношении людей телепатия, как правило, носит односторонний характер. Между участниками Клуба при обоюдном желании возможно телепатическое общение.

3. Попытка проникнуть в разум участника Клуба без его желания характеризуется как нарушение его личной свободы и преследуется законом.

4. Слиянием называется такое погружение в разум объекта, при котором воздействующий испытывает те же чувства и может влиять на поступки и решения объекта.

5. Слияние относится к числу запрещенных ментальных воздействий.

6. Открывший в себе способности к слиянию должен незамедлительно поставить в известность старейшин местного Клуба или Орден Гончих.

7. Участник, заподозривший, что имело место применение слияния, обязан незамедлительно поставить в известность старейшин местного Клуба или Орден Гончих.

8. За укрывательство информации о слиянии участник Клуба несет уголовную ответственность.

Глава 1 ЛЮКС ДЛЯ НОВОБРАЧНЫХ ВАМПИРОВ

Поддаваться эмоциям — всегда пустая трата времени.

Том Холланд. Раб своей жажды

Мужчины кажутся ужасно сексуальными, когда мрачны и лаконичны.

Плам Сайкс. Блондинки от Bergdorf

— Счастливого медового месяца! — пожелал носильщик, внеся наш багаж в номер для молодоженов и получив награду за свои труды.

Дверь за парнем захлопнулась, и мы с Вацлавом оглядели апартаменты, в которых счастливые жених и невеста предаются радостям первой брачной ночи. Я — в замешательстве, Вацлав — с неизменно бесстрастным выражением лица. С таким же взглядом можно рассматривать армейскую казарму, которую предстоит делить с сослуживцами.

У меня же складывалось впечатление, что я очутилась в каком-то пошлом любовном романе. Мужчина и женщина, отель, кровать — одна на двоих. Вот только герои любовных

романов обычно без ума друг от друга, хоть и не подают вида. А мы — только деловые партнеры. Как бы мне ни хотелось чего-то большего...

— Что ж, — хладнокровно проговорил Вацлав, отступая к двери, — ты располагайся, а я посижу внизу.

От его низкого, с хрипотцой голоса меня, как обычно, бросило в жар. А при мысли о том, что нам предстоит ночевать в комнате с одной общей кроватью, я задышала чаще.

— И что ты собираешься там делать? — Мой вопрос настиг его уже на пороге. — Пропустить по бокальчику виски, набираясь смелости перед первой брачной ночью, или просто перекусишь кровью из вен портье?

Гончий бросил на меня испепеляющий взгляд. Можно подумать, мне нравится идея поселиться с ним в люксе для молодоженов! Но что поделать, если других свободных номеров нет, а нам нужно непременно остановиться в этом отеле, по соседству с Фабиолой, за которой мы ведем слежку от самого Парижа.

Случайная встреча с ней в аэропорту кардинально поменяла наши планы. Вместо Москвы мы полетели в Прагу, в надежде что Фабиола приведет нас к другим одиннадцати вампиршам, тайную встречу которых я случайно застала в Замке Сов. Тем, в чьих венах, как и в моих, течет кровь погибшего Жана. Он что-то тайком оставил им в наследство. Не иначе как начитавшись Дэна Брауна, зашифровал нахождение ларчика на двенадцати серебряных кулонах, принадлежавших каждой из вампирш. Один из них по стечению обстоятельств оказался у меня, но к разгадке тайны ни на шаг не приблизил. Только сложенные вместе в виде кусочков пазла, подвески превращались в карту с подсказками. Пустившись тайком вслед за Фабиолой, мы с Вацлавом надеялись, что разыщем остальных вампирш и узнаем, что оставил им Жан. А уж в том, что ничего хорошего от Жана ожидать не стоит, я твердо усвоила даже за короткое с ним знакомство. С учетом того, что последние годы своей жизни вампир искал способ обрести власть над всей нашей братией, эта штука может быть весьма опасной.

Кроме того, я преследовала и другую цель. С первых дней в Клубе из-за крови Жана меня считали каким-то чудовищем. Вместе с кровью новичок получает и отпечаток характера своего донора. И если донор — силен и жесток, а новичок — слаб духом, он может уподобиться своему создателю. Московские старейшины боялись, что со мной все так и произойдет. Поэтому с первых же дней ко мне приставили Глеба, который постоянно был рядом и следил за мной. Да и Вацлава предупредили, что в случае, если я начну представлять угрозу, меня надо уничтожить. В первые месяцы кровь Жана во мне давала о себе знать: я стала более вспыльчивой и раздражительной, гнев придавал мне разрушительную силу, а инстинкт самосохранения, подпитанный ненавистью Жана, дважды заставил убить — пострадали охранники Жана, которых он отправил к нам с Вацлавом, чтобы отобрать Серебряную Слезу. А когда охранники потерпели поражение, Жан приехал в Москву сам, и мы встретились на заброшенной фабрике.

В ту ночь я убила Жана под воздействием Слезы Ненависти, амулеты расплавились в магическом огне, а мой родной дед Аристарх вытащил из огня Слезу Милосердия. Он надеялся, что амулет поможет мне справиться с влиянием крови Жана и даст шанс остаться самой собой. Я носила амулет в Париже, а потом узнала о существовании своих двенадцати кровных сестриц — вампирш с безупречной репутацией, и засомневалась, так ли велико влияние крови Жана, как это думают старейшины. Покидая Париж, я случайно обронила амулет и заметила ту, кто его подобрал. Но не стала ее догонять — мне хотелось проверить, какой я стану без Слезы Милосердия. И теперь я должна разыскать своих сестер и раскрыть тайну их родства с Жаном всему Клубу — чтобы меня перестали считать чудовищем, чтобы разделить с ними бремя кровной наследницы жестокого француза.

— Я должен убедиться, что Фабиола никуда не пойдет сегодня ночью, — мрачно ответил мне Вацлав.

— А носильщик тебя не убедил? — возразила я.

Мы вошли в гостиницу на окраине Праги спустя пятнадцать минут после Фабиолы. В

поздний час персонала было мало, а постояльцев, жаждущих заселиться, еще меньше. Фабиоле повезло — она отхватила последний стандартный номер, так что Вацлаву пришлось раскошелиться на апартаменты для новобрачных. А провожал нас на этаж тот же носильщик, что нес багаж Фабиолы. Пока я думала, как бы так ненавязчиво расспросить парня об интересующей нас девице, Вацлав просто пристально взглянул ему в глаза, задал несколько вопросов и получил всю исчерпывающую информацию: новая постоялица просила ее не беспокоить, жаловалась на утомительный перелет и сказала, что собирается проспать до следующего вечера. Причем носильщик тут же забыл об этом странном происшествии и, обведя нас оловянным взглядом, пожелал счастливого медового месяца и убрался восвояси.

— До рассвета еще пара часов, и я не хочу упускать ее из виду, — упрямо возразил Вацлав. — Носильщику она могла и соврать.

Я пожала плечами — делай что хочешь. Только спросила:

— Моя помощь не нужна?

Вацлав покачал головой:

— Отдыхай.

Он пересек комнату и плотно задернул шторы, словно не собирался возвращаться в номер даже с наступлением дня и решил заранее обезопасить меня от солнечного света.

И что я ему такого сделала, размышляла я, глядя на его напряженную спину. Подумаешь, у стойки регистрации не удержалась и, услышав про то, что мы вынуждены взять номер для молодоженов, пошутила: «Дорогой, не забудь попросить, чтобы в номер принесли шампанское и осыпали кровать лепестками роз. Я это обожаю!» Глупо получилось, согласна. Но Вацлав тогда дернулся так, будто я его в наручниках под венец тащу. Больно надо с таким мужем всю вечность мучиться. Мало того что по характеру совершенно невыносимый, так еще и практически бессмертный... И вообще до недавнего времени я считала, что настоящий мужчина должен посадить денежное дерево в швейцарском банке, построить виллу на Канарах и вырастить Билла Гейтса. Или хотя бы Тома Круза. И уж Вацлав, бывший главой Московского Ордена Гончих, меньше всего вписывался в этот идеальный образ.

Я смутилась, заметив, что Вацлав уже развернулся и пристально смотрит на меня. Черт, неужели он опять читал мои мысли? Я поторопилась перевести тему:

— И все-таки откуда ты так хорошо знаешь чешский? Ты так и не сказал.

Когда мы сели в такси у аэропорта, Вацлав свободно заговорил с водителем на чужом языке, объясняя, что следует ехать за машиной с Фабиолой. И всю дорогу я слушала журчание незнакомой речи, а когда я умудрилась вклиниться в оживленную беседу со своим вопросом, Вацлав просто от меня отмахнулся. Причем вид у него был такой, словно я помешала ему добывать информацию государственной важности. Похоже, разговор коснулся и меня, потому что водитель, глядя на меня в зеркало заднего вида, заулыбался и сказал что-то Вацлаву, отчего тот помрачнел, как Дракула при виде распятия, и что-то недовольно буркнул. В тот момент я готова была отдать новенькую сумочку от Шанель, купленную в Париже, лишь бы узнать, о чем речь! Интересно, сколько лет Гончий прожил в Праге, если так свободно выучил язык?

— Я здесь родился, — неохотно ответил он и смерил меня тяжелым взглядом, давая понять, что эта тема закрыта.

— Вацлав — это же чешское имя, да? — чувствуя себя полной идиоткой, уточнила я.

Гончий коротко кивнул и стремительно вышел вон. Я в смятении уставилась на захлопнувшуюся за ним дверь. Что бы с ним ни случилось в этом городе и как бы давно это ни было, ясно одно: для Вацлава это по-прежнему болезненная тема. И именно здесь произошло то, что сделало Вацлава тем, кем я его знаю. Одиноким, отчаянным, неприкаянным Гончим. Тем, кто безжалостно расправляется с преступниками. Тем, кто спас меня от верной гибели в Париже. Тем, кто равнодушно разбил мое сердце.

Наверное, это была самая скучная ночь из тех, что видели на своем веку эти стены.

Нашу первую с Вацлавом ночь в номере для молодоженов я крепко проспала. И даже не знаю, спали ли мы в одной постели или нет. Засыпала я в одиночестве, проснулась тоже. Дневной свет струился из-под задвинутых штор, рисуя солнечные узоры на полу. Вампирам бы в это время еще спать да спать, но Вацлава в кровати уже не было. Или — еще не было? В любом случае задерживаться в постели не стоит.

Замотавшись простыней, я прошла в ванную и поплескала в лицо холодной воды. Короткий сон отразился на коже: лицо в зеркале выглядело иссиня-белым, не добавляли красоты и тени, залегшие под глазами. Сейчас я выглядела как настоящая вампирша из фильмов ужасов — бледная кожа, длинные темно-каштановые волосы, запавшие глаза, кажущиеся совсем черными, злорадная ухмылка. «Сейчас я вас тут всех съем!» Я оскалилась своему отражению и потянулась за зубной щеткой. Надо отполировать клыки, чтобы не выпадать из образа.

Горячий душ вернул меня к жизни. Кожа чуть порозовела, мокрые волосы завились кольцами, так что и в зеркало теперь было взглянуть приятно. Все-таки я довольно симпатичная. Недаром даже искушенный в женской красоте Жан Лакруа считал меня хорошенькой. У меня большие карие глаза, выразительные губы и тонкий нос, которым не устает восхищаться мамина подруга Клара Петровна, работающая пластическим хирургом. По ее словам, мой нос — мечта половины ее клиенток. Остальные, кстати говоря, мечтают о груди Анны Семенович. А вот я совершенно не комплексую из-за своего второго номера — благодаря ему я всегда могу найти бюстгальтер по размеру и на распродажах в магазинах белья не страдаю от ограниченного выбора. Так что Кларе Петровне никогда не заполучить меня в качестве своей клиентки, хотя она, в приступе душевной доброты, и обещала мне хорошую скидку! Скидка, конечно, рубль бережет, но своя грудь, знаете ли, ближе к телу. А вот с волосами мне не повезло, я с досадой взглянула в зеркало. Вьются как хотят! После мытья их даже щеткой не расчешешь, приходится распутывать пальцами. Выполнив эту утомительную процедуру, я слегка подсушила волосы феном и осталась довольна результатом. Теперь можно и в мир, и в шоп, и в добрые люди. Одеться бы еще! Я в сомнении потопталась у двери, переводя взгляд с полотенца на простыню. Одежду я с собой не захватила. Из комнаты вроде не доносится ни звука. Но что, если Вацлав вернулся? Не могу же я выйти из ванной в чем мать родила! Подумает еще, что соблазняю. И кстати, будет прав. А если не соблазнится? Вот стыд будет!

Завернувшись в банное полотенце, я прошла в комнату и ахнула от неожиданности: от зашторенного окна метнулась крупная тень. В голове пронеслись десятки версий: от банальной «в номер пробрался вор» до провальной «Фабиола заметила слежку и пришла разобраться». Но уже через мгновение я нащупала выключатель на стене, включила верхний свет и с облегчением перевела дух: тень обрела знакомые очертания Вацлава. Высокий рост, крутые плечи, правильный профиль. Благородно-строгое лицо — крутой изгиб бровей, широкие скулы, мужественная линия рта, резко очерченный подбородок, смуглая кожа. Необычный цвет глаз — серые с карими крапинками, словно россыпи солнечных брызг на талому льду. Отросший ежик смоляных волос — у парикмахера Вацлав не был уже с Москвы. С волосами такой длины он выглядел моложе, чем обычно. Если при нашей первой встрече я решила, что Гончему лет тридцать, то сейчас он выглядел не больше чем на двадцать пять, даже принимая во внимание неизменную щетину, которая придавала ему сходства с пиратом. Особые приметы: белая ниточка шрама на правой щеке, которой я касалась солеными от слез губами, когда думала, что Вацлав погиб. Смутившись от этого воспоминания, я сердито пристыдила его:

— Ты меня до смерти напугал! Я не слышала, как ты вошел. И вообще — стучаться надо!

— Я стучался — ты не отвечала. И между прочим, я здесь тоже живу. — Он и бровью не повел, словно для него видеть меня в банном полотенце на голое тело — столетняя привычка.

И от этого его хладнокровия капельки на моей влажной коже превратились в мурашки.

— Мог бы признаться, что стал волноваться, когда я не ответила. Мало ли, вдруг в твоё отсутствие наведёлся охотник за вампирами и разрядил в меня барабан с серебряными пулями, — плотнее запахивая полотенце на груди, заметила я.

На самом деле вред серебра — это миф, придуманный долгожителями, чтобы отпугнуть молодежь от поисков Серебряных Слез. Вампиры не боятся серебра и легко носят украшения из него. Но я стала вампиром совсем недавно, и в моей памяти ещё были живы легенды о «детях ночи», большинство из которых не имели никакого отношения к реальности. Хотя и некоторые вампиры продолжали в них верить. Например, отправляясь со мной на заброшенную фабрику к Жану, мой дед Аристарх взял с собой пистолет с серебряными пулями. Это было вполне в его духе — если пальто, то от Прада, если пули — то из серебра.

— А что, Аристарх потом с тебя голову снимет, что не уберёг... Ой! — Я вспомнила об обещании, данном моему деду-вампиру при прощании в аэропорту. — Совсем забыла ему позвонить. Странно, что он ещё телефон не оборвал.

Аристарх был не в курсе истинной причины нашего поспешного отлёта в Чехию. Когда мы разделились в аэропорту Парижа, я сказала, что лечу в Прагу отдохнуть, а Вацлав согласился выступить моим гидом. Если бы я упомянула о Фабиоле, Аристарх принял бы волноваться и непременно увязался бы следом.

— Потом позвонишь. — При упоминании имени Аристарха лицо Вацлава помрачнело.

Что это с ним? Вроде дед и Гончий были довольно дружны. А последние события в Париже ещё больше их сплотили — тогда они оба пострадали из-за меня. Решением Парижского Клуба Аристарха исключили из Совета старейшин Москвы, а Вацлава отстранили от руководства Орденом Гончих. Потом преступный поступок Василия Громова, в результате которого чуть не погиб Вацлав, вынудил парижских старейшин пойти на уступки. Громов остался безнаказанным, но и мой дед с Гончим были восстановлены в своих правах.

— Одевайся. Фабиола отправилась нанимать машину, это займет у нее минут двадцать. Мы должны проследить за ней после выхода из салона.

Придерживая норовившее соскользнуть полотенце, я проскакала в смежную с гостиной спальню и прокричала оттуда:

— Откуда ты знаешь, что ей понадобится именно двадцать минут?

— Потому что я уже был в ближайшем салоне и арендовал нам автомобиль, — последовал невозмутимый ответ.

— Уверен, что она пойдет именно туда? — засомневалась я, влезая в джинсы.

— Я слышал, как она разговаривала с портье, и он назвал ей тот же адрес, что и мне незадолго до этого.

— Что-то рано она сегодня, — поделилась я своим удивлением, натягивая джемпер. — Думаешь, остальные вампиры тоже встанут так рано?

— Думаю, что ее визит в Прагу необязательно может быть связан с наследием Жана.

— Хочешь сказать, что мы прилетели зря?!

Я торопливо расчесала волосы и собрала их крабом. Бросила взгляд в зеркало и усмехнулась. Сейчас я была одета так же, как Фабиола, когда я впервые увидела ее в Замке Сов. Черный свитер, узкие джинсы, мокасины. До полного сходства не хватает только черных перчаток и заплетенных в косы волос. Даже внешне мы чем-то похожи — обе невысокие худенькие брюнетки. Только у испанки кожа смуглее и черты лица экзотичнее.

Что ж, я невольно последовала примеру Фабиолы, выбирая одежду для слежки. Неброско и удобно. Проще простого слиться с толпой, хотя обычно я стремлюсь к обратному эффекту. Но сейчас другой случай. Фабиола не должна почуять слежки. Пока мы сами не решим показаться ей на глаза.

Судя по одобрителю взгляду, которым смерил меня Вацлав, с одеждой я угадала.

— Держи! — В его ладони мелькнула полоска стали.

Я непонимающе подняла глаза: зачем мне кинжал?

— Фабиола опаснее, чем ты думаешь, — сухо пояснил Вацлав. — Если что-то пойдет не так, я хочу, чтобы ты могла защитить себя.

— Придется верить тебе на слово, ты же знаешь ее лучше, чем я! — Мой красноречивый взгляд на Вацлава впечатления не произвел и на откровенность его не вызвал. Я схватила кинжал, вложенный в ножны, не отказав себе в маленькой мести — пройти ногтями по раскрытой ладони Вацлава. Тот даже не поморщился. Что ему моя царапина? За долгие годы работы Гончим он научился терпеть и не такую боль.

Я попыталась запихнуть кинжал в карман джинсов, ломая голову еще над одной тайной из прошлого Вацлава. Гончий знаком с Фабиолой, поэтому не желает до поры до времени показываться ей на глаза. Хотела бы я знать, при каких таких обстоятельствах им приходилось встречаться! Но Вацлав по этому поводу хранил партизанское молчание. Попытки разговорить его в самолете ни к чему не привели, что только раздражило мое воображение, которое весь рейс до Праги подбрасывало мне все новые и новые версии знакомства Вацлава с Фабиолой, одна другой фантастичнее.

Фабиола — сводная сестра Вацлава, когда-то оттяпавшая все его наследство. А что, они даже чем-то похожи! Вот только Вацлав живет на свете уже лет двести, а Фабиола стала вампиром не раньше чем два года назад. Как и остальные одиннадцать вампиров, которых мы ищем.

Фабиола — бывшая невеста кого-то из преступников, которых выследил и убил Вацлав.

Фабиола — любовь Вацлава. Ведь кому-то же он приготовил подарок в новогоднюю ночь. Вот только та счастливица живет в Москве, а Фабиолы я в это время в городе не видела. Если только она не приезжала тайно...

— Хватит копать! — вернул меня в реальность голос Вацлава.

Устав наблюдать за моими беспомощными попытками спрятать кинжал в карман джинсов, Гончий сделал ко мне шаг, придержал за талию, а потом быстрее, чем я успела сообразить, задрал на мне джемпер, обнажив полоску на животе, и заткнул ножны кинжала за пояс.

— Это делается так, — спокойно сказал он, будто не замечая того, что я даже дышать перестала. И убрал руку с моего обнаженного живота, а отпечатки его пальцев на моей коже продолжили пульсировать, взрывая мой мозг желанием.

Черт, а работать с Вацлавом будет куда сложнее, чем я это себе представляла.

— А теперь пошли. Фабиола, должно быть, уже заканчивает оформлять документы.

Я торопливо натянула короткую куртку и поспешила вслед за Гончим в промозглый пражский февраль.

Машина, которую взял напрокат Вацлав, ему совершенно не подходила. Серая, неприметная, безликая. То ли дело его мощный черный внедорожник, на котором он разъезжает по Москве. Но, похоже, при выборе автомобиля для слежки Вацлав руководствовался теми же соображениями, что и я при составлении гардероба.

Вацлав оставил авто в нескольких шагах от парадного входа в отель, так что поджариться на солнце, выглянувшем из-за облаков, мы не успели. Машина завелась не сразу. Вацлав возился с ключами, сердился и ругался.

— Что, не удастся найти общий язык? — поддела я. — Ты бы ее не руганью, а лаской. Она же все-таки девочка.

— Ты бы лучше пристегнулась, — угрюмо посоветовал Вацлав, наконец-то заводя мотор.

— Есть, Шумахер. Только по возможности езжай не очень быстро — хотелось бы все-таки разглядеть город, в котором я так мечтала побывать.

Вместо ответа Вацлав прибавил газу. Через пять минут мы уже были на месте и припарковались у обочины так, чтобы видеть выезд из гаража автосалона. Я огляделась — оживленная улица, современные коробки панельных домов, серый асфальт под колесами

машины, витрины супермаркета через дорогу. И это знаменитая Прага? Где же готические башни замков, похожие на шпильки модных тифлек? Где вековая брусчатка? Где веселые пивные бары, в которых подают лучшее в мире пиво?

— Не туда смотришь, — отрывисто бросил Вацлав. — Вот она.

Острое зрение вампира мгновенно различило Фабиолу, сидящую за рулем небольшой черной иномарки. Нам даже разворачиваться не пришлось: Фабиола не стала возвращаться на дорогу, ведущую к отелю, а двинулась дальше по улице. Мы пристроились в хвосте. Вскоре вслед за Фабиолой мы въехали в Старый город, и я на время забыла о цели нашей поездки, вертя головой по сторонам.

Прагу не зря называют сказочной! Извилистые улочки, подобно руслу реки, огибают дома и, кажется, за поворотом заканчиваются каким-нибудь порталом в Средневековье. Шпили храмов и башен пронзают небеса, и легко представить, как за решетчатым окошком какой-нибудь башни ждет своего принца сказочная Рапунцель, а в небе разве что парящих драконов не хватает. К отреставрированным фасадам домов примыкают потемневшие от времени каменные здания, которые, наверное, сохранились в первозданном виде с самой юности Вацлава. Интересно, что он чувствует, попав в город, где родился? Я взглянула на Гончего, но тот невозмутимо вел машину, следуя за Фабиолой.

— Вацлав, а сильно изменилась Прага со времен твоего детства? — не сдержала я любопытства.

— Раньше не было машин и туристов, — сухо ответил он.

Мы как раз проезжали мимо группы японцев, которые стояли у стен живописного здания и беспрестанно щелкали вспышками. Посмотреть бы хоть на настоящих пражан! Как они одеваются, что носят. Но вряд ли в историческом центре города встретишь коренных жителей. Это все равно что искать москвичей на Красной площади или на Арбате.

Мы повернули вслед за Фабиолой и оказались на тихой улочке — такой узкой, что на ней не разъедутся две машины, поэтому движение было односторонним. А во времена Вацлава, должно быть, здесь могла проехать всего одна повозка, запряженная лошадью. И тогда, наверное, все прохожие были вынуждены жаться к стенам, чтобы ее пропустить. По одну сторону улочки тянулись фасады домов. Узкие, всего в три окна, и невысокие, по два-три этажа, они тесно примыкали друг к другу разноцветными заборами — желтым, розовым, зеленым, голубым, снова желтым. По другую сторону улочки шла глухая каменная стена без окон и дверей, только на уровне второго этажа были ввинчены кованые уличные фонари. Идеальное место для охоты вампира — никто не увидит, никто не услышит.

Наконец Старый город с группами туристов остался позади, мы свернули в какой-то деловой квартал, и я с интересом уставилась на прохожих. Так вот они какие, модницы Праги! В моде определенно черное. Девушки одеты в узкие брюки или джинсы, заправленные в сапоги, сверху — короткие курточки. Так что я среди них запросто сойду за свою. То тут, то там мелькают яркие пятна: синий берет, желтые перчатки, красная сумка. Кому-то хочется выделиться из унылой черной толпы, и тогда в ход идут аксессуары. Впереди полыхнул алым костром красный шарф, и я затаив дыхание прильнула к автомобильному стеклу. Француженка в красном шарфе в аэропорту Парижа подобрала оброненную мною Слезу Милосердия — серебряный кулон, сделанный из кусочка Чаши легендарного последнего лорда. Этот кулон, выхваченный Аристархом из магического пламени, служил мне оберегом от влияния крови Жана и сдерживал порывы гнева, которые я приобрела вместе с кровью вампира. Но когда я обнаружила, что амулет потерян, не стала спешить вслед за подобравшей его француженкой. Хочу быть самой собой. А слухи о кровожадности преемников Жана, похоже, сильно преувеличены. Ведь выяснилось, что у меня есть двенадцать кровных сестер, и они ни в каких кровавых преступлениях не замечены.

Машина поравнялась с девушкой в красном шарфе, я обернулась, чтобы взглянуть ей в лицо. Конечно, это не она! И можно только гадать, в какую страну мира попадет Серебряная Слеза вместе со своей новой хозяйкой, которая ожидала рейса в международном терминале

парижского аэропорта.

— Приехали. — Вацлав притормозил у обочины и кивком указал на Фабиолу, выходящую из машины. Ступив на тротуар, испанка уверенно зашагала вдоль кованой ограды к открытым воротам с цветными растяжками на створах.

— Музей?! — Я в удивлении протерла глаза, глядя на классическое здание за воротами и афиши с объявлениями об экспозиции. — Она прилетела в Прагу, чтобы сходить в музей?

Фабиола тем временем вошла в ворота и неторопливо двинулась к зданию.

— И что ты на это скажешь? — спросил Вацлав, глядя на меня волком, как будто это я виновата в том, что мы вытянули пустой билет.

И тут меня осенила идея, в которую я даже сама поверила.

— Скажу, что лучшего места для тайной встречи двенадцати вампирш из разных стран и не придумаешь, — на одном дыхании выпалила я.

Вацлав недоверчиво поднял бровь.

— Смотри, — поторопилась развить свою мысль я, — солнце уже почти село. Если еще не все вампиры в сборе, то с наступлением сумерек даже самые чувствительные к свету смогут добраться до музея.

Реакция на свет у всех вампиров индивидуальна. Яркое солнце неприятно всем. Есть такие, кто совсем не может выносить дневного света и появляется на улице только с приходом ночи — например бывшая парижская старейшина Вероник. В пасмурные дождливые дни, воспользовавшись солнцезащитным кремом, многие могут спокойно разгуливать по улице. К счастью, я из их числа. Но днем я из дома практически не выхожу — с вступлением в Клуб мой график жизни сдвинулся на ночное бодрствование. Ночь — время вечеринок и встреч с другими вампирами, а днем я отсыпаюсь, восполняя силы.

— До закрытия остается час, — скептически заметил Вацлав, провожая взглядом Фабиолу, приближающуюся к ступеням здания.

— Тогда нужно действовать быстро! Чего мы ждем? — Я приоткрыла дверь машины и в недоумении оглянулась на Вацлава, не тронувшегося с места.

— Ты забыла? Фабиола меня знает. Она не должна меня увидеть.

— Что ж, тогда я пойду одна.

Вацлав не стал ни возражать, ни препятствовать. Я с сомнением потопталась на тротуаре, не решаясь захлопнуть дверь.

— А если это будет опасно?

Он не высказал ни малейшего беспокойства.

— Не съедят же они тебя прямо в музее на глазах у посетителей и охраны!

— И почему мне кажется, что, если это все-таки произойдет, ты не сильно-то и расстроишься? — буркнула я и от души хлопнула дверцей.

Фабиолу я догнала у кассы. За билетами выстроилась очередь, и нас разделяло человек десять. Когда я наконец получила билет, Фабиола уже минут пять как скрылась в музее. Миновав контроль и войдя в первый зал, я растерянно огляделась. Народу было как в ГУМе в первый день распродаж. Смешливые школяры, шумные студенты, бойкие старушки, любопытные туристы толпились у витрин с экспонатами, переходили из зала в зал. И многие темноволосые, невысокие, в черной одежде, как Фабиола. Разве ее разглядишь в толпе?

Собравшись с духом, я двинулась по залу. Посетители вертели головами, рассматривая древности, а я обшаривала взглядом собравшихся в надежде разыскать Фабиолу и чувствовала аромат людской крови, плывший по залу. Я не из тех вампов, что звереют в присутствии людей. Кровь, необходимую для получения жизненной силы, я пью из бутылочек с донорской кровью: при вступлении в Клуб каждый вампир получает талоны на питание, и его право — использовать их или отказаться, самому занявшись своим пропитанием. Охота за одиноким прохожим или охмурение юнцов в ночных Клубах — не для меня. Хотя многие из вампиров находят в этом удовольствие. Такие, как я, предпочитающие донорскую кровь, в меньшинстве. Вацлав и Аристарх предпочитают живую кровь из вены. Интересно, каких взглядов на питание придерживается Фабиола?

В первых трех залах ее не оказалось. В четвертом демонстрировалась временная экспозиция — сокровища испанской короны. При виде бриллиантового ожерелья, сапфирового гарнитура и прочих безделушек испанских королей я на миг потеряла голову и позабыла обо всем на свете. До чего же хороши! И как изменчива судьба! Ведь еще недавно я могла бы купить себе одно из этих роскошных украшений. Месяц назад я узнала о том, что стала наследницей миллионного состояния Жана Лакруа как его единственная официальная кровная преемница. Дедушка Аристарх уже видел меня самой богатой невестой среди вампиров. Но я так и не успела почувствовать, каково это — быть миллионершей. Меня обвинили в убийствах, которые я не совершала, заключили под стражу, вынесли смертный приговор и, если бы не вмешательство Вацлава в последний момент, привели бы его в исполнение. После того как в ходе ментального допроса открылось, что это я убила Жана, а не Вацлав и его Гончие, как было объявлено официально, о миллионах пришлось забыть. Парижский Совет старейшин воспользовался случаем, чтобы отказать мне в праве на наследство и прибрать состояние Жана к рукам Парижского Клуба. И вот теперь о бриллиантах и рубинах остается только мечтать, глядя на них через стекло витрины.

Не знаю, сколько бы я простояла, восторженно изучая шедевры ювелирного искусства, но тут мое внимание привлекло другое сокровище — уже из области современной моды. Сумочку из кожи питона от Боттега Венета, признанную лучшей сумкой прошлого года, я в любой толпе замечу. В аэропорту Парижа именно она заставила обратить мое внимание на Фабиолу, вот и сейчас дизайнерская вещица магнитом притянула мой взгляд. Испанка стояла среди экскурсантов, обступивших витрину в центре зала, и делала вид, что слушает гида. Хотя, может, она и впрямь понимает чешский?

Протиснувшись поближе, я увидела ее — самое большое сокровище экспозиции, предмет, которому отводилось центральное место в зале, венец всей коллекции. Это была королевская диадема, украшенная сотней ослепительных бриллиантов. Ювелир, создавший это чудо, был настоящим волшебником. Золотой каркас диадемы представлял собой тончайшее кружево, от которого расходились многочисленные лучики, усыпанные бриллиантами. Каждая алмазная капелька, казалось, вобрала в себя целую радугу. Это было не просто красивое украшение, это был мощнейший артефакт, который даже самую невзрачную испанскую инфанту сделал бы блистательной королевой. С такой радужной короной на голове вмиг избавишься от робости и неуверенности и ощутишь себя не только первой красавицей, но и властительницей мира. Я бы все на свете отдала, лишь бы примерить ее хотя бы на минутку.

Я невольно подалась вперед, стараясь запечатлеть в памяти каждый золотой завиток, каждую бриллиантовую росинку, унести в своем сердце кусочек этой волшебной радуги. Кто-то что-то резко сказал, и мои соседи отодвинулись от витрины, а я поймала на себе строгий взгляд гида и с неохотой отступила на шаг. А когда подняла глаза, чтобы еще раз насладиться зрелищем испанской короны, то увидела, как задорно сверкают через двойное стекло витрины два угольно-черных агата — глаза Фабиолы, смотрящие прямо на меня. Я помертвела — неужели она меня узнала? Но Фабиола только улыбнулась и опустила голову, увлеченно разглядывая корону, так что две смоляные косы упали на грудь, а из ворота черного джемпера выскользнула цепочка со знакомым мне пазлом-кулоном. Похоже, мы разделяем одну и ту же страсть, и вампириша только поэтому отвлеклась от созерцания драгоценностей. А может, ее удивило наше сходство во внешности и одежде — в толпе нас можно принять за двойняшек. Так или иначе корона целиком завладела вниманием Фабиолы — девушка просто приклеилась к стеклу. А мне даже не пришлось притворяться и искать повода не выпускать ее из виду. Я стояла по другую сторону витрины, одновременно любуясь короной и следя за вампиршей. Мы могли бы так простоять и ночь напролет, но музей стал закрываться, и оживившиеся зрители принялись разгонять поздних посетителей.

— Ну что? — встрепенулся Вацлав, когда я села в машину.

— Я никого не видела, — с разочарованием доложила я.

К Фабиоле так и не подошел никто из одиннадцати вампирш. Правда, если бы кто-то из них передал ей записку через постороннего человека, воспользовавшись толчеей, я бы ничего не заметила. Но кому нужны такие шпионские страсти, когда в каждом мобильном есть возможность отправки эсэмэс?

— А она? — Вацлав кивком указал на Фабиолу, отчего-то не торопившуюся садиться в машину. Девушка с интересом вертела головой по сторонам, изучала музейную ограду, так, будто бы она тоже представляла эстетическую ценность.

— Просто разглядывала экспонаты.

Вацлав иронически хмыкнул:

— И что именно? Корону испанской королевы Эсперанцы?

— А владелицу короны звали так? — оживилась я и тут же осеклась под насмешливым взглядом Гончегго. Да, у меня не было времени прочитать табличку с историей короны! Мне было куда интереснее разглядывать ее саму. — А ты-то откуда знаешь?

Он взглядом указал на газету, лежащую на приборной панели.

— Сбегал в киоск. Все газеты пишут об этой выставке, ее ценности и беспрецедентных мерах по обеспечению ее сохранности.

— Да? — Я с недоумением пожала плечами. — Не заметила, чтобы там было много охраны. Ну ходил какой-то хмурый шкаф с рацией — и все.

— Все дело в сигнализации, — снисходительно пояснил Вацлав.

Я с любопытством взглянула на здание музея, почти слившееся с сумерками.

— Хочешь сказать, с наступлением ночи там включаются такие лазерные лучи, как в кино?

— Не знаю, что там включается, — ответил Вацлав, — но только директор музея во всех интервью распинается, что обойти эту систему охраны невозможно. Зря он так, ох зря.

Я в растерянности промолчала, не понимая, что плохого в том, что директор уверен в сохранности доверенной ему коллекции.

— И как думаешь, — небрежно бросил Вацлав, — когда она собирается украсть корону?

— Что? — опешила я и от неожиданности заморгала.

— Фабиола. — Вацлав кивнул на девушку, которая наконец-то села в машину. — Когда она планирует обчистить музей?

— Ты шутишь? — ошеломленно уточнила я.

— Какие уж тут шутки. — Он скривил губы в усмешке. — Сначала я решил, что мы зря сюда приехали. Фабиола здесь по личным интересам, а не по делу двенадцати вампирш. Но потом сообразил, что, если нам удастся поймать ее на выходе из музея с короной в руках, она более откровенно ответит на наши вопросы. Что скажешь?

— Не верю, что ты это говоришь серьезно. — Я замотала головой.

— Жанна, Фабиола — ловкая и дерзкая авантюристка, — просветил меня Гончий. — Корона для нее — лакомый кусочек. А то, что директор музея повсюду трубит о совершенной охранной системе, только распаляет ее азарт. Поверь мне, Фабиола здесь для того, чтобы ограбить музей. И она сделает это. Можешь в ней не сомневаться.

— Но на подготовку такого ограбления нужно время, — с недоверием возразила я. — В кино грабители готовятся не одну неделю, тщательно изучают систему охраны, ищут в ней уязвимые места, подготавливают маршрут отступления...

— Уверен, для Фабиолы это уже пройденный этап, — усмехнулся Вацлав. — Выставка открылась неделю назад. Спорим, она уже не впервые в Праге? Она разведала обстановку, съездила за необходимым оборудованием. Уж не знаю, добыла ли она все нужное в Париже или вернулась туда все-таки из-за своих кровных сестер, только теперь у нее есть все для того, чтобы осуществить свою затею.

— Но зачем ей идти в музей в рабочее время, если она там уже была? — не поняла я.

— Нужно же ей было убедиться, что за время ее отсутствия в системе охраны не произошло никаких изменений.

— Да она даже головы не поднимала! — возразила я.

— Это ты так думаешь, — отрезал Гончий и с ноткой восхищения в голосе заметил: — Фабиола — профессионал.

— Очень профессионально с ее стороны светиться на месте преступления! — язвительно отметила я. — Если внутри есть камеры, она на всех запечатлена.

— Думаю, она хорошо изучила расположение камер, чтобы не совершить этой ошибки. — Вацлав завел мотор и двинулся вслед за неприметной машиной Фабиолы. — Спорим, сейчас она объедет всю ограду по периметру?

Я не проронила ни слова, пока мы не сделали круг вдоль ограды, подтверждая гипотезу Вацлава.

— Ну что? — с мальчишеским самодовольством спросил он.

— Я не понимаю только одного, — сухо ответила я, — откуда ты ее так хорошо знаешь?

— Мы работали с ней одно время, — скупно сообщил Вацлав.

— Фабиола была Гончей? — Я в изумлении уставилась на него.

— Нет, она просто помогала нам в одном деле.

— Что за дело?

— Это неважно.

Проще узнать у светской львицы телефон ее стилиста, чем выяснить у Вацлава подробности знакомства с Фабиолой!

— И в каких вы были отношениях? — невинно поинтересовалась я. — Если ты так боишься показываться ей на глаза. Что, задолжал ей зарплату?

Вацлав ухмыльнулся:

— Не волнуйся, я расплатился с ней сполна. Финансовых претензий у нее ко мне быть не должно.

«А каких — должно?» — чуть не вырвалось у меня, но я вовремя прикусила язык.

Ясно же, что Вацлав никогда не расколется. К чему выставять себя на посмеище?

Фабиола

Два года тому назад

Барселона

Закрытых дверей, запертых сейфов и нескрываемых замков для Фабиолы не существовало. Причин на то было три: ловкость рук, острота ума и редкая интуиция, которая ее никогда не подводила. Фабиола всегда знала, какой из замков поддастся, а какой даже не стоит пытаться взломать. Сорвет ли она куш или нарвется на большие неприятности — врожденная проницательность всегда подсказывала ей верный итог предприятия.

Правда, открывать замки приходилось по ночам, а в ночной Барселоне хватало опасностей для хрупкой юной девушки. Поэтому когда на темной улице ей перегородили дорогу три мужские фигуры, Фабиола недолго думая сиганула в арку ближайшего дома. Интуиция вопила: спасайся, неприятности! И Фабиола рванула со всех ног. Кроме девичьей чести, она могла потерять и кое-что посущественнее: в ее потертом рюкзаке лежал бархатный футляр с бриллиантовым колье, который она только что выкрала из сейфа одного богатого сеньора. И надо же было именно сейчас натолкнуться на ночных хулиганов, вышедших на улицу в поисках развлечений!

Парни были настроены решительно: грохот их тяжелых ботинок за спиной недвусмысленно сообщал о погоне. Девушка метнулась к ближайшему подъезду, но входная дверь оказалась заперта кодовым замком. Подбирать пароль не было времени, и Фабиола бросилась к следующему подъезду. Здесь ей повезло больше: какой-то доброжелатель, да поможет ему Дева Мария, накорябал рядом с панелью замка четыре заветные цифры. Быстро набрав код, Фабиола потянула на себя тяжелую дверь и нырнула в сырое нутро подъезда, успев заметить, как во двор вбежали ее преследователи.

Фабиола с досадой чертыхнулась и припустила вверх по лестнице. Разумеется, они

заметили, где она скрылась. Теперь им хватит минуты, чтобы найти записанный на двери код и войти внутрь. Появись они во дворе мгновением позже, она бы успела проскочить, и хулиганы, в растерянности повертев головами, покинули бы тихий дворик. А она бы выждала полчаса для верности и продолжила свой путь домой. Сейчас же парни еще больше распалились, почувствовали вкус погони и не оставят ее. По их представлению, она сама загнала себя в ловушку. Другого выхода из подъезда нет, значит, они настигнут ее здесь. Кричать и звать на помощь жителей и полицию в ее-то положении, с ворованным колье в рюкзачке, равносильно самоубийству. В конце концов, уж лучше потные руки хулиганов и несколько тошнотворных минут, чем тюремные нары и годы заключения. Впрочем, учитывая, какого человека она сегодня обворовала, до тюрьмы ей не дожить. У сеньора Б. в городе все схвачено, и уж он-то сам захочет разобраться с дерзкой девчонкой, посмевавшейся вскрыть его сейф и украсть фамильные драгоценности...

Но у нее еще есть шанс спастись. Пока ее преследователи перебежали двор, выискивали надпись и набирали цифры на домофоне, Фабиола, припадая то к одной, то к другой двери, искала себе укрытие. Шансы на спасение таяли с каждой минутой. В поздний час все жители были дома. Из-за закрытых дверей доносились крики младенцев, ругань супругов, приглушенное бормотание телевизора.

Фабиола взбежала на площадку четвертого этажа, когда внизу грохнула дверь, впуская в подъезд ее преследователей. Времени на раздумья уже не оставалось. Быстро оглядев двери на площадке, она в отчаянии бросилась к одной из них. Припала ухом — из квартиры не доносилось ни звука. А может, их просто не было слышно из-за шагов, которые гремели по лестнице, с каждой секундой приближаясь к ней. Фабиола выдернула из заколотых волос шпильку-отмычку и просунула ее в замочную скважину. Волосы тяжелой волной упали на лоб и плечи. Фабиола нервно сдула прядь со лба и провернула отмычку. Замок отозвался спасительным щелчком, и, навалившись на дверь, девушка попала внутрь. Шаги грохотали совсем близко. Фабиола быстро заперла замок и воровато оглянулась: квартира, в которую она проникла, выглядела темной и пустой. Небольшая студия: тесная прихожая ведет в гостиную с телевизором и большой кроватью. Разглядеть ее толком девушка не успела: на площадке послышались шаги, и ее преследователи остановились на этаже.

— Где она?

— Я уверен, она скрылась где-то здесь!

Стараясь не дышать, Фабиола прильнула к дверному глазку и чуть не вскрикнула. Один из преследователей, мрачный крепыш с низким лбом и глазами бульдога, смотрел прямо на нее. Точнее, на дверь, которая их разделяла. Двое других, как вороны, кружили по площадке, переходя от одной двери к другой. Всего на площадке было четыре квартиры. Но парень с бульдожьим взглядом, который был в тройке главным, каким-то особым нюхом опознал именно ту дверь, за которой скрылась она...

Фабиола еле слышно, как мышка, попятилась назад, словно боясь, что хулиган может почуять ее запах. Какие глупости! Здесь она в полной безопасности. Не будет же он взламывать дверь. Тем более он даже не уверен, что она скрылась за нею. Сердце колотилось как бешеное. Даже когда она подбирала код к сейфу сеньора Б., она так не волновалась. Все хорошо, мысленно успокаивала себя Фабиола, медленно отступая назад, я здесь в полной безопасности, в полной безопасности, в полной... Мысль напоролась на острие ножа, которое уткнулось в бешено колотящуюся жилку на шее.

— Ты кто такая? — прозвучал ледяной мужской голос за спиной. — И как ты сюда попала?

Сердце камнем ухнуло вниз. Она все-таки ошиблась в выборе квартиры. И еще как ошиблась! Интуиция, всегда срабатывавшая с сейфами, на этот раз дала осечку и привела ее прямоком в логово людоеда. Из огня да в полымя. Еще неизвестно, что хуже — вытерпеть глумливую ухмылку на лице крепыша с бульдожьим взглядом или взглянуть в глаза обладателю этого ледяного голоса. Судя по тону, незнакомец не просто не рад ей, он уже мысленно перерезал ей горло и похоронил в лесу под Барселоной. Если у нее и остался шанс

выжить, то только сейчас, пока она еще не видела его лица и его глаз. После будет поздно. Живой ее незнакомец не выпустит.

— К стене! — Острие впилося в кожу, подталкивая вперед.

Фабиола повиновалась этому требовательному, неумолимому голосу: вжалась в стену, подняла руки, расставила ноги. Сильные ладони профессионально ощупали от макушки до кедов. Лезвие ножа мотыльком протанцевало по ее телу, выбило из пальцев зажатую шпильку.

— Они послали убийцу со шпилькой в руке? Забавно, — отрешенно прозвучал голос.

На площадке в это время послышалась возня. Хулиганы звонили в дверь соседней квартиры и требовали выпустить их сестренку, которая закапризничала и сбежала.

— Меня никто не посылал. Я убегала от них, — выдохнула Фабиола, не оборачиваясь. — Они погнались за мной, и я... я просто не знала, как спастись.

— Поэтому ты решила вскрыть первую попавшуюся квартиру и переждать здесь? Интересно.

Сердце Фабиолы продолжало бешено колотиться, а от голоса незнакомца, говорившего на ее родном языке с легким акцентом, ее окатило жаром.

С площадки донеслась раскатистая ругань. Потрявоженный сосед обещал вызвать полицию, если хулиганы не угомонятся. Дверь захлопнулась, Фабиола вся обратилась в слух. Замер и незнакомец, по-прежнему не отнимая ножа. Только теперь он держал его не у шеи Фабиолы, а упирал в бок.

Хулиганы потоптались, но не ушли. Дверной звонок прозвучал как выстрел. Фабиола испуганно дернулась, и острие ножа вспорол ветровку, полоснуло майку и вскользь прошло по коже. От боли девушка вскрикнула, а дверной звонок еще больше завибрировал, по двери заколотили кулаки.

— Открывай, сестренка! Мы знаем, ты здесь.

Незнакомец с досадой чертыхнулся, убрал нож и велел:

— Жди здесь.

Шаги босых мокрых ног застучали по полу, и Фабиола, зажимая рукой неглубокий порез на талии, обернулась. Незнакомец, державший ее на острие ножа, был гол. Спортивный торс с широкими плечами обнажен, а бедра обернуты баннным полотенцем. Судя по всему, в тот момент, когда Фабиола открывала замок, он принимал душ. А когда она вошла внутрь, он как раз закончил водные процедуры. Поэтому она не услышала шума воды, а он уловил шорох в комнате и не стал выдавать своего присутствия, застал ее врасплох, подкравшись со спины.

Мужчина положил руку на замок, и сердце Фабиолы ухнуло вниз. Что он делает? Он отдаст ее им? Ну конечно! Какое ему дело до девчонки, которая пробралась в его квартиру! Это не его проблемы, а только ее.

Дверь открылась вовнутрь, и парень с бульдожьим взглядом, колотивший в нее все это время, по инерции влетел за порог.

— А, вот и ты, крошка! — Отыскав глазами Фабиолу, он удовлетворенно ухмыльнулся и подался к ней.

От его ухмылки Фабиолу резко затошнило, и она отступила к стене, чувствуя, как ее бьет дрожь.

Но дальше порога крепыш не попал: уткнулся в мощное плечо незнакомца.

— Амиго, — начал крепыш, поднимая глаза, — не лезь в это дело. Это наша сестричка, она...

Тут крепыш встретился взглядом с мужчиной, преградившим ему путь, и с его лица мигом стерлась мерзкая ухмылка, а от кожи отхлынула вся кровь. Он отпрянул за порог, к облегчению Фабиолы скрывшись из ее виду.

— Чтобы духу вашего здесь не было, — ровным тоном произнес мужчина. Казалось, его ничуть не смущает, что он стоит перед незнакомыми парнями в одном полотенце и с голыми руками. По его поведению хозяина положения можно было подумать, что у него в

руках как минимум пистолет, а как максимум — банда преданных головорезов за спиной. — И забудьте о девушке. Тронешь ее хоть пальцем — убью. Понял?

Из-за двери донесся сдавленный скулеж.

— Понял? — с нажимом повторил мужчина.

Фабиола не могла этого видеть, но она живо представила себе, как горбятся под властным взглядом незнакомца ее преследователи, как отводят глаза, не в силах его выдержать. Интересно, какого цвета у него глаза? Стальные, как лезвие ножа, которое пробороzdило ей бок? Угольно-черные, как темнота на дне глубокого колодца? Карие, как опаленное молнией дерево? Ей нельзя их видеть, никак нельзя, вспомнила она. Пока она не видела его лица, у нее еще есть шанс спастись, потом уже не будет.

Поздно.

Дверь с хлопком закрылась. Проехавший по двору автомобиль осветил силуэт мужчины, похожий на статую атланта у входа в поместье сеньора Б. Только этот атлант был живым и... мокрым. Вспышки фар выхватили из темноты густые темные волосы, влажные от воды, высокий лоб, упрямый подбородок, легкую щетину на лице. И Фабиолу вдруг покинул страх. Она любила красоту во всех ее проявлениях, будь то сияние бриллиантов, ограненных рукой гениального ювелира, как те, которые лежали сейчас в ее рюкзачке, валявшемся у стены, или брутальная красота мужского лица, на миг освещенного фарами авто. От рук такого мужчины и умереть не жалко.

Он что-то спросил у нее, но она не поняла.

— Что?

— Я тебя сильно задел? — повторил он, зажигая светильник у входа, и в невозмутимом спокойствии его низкого голоса завибрировала едва заметная нотка тревоги.

Фабиола отняла от раны мокрую ладонь. Та была в крови. В глазах помутилось, откуда-то сбоку метнулась темная тень. Подняла глаза — и споткнулась о взгляд мужчины. Цвета глаз и не разобрать — в нем мечутся шаровые молнии, извергается ливнем грозовое небо и гремит гром. Из его плотно сжатых губ вылетает короткое слово.

— Что? — не понимает Фабиола.

Его ладони легли ей на плечи, сорвали куртку, задрали пропитавшуюся кровью майку.

— Ерунда. Царапина. — В голосе слышится облегчение. — Жить будешь. Иди. — Он подтолкнул ее к двери в ванную. — Приведи себя в порядок.

На ватных ногах Фабиола добралась до ванной, закрыла дверь на задвижку, без сил прислонилась к прохладному кафелю. Жить будет? Так он ее отпустит? Этот таинственный мужчина, который умеет подкрадываться как тень и обращает в бегство хулиганов одним своим взглядом? В чью же квартиру ей не повезло забраться? Это даже не мафиози Б., это боец высшего класса. Фабиола задрала майку, схватила чистое полотенце, лежащее у раковины, смочила его водой и обтерла кровавые подтеки. Порез получился неглубоким и уже не кровоточил. Незнакомец прав, волноваться не о чем...

Взгляд Фабиолы упал на корзину с бельем, с которой она взяла полотенце, и ее обдало как огнем. Внутри была смятая мокрая футболка. Абсолютно черная, но пятна на ней были не от воды и не от пота. Воровато оглянувшись на дверь, Фабиола наклонилась к корзине и вытащила влажную футболку. Пятна были липкими, а кончики пальцев запачкались алым. Кровь!.. В ушах застучали барабаны, к горлу подкатил комок тошноты. Футболка выскользнула из пальцев прямоком в корзину.

Фабиола поспешно закрыла крышку, положила сверху полотенце и склонилась над раковиной, зачерпывая в ладони ледяную воду и умывая ею лицо. Кто же он, мужчина в комнате? Кровь не его. Она видела его обнаженное тело, и на нем не было ни царапины. Может, он киллер, только что вернувшийся с задания? Чепуха. Холодная вода действовала отрезвляюще, и Фабиола отвергла эту версию. Киллер убивает на расстоянии из снайперской винтовки. В крайнем случае расстреливает из пистолета в упор. Но ни в том, ни в другом случае одежду кровью не запачкаешь так, что ткань полностью пропитается. Быть может, он маньяк-убийца, разрезающий жертв на мелкие кусочки? Да нет, не могут у маньяка быть

такие умные, пронизательные глаза... А что, если он агент ФБР? И только что вернулся из какой-нибудь перестрелки с преступниками? Это объясняет и его мгновенную реакцию, и владение собой, и то, как он обратил в бегство хулиганов. А на полу у входной двери лежит ее рюкзачок, а в нем кольцо стоимостью триста тысяч долларов! Надо срочно забрать его оттуда, пока он не увидел.

Фабиола метнулась к двери и застыла на пороге. Напротив ванной стояла кровать, а на кровати валялось в беспорядке содержимое ее рюкзачка. Мужчина, уже успевший надеть джинсы, стоял у письменного стола и, включив лампу, разглядывал футляр с бриллиантами.

— А ты не так проста, как кажешься. — Он поднял на нее глаза. — Да, сеньорита?

Фабиола испуганно сглотнула. В глазах, цвета которых она так и не смогла разобрать, сейчас извергалась вулканическая лава и полыхал пожар, приравниваемый к стихийному бедствию. Она пропала.

— Не бойся, я не агент ФБР, — усмехнулся он, словно читая ее мысли. — И мне нет никакого дела до того, у кого ты украла эти драгоценности. Ведь эти парни преследовали тебя не из-за них?

Фабиола замотала головой.

— Я так и думал.

Он закрыл футляр и кинул его ей. Фабиола механически поймала.

— Хорошая реакция, — похвалил он и равнодушно добавил: — Что ж, ты можешь идти.

Фабиола не двинулась с места. Он понял ее замешательство по-своему.

— Этих парней можешь не бояться. Они тебя не тронут.

В комнате повисла томительная тишина. Незнакомец выжидающе смотрел на Фабиолу, та беззастенчиво разглядывала его. Несмотря на свои девятнадцать лет, Фабиола имела немалый опыт в отношениях с мужчинами. У нее были мелкие жулики и виртуозные авантюристы, которые научили ее своему мастерству, заносчивые банкиры и скучные дельцы, впоследствии становившиеся ее жертвами. Был даже один напыщенный граф, который страшно гордился своими фамильными драгоценностями. И, к чести Фабиолы, надо сказать, что коллекция эта на момент расставания с графом, оказавшимся редким занудой и скупердяем, значительно поредела. Иногда Фабиола влюблялась — страстно и «на всю жизнь». Обычно этот период не длился больше двух недель. Но это время было ослепительным фейерверком, извержением вулкана, ярким веселым карнавалом, а ее избранниками становились молодые амбициозные артисты, неизвестные музыканты, непризнанные художники. Всех их объединяло одно — внутри их полыхал костер, такой же, как в душе у самой Фабиолы. Но такого мужчины, что стоял перед ней сейчас (сильного, смелого, властного и смертельно опасного, в глазах которого полыхает не просто костер — целый пожар), у нее не было никогда. И не будет никогда впредь. Есть только эта ночь и этот шанс почувствовать, каково это, когда два пожара сходятся вместе.

— А если я не хочу... идти? — надтреснутым голосом спросила она.

Пожар в глазах мужчины вспыхнул так ярко, что Фабиола на миг испугалась, что он выплеснется наружу и сожжет и эту комнату, и весь этот дом, и целый квартал вокруг.

— Что ж, — он усмехнулся, — тогда ты можешь остаться.

Они шагнули друг к другу одновременно, столкнулись, словно выброшенные на берег волной, и, чуть коснувшись руками, отпрянули в стороны. Прикосновение пальцев взорвалось молнией. Неловко улыбнулись друг другу — разве могло быть иначе? Он погладил ее по щеке. Эта скупая ласка скользнула по коже огненной саламандрой и, казалось, навсегда впечаталась в нее, оставив след. Но это уже было неважно. Фабиола согласилась бы сгореть в инквизиторском костре наутро, лишь бы только провести эту ночь с ним. Эта ночь будет вспышкой молнии, ударом грома, столкновением стихий, которое непременно обернется ураганом.

А глаза у него серые, успела заметить Фабиола, прежде чем нырнуть в пожар его ищущих губ. Серые, как пепел над Помпеями.

Вечерняя Прага завораживала блеском огней. Цепочки уличных фонарей были похожи на драгоценные ожерелья. Подсвеченные фасады самых красивых зданий и храмов было видно издалека. Их светлые силуэты выступали из мрака сказочными дворцами, на устремленных ввысь верхушках трепетали крошечные огоньки, и казалось, что на шпильки нанизаны звезды. Деревья вдоль оживленных улиц были наряжены в искрящиеся гирлянды, и можно было представить, что на ветвях, припорошенных снегом, расположились тысячи светлячков.

Ночной наряд современной Праги произвел впечатление и на Вацлава. Он признался, что во времена его молодости город был освещен лишь тусклыми уличными фонарями.

Мы ехали вслед за Фабиолой мимо зазывно светящихся окон ресторанов и завораживающих витрин модных магазинов. Беззаботные туристы сновали по улочкам, то заходя в сувенирную лавку, то соблазняясь на кружечку знаменитого чешского пива в одной из пивной. Мимо одной из них, «У Флеку», мы как раз проезжали. И я заметила, как Вацлав на миг отвлёкся от дороги, повернув голову и рассматривая двухэтажное желтое здание, довольно неказистое в сравнении с живописными пражскими домами, но выглядевшее старинным. Любопытно, что его могло заинтересовать? Таким взглядом обычно рассматривают памятные места прошлого. Но мне было трудно представить Вацлава, пропускающего кружку пива в подобном заведении. Хотя сама я бы не отказалась сейчас заскочить внутрь. К пиву я равнодушна, но побывать в Праге и не отведать знаменитого чешского пива — большое упущение.

У входа стояла веселая толпа туристов, до меня донеслась громкая русская речь. Счастливые! Им не надо никого выслеживать, они приехали в Прагу отдыхать. Когда мы поравнялись с входом, оттуда как раз вывалилась компания изрядно захмелевших приятелей, и Вацлав разве что шеей не свернул, словно пытался заглянуть внутрь пивной.

— Знакомые места? — поддразнила я его.

Реакция Гончого меня ошеломила: он вздрогнул, словно я уличила его в чем-то постыдном, и, пробормотав что-то невразумительное, устоялся на дороге, демонстрируя полное безразличие к пивной.

«У Флеку» осталась позади, и вскоре мы свернули на улицу, ведущую к нашему отелю. Фабиола припарковалась первой, оставив машину неподалеку от входа. Когда она скрылась за дверями отеля, я шевельнулась, собираясь выйти, но Вацлав неожиданно удержал меня за плечо:

— Мы останемся здесь.

— Что, даже не поужинаем? — Я недовольно нахмурилась.

— Я уверен, Фабиола скоро появится. Она сделает это сегодня ночью.

— Почему ты так уверен? Она тебе записку написала?

— Просто я ее знаю. Она не любит ждать.

И все, больше никаких дополнений и объяснений.

Что ж, я угрюмо отвернулась к окну: все равно все узнаю. Не люблю неопределенности.

Мы прождали почти три часа. Фабиола чудесно, наверное, успела провести время в ресторане и распробовать все имеющиеся в наличии кнедлики. Я вся извелась от скуки в отсутствие «Космополитана», телевизора и ноутбука с выходом в Интернет, который остался в номере. Кажется, я успела выучить наизусть все завитушки фасада дома, у которого мы припарковались, и умирала от голода, но не показывала своего раздражения. Во многом потому, что сам Вацлав был спокоен, как пульс покойника. Только неотрывно смотрел на входные двери отеля, чтобы не упустить появления Фабиолы. Похоже, ситуация была для него будничной и за долгие годы работы Гончим он привык к длительной слежке, которая меня уже сводила с ума. Не добавляла безмятежности и близость Вацлава, которая искушала, заставляла кровь шампанским бурлить в венах и будила во мне нескромные желания... Вспомнилось, как он поцеловал меня в подвале, где меня держали парижские Гончие. Что

это было? Признание? Или утешение? Или глупость, за которую он винит себя? Ненавижу неопределенность. Не могу больше делать вид, что все забыла. Хочу выяснить все сейчас.

И вот уже, поддавшись этому искушению, я стремительно повернулась к Вацлаву. Подалась к нему всем телом, стремительно сокращая расстояние между нами. Зрачки Вацлава расширились, а глаза сделались совсем черными, как в ту ночь в парижском подzemелье, когда он меня впервые поцеловал. Это придало мне смелости, и я кинулась в поцелуй, как в море с разбега. Наши губы встретились на короткий миг, и меня захлестнуло волной желаний. Соприкосновения губ было слишком мало. Хотелось обнять его всего, сплестись с ним всем телом. Продолжая целовать, я прижалась к нему грудью, коснулась щеки Вацлава ладонью, укололась о щетину и обожглась, внезапно осознав, что не чувствую ответной ласки... Я отшатнулась, и меня словно выбросило на берег сильной волной, больно приложив о камни и оглушив.

Я вынырнула из этого поцелуя, чувствуя себя коварной русалкой, влекущей на дно доброго молодца.

Вацлав ошарашенно смотрел на меня, его губы наливались краской от моего страстного поцелуя, а мои щеки запылали от стыда. Что я натворила? Что себе навоображала? Зачем все усложнила? И как теперь смотреть в глаза Вацлаву, который не знает, куда деться от моей внезапной вспышки страсти?

— Извини, — сдавленно пробормотала я, отстраняясь, — не знаю, что на меня нашло...

Но он не дал мне сбежать, не дал договорить свои нелепые извинения. Порывисто наклонившись ко мне, вжал меня в спинку сиденья и припал ко мне жадным ртом. Его руки нырнули под курточку, до боли стискивая ребра, так что мне стало нечем дышать, а поцелуй неистовым пожаром жег губы, словно стремясь выплеснуть весь огонь, который полыхал в сердце Вацлава и о котором я даже не подозревала. Поцелуй не был нежным, это была ласка на грани боли, которая рождала стон. И я впервые в жизни поняла, что страсть, которая обжигает, это не просто слова. А пальцы Вацлава тем временем ловко освободили мои волосы от краба и нежно разворошили их, распустив по плечам. Не прерывая поцелуя, Вацлав обхватил меня за шею, нащупал застежку молнии на куртке. Его руки ловко освободили меня от куртки, пробрались под свитер, заставляя меня задыхаться от желания, шептать его имя и самой выгибаться навстречу его нетерпеливым пальцам, уже добравшимся до молнии джинсов. И нам было уже наплевать на прохожих, которые куда-то спешили по своим делам, и на Фабиолу, которая собиралась ограбить самый охраняемый музей Праги...

— Жанна, Жанна!

Кто-то тряхнул меня за плечо, и я открыла глаза. Надо мной склонился Вацлав, и я невольно подалась к нему, желая продолжения прерванной ласки, но осеклась при виде его настороженного взгляда.

— Кошмар приснился? — сочувствующе спросил он. — Ты стонала во сне.

С меня мигом слетели остатки сладкой дремоты. Вспыхнув, я откинулась на кресле, радуясь тому, что в сумерках мои стыдливо заалевшие щеки не видны. И особенно тому, что мои страстные стоны Вацлав списал на счет кошмара. Хотя он слишком воспитан для того, чтобы поржать над тем, что мне приснился эротический сон. Наяву я вся продолжала гореть от тех ласк, которые мне привиделись, и хотелось прижаться лицом к холодному стеклу, чтобы снять этот жар.

— Долго я спала? — сконфуженно пробормотала я.

Вацлав пожал плечами. Понятно, ответа от него не добьешься. Надеюсь, что во сне я не выгибалась дугой и не шептала его имя. Стыд-то какой! Я глянула на наручные часы. Ничего себе! Уже четверть первого!

— Тебе не кажется, что Фабиола уже не... — начала я, желая убедить его в тщетности слежки и уговорить отправиться в отель, чтобы нормально выспаться.

Но Вацлав перебил меня:

— А вот и она!

Действительно, из дверей отеля выпорхнула гибкая черная фигурка и уверенно направилась к припаркованной машине.

— Пристегнись! — коротко бросил Вацлав, заводя мотор. — Начинается самое интересное.

*Фабиола
Год назад
Корсика*

Все оказалось даже проще, чем она рассчитывала. Музей она знала как свои пять пальцев, но навороченная система охраны внушала опасения в успехе мероприятия. Однако ее маленькая сообщница, белая мышка, купленная в зоомагазине, помогла обойти и эту преграду. После того как машины полиции четырежды срывались на зов сигнализации, систему было решено отключить. Четыре бравых офицера заняли пост у витрины с легендарным красным алмазом, не подозревая о том, что за стеклом уже лежит подделка. А Фабиола, скрывшаяся в вентиляционном люке, смогла спокойно покинуть музей через служебный вход.

Выбравшись за ограду, она перекинула рюкзачок через плечо и весело зашагала налево по переулку. Пойди она направо, уперлась бы в фонтан на площади перед музеем. Налево же ее ждала тихая улочка со спящим жилым кварталом, где в такое время не было видно ни души. Что может быть лучше для девушки, которая мечтает остаться невидимкой?

Все складывалось самым замечательным образом. Интуиция не подвела и на этот раз. Вот только какой-то идиот перегородил выход из переулка своей пижонской тачкой. Такая же была у ее недавнего приятеля Винченцо, на память о романе с которым она, без ведома того, оставила себе картину одного знаменитого художника. Винченцо все равно не имел ни малейшего представления о ее истинной ценности: он повесил «мазню» у входа в туалет и в конечном счете погубил бы произведение искусства. Можно сказать, что Фабиола спасла творение мастера. В ее руках полотно задержалось недолго, и она безо всяких сожалений продала его страстному ценителю живописи, отвалившему за нее целое состояние. Сорвав такой куш, Фабиола могла бы на несколько лет осесть в домике на берегу Таиланда и ни о чем не думать. Но, когда она уже выбирала себе один из многочисленных тайских островов, колеблясь между Краби, Самуи и Чангом, в новостях передали, что в корсиканский музей везут легендарный алмаз «Красная принцесса», известный своим редким рубиново-красным цветом. Фабиола прильнула к голубому экрану, на котором директор музея соловьем разливался о суперсовременной охранной системе, взломать которую не под силу никому на свете. Ох зря он это сказал! Райские острова Таиланда тут же отошли на второй план, а в глазах Фабиолы загорелся азарт. Захотелось во что бы то ни стало доказать прилизанному франтику, что он глубоко ошибается. Впрочем, ему это позволительно. Он же не знает, что перед ней, Фабиолой, нет закрытых дверей. Еще не знает.

И вот сейчас, неся в рюкзачке знаменитый алмаз и чувствуя, как за плечами разворачиваются крылья, Фабиола уже предвкушала, как наутро купит билеты в Бангкок. Сегодняшний трофей она пока припрятет от всего мира в своем укромном сейфе. Для камня с пятивековой историей пара-тройка лет ничего не значит. А когда страсти вокруг кражи поутихнут, тогда-то она и подыщет алмазу нового владельца. Пока же она уходит на длительные каникулы и оставит авантюрные приключения ради безмятежного валяния на пляже. А остров можно выбрать и по прибытии. В конце концов, у нее впереди вся жизнь, чтобы объехать все острова Таиланда.

Все было хорошо, все было просто замечательно. Если бы еще не этот придурок, перегородивший выход из улочки. Ну да ничего! Если надо будет, она взберется на крышу крутой тачки, станцует на ней победную тарантеллу и продолжит свой путь.

Фабиола была уже в трех шагах от машины, когда внезапно сбоку раздался щелчок зажигалки, и сноп искр осветил лицо прислонившегося к стене человека. На миг Фабиола остоленела, убежденная, что это засада и ее поймали с поличным. Сердце пропустило удар,

сжавшись в предчувствии катастрофы. Но мужчина не выглядел как полицейский. Он был одет в дорогой костюм, на запястье блеснул настоящий «Ролекс», да и стрижка была слишком безупречной, а лицо — аристократичным, чтобы принадлежать тупому копу. Успокоившись, Фабиола призывно улыбнулась. Незнакомец вполне мог принести дополнительные дивиденды в ее золотой запас, да и собой он был весьма хорош в отличие от ее последнего любовника, банкира с рыхлым пивным животиком и лошадиной челюстью, единственным достоинством которого был набитый золотыми слитками сейф.

Мужчина по-прежнему держал зажигалку горящей, но не пытался прикурить, а только молча разглядывал Фабиолу жадным, голодным взглядом. Этот взгляд окончательно убедил девушку в том, что перед ней не переодетый коп. Так смотрят не на подозреваемую, не на преступницу, не на воровку, так смотрят на красивую и желанную женщину.

— Иди сюда, — тихо позвал он ее по-французски, затушив зажигалку, и она порывисто шагнула в тень, повинувшись его зовущему взгляду.

От него пахло дорогими духами, красивой жизнью и счастьем. Фабиола никогда не задумывалась, как пахнет счастье, но теперь она впервые ощутила его аромат — тягучий, сладкий, пьянящий. Он властно притянул ее к себе, и его руки на удивление равнодушно скользнули по ее обтянутым джинсами крутым бедрам и упругой груди под тонкой тканью майки. Зато они надолго задержались на шее, лаская ее так, словно она была нежнейшим шелком, и Фабиола чуть не замурлыкала от удовольствия, доверившись этим сильным ласковым пальцам. Мужчина наклонился к ней, и по ее шее затанцевал холодок его мятного дыхания. Захотелось поймать его губами, вдохнуть всей грудью, но, когда она потянулась к нему с поцелуем, незнакомец мягко отвернулся, продолжив выписывать морозные узоры на ее шее. Что ж, если ему так нравится...

Фабиола совершенно разомлела от его утонченных ласк. Рюкзачок с драгоценным камнем выпал из дрожащих пальцев, тело льнуло к мужчине, моля о любви. Внезапно мятное дыхание сгустилось до холода металла и кольнуло кожу сталью, вернув в тот далекий, но такой памятный вечер, когда она, удирая от хулиганов, попала в квартиру мужчины с пожаром в глазах. Скосив глаза, Фабиола увидела приставленное к горлу острие кинжала.

— Что ты делаешь? — пролепетала она, от страха переходя на родной язык.

— Заткнись, — прорычал мужчина уже по-испански и по-звериному оскалился.

Маньяк, в панике поняла Фабиола. Он ее сейчас прирежет, этот стильный холеный красавец в дорогом пиджаке от Армани, и глазом не моргнет. И не будет уже ни закатов на морском берегу, ни шепота волн, ни гамака между пальмами, ни сока из кокоса...

— Послушай, — горячо зашептала она, — отпусти меня. В моем рюкзаке алмаз ценой в целое состояние. За него можно выручить больше миллиона!

— Заткнись! — повторил он, и лезвие прочертило кожу Фабиолы. От вида крови глаза его сделались совершенно безумными, он припал к ее шее и жадно втянул рану губами. В тишине спящего квартала слышалось алчное лакание. У Фабиолы подкосились ноги, когда она поняла, что он пьет ее кровь. Маньяк, убийца, кровосос...

Внезапно он оторвался от нее и повернул голову. Со стороны музея сквозь грохот барабанов в ушах до Фабиолы донесся вой сирен. Сквозь сумрак беспамятства где-то вдалеке промелькнули сигнальные огни.

— Что за черт? — раздраженно выругался убийца.

— Это алмаз, — полуобморочно прошептала Фабиола, — я выкрала его из музея. Наверное, пропажу обнаружили.

— Ты выкрала из музея «Красную принцессу»? — Он так и впился в нее глазами.

— Ну да. — Она торопливо кивнула на рюкзачок у ног. — Он там. Забирай его, только не трогай меня.

— Пошли! — Он с силой схватил ее за руку, поднял с земли рюкзак и поволок ее к машине. — Надо отсюда сматываться.

— Пожалуйста, оставь меня, — взмолилась Фабиола.

— Ты хочешь, чтобы тебя здесь обнаружила полиция?

Фабиола беспомощно обвисла в его руках. Ею овладела такая слабость, что сама она и шагу ступить не могла. Что будет, когда представители полиции обнаружат ее здесь с набором отмычек на поясе? И как быстро они выяснят, что ее разыскивает Интерпол за кражу одной из картин Дали?

— Не бойся. — Маньяк втолкнул ее в салон машины. — Я тебя больше не трону. Но за это ты расскажешь мне, как тебе удалось взломать самый охраняемый на сегодня музей Франции. Как тебя зовут, гениальная крошка?

— Фабиола...

— А я Жан. И сдается мне, Фабиола, мы с тобой встретились неслучайно. Ты еще поблаговаришь судьбу за это!

Машина резко тронулась с места, но у Фабиолы уже не было сил возразить убийце — ночь навалилась на нее всей своей тяжестью.

Спустя два месяца вампиры чествовали свою новую сестру. Жан оказался прав — встреча с ним оказалась судьбоносной.

Фабиола пришла в себя в люксе роскошного отеля и до утра, как Шахерезада грозного шаха, услаждала слух недавнего убийцы историями из своей жизни. Жан пришел в восторг, восклицал, что она просто самородок и находка для них. В существование «их» Фабиола верить не хотела, но пришлось. Еще не зажила ранка на шее, из которой пару часов назад пил кровь ее собеседник.

Особенно он воодушевился, когда Фабиола поведала ему о своей интуиции, которая всегда подсказывала ей, за какие дела стоит браться, а за какие нет, и стойко оберегала ее от неприятностей: не раз спасала от полиции и дала сбежать прямо из-под носа Интерпола.

— Ну-ка, ну-ка. — Глаза вампира зажглись живым интересом. — И как давно у тебя проявилась эта интуиция? Вспомни, не связано ли это с какой-нибудь серебряной вещицей, которую ты себе присвоила, украв из музея или личной коллекции?

— Интуиция у меня с рождения, — оскорбленно возразила она. — А за серебром я никогда не гонялась. Мне больше по душе золото и драгоценные камни.

— Может, у тебя с рождения есть какая-то памятная вещица, доставшаяся от родителей? — не отступал Жан. — Серебряная монетка, серебряное кольцо, серебряный крестик? — Он жадным взглядом просканировал ее руки и задержался на шее.

Фабиола машинально натянула ворот футболки до подбородка, в панике глядя на вампира. При ярком свете он уже не казался таким неотразимым, как в сумраке переулка. Дорогая золоченая люстра с двенадцатью хрустальными рожками беспощадно высветила болезненные тени под глазами, как будто кровосос годами терзался бессонницей, а сухая бледная кожа вампира была похожа на пергамент, как у той старинной карты сокровищ, которую ей однажды довелось подержать в руках. Впрочем, черты лица его были довольно правильными и утонченными, если не считать тяжеловатого подбородка, придававшего ему хищный вид.

— Да ладно, — расхохотался он, — не бойся. Твоя кровь меня больше не интересует. Хотя она у тебя и сладкая...

Фабиолу передернуло.

— Привыкай, малышка. — Он насмешливо сощурился. — Ты ведь скоро станешь одной из нас.

— Никогда, — поежилась Фабиола.

— Станешь, — убежденно произнес Жан. — Куда ты денешься?

От его категоричности у нее мороз по коже пошел.

— Так, значит, нет у тебя никакого талисмана из серебра? — с разочарованием уточнил вампир. — А я-то уж решил, что одна из Серебряных Слез у тебя.

— А что это — Серебряные Слезы?

Вампир заговорил о них с таким почтением, что в душе Фабиолы зажегся профессиональный интерес.

— Я думаю, ты скоро сама их увидишь. И поможешь мне достать парочку из них, которые охраняются ничуть не хуже, чем тот алмаз, который ты сегодня увела из-под носа моего старого приятеля Луи. Ах как он мне на днях хвалился, что его музей неуязвим для воров.

— Директор музея — твой друг? — обомлела Фабиола.

— Не робей, малышка. — Вампир весело подмигнул ей. — Мы дружны не до такой степени, чтобы я выдал ему такое сокровище, как ты. Так что, поможешь мне добыть пару серебряных безделушек?

Фабиола с готовностью кивнула. Как же тут не помочь? А то ведь он и передумать может и сдаст ее своему другу Луи.

— Вот и умница. — Жан потрепал ее по плечу. — Будешь себя хорошо вести, я помогу тебе войти в наш круг. Обладательница интуиции, достойной Великого Лорда, не может владеть жалкое человеческое существование.

Ничего себе жалкое существование, мысленно возмутилась Фабиола. Да о жизни таких, как она, снимают кино и пишут книги. А она живет этой жизнью, полной опасностей, адреналина и захватывающих дух приключений.

Жан, как будто читал ее мысли, усмехнулся и сказал:

— Поверь мне, малышка, я знаю, о чем говорю. Тебя ждет еще более яркая и захватывающая жизнь в кругу лучших из лучших. — И добавил: — Ты сама Слеза Интуиции во плоти. Можно подумать, что по твоим жилам течет расплавленное серебро из Чаши Лорда.

Фабиола легко дала уговорить себя. Жан был весьма убедителен и вкрадчиво искусителен. Он надавил на ее больное место, и она признала его правоту. Век авантюристки недолог. Сейчас, пока ее тело гибко, суставы подвижны и реакция мгновенна, ей по силам любые дерзкие ограбления. Но потом тело начнет давать сбой, и тогда ей останется только разводить на деньги богатых папиков или выбрать из них наименее отвратительного и наиболее щедрого и заделаться достойной сеньорой. У Фабиолы уже сейчас скулы сводило от скуки. Она твердо знала: такая жизнь не для нее. Уж лучше пусть ее скрутит радикулит в двух шагах от вскрытой витрины с очередным алмазом и полиция поймает ее с поличным, а газетчики соловьем разольются о старухе-преступнице, чем она станет прозябать с постылым мужем и кучей докучливых родственников! Она любила удовольствия и азарт, риск и опасность, безумие ночей и огонь в крови — все то, что может предложить только разгульная молодость.

Жан предложил ей то, о чем она могла только мечтать: авантюру длиной на века, вечную молодость и вечный адреналин. Затею Жана обвести Совет старейшин вокруг пальца она тоже восприняла как приключение. Не задумываясь особо над тем, зачем ему это нужно, Фабиола согласилась, что ее кровным донором станет Жан, но для всех это останется тайной и ее официальным наставником будет считаться совсем другой вампир. Она не знала, как Жан провернул эту аферу, но восхищалась его талантом. Ее официальный донор при встрече тепло обнимал ее и, похоже, на полном серьезе считал своей приемницей.

Фабиола все собиралась выпытать у француза, как ему это удалось, но не успела — пришло известие о гибели Жана, тот не поделил что-то с московскими Гончими. Убиваться Фабиола не стала, но вылакала бутылку крови, запечатанной сургучом, которую ей подарил Жан, когда они обменялись кровью. Памятный подарок обернулся сильным отравлением, а когда Фабиола пришла в себя в отдельной палате вампирской клиники, на столике у изголовья лежал конверт, отправленный на ее имя. Последний привет от Жана.

По плану Вацлава мы должны были перехватить Фабиолу, когда она будет возвращаться с украденными драгоценностями. Вацлав объяснил, что кража из музея — преступление и по человеческим и по вампирским законам. Угроза разоблачения и передачи Гончим развяжет воровке язык, и она расскажет нам все, что знает, в обмен на наше молчание.

— А потом ты отпустишь ее с украденным? — любопытствовала я.

Вацлав уклончиво пожал плечами:

— Посмотрим.

Интересно, что бы это значило? Он настолько честен, что выполнит условия договора, даже заключенного с воровкой? Или он равнодушен к Фабиоле, поэтому готов пойти на уступки? Надеюсь, что не последнее.

Я не могла не восхищаться Фабиолой — внешне хрупкой и беззащитной, но при этом дерзкой и отважной авантюристкой. О таких, как она, снимают приключенческое кино с Пирсом Броснаном и Томом Крузом в роли мужчины-напарника. О таких, как я, снимают только комедии в духе «Шопоголика». Такие, как Фабиола, действуют. Такие, как я, плывут по течению и попадают во всякие неприятности. Надеюсь, поимка Фабиолы не станет очередной из этих неприятностей. И, что лукавить, если выбирать из нас двоих, на роль подружки Гончегго лучше подходит она — рискованная, бесстрашная, смелая.

Час назад Фабиола оставила машину в квартале от музея и дальше двинулась пешком по извилистой улочке — гибкая, пластичная, изящная, как черная кошка. На удивление Вацлав не замедлил скорости и вскоре обогнал Фабиолу. Мы выехали на дорогу, ведущую к музею. Там он припарковался рядом с другими машинами, так чтобы нам был виден выход из переулочка, а Фабиола не заметила нашу машину среди остальных. Вскоре показалась Фабиола. Она перешла дорогу к музею и свернула за угол, но Вацлава это не смутило.

— Подождем ее здесь. Мимо она все равно не проскочит. Будет возвращаться к своей машине этой же дорогой.

И вот теперь мы ждали, прислушиваясь к каждому шороху, провожая настороженным взглядом редкие машины и надеясь, что у Фабиолы все получится. Ведь она была нам нужна на свободе.

Проехавший мимо патруль осветил фарами припаркованные машины, и Вацлав наклонился ко мне, имитируя поцелуй и загораживая меня от полицейских. Я была бы не против, если бы он поцеловал меня по-настоящему, но его губы замерли в волнующей близости от моих. Так что я видела его потемневшие глаза и чувствовала его прерывистое дыхание. Его рука лежала на спинке моего сиденья, и со стороны, наверное, казалось, что он меня обнимает. Между нашими телами была только одежда и несколько сантиметров пространства. Мое сердце бешено заколотилось от этой внезапной близости, и перед глазами уже проносились картины поцелуев, которых я жаждала каждой клеточкой тела. Недавно виденный сон, казавшийся таким реальным, только подливал масла в огонь.

Патруль удалился, нам больше ни к чему было вводить в заблуждение пражских полисменов, однако Вацлав не торопился вернуться на место, и мне вдруг показалось, что он борется с желанием меня поцеловать. Но тут вдалеке за его спиной у ограды музея возникла черная фигурка.

— Фабиола, — выдохнула я, и Вацлав резко отстранился, откинувшись в водительском кресле.

Быстро осмотрев пустынные окрестности, он коротко скомандовал:

— Идем!

Гончий взялся за дверную ручку, и в этот момент тишину ночной Праги разорвал рев полицейских сирен, а темноту прорезали хаотичные лучи света.

Остолбенев, мы смотрели, как Фабиолу окружили десятки полицейских машин и лучи мощных прожекторов скрестились на ее фигурке, не давая возможности скрыться.

— Черт, — выругался Вацлав, — нас опередили.

— И что же теперь будет? — в замешательстве пробормотала я, глядя, как на Фабиолу надевают наручники и ведут к полицейской машине.

— Придется наведаться в местный Клуб. Хотя и очень не хочется. — Гончий досадливо поморщился.

— Они могут освободить Фабиолу?

— Они могут все, — отрешенно сказал Вацлав и приглушенно добавил: — Вопрос в

том, станут ли.

Глава 2 ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВАМПИРОВ

Уж лучше видеть человека мертвым, чем оказать ему неучтивый прием. Это, кстати, свойственно не только нам, вампирам, но и военным, генералам, даже королям.

Энн Райс. Интервью с вампиром

Женищина всегда должна быть готова к осмотру, досмотру и прочему форс-мажору.

Арина Ларина. Справочник по мужеводству

Я ожидала, что для знакомства с пражскими вампирами мы отправимся в какой-нибудь затерянный в извилистых улочках исторического центра закрытый ресторан или клуб, как это было в Москве, или выберемся за город в один из старинных замков, как это случилось в Париже, но действительность превзошла все ожидания.

Мы переехали через Влтаву, и впереди на возвышенности показались готические шпили старинного здания, выступавшего из-за простого вида домов, которые огораживали его словно забор. Высокое, грандиозное, пронзавшее золотистыми от освещения острыми пиками ночное небо и поражавшее своим масштабом, оно бы вполне подошло для резиденции местных вампиров, которые, как мне по дороге успел объяснить Вацлав, занимают особенное положение в иерархии Клуба. Многие коренные пражские вампиры были потомками королей. Последний из правивших вампирами единоличный властелин, последний лорд, был родом из этих краев. И легенда о Серебряных Слезах, в реальности которой я уже успела убедиться, вела начало именно отсюда. Прага была историческим центром невидимой людскому глазу вампирской империи. И хотя единого короля над вампирами не было уже долгие века, а Советы старейшин, существующие по всему миру, были равны в правах между собой, Пражский Клуб находился на особом положении. От него исходила инициатива новых реформ, именно он считался наиболее влиятельным отделением Клуба по всему миру. Недаром здесь был принят Пражский договор 1956 года, согласно которому строится наша сегодняшняя жизнь. А самое удивительное, на старейших участников Пражского Клуба не распространялось одно из важнейших правил — обязательная перемена места жительства раз в десять лет. Благодаря чему Совет старейшин Праги уже долгие годы пребывал в неизменном составе. На мой вопрос, как такое возможно, Вацлав сухо ответил, что я сама пойму, когда мы окажемся на месте.

Теперь же, когда мы переправились на другой берег, я ощутила, что мы все ближе к разгадке тайны. Неужели это здание, освещенное огнями так, что его видно с любой высокой точки Праги, — пристанище вампиров? И они совсем не боятся выдать себя?

— Пражский Град, — прокомментировал Вацлав, поворачивая к возвышенности. — А это, — он указал на готический силуэт здания, — собор Святого Вита.

— Местный клуб находится в соборе? — смутилась я.

Вацлав усмехнулся:

— Собор — одна из достопримечательностей Праги. Подумал, что тебе будет интересно на него взглянуть. А чтобы попасть в Клуб, нам придется спуститься под землю.

— В метро? — растерянно моргнула я.

— Хуже. В пражские подземелья.

Вацлав не шутил. И вскоре, оставив машину неподалеку от островка света, озарявшего Пражский Град, мы уже спускались в стылое нутро Праги, надежно скрытое от посторонних глаз и хранящее тайны вампирского клана.

Вход в подземелье был расположен рядом с туристической зоной, однако никто из многочисленных путешественников, прогуливающихся здесь в ясный полдень, не обратил

бы внимания на неприметную, почти сливавшуюся с кладкой невысокую нишу в стене одного из старинных домов. Навалившись на нее плечом, так что открылся тайный ход, ведущий вниз, Вацлав первым ступил внутрь, а затем поманил меня за собой.

Узкая винтовая лестница с крутыми ступенями освещалась лишь тусклым светом карманного фонарика, который включил Вацлав, а ее подножие тонуло во мраке. Невозможно было понять, как далеко уходит лестница и как глубоко под землю нам предстоит спуститься. Хорошо, что обута я в удобные мокасины, иначе бы переломала ноги на этой крутизне. Вцепившись в ладонь Вацлава, боясь потерять его в этой кромешной тьме и слушая его дыхание, я осторожно переставляла ноги и вспоминала вампирский ресторан «Подземелье», где мы бывали с Глебом. Ресторан находился под землей в самом центре Москвы, а вход в него был тщательно замаскирован, чтобы исключить появление посторонних. Но по сравнению с подземным ходом, в котором мы сейчас очутились, ресторан был расположен неглубоко, и уже наверху потайной лестницы чувствовались запахи еды, были слышны разговоры посетителей и пробивался свет из зала. В пражском же подземелье царил полнейший мрак, могильная тишина и пробирающая до костей сырость. Мы преодолели уже втрое больше ступеней, чем было на лестнице, ведущей в московский ресторан, а казалось, что ни на шаг не приблизились к убежищу вампиров — впереди по-прежнему ни огонька, ни звука, ни любого другого знака жизни. Вацлав уверенно двигался вниз, не подавая признаков беспокойства, а у меня уже изрядно ныли ноги от крутого спуска. Последний раз такую нагрузку я получала на занятии степ-аэробики, куда меня затащила за компанию неугомонная Сашка.

— Долго еще? — не выдержала я, и мой голос прозвучал неожиданно громко в мертвой тишине подземного хода, а последние слова эхом отразились от каменных стен: «Еще? Еще? Еще?»

— Почти пришли, — успокоил меня Вацлав, крепко сжав за руку.

В тот же миг камни угрожающе закрипели под его ногами, осыпаясь. Вацлав пошатнулся, пытаясь удержать равновесие и опереться о стену. Луч фонарика мазнул по низкому каменному потолку хода. А в следующий миг ступени обрушились, и мы кубарем покатались вниз под аккомпанемент моих истошных визгов.

Падение прекратилось так же неожиданно, как и началось. Оборвался на высокой ноте мой вопль, и вокруг воцарилась замогильная тишина. Еще мгновение назад в тело больно впивались обломки каменных ступеней, и вот уже я лежу на чем-то мягком, и руки нежно ощупывают меня, а голос с беспокойством уточняет:

— Ты цела?

Вацлав! Стоило скатиться с черт знает какой высоты, чтобы очутиться в его объятиях. Хорошо, что мы сейчас в кромешной тьме, и он не видит моих полыхающих щек. Я тянула с ответом, одновременно наслаждаясь робкой лаской его рук и борясь с соблазном соврать, что у меня растянуты связки или сломана нога, и представляя, как Вацлав будет мужественно тащить меня на руках по пражским подземельям. И ведь будет же! Если только он сам себе ничего не сломал! Вот же я эгоистка!

— А ты? — торопливо спросила я.

— Порядок, — неожиданно хрипло отозвался он.

Где-то наверху на лестнице хрустнул камень и сорвался вниз, но мы не шелохнулись, словно приклеенные друг к другу. Как будто эта кромешная тьма, в которой мы вдруг оказались, смела все запреты и условности. Были только он и я, его горячее дыхание и мои горящие губы, которые мечтали отыскать его лицо в сумраке. Не в силах сопротивляться этому желанию, я наклонилась к Вацлаву, успев подумать: «Похоже, целоваться в подземельях уже становится традицией». Вацлав подался мне навстречу, и я почувствовала нетерпеливую дрожь его рук, перехвативших меня за талию, слышала, как иод моей ладонью, лежащей у него на груди, выбивает барабанную дробь его сердце, а затем ощутила его прерывистое дыхание на своих губах. Так близко, что оно вот-вот станет одним дыханием на двоих, и голова закружится, как от глотка кислорода на вершине

Килиманджаро. Но внезапно щеку сковало арктическим холодом, и голос, звенящий, вибрирующий, оглушительно выкрикнул прямо над моим ухом:

— Вацек¹!

Я резко отпрянула от Вацлава, повернула голову и застыла от ужаса. Из крошечной тьмы на меня смотрело призрачное лицо белокурой красавицы с портрета, который Вацлав носил под сердцем и который я случайно обнаружила в потайном кармане его куртки, когда он был без сознания.

Руки Вацлава тем временем машинально попытались удержать меня. Всего лишь мгновение. Потом хватка ослабла, предоставляя мне свободу действий, и я поспешила скатиться на пол, на всякий случай подальше отползая от Гончего. Интересно, на что способен ревнивый призрак, заставший своего возлюбленного в обнимку с другой за мгновение до поцелуя? Еще не поздно нацарапать завещание на камне за спиной? Впрочем, у меня есть смягчающие обстоятельства: Вацлав меня так и не поцеловал. Или я его.

Призрак кружил рядом с Вацлавом, который поднялся на ноги. Белесые контуры привидения были хорошо видны даже в полной темноте. Ее грудь бурно вздымалась, пальцы нервно комкали подол длинного платья, по старой прижизненной привычке чуть приподнимая его, хотя споткнуться об пол ей уже давно не грозило: ведь она не ходила по нему, а плыла над ним. Мое сердце ревниво сжалось, когда девушка прильнула к Вацлаву и, что-то нежно мурлыча на незнакомом мне языке, обвила руками его шею. Гончий на мгновение будто оцепенел, и мне показалось, что он видит призрака и вот-вот попытается его обнять. Никогда в жизни я еще так остро не чувствовала себя третьей лишней. Но Вацлав вдруг содрогнулся как от сильного холода и шагнул сквозь призрака. И в тот же миг призрак исчез без следа.

— Фонарик разбился. — Вацлав раздраженно швырнул испорченный фонарь на пол и шагнул ко мне, уверенно ориентируясь в темноте.

Я вцепилась в его руку, протянутую мне, как в спасательный круг, и торопливо спросила:

— Ты найдешь дорогу?

— Конечно.

— Тогда пойдем скорее отсюда. Что-то мне не по себе.

Вацлав, помедлив, напряженно спросил:

— Что-то не так?

— Нет-нет. Все в порядке, — поспешно соврала я. — Просто тут как-то... жутко. — И на этот раз не покривила душой.

Вацлав уверенно двигался по запутанному лабиринту подземелья, без колебаний сворачивая то в один, то в другой коридор, в то время как я, крепко держа его за руку и ступая шаг в шаг, несколько раз не вписалась в поворот. Похоже, фонарик Вацлав прихватил специально для меня, так как ему самому в нем не было нужды. И теперь, оставшись без источника света, я чувствовала себя как слепой котенок. Хотя постепенно глаза стали привыкать к сумраку, и я начала различать темнеющие по бокам арки коридоров, очертания сундуков и антикварной мебели в неосвещенных залах, мимо которых мы проходили, нависающие над головой балки перекрытий и выступающие из стен железные кольца, очевидно служившие держателями для факелов, которые здесь уже лет сто как никто не зажигал.

— Почему здесь так глубоко? — тихо спросила я.

— Это самый низкий уровень подземелья, — пояснил Вацлав.

— А всего их сколько? — удивилась я.

— Этажей восемь. Раньше убежище вампиров находилось ближе к поверхности, но со

¹ Уменьшительный вариант чешского имени Вацлав.

временем пражские дома уходили под землю, и подземелье становилось все глубже. Из-за наводнений еще в четырнадцатом веке уровень улиц начали наращивать. Второй этаж домов использовали как фундамент для новых. Так что над нами сейчас целый подземный город, верхние этажи — это бывшие жилые дома и глубокие подвалы. Там иногда бродят любопытные — ищут легендарные клады и старых призраков.

Я вздрогнула. Видела ли я призрак невесты Вацлава на самом деле? Ведь раньше я призраков никогда не встречала. Духов сигаретной и компьютерной зависимости — это да (будь они неладны!), но ведь не привидений же! Как будто их не могло быть в Москве или в Париже. Но ведь не видела же! В нашу первую встречу, услышав от Ланы, что я вижу духов, Вацлав даже возил меня на место убийства вампириши Софии, в надежде, что я смогу поговорить с ее призраком и выяснить имя неуловимого преступника. Но и тогда все было тщетно. Хотя, как я знаю из кино, вероятность для потенциального медиума увидеть призрака близка к ста процентам, если человек погиб насильственной смертью. Так почему же я вижу призрака сейчас? И не кого-нибудь там, а именно погибшую любовь Вацлава?

Может, все дело в том, что я хорошо приложила голову во время падения с лестницы? Или галлюцинация — плод моего собственного воображения? Ведь какое-то время после того, как я обнаружила портрет в кармане куртки Вацлава, я считала, что не могу соперничать с умершей девушкой, что мне никогда не занять в сердце Гончего место той, кто владеет его мыслями уже почти два века. И только попав в Прагу и оказавшись так близко к Вацлаву, я уже не смогла бороться со своим влечением к нему и решила рискнуть. Вроде вполне логично, что за секунду до нашего поцелуя, подсознание выдало мне призрачный глюк, напоминая о прежней большой любви Вацлава и тем самым предостерегая от ошибки.

— Осторожно.

Я притормозила вслед за Вацлавом.

— Тут низко, — пояснил он, указывая на арку, в которую шагнул.

Я шагнула следом. И чуть не завопила от ужаса.

Мы оказались в довольно большом зале, очертания которого терялись в кромешной мгле. Я только видела, что по бокам навалены груды какого-то старья — металлолом вперемешку с тряпьем.

И над всем этим добром клубились призраки.

Много.

Десятки, если не сотни.

Онемев от страха, я затормозила и попятилась. Вацлав удивленно обернулся:

— Ты чего?

Он их не видит, поняла я. Все ясно. Я сошла с ума.

И тут призраки увидели меня. И поняли, что я вижу их. И хлынули ко мне, разом заговорив на множестве языков. И в лицо мне пахнуло арктическим холодом.

Не говоря ни слова, я развернулась и понеслась к выходу. По пути споткнулась о камень, выскочила за порог и обернулась с недобрый предчувствием. Вацлав остался там. А призраки уже стекались к арке и стремительно окружали его.

Я беспомощно смотрела, как фигуру Гончего заслоняет сперва одна призрачная субстанция, потом другая, третья. И вот я уже вижу Вацлава расплывчато, словно через несколько слоев полиэтилена. Призраки торопятся вслед за мной, устремляются к арке и почему-то не могут пройти сквозь нее, тщетно бьются о невидимую преграду. У меня вырывается вздох облегчения — спасена. Но уже в следующую секунду меня захлестывает волна тревоги — у них же Вацлав!

И, уже не заботясь о собственном спасении, я мчусь обратно. С головой ныряю в ледяной холод призрачных силуэтов, размахиваю руками, разгоняя призраков, — только те почему-то не исчезают от прикосновения, как призрак невесты Вацлава, а продолжают виться вокруг меня ледяными вихрями. Неожиданно вылетаю из этого неприятного водоворота и чуть не сбиваю с ног Вацлава. Он удерживает меня за плечи, с тревогой

смотрит в глаза:

— Жанна, что с тобой?

Я торопливо оглядываюсь. Вокруг нас — словно заколдованный круг, который не могут переступить призраки.

— Жанна... — Тревога в глазах Вацлава достигает апогея.

Я слабо усмехаюсь:

— Спроси уж прямо, не сошла ли я с ума.

— Ты что-то видишь? — внезапно спрашивает он.

И я не могу солгать.

— Я вижу призраков, — тихо признаюсь я. — Их здесь тучи.

Его рука стискивает мое плечо до боли.

— Так, — напряженно говорит он. — Было очень плохой идеей привести тебя сюда. Уходим сейчас же.

И тут за спиной Вацлава, на другом конце зала, язык пламени прорезает тьму. Призраки испуганно разлетаются по сторонам, уступая место главному из них. Высокий худощавый мужчина в старомодной одежде, несущий в руке факел, приближается к нам. Вацлав, увидев мой взгляд, оборачивается и торопливо закрывает меня спиной. Мужчина уже близко. Я вижу молодое привлекательное лицо с выразительными бровями, карими глазами, в которых отражается огонь, высокими скулами и узкой бородой, стекающей со щек к подбородку. Но почему-то не чувствую исходящего от него холода, наоборот, ощущаю тепло горящего факела.

— *Доброу ноц, Венцеслав*. — Мужчина изображает шутливое подобие поклона.

— *Доброу ноц, Франтишек*, — резко отвечает Вацлав, явно не обрадовавшийся встрече.

Время будто застывает, мужчины смотрят друг на друга, словно ведя мысленный разговор, а я во все глаза разглядываю необычную одежду Франтишека. На нем светлая рубаша с длинными и широкими рукавами на манжетах, вышитых черным узором. Безусловно, ручная работа. Под воротником повязан шелковый темно-синий платок, который придает Франтишеку богемный вид. Светлые кожаные брюки заправлены в высокие ботинки. И весь он словно родом из прошлого века. Интересно, Вацлав тоже когда-то одевался так по-пижонски?

Цепкий взгляд Франтишека задержался на мне, и я вздрогнула, застигнутая врасплох. Надеюсь, он не прочел мои мысли?

— Рад приветствовать вас в Праге, Жанна, — произнес он на русском с легким акцентом. И, перехватив настороженный взгляд Вацлава, с добродушной улыбкой пояснил: — Конечно, мы осведомлены отвоем появлением, Венцеслав. И личность твоей очаровательной спутницы для нас не тайна. Позволишь?

Франтишек делает шаг ко мне, и его сухая ладонь завладевает моей рукой, которую он подносит к губам. В свете факела, который он держит в другой руке, видны темный потек грязи на моей коже и сломанный ноготь — последствия падения с лестницы. Хорошо хоть ссадины уже успели затянуться — спасибо нечеловеческой регенерации. И все равно, как неловко перед этим приятным мужчиной с великолепными манерами!

Франтишек легким поцелуем касается моей руки, и сквозь полураскрытые губы кончик языка скользит по моей коже. Меня передергивает от этого интимного жеста, оставшегося незаметным для Вацлава, напряженно застывшего рядом, и я твердо высвобождаю руку, чувствуя омерзение. Как будто внутри красивого спелого яблока, которым любовалась и которое мечтала попробовать, вместо сочной мякоти обнаружила отвратительного червя.

— Вы отлично говорите по-русски, — стараюсь казаться любезной, говорю я. Придется превозмочь свою внезапную неприязнь, ведь от решения этого человека зависит то, зачем мы сюда явились.

— Благодарю, моя милая, — мурлычет Франтишек, и в свете факела я отчетливо вижу, как заиграли желваки на щеках Вацлава. — Рад тебя видеть, *братр*, — вкрадчиво

произносит Франтишек, и я понимаю, что в это, видимо чешское, обращение «*братр*» вложен какой-то особый смысл, который понятен только этим двоим.

— Взаимно, *братр*, — отрывисто отвечает Вацлав.

От негромкого смеха Франтишека веет холодом. Даже призраки вжались в стены и замолкли, словно боясь выдать свое присутствие.

— Скажи лучше, не ожидал меня здесь увидеть, — с показным добродушием замечает Франтишек.

— Я слышал, ты жил в Англии, — натянуто говорит Вацлав.

— Жил, — безмятежно соглашается Франтишек. — Но вернулся на днях. Как будто знал, что судьба готовит мне столь долгожданную встречу. Что ж, прошу за мной.

Мы вышли из зала, полного привидений, и, обернувшись, я с облегчением отметила, что призраки вьются у выхода, не смея переступить порога. Похоже, это какое-то заколдованное место, что-то вроде темницы для привидений.

— Ни слова о том, что ты видишь, — шепнул мне на ухо Вацлав. — И на будущее старайся себя не выдать.

Я поражена. Он мне верит? Но тогда к чему такая загадочность?

— Потом все объясню, — так же на ухо, чтобы не услышал Франтишек, пообещал Вацлав.

— Спускались по старой лестнице? — спросил тем временем Франтишек. — Она в аварийном состоянии, того и гляди совсем обрушится.

Мы с Вацлавом благоразумно умолчали о том, что обрушение уже свершилось.

— Ею не пользовались уже лет двадцать, с тех пор как провели скоростной лифт. Три минуты — и вы в Подземном Граде, — с самодовольством в голосе сообщил Франтишек.

— В Подземном Граде? — с удивлением переспросила я.

— Это наш замок, — с гордостью объявил Франтишек, останавливаясь перед неприметной дверью и вставляя факел в стенную выемку. После чего он снял с пояса тяжелую связку ключей и загремел железом. — Добро пожаловать! — Он толкнул дверь, и в проеме заструился мягкий свет, слепящий после крошечной тьмы.

Войдя вслед за вампиром, я замерла в изумлении.

Из темных заброшенных подземелий мы попали в роскошно отделанную галерею, напоминающую декорации королевских дворцов из исторических фильмов. Сводчатый потолок, обитые дорогой тканью красно-бордовые стены с орнаментом в виде королевских лилий, золоченые подсвечники, старинные портреты, мягкие ковры. Здесь могла бы гулять Анжелика, здесь могла бы назначать свидания королева Марго, сюда на аудиенцию к королеве могли бы приходить мушкетеры. На миг мне даже показалось, что мы прошли через временной портал и очутились в другой эпохе. Однако, когда ослепление прошло, я увидела, что факелы — всего лишь имитация, электрические светильники, да и краски на портретах слишком свежи, чтобы претендовать на старину, а потом заметила и выбившийся из-под ковра фирменный ярлычок, наверняка с указанием изготовителя. И я почувствовала себя словно в музее или на киностудии, где кропотливо воссоздали атмосферу других времен современными средствами. Любопытно, что даже двери в тайное убежище вампиров открываются обычными ключами. Тогда как его обитатели вполне могли бы позволить себе электронные ключи или кодовые замки. Но нет, здесь все должно дышать стариною.

— Здесь очень... роскошно, — выдавила я, поймав на себе испытующий взгляд Франтишека, и по его удовлетворенно сверкнувшим глазам поняла, что именно такой реакции он и ожидал.

На Вацлава, однако, эта роскошь не произвела никакого впечатления. Как будто он бывал здесь уже сотни раз и все ему тут осточертело.

— Идемте.

Франтишек поманил нас за собой, и мы двинулись мимо череды портретов. Я с опаской поглядывала на нарисованных вампиров, вспоминая фильмы, в которых привидения следили за людьми сквозь свои портреты. Однако благородные господа не спешили подмигивать мне

и улюлюкать в духе расшалившегося Карлсона, так что я успокоилась и с искренним интересом разглядывала лица, гадая, чем же таким отличились эти люди (а скорее — нелюди), что их портреты хранятся в Пражском Клубе вампиров. Довольно свежие работы сменились потемневшими от времени полотнами, а даты в их нижнем углу стремительно уводили в прошлое: 1950 год, 1930 год, 1900 год, 1880-й... Среди картин встречались недавно отреставрированные, щеголявшие яркими красками, и совсем потускневшие, выцветшие. Словно одних персонажей своей истории вампиры стремились сохранить вечно живыми, а других хотели стереть из памяти. Большинство изображенных на портретах были мужчинами — благородными, волевыми, с решительным взглядом и гордо поднятой головой. Женщин было всего две. Одну отличить от мужчины можно было только по женскому платью. В остальном же хмурая широкоскулая дама с тонкими серыми губами была совершенно лишена женской привлекательности и похожа на тюремщицу в женской колонии. Вторая была ее полной противоположностью — стройная блондинка, райская птичка в вычурной шляпке с кокетливым взглядом и призывной улыбкой. Этакая Мария-Антуанетта в исполнении Кирстен Данст.

— Это самые выдающиеся вампиры нашей истории, — пояснил Франтишек, заметив, что я задержалась у портрета красивой дамы. — Это, например, Маргарита де Фонтен. Это она обратила Жана Лакруа.

Я с еще большим интересом взглянула в нарисованные голубые глаза блондинки. Никогда бы не подумала, что у Жана была такая очаровательная наставница.

— Жанна, — внезапно заторопил меня Вацлав, — идем скорее. Мы все-таки здесь по делу.

Я прибавила шаг, подчиняясь его словам и почти не глядя по сторонам. Но у самого выхода из галереи мое внимание привлек крайний портрет в богато украшенной раме — в отличие от остальных, серебряной, а не золотой. На нем был изображен темноволосый мужчина в сером камзоле с чашей в руках. На вид ему было лет тридцать пять, но глаза выдавали возраст — лет триста, не меньше. Овал лица, волевой подбородок и прямолинейный взгляд показались мне смутно знакомыми.

— Это последний лорд, — пояснил Франтишек с видом экскурсовода в Британском музее.

Надо же! Я с любопытством прильнула к портрету. Вот кому я обязана всей этой заварухой с Серебряными Слезам! И как я сразу не узнала Чашу, ведь ее подобие, воссозданное Жаном, я держала в руках. В тот миг мне подчинились все вампиры, находившиеся рядом: Гончие во главе с Вацлавом, мой дед Аристарх. Это было жутко — видеть, как древняя магия подчинила себе волю самых стойких мужчин. А владычицей мира я быть никогда не желала. Поэтому Чашу уничтожила.

...А что, если бы нет? Я вдруг представила, как со всех портретов в галерее смотрят мои лица. Я в красном, я в синем, я в «Живанши», я в «Шанель», я в бриллиантовой диадеме испанской принцессы, я в рубиновом ожерелье. Единоличная королева вампиров — Жанна Бессонова. Какой бред!

Из картинной галереи мы попали в лабиринт коридоров и пустынных залов. Резиденция вампиров недаром носит название Подземный Град. Это и в самом деле огромный город! Наконец мы остановились перед высокими, до самого потолка, золотыми резными дверьми. Среди цветочного орнамента выделялись крупные цифры: 19 — на левой двери, 56 — на правой. Что-то знакомое.

— Здесь начиналась наша новейшая история, — с услужливостью гида пояснил Франтишек. — В этом зале был подписан Пражский договор.

Я с уважением замерла перед дверьми. Знакомые мне цифры — год его подписания.

Франтишек легко открывает тяжелые двери, и я с замирающим сердцем вхожу в большой гулкой зал.

Светлые стены расширяют и без того огромное пространство, и оно кажется бесконечным. Паркетный пол складывается в причудливые картины, каждую из которых

хочется разглядеть в подробностях, и даже неловко наступать ногой туда, где расправил крылья мифический дракон или воздел шпагу отважный рыцарь. Никакого полумрака — три старинные люстры на потолке мерцают сотнями электрических ламп, от которых в зале светло как днем. Это, конечно, не солнечный полдень, скорее день, близящийся к закату, но и не вампирские сумерки. Даже не верится, что мы по-прежнему в подземелье. Кажется, что от узких проходов, в которых мы петляли с Вацлавом, это место отделяют километры и века. Только отсутствие окон, на месте каковых расположены углубленные ниши-арки, выдает подземное расположение зала. Ниш всего пять, и каждая служит оправой какому-то, несомненно, важному раритету. В центре — сложный герб, в котором сплелись летучая мышь и дракон. В нишах по бокам под стеклом, как музейные экспонаты, расположились серебряная чаша, копия Чаши последнего лорда, и старинный манускрипт с готической надписью чернилами. В самых крайних нишах — шпага, эфес которой поблескивает драгоценными камнями, а на клинке видны темные пятна крови, и серебряный щит, резные узоры которого кое-где расписаны алой краской.

По другую сторону зала расставлена мебель темного, почти черного дерева. В центре — большой длинный стол не менее чем на сотню персон, а вокруг него массивные стулья с резными спинками. Вампиры за столом встают со своих мест, и в зале становится еще больше черного. Их не так много, около десятка, но почти все они одеты в старомодные костюмы темного тона — сапфирово-синие, малахитово-зеленые, бордово-пурпурные. На вид им лет по двадцать-тридцать, но я уверена, что всем им по двести-триста. Я даже не удивляюсь тому, что нас уже ждали, словно были предупреждены о нашем внезапном визите. Похоже, в нежилой части подземелья повсюду натканы камеры, вот наше появление и не стало сюрпризом для вампиров.

Мне вдруг почудилось, что я попала в ожившую шахматную партию и нахожусь в самом центре шахматной доски. Белое и черное, застывшие черные фигуры, черный король во главе стола, который пристально смотрит на меня, словно бы оценивая, какую роль в этой игре потяну — пешки или королевы?

Однако приветствуют меня стоя, как королеву, с самодовольством отмечаю я. Даже в Парижском Клубе, куда я явилась как наследница Жана, меня так уважительно не встречали. Хотя приятно, что говорить! Жаль только, что я одета не к месту. Если бы знала, куда нам предстоит отправиться ночью, сбегала бы в бутик за вечерним платьем. Хотя бы чувствовала себя поуверенней, а не так, как пэтэушница из Рязани, заявившаяся на вечеринку в столичную «Шамбалу». Впрочем, как бы я, интересно, лазала в этом платье по заброшенным ходам?

Вампиры отодвигают стулья и направляются к нам. Похоже, они решили по очереди приложиться к моей руке губами, как это уже делал Франтишек. Я украдкой вытираю руку о джинсы, очищая ее от пыли. Вот ведь подлость! Более жалкого вида, в котором я предстала перед блистательными пражанами, и вообразить трудно. Хуже было бы только явиться к ним с фингалом под глазом. Я кошу взглядом по сторонам в поисках зеркала. Надеюсь, падение с лестницы не оставило никаких следов на моем лице? Зеркал не видно, зато я заметила, как поморщился Вацлав. Гончий терпеть не может всякие условности, а уж когда твоей спутнице оказывают такие почести, и мужское самолюбие пострадать может.

Вампиры уже близко, и по их глазам я вижу, что это самые старые персоны из всех, кого мне приходилось встречать. При всей показной любезности на их лицах застыло одинаково надменное и скучное выражение, свойственное тем, кто уже все повидал на своем веку и кого уже ничем не удивишь. Только один из них, добродушного вида мужчина в синем, слегка выцветшем камзоле, смотрит на меня с живейшим интересом. Он так увлекся маскарадом, что даже шпагу с собой таскает. Ее золоченый эфес выглядывает из-за пояса. Мужчина улыбается мне, и я улыбаюсь ему в ответ. А еще на всех лицах лежит печать власти. Эти люди привыкли править и повелевать. Я вспоминаю тот миг, когда держала в руках Чашу последнего лорда, и ловлю себя на шальной мысли: интересно, **эти** бы тоже мне подчинились? Склонили бы передо мной гордо выпрямленные головы? Готовы были бы

исполнить любое мое пожелание?

Высокий мужчина с узким хищным лицом и тяжелым взглядом первым останавливается напротив нас.

— *Доброу ноц, Венцеслав.* — Он приветствует Вацлава по-чешски.

— *Доброу ноц, Адам,* — уважительно отвечает Гончий.

А затем Адам обращает свой взор на меня и говорит уже на английском:

— А это и есть та Жанна, ради которой ты поднял меня в три часа дня? Что ж, я рад, что отсрочка помогла и невиновные не пострадали. Добро пожаловать в Прагу, Жанна.

Значит, он один из тех старейшин, которые подписали отсрочку моего приговора по решению Парижского Клуба. Робея от его изысканных манер, я с трудом удерживаюсь от того, чтобы изобразить подобие реверанса, и вместо этого протягиваю подрагивающую руку. Но вампир игнорирует мой жест, поворачивается к Вацлаву и крепко жмет ему руку. Я с обидой закусываю губу и убираю ладонь. Погодите-ка! Что тут происходит?

На моих глазах совершается невероятное. Все вампиры по очереди пожимают руку Вацлаву, а на меня не обращают ни малейшего внимания. Значит, этот торжественный прием — в честь Гончеге, а не в честь меня? Может, у него какие-то особые заслуги перед Пражским Клубом?

Вацлав что-то резко говорит вампирам по-чешски. Узколицый усмехается, но делает знак другим остановиться.

— Давайте присядем. — Он делает царственный жест в сторону стола и занимает место во главе, на стуле, подобном трону. Я замечаю, что на высокой резной спинке изображена королевская корона. А над ней высечена дата принятия Пражского договора — 1956.

Один из вампиров, тот самый мужчина со шпагой, задержался рядом со мной и любезно поясняет по-английски:

— Во времена правления последнего лорда и долгие годы после Прага была столицей нашего братства, корона осталась с тех времен. Но Пражский договор уравнил в правах все отделения Клубов. Поэтому корона осталась символом старой эпохи, а дата Пражского договора — символ новой.

Я с благодарностью бросаю взгляд на вампира, изучая его умное аристократичное лицо. Но, когда я открываю рот, собираясь кое-что уточнить, он быстро прижимает палец к губам и с заговорщическим видом предупреждает:

— Только ни слова. Никогда не говорите с призраками на виду у живых, моя дорогая. Последствия могут быть непредсказуемыми.

Я замираю. Он что, смеется надо мной? Да он совсем не похож на призрака! От него не веет холодком. Он реален так же, как я или Вацлав. Или тот надменный вампир, который тут всем верховодит.

— Ну-ну, полно. Не стоит показывать свое изумление, иначе вас могут неправильно понять, — добавляет он. — Я же не первый из призраков, кого вы видите, дорогая? Позвольте же мне сопровождать вас за столом и прийти на помощь в случае необходимости. Хоть какое-то развлечение в моем теперешнем положении.

Он меня за полную дуру принимает? Я ведь даже не блондинка! Я поднимаю руку, чтобы взять его за локоть, но пальцы, не встречая преграды, проходят через рукав в синем выцветшем мундире.

— Я же говорил, — с печальной улыбкой молвит призрак.

— Жанна, — Вацлав берет меня за локоть, — ты что замешкалась?

Я с ошарашенным видом перевожу взгляд на Вацлава и понимаю, что он не видит моего спутника. Вспоминаю его предупреждение не говорить о своих видениях и благоразумно молчу, позволяя увести себя к столу. Ничего-ничего, вот выйдем отсюда — и Вацлаву придется ответить на все мои вопросы! И что за призраки шастают в пражских подземельях, и за что столько чести простому Гончеге при встрече со старейшими вампирами Праги.

— Кстати, простите мне мою бестактность, я забыл представиться. Меня зовут Якуб, —

расшаркивается призрак.

— Приятно познакомиться! — вырывается у меня.

Призрак предостерегающе машет руками, но поздно. Мои слова неожиданно громко звучат в огромном зале.

Вампиры, рассаживающиеся по своим местам, с удивлением оборачиваются ко мне. Вацлав беспокойно заглядывает мне в лицо.

Я смущенно бормочу, делая вид, что мои слова были обращены к ним:

— Вацлав мне много рассказывал о вас.

Гончий делает круглые глаза, и я понимаю, что сморозила несусветную глупость. А Адам раздражается скрипучим, неприятным смехом, замечая:

— Это самая великолепная шутка, которую я слышал за последние два века.

Остальные вампиры хранят ледяное молчание, буравя меня взглядами, и я, не зная, куда скрыться от стыда, сажусь за стол следом за Вацлавом. Теперь по правую руку от меня находится Гончий, по левую на пустой стул опускается призрак, неотличимый от живого человека. В его голосе звучит искреннее раскаяние:

— Прошу прощения, что поставил вас в неловкое положение, моя дорогая. — Он виновато понурил голову. — Постарайтесь не обращать на меня внимание.

Адам тем временем что-то спросил у Вацлава по-чешски, и все вампиры заинтересованно повернулись в нашу сторону. Вацлав отвечает, а я чувствую себя полной дурой, не понимая ни слова из их разговора.

— Может, переведете? — шепнула я призраку, отвернувшись в сторону.

— Не имею права, — развел тот руками. — Это не мои тайны. Если Венцеслав пожелает, он сам расскажет вам.

Ах вот ты как! Ну попробуй что-нибудь у меня потом попросить! А я ведь уверена, что призраку что-то от меня надо. Иначе зачем бы ему виться вокруг, источая любезности?

Глядя на вампиров, я вспомнила слова Вацлава и поняла, почему они могут нарушать закон о миграции. Живя на сотню метров под землей в своем обособленном от современной Праги мирке, в своем, словно остановившемся на отметке прошлых веков времени, они не рискуют выдать себя и вызвать подозрения у людей. Кто увидит их здесь? Во дворец постороннему не попасть. И даже если вампиру вздумается погулять в подземельях и он наткнется на диггера или бездомного, они примут его за галлюцинацию или призрак. Если вообще заметят в темноте. Я с трудом сдержала смехок, представив себе эту картину: заблудившийся бродяга вдруг встречает разодетых по моде прошлого века Франтишека или Адама. Разве возможно хоть на миг представить, что они реальны?

Тем временем Вацлав закончил словесную пикировку с вампирами, и разговор продолжился уже по-английски.

— В самом деле, — светски заметил Адам, демонстрируя безупречное произношение, — весьма невежливо с нашей стороны говорить по-чешски в присутствии нашей иностранной гостьи. Я надеюсь, вы простите нам нашу бестактность, Жанна. Как земляки, встретившиеся после долгой разлуки, мы заговорили на родном языке и забыли о приличиях.

Я вежливо кивнула: мол, чего уж там, прощаю.

В зал вошли слуги и принялись с почтением расставлять на столе золоченые кувшины, наполнять их рубиново-красным содержимым высокие кубки. Вампиры в едином порыве приподняли кубки и, не чокаясь, одним залпом осушили их. Все, в том числе и Вацлав, уже поставили на стол пустые кубки, а я еще цедила мелкими глотками терпкий пьянящий напиток, стараясь не думать о его происхождении.

— Итак, что за дело привело вас в Прагу? — благодушно поинтересовался Адам.

И Вацлав изложил вампирам нашу просьбу посодействовать освобождению Фабиолы.

Адам нахмурился:

— Ее поймали с поличным? Это плохо. Слишком много свидетелей, и ее вина неоспорима.

Он обвел вопросительным взглядом своих товарищей.

— Что тут думать? — зазвучали голоса. — Дело безнадежное. Мы не сможем ее освободить. Всем память не сотрешь.

— Да и ради чего? — добавил Франтишек, пожимая плечом.

— Да, — подвел итог Адам, — вы правы. Освободить ее мы не можем.

На лице Вацлава заиграли желваки. Он порывисто поднялся из-за стола:

— Благодарю, что нашли время нас принять. Идем, Жанна.

— Венцеслав, Венцеслав, — Адам добродушно покачал головой, — ты все такой же порывистый, как и прежде. Уроки жизни тебе впрок не пошли.

Вацлав напряженно застыл. Намек на прошлое, брошенный вампиром, ему явно не понравился.

— Присядь, — мягким, но не терпящим возражений тоном произнес Адам. — Прошу тебя, *братр*.

Вацлав нехотя подчинился.

— Я сказал, что мы не можем освободить Фабиолу официально. Но мы можем устроить ей побег. Такой вариант вас устроит?

Вацлав быстро кивнул:

— Благодарю, Адам. Это очень важно для меня.

— Хотел бы я еще знать почему, — уронил Адам.

— Я же сказал, — сухо ответил Вацлав, — это строго профессиональные дела.

А у меня перехватило дыхание от этих слов. И почудилось, что сейчас Вацлав просит за Фабиолу не ради двенадцати вампирш, не ради меня, а исключительно из собственных интересов, из симпатии к этой дерзкой авантюристке.

— Что ж, — заметил Адам, — работа Гончегго — превыше всего.

И в его ровном, любезном тоне мне послышалась откровенная издевка. Недаром Вацлав напрягся и невольно сжал кулаки.

Адам кивнул двум вампирам:

— Честмир, Милан, займетесь этим делом.

Вампиры с почтением склонили головы.

И тут Франтишек, сидящий по правую руку от Адама, наклонился и что-то ему зашептал. Выслушав его, Адам бросил взгляд на Вацлава, потом долгим изучающим взглядом смерил меня, словно только сейчас меня заметил, и в его глазах вспыхнул опасный огонек, который мне не понравился.

— Только у меня есть одно условие, — вкрадчиво добавил он.

— Какое? — насторожился Вацлав, невольно загораживая меня собой. Взгляд Адама не укрылся от него.

— Жанна проведет с нами эту ночь. Просто пообщаемся, побеседуем.

Я непонимающе нахмурилась: в чем подвох?

Похоже, тот же вопрос волновал и Вацлава, но он не решился его задать. А Адам мастерски тянул паузу, нагнетая атмосферу.

— Только Жанна, — подчеркнул он. — Ты будешь ждать ее наверху.

Вацлав порывисто поднялся с места, бросая мне:

— Жанна, идем. Благодарю за предложение, Адам, но это исключено.

На устах Адама блуждала улыбка.

— Может, спросим у самой Жанны?

— Не соглашайтесь, — тихо предостерег меня призрак. — К добру это не...

— Я согласна! — вырвалось у меня прежде, чем призрак успел договорить.

Может, это кровь из кубка придала мне смелости, только я не раздумывала ни минуты. У нас есть только один шанс добраться до двенадцати вампирш — освободить Фабиолу и поговорить с ней. После того что мы для нее сделаем, она просто обязана будет отблагодарить нас откровенным рассказом обо всем.

— Жанна, ты не обязана... — встревоженно обернулся ко мне Вацлав.

— Но я хочу, — твердо ответила я.
— Не делай глупостей, — одними губами сказал он.
Я повернулась к замершим в ожидании вампирам:
— Принять ваше приглашение — большая честь для меня.
— И большая ошибка! — буркнул призрак Якуб.
Адам удовлетворенно улыбнулся, Вацлав с грохотом опустился на место.
— Тогда я тоже остаюсь.
— Так-то лучше! — одобрил призрак.
— Венцеслав, уговор есть уговор, — покачал головой Адам. — Или Жанна остается погостить у нас и мы обеспечиваем побег Фабиоле, или мы и пальцем не шевельнем.
— Вацлав, — просительно протянула я, — пожалуйста.
— Я тебя одну не оставляю, — резко сказал он. — Это исключено.
— Неужели ты думаешь, что мы можем причинить вред нашей очаровательной гостье? — с показной обидой воскликнул Адам.
— Ничего со мной не случится, — тихо произнесла я, глядя в потемневшие глаза Гончего. — Зато мы поговорим с Фабиолой. Иначе вся наша поездка зря! А ты ведь знаешь, как это важно для меня.
— Ты уверена в том, что говоришь? — напряженно спросил он.
Уверена ли я в том, что мы должны добраться до Фабиолы, заставить ее раскрыть имена остальных вампиров и расспросить о таинственном наследстве Жана? Еще как уверена! Возможно, уже завтра в это самое время у нас будет официальный список имен моих кровных сестричек и в глазах всех вампиров я перестану быть чудовищем, единственным порождением Жана. Мы разделим это бремя на тринадцать частей. И пример безупречных в своих деяниях Глории, Ванессы и остальных докажет, что влияние крови Жана на поведение его кровных наследников сильно преувеличено.
— Да, — твердо сказала я, — я этого хочу.
Все вампиры замерли в ожидании реакции Гончего. И, судя по его изменившемуся лицу, он понял, что у него нет другого выхода, как согласиться с моим решением.
— Хорошо. — Вацлав резко встал с места, не глядя на меня.
— Мы вернем ее в целостности и сохранности с наступлением следующих сумерек, — царственно пообещал Адам.
— Я провожу Венцеслава. — Франтишек устремился к дверям. — До лифта. А то он так долго не навещал нас, что по пути сюда воспользовался старой лестницей.
Когда Вацлав и Франтишек ушли, в зале повисла напряженная тишина. Все вампиры разом обернулись ко мне, и моя уверенность в правильности решения вдруг стала стремительно таять. Я чувствовала себя Красной Шапочкой в окружении голодных волков. И с трудом подавила желание извиниться, распрощаться и броситься сломя голову за Вацлавом. Может, еще успею его догнать?
— Что ж, дорогая Жанна, — Адам растянул губы в ледяной улыбке, — расскажите нам о том, как вы впервые встретились с Жаном Лакруа. Презанятнейшая история. Не терпится услышать ее из первых уст.

Глава 3

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ ОДНОГО ВАМПИРА

Я хотел найти любовь и добро в этой живой смерти. Но это было изначально обречено, потому что нельзя любить и быть счастливым, заведомо творя зло. Можно только тосковать о недостижимом добре в образе человека.

Энн Райс. Интервью с вампиром

От любви до ненависти один шаг. В пропасть.
Катя Сергеева. Жизнь. Любовь. Ненависть

Вацлав

Франтишек не соврал. Лифт унес Гончего из подземной обители вампиров в подвал одного из заколоченных домов Градчан. Шахта лифта оказалась замаскированной в дальнем углу под стенной шкаф, заваленный старым барахлом. Если бы кто из любопытных и заглянул сюда, наткнулся бы на рухлядь и на том и остановил бы свои поиски, не добравшись до потайного люка.

Выйдя из лифта, Вацлав помедлил у автоматически закрывшихся дверей, борясь с желанием вернуться. Оставить Жанну одну — плохая идея. Тем более после того сражения с невидимыми призраками, которое она устроила в подземелье. Еще тогда он хотел сразу же увести ее оттуда, отменив встречу с пражанами, но появился Франтишек, и уйти незамеченными не удалось. Как выяснилось, их уже ждали. Точнее, не их — его. Вот почему он за два века после тех событий ни разу не посещал Прагу. Хотел, чтобы о нем забыли. Но его прошлое не давало ему на это никакого шанса. Как воспримет это Жанна, когда все узнает? Разозлится, что скрывал от нее? Решит, что он ей не доверяет? Поймет ли, что он бежал от этого всю жизнь, стараясь забыть? Или станет умолять принять предложение Адама и Франтишека? Ведь именно ради этого Франтишек подал Адаму идею задержать Жанну. Если нельзя воздействовать на него прямо, они постараются докопаться до него через Жанну.

Лифт загудел, двинувшись вниз. Вацлав растерянно оглядел стенки шахты, но не обнаружил кнопки вызова. Наверняка она тоже была надежно замаскирована. Желание вернуться за Жанной вспыхнуло еще острее. Не надо было ее там оставлять, ох не надо. Но только что он мог поделать, когда она сама решила остаться с пражскими вампирами? Не мог же он взять ее в охапку и силой выволочь оттуда! Хотя... что скрывать... хотелось. Теперь же остается надеяться, что призраки ее одолевать не будут, а в остальном вампиры не посмеют причинить ей вреда.

Возвращаясь из Градчан, Вацлав не стал брать такси. Путь отсюда до отеля был неблизким, но ему было некуда и не к кому торопиться. Потянуло пройтись пешком по давно знакомым улицам. Он не был в Праге долгих сто девяносто шесть лет, с тех пор как умерла Эвелина. За это время сменилось десять поколений и город изменился до неузнаваемости. Старинные дома обросли современными вывесками и неоновыми огнями. Всюду, куда ни глянь, на потемневших от времени фасадах цветные заплатки вывесок: обмен валют, банки, рестораны, пиццерии, Интернет. Между зданиями протянулись телефонные провода и сетевые кабели, а вдоль дорог — дорожные знаки. По вековой брусчатке там, где раньше цокали подковы лошадей, теперь проложены трамвайные рельсы и пешеходные зебры. Вдоль обочин, где раньше ожидали пассажиров извозчики, ныне выстроились десятки машин, а на углах улиц стоят рекламные щиты.

Он с трудом отыскал дом отца. Дважды прошел туда-обратно, прежде чем понял, что неосвещенное аварийное здание, затянутое зеленой сеткой, — его родовое гнездо. Смотреть на то, как некогда богатый и процветающий дом, принадлежавший градоначальнику, обветшал и обвалился, было больно. В этом была и его вина. После его отъезда из Праги отец прожил шесть лет. Он передал бразды правления следующему градоначальнику и медленно угасал — одинокий, потерявший смысл жизни, не имеющий наследников и внуков. Вместе со смертью хозяина, вероятно, стал разрушаться и дом, в котором выросло не одно поколение их семьи. Теперь, если повезет, здание восстановят и продадут какому-нибудь банку или ресторану. А может быть, просто снесут, чтобы расчистить место под новодел в готическом стиле, который впишется в исторический облик Праги. И дом, хранивший историю их семьи, навсегда исчезнет с карты города. Темные провалы окон, лишённые стекол, казалось, смотрели на него с укором. Если бы он захотел, то смог бы найти денег на покупку дома и его восстановление. Или мог повлиять на то, чтобы здание признали

историческим памятником и сохранили. Но слишком жестоким было его прошлое, чтобы держаться за него. Быть может, когда этого дома не станет и на его месте вырастет другой, прошлое отпустит? Отвернувшись, Вацлав быстро зашагал прочь.

Дойдя до пивной «У святого Томаша», он замедлил шаг. Воспоминания загульной, хмельной юности пронеслись перед глазами, как кадры современного видеоклипа. Пиво рекой, пирушки до утра, веселые товарищи, доступные женщины... Как давно это было — в другой жизни. До того, как он встретил Эвелину, до того, как стал вампиром.

Из пивной вывалилась толпа молодежи, и на улице сразу сделалось шумно. Парни обсуждали, где продолжить веселье, и, глядя на их юные веселые лица, Вацлав вдруг ощутил все свои двести двадцать лет. Когда-то он был таким же, как они, но то время ушло без возврата. Посоветовавшись, компания двинулась в сторону Карлова моста, собираясь продолжить веселье в одном из ночных клубов Старого города.

Вацлав же не стал торопиться в центр, направившись к Мала Страна. Ноги сами повели его по знакомому маршруту. Главное — не смотреть по сторонам, иначе запутаешься в незнакомых вывесках и преобразившихся после реставрации домах. Просто идти. Идти, пока ноги не выведут к памятным местам.

Через четверть часа Вацлав свернул в тихий переулок, куда не заходили туристы и куда не долетал гул машин и шум голосов. Казалось, время здесь остановилось, и из двадцать первого века с его неоновыми вывесками и вереницей припаркованных машин он угодил прямоком в девятнадцатый, где все так же тускло горели уличные фонари и, казалось, вот-вот донесется стук копыт и из-за поворота появится извозчик. Именно здесь он впервые встретил Эвелину.

Вацлав помнил тот день, как сейчас. Он возвращался домой с другого берега. Накануне вечером он сильно проигрался в карты, потом друзья затащили его в пивную «У Флеку», где он просадил последние деньги. Пирушка затянулась до самого утра, а на извозчика уже не осталось денег. Пришлось проделать немалый путь пешком. Город уже просыпался, прохожие спешили по своим делам, а Вацлав отчаянно боролся с дремотой и похмельем, мечтая скорее очутиться в своей постели и проспять до самого вечера. Вдруг из переулка до него донесся иступленный собачий лай и испуганный женский крик, и его сон как рукой сняло.

Расстояние до переулка он одолел в несколько прыжков и увидел ее. Хрупкая, юная, беззащитная, она стояла, окруженная сворой бродячих псов, и отмахивалась от них. Ее светлые волосы, заплетенные в косы и уложенные вокруг головы, в блеске рассветного солнца казались золотым нимбом. Голубые глаза были подобны прохладным озерам, в которые он нырнул с головой, прощаясь с похмельем. А ее губы... К этим губам хотелось припасть как к лесному роднику, чтобы утолить жажду, иссушившую его после ночной попойки. Но этот поцелуй еще нужно заслужить. И сделать это будет ох как непросто. Такие девушки, как она, не вешаются на шею первому встречному. Они дарят поцелуи только одному-единственному...

Вацлав, поймав устремившийся к нему с надеждой взгляд, разогнал псов, и она благодарно улыбнулась ему в ответ. И от этой улыбки он снова захмелел — да так, как не хмелел никогда в жизни. Даже после того, как на спор с приятелем осушил небольшой бочонок с пивом. Она что-то сказала, но Вацлав не расслышал — только увидел, как шевельнулись ее губы. А потом в ее руках, которые она держала сложенными на груди, что-то шелохнулось, и на Вацлава взглянули два испуганных желтых глаза на белой пушистой мордочке.

— Котенок, — терпеливо разъяснила девушка, — видите?

И она раскрыла ладони, показывая крохотного найденыша. Однако тот вцепился ей в руку и испуганно запищал, словно боялся, что его оставят и снова придется скитаться в большом незнакомом городе, где столько злых собак.

— Не бойся, малыш, — успокаивающе прошептала девушка и прижала котенка к груди. — Я тебя не брошу.

Словно поняв ее слова, котенок громко заурчал. Девушка тепло улыбнулась, глядя на найденыша, и Вацлава окончательно накрыло влюбленностью. Храбрости хватило только на то, чтобы вызваться ее проводить. Девушка с радостью приняла его предложение. По дороге он узнал, что зовут ее Эвелина, она англичанка и работает швеей у известного в городе портного, в лавку которого и направляется ни свет ни заря.

Все это Вацлаву было уже совершенно неважно. Он узнал главное. Его невесту зовут Эвелина.

— Ты с ума сошел, Вацлав! Она тебе не пара! Какая-то бедная англичанка! — негодовал отец, когда он заявил ему о своем намерении.

Отца можно было понять: для единственного сына городского главы нельзя было представить более неподходящей пары. Девушки из лучших семей Праги были бы рады составить партию Вацлаву. Но ему никто не был нужен, кроме Эви — сироты без роду и племени.

Не сразу, но отец согласился. Во многом все решило его знакомство с Эвелиной, когда будущая невестка очаровала его своей добротой и кротким нравом. Кроме того, отец, уже смилившийся с загулами своего непутевого сына, не мог не заметить, что встреча с Эвелиной изменила Вацлава и тот отказался от дурной компании и пьяных застолий ради прогулок со своей невестой.

После свадьбы молодые переехали в отдельный дом в Старом городе, и вместе с ними поселилась пушистая белая кошка Снежинка — та самая, с которой все и началось.

Полгода семейной жизни пролетели как чудесный сон. Вацлав никак не мог напиться поцелуями Эвелины, надышаться ее дыханием и медовым запахом ее кожи и волос, насладиться прикосновениями ее нежных рук. Он позабыл лица старых приятелей, с которыми прежде проводил каждый вечер. Что они ему, если у него есть Эви? Он утратил интерес к азартным играм и пирушкам. Вечер, проведенный с женой, — вот истинное наслаждение. Он не брал в рот ни капли спиртного. Оказалось, любовь пьянит сильнее самых крепких вин. Эвелина не держала его рядом с собой и даже сама предлагала ему навестить приятелей. Если бы только она знала, что это за приятели и чем они занимались, собираясь вместе! Эвелина была ангелом, посланным ему во спасение от разврата. Вацлав знал: если он однажды сорвется и исчезнет на всю ночь, чтобы под утро вернуться пьяным, как скотина, Эвелина не выскажет упрека. Она заботливо уложит его в постель и просидит рядом, прислушиваясь к его дыханию. Вот только он сам не сможет себе простить, что его жена увидит его таким. Да и не стоит пьяный угар попойки того, чтобы разрушить ту волшебную сказку, в которой они живут вместе с Эвелиной.

Тогда он думал, что избавился от всех пороков, и даже не подозревал, что на свете есть жажда более мучительная, чем страсть к алкоголю. Жажда человеческой крови...

Погрузившись в воспоминания, Вацлав и не заметил, как очутился у моста через Влтаву. На другом берегу сияло огнями грандиозное здание, тянувшееся вдоль набережной и казавшееся золотым в ночном освещении. Вацлав в растерянности оглянулся, не понимая, куда забрел. Кажется, он на мосту Легионов, вот только этого роскошного дворца он не припомнит. Ну конечно! Это же Национальный театр. Он был построен спустя полвека после того, как Вацлав покинул Прагу. Прежде он видел театр только на фото, и вот теперь мог оценить всю грандиозность сооружения и признал, что его не зря называют одной из жемчужин Праги.

Вацлав постоял на мосту, посмотрел на темные воды Влтавы, в которых отражались золотые огни театра. Нахмурился, вспомнив про одного утопленника, которого прибило к берегам Старого города. Это был молодой дворянин, проигравший ему значительную сумму денег в карты. Парню было всего двадцать. Вацлав тогда был немногим старше. Для него выигрыш ничего не значил — он спустил деньги за одну ночь. Для его соперника проигрыш стал роковым. От этого греха Вацлаву никогда не отмыться. Будучи вампиром, он убивал многих, но то были преступники и убийцы. Тогда же погиб невинный, к тому же бывший

единственным сыном у родителей.

Поежившись на пронизывающем ветру, Вацлав поднял воротник куртки и торопливо миновал мост. Некстати вспомнилось старинное поверье: вроде бы вампиры боятся текущей воды, поэтому не могут переправиться на другой берег. Какие глупости! Но людям нужны свои мифы. На свете живется спокойнее, если веришь в то, что монстра можно обратить вспять святым распятием, уничтожить святой водой и сбежать от него, перебравшись через реку.

На углу Национального театра он задержался всего на минуту. Оценить грандиозность сооружения он смог еще на том берегу, но здание было ему чужим. Это был символ новой Праги — той, которая строилась уже без него. Ему же были куда милей узкие улочки Старого города, на которых прошла его молодость, где он провел счастливых полгода с Эвелиной и где состоялась роковая встреча, изменившая всю его жизнь.

Это случилось накануне именин Эвелины. Вацлав полдня провел, обходя торговые лавки Старого города в поисках подарка для жены. Все лучшие товары, которые предлагали торговцы, казались ему недостойными его любимой. Он вышел от очередного ювелира и увидел, что на Прагу уже опустились сумерки. Узкие шпили башен тонули в темноте, и ночь торопилась навесить на них ожерелья из звезд. Улица была темна, и только робкие огоньки свеч озаряли окна жилых домов. Вацлав с беспокойством подумал, что Эвелина так же зажгла свечу и ждет его у окна, тревожась о нем.

За дверью в ювелирной лавке завозился хозяин. Вацлав слышал, как тот убирает товар и запирает витрины на замок, тихонько ворча на привередливого покупателя. Вацлав замешкался. Золотой гарнитур с сапфирами — ожерелье и серьги, — на который он обратил внимание, был довольно хорош. Драгоценные камни — а в них сын градоначальника знал толк, — искусная работа, изящная огранка. Вот только цвет сапфиров, насыщенно-синий, как июльские сумерки, был слишком ярким. К тому же он напоминал о прощальном подарке его прежней любовнице, темпераментной и страстной актрисе Ружене из Сословного театра. Преподнесенное ей тогда сапфировое ожерелье подчеркнуло ее броскую красоту и васильковый цвет глаз. Ружена была в восторге и не очень-то расстроилась, услышав о том, что Вацлав женится и больше не появится в театре. Для любимой же он хотел найти украшения под цвет ее глаз с голубыми топазами — прозрачными и чистыми, как небо, неброскими, но нежными, как цветок эдельвейса. Вот только все его поиски не увенчались успехом. Уже поздно, торговцы закрывают лавки. И если он не вернется к ювелиру за сапфировым гарнитуром, то придется возвращаться домой с пустыми руками.

Вацлав уже сделал шаг назад, собираясь войти в лавку, как вдруг его окликнул вкрадчивый мужской голос.

— Ищите драгоценности? Мой друг на днях открыл ювелирную лавку.

Говорящий был хорошо одетым молодым мужчиной с пронизывающим взглядом карих глаз и бледными губами.

— Уверяю, когда о нем узнают, он станет одним из самых знаменитых ювелиров в Праге, — продолжил незнакомец. — У приятеля настоящий талант. Сегодня он показал мне ожерелье из топазов, которое только что закончил. Это самое великолепное изделие, которое мне когда-либо доводилось видеть! Сама французская королева была бы счастлива его носить.

— Вы сказали — из топазов? — в волнении переспросил Вацлав, не веря своей удаче. — Могу ли я увидеть его сегодня?

Мужчина замешкался, красноречиво взглянув на темнеющее небо. За спиной Вацлава из лавки вышел торговец, загрохотал ключами. Заметив недавнего покупателя, окликнул:

— Господин, вы не надумали? О цене договоримся, я хорошо уступлю.

Вацлав в сомнениях обернулся. Неизвестно еще, что там за топазы, может, стоит все-таки купить сапфиры? Иначе торговец уйдет, и Эвелина останется без подарка.

— Хорошо, — решил незнакомец. — Идемте. Я провожу вас.

Не раздумывая ни мгновения, Вацлав зашагал за ним. Ювелир за его спиной недовольно заворчал и загремел замком, запирая лавку.

— Надумаете — приходите, — донеслось вслед Вацлаву. — Я здесь с самого рассвета.

Незнакомец свернул в переулок, и Вацлав ускорил шаг, чтобы не потерять его из виду. Маршрут, по которому его вел мужчина, был ему незнаком и тянулся по безлюдным улочкам вдоль неосвещенных домов. Казалось, весь квартал вокруг вымер. Это было удивительно для Вацлава, который знал ночную Прагу по шумному центру, где с наступлением темноты жизнь только начиналась. Наконец незнакомец остановился у двери дома, на стене которого не было ни единой вывески, зазывавшей народ в ювелирную мастерскую. Но удивляться было некогда: на стук дверь открылась, и Вацлав шагнул следом за женщиной.

Тут же его обступили пятеро крепких молодчиков, оттеснив от двери и не дав возможности сбежать. Вацлав мысленно выругался. Как он мог совсем утратить бдительность и угодить в такую ловушку? Польстившись на топазовое ожерелье, он забыл об элементарной осторожности. Мужчина, который привел его сюда, простой наводчик: увидел, как хорошо одетый покупатель выходит из ювелирной лавки с пустыми руками, и смекнул, что у того с собой деньги. А дальше только оставалось заманить его в безлюдное место и обобрать до нитки. Как бандит только так угадал с топазовым ожерельем? Словно мысли его прочитал! Не заговори он про топазы, Вацлав бы ни за что не пошел за ним.

— Ты превосходно справился, Франтишек, — похвалил того, кто привел сюда Вацлава, молодой мужчина с породистым лицом и колючим взглядом, очевидно бывший здесь главарем.

Вацлав оглядел нападавших, приготовившись драться, и с удивлением отметил, что те непохожи на обычных головорезов. Мужчины были дорого одеты, их костюмы были явно сшиты у искусного портного, а не сняты с чужого плеча. Их бледные лица с утонченными чертами выдавали в них аристократию. Простолудинов среди них не было. Но в то же время ни один из них не был ему знаком, что было удивительно, учитывая его обширные знакомства в высших кругах Праги.

— Что вам нужно? — Вацлав скривил рот. — Деньги?

Их опасно блестящие глаза и решительно сжатые рты не оставляли шансов на мирное разрешение ситуации.

— Деньги? — Главарь громко рассмеялся, как будто бы услышал один из тех скабрезных анекдотов, которые Вацлав прежде был мастак рассказывать.

Вацлав похолодел при мысли о том, что это может быть кто-то из тех, кого он еще до свадьбы обыграл за карточным столом. И хотя долгов за ним не водилось, недовольных проигрышем нашлось бы немало. Что, если теперь с ним решили поквитаться? Только почему так долго выжидали?

— Я больше не играю, — предупредил он. — Я завязал.

— Молодец, — издевательски кивнул главный, — это верное решение. — И кивнул двум парням, которые стояли по бокам от Вацлава. — Держите его.

— Какого черта! — Вацлав собирался смести двух парней, которые не выглядели физически крепкими. Уж он-то на своем веку в стольких драках поучаствовал, что с парочкой юнцов как-нибудь справится и не даст выкручивать себе руки. Однако противники показали невиданную силу и скрутили Вацлава так, что он не мог и пошевелиться. На юных безбородых лицах яростью сверкнули глаза прожженных бандитов, побывавших в сотнях передраг. Вацлав потрясенно замер. Такие глаза он видел только у старых морских волков и отпетых картежников. Все они были уже в возрасте, и по сути — испорченными жизнью седыми стариками, в затылок которых давно дышала смерть.

Тем временем в руках главного появился аптечный пузырек мутного бесцветного стекла и стилет, об остроте которого Вацлаву не пришлось долго гадать. Потому что главный взрезал себе указательный палец, даже не поморщившись, и выжал несколько капель крови из ранки в пузырек. Затем он передал пузырек со стилетом Франтишеку. Все повторилось.

Вацлав, обездвиженный двумя худощавыми парнями со стальной хваткой тяжеловесов,

в оцепенении наблюдал, как каждый из пятерых мужчин, присутствовавших в комнате, пускал себе кровь и сжеживал пару капель. Пузырек наполнялся рубиновым содержимым. Последними свою кровь добавили юнцы, сдерживающие его. Франтишек сам уколол их стилетом и подставил пузырек к ранке. Затем он передал пузырек главному. Тот запечатал его пробкой и взболтал так, что кровь пятерых смешалась. Лицо мужчины тронула довольная улыбка, а Вацлав сковало страхом от догадки. Он попал в руки сатанистов, исповедующих культ дьявола. Как назло, он не мог вспомнить ни одной католической молитвы. Это расплата за его грехи. После свадьбы он ходил на церковные службы с Эвелиной, но, вместо того чтобы слушать священника, любовался профилем жены, шепчущей слова молитв. Эвелина в такие минуты была похожа на ангела.

Главный тем временем склонился над столом с горящей свечой, разглядел кровь на свет и расхохотался. После чего в одно мгновение подскочил к Вацлаву, вывернул его руку, полоснул лезвием наискосок, проводя ровную красную линию через всю ладонь, а затем опрокинул пузырек, так что кровь пятерых незнакомцев смешалась с кровью Вацлава. Звякнуло, разбившись об пол, стекло. Это главный бросил ненужную больше склянку под ноги. А потом он прижал свою ладонь к ладони Вацлава, крепко сплетя пальцы. Его глаза блеснули безумием, голос захлебнулся ликованием.

— Ты теперь наш кровный брат!

Спустя сто девяносто шесть лет оказавшись рядом с тем роковым местом, Вацлав как будто наяву услышал слова вампира, который был уже мертв. Ладонь заныла от давно зажившего пореза. Он невольно развернул ее. От длинной царапины остался лишь короткий, едва заметный шрам, рассекающий его линию жизни надвое. Загульная молодость и семейное счастье с Эвелиной вверху ладони и вечность вампирского существования внизу. Вечность, в которой он сперва совершил много ошибок, а потом долгие годы замаливал свои грехи. Вечность, которая обрела смысл только с появлением Жанны.

«Как она там?» — заныло сердце. Франтишек не причинит ей вреда, не посмеет. У него не будет возможности остаться с ней наедине. Другие старейшины тоже заинтересовались новенькой, о которой столько слышали. Вацлав заберет ее, как только опустятся новые сумерки. И расскажет ей все. Как пришел на новогоднюю вечеринку в Москве, желая с ней объясниться. Как переживал, что свалившееся на нее наследство встало между ними. Как с ума сходил, когда она была под обвинением. Как ненавидел себя за ментальный допрос. Как готов был умереть за нее тогда, когда загородил ее от Громова и получил инъекцию. Как, прежде чем потерять сознание, слышал ее признание и не понял — правда это или бред. Как не понимал ее отчужденности на следующий день. Тогда некогда было разбираться в их отношениях — надо было спасать ее от «вышки» и бросить все силы на поиски убийцы. А когда все закончилось и обвинения с нее были сняты, рядом все время крутился Аристарх и не было шанса остаться с ней наедине. К тому же Аристарх ясно дал ему понять: он благодарен за все, что Вацлав сделал для Жанны, но их союза не одобрит. Меньше всего Вацлаву нужны были советы вампира, который младше его почти на сто пятьдесят лет!

В парижском аэропорту сама судьба свела их с Жанной, отправив в это неожиданное путешествие в город его детства. Разве это простое совпадение, что они оказались вдвоем именно здесь? Долгие годы он бежал от своего прошлого, а теперь настало время взглянуть в лицо своим страхам, поставить точку и начать новую главу своей жизни. И какая пошлость, что из всех номеров отеля им достались апартаменты для новобрачных! Казалось, сама Прага толкает их в объятия друг друга. Но их с Жанной отношения — не сценарий тривиального любовного романа. Он хотел, чтобы их объединило нечто большее, чем одна кровать на двоих, доставшаяся в результате досадного стечения обстоятельств.

Следующим памятным местом было трехэтажное здание на перекрестке. Сейчас старинный кремовый фасад отреставрировали, на крыше переливалось неоновым светом название дорогого отеля, а у входа почтительно застыл швейцар, готовый в любой миг сорваться с места и открыть дверь припозднившимся постояльцам. Обслуга и гости отеля и

не подозревают, что раньше здесь тайно собирались вампиры и, чтобы попасть внутрь, нужно было предъявить особый медальон, выдающий принадлежность к *кровному братству* ...

Вацлав быстро привык к своей новой жизни, которая началась с росчерка стилета на его ладони и с нового имени, которое ему дали братья. Они звали его Венцеславом на латинский манер. Окунувшись в неведомый для него мир, он понял, как ему не хватало мужской компании и новых впечатлений в его семейной жизни. Франтишек стал его проводником в этом тайном мире, и вскоре Вацлав уже считал его лучшим другом. По ночам, когда Эвелина засыпала, Вацлав и Франтишек выходили на охоту, выслеживая поздних прохожих. А затем, насытившись, отправлялись к месту сбора вампиров.

Среди пражских *братьев* давно зрел раскол. Консервативно настроенные вампиры, разменявшие не первую сотню лет, выступали за тайный образ жизни и приводили в пример собственный опыт. Молодые, среди которых были Франтишек и Адам, участвовавшие в посвящении Вацлава, ратовали за то, чтобы перестать скрываться и открыто захватить власть над людьми. Сначала в Чехии, потом во всем мире. В их безумном на первый взгляд плане была существенная доля истины. Многие из вампиров по всему миру занимали важные посты во власти и были аристократами, владевшими землей и крестьянами. Если бы после вампирского переворота народ вздумал взбунтоваться, мятежникам пришлось бы убить почти всю правящую верхушку и страна погрузилась бы в хаос. Среди наделенных высоким положением братьев были любимцы народа, которые могли повлиять на толпу, убедив ее в том, что правление вампиров — не зло, а благо. Следующим шагом, который собирались предпринять заговорщики, было обратиться к вампирам народных героев, влиятельных простолюдинов, к которым прислушается толпа. А чтобы перетянуть на свою сторону остальных братьев, настороженно относящихся к их затее, молодым заговорщикам и понадобился сын городского главы. Поначалу они были одержимы идеей разыскать прямого потомка последнего лорда и обратиться к нему, с тем чтобы он выступил на их стороне и возглавил переворот как лидер. Еще до того, как последний лорд стал вампиром, у него родился сын. Правда, не в законном браке, а в результате короткой интрижки с замужней придворной дамой. Обманутый муж, во избежание скандала, признал ребенка своим, а затем увез семью из Праги. Франтишек развернул целое детективное расследование, чтобы отследить продолжение этой линии крови. Пока Наполеон завоевывал мир, Франтишек готовился к своему завоевательному походу и объездил почти всю Европу, потратив пять лет из вечности на поиски прямого потомка, но вернулся ни с чем. Когда эта затея с треском провалилась, заговорщики обратили свое внимание на единственного наследника городского главы, его любимого сына, который мог сделать отца союзником своих кровных братьев, а возможно, и обратиться к нему.

Если бы не положение отца, вряд ли бы Вацлав удостоился внимания верхушки вампиров. Если только в качестве прохожего, кровью которого можно перекусить. Желания самого Вацлава вступить в ряды *братства*, естественно, никто не спрашивал. Обратного пути не было, и Вацлав окунулся в новую жизнь. Франтишек был очень убедителен. Он говорил, что вампиры — это элита, куда принимают только лучших представителей: аристократов, людей искусства, политиков, ученых. Кому, как не элите, править миром? И почему, обладая обширными знаниями и особенной силой, они вынуждены скрывать свое существование? Люди покорятся им. Надо только тщательно подготовить их к пришествию вампиров. Заручиться поддержкой влиятельных вампиров, объединить все братство в достижении высшей цели. Создать какую-то опасность, серьезно угрожающую людям, а затем отвести ее, выступив спасителями человечества. Несколько ученых-вампиров, вдохновленные идеей Франтишека, уже не один год корпели в лаборатории, изобретая смертельный вирус, единственным лекарством от которого будет кровь вампира. Военные выступали за то, чтобы развязать короткую, но беспощадную войну, остановить которую смогут только вампиры. И в том и в другом случае людям не останется ничего другого, как признать власть своих спасителей.

Вацлав теперь часто пропадал на совещаниях и тайных собраниях. Они с Франтишкой могли ночь напролет обсуждать грядущие перемены. Вацлав приобретал все больше влияния среди вампиров, к нему прислушивались, ему доверяли, за ним были готовы идти. Опыт отца, бывшего талантливым стратегом и политиком, передался и сыну.

С помощью интриг и союзников ему удалось без особых потерь сместить Томаша, старого консерватора, стоявшего у власти. *Братья* признали верховенство Вацлава, и он обосновался в подземной резиденции правителей, занимаясь подготовкой к мировому перевороту, в результате которого вампиры должны были выйти из тени и зажить бок о бок с людьми.

Дневные часы он проводил дома, был вялым и слабым, скрывался от лучей солнца за плотными шторами, ссылаясь на недомогание. Выходил на прогулку с Эвелиной только в пасмурные дни. И, каждый миг находясь рядом с ней, обнимая ее, целуя, лаская, терзался жадной. Кровь жены стала его навязчивой идеей, его самым страстным желанием. И только любовь, которую он к ней испытывал, удерживала от рокового шага...

Дойдя до места, где находился их с Эвелиной дом, Вацлав в растерянности остановился. Ошибки быть не могло. На улице еще сохранилось несколько отреставрированных зданий, которые он помнил. А там, где был их с Эвелиной дом, стоял ресторан из стекла и металла. Что ж, весьма символично. Не стало семьи — не стало и дома. Вацлав прислонился к фонарю, отбрасывавшему косую тень на кусочек улицы из его прошлого, и в памяти ожила та роковая ночь, когда они с Франтишкой отправились на охоту...

Вацлав дождался, пока дыхание заснувшей Эвелины станет ровным, и неслышно покинул постель. Жена не шелохнулась. Только в углу спальни прожгли темноту два желтых огонька — это кошка Снежинка настороженно следила за хозяином, отлучки которого для нее не были секретом. Так же как и те изменения, которые с ним произошли. С той ночи, как Вацлав вернулся от лжеювелира, Снежинка, прежде всегда спавшая свернувшись в клубок в ногах Эвелины, больше ни разу не запрыгнула на постель. Кошка облюбовала себе место на кушетке в углу комнаты, и даже когда Эвелина брала ее на руки и садилась на постель, Снежинка нервничала и торопилась оказаться как можно дальше от Вацлава. А тот, облокотившись о подушку, жадным взглядом наблюдал за женой.

Франтишек все чаще заводил неприятный разговор о том, что Эвелину надо обратить, так будет лучше для обоих супругов. И если поначалу Вацлав с негодованием отвергал эту идею, то со временем уже склонен был с ней согласиться. Но решиться осуществить задуманное никак не мог. Каждый вечер, глядя, как Эвелина возносит молитву Богу за прожитый день, Вацлав чувствовал себя последним негодяем и все чаще думал о том, что больше не имеет права находиться рядом с Эви, и сходил с ума от мысли оставить ее по собственной воле, дав ей право прожить человеческую жизнь без него.

Та ночь ничем не отличалась от множества других — холодных, сырых, непроглядных. Разве что мутная, казавшаяся багряной луна совсем низко висела над городом, ошетилившимся в небо острыми шпилями и тускло освещенным редкими фонарями. Франтишек с Вацлавом брели по темным извилистым улочкам Старого города, выбирая жертву, и у Вацлава внутри медленно, но неотвратно просыпалась жажда. Показались впереди двое гуляк, едва державшиеся на ногах. Даже на расстоянии от них разлило пивом и застарелым потом. Вацлав с Франтишкой брезгливо обошли их. Мелькнул пленительный женский силуэт, и вампиры невольно ускорили шаг. Но это оказалась всего лишь дешевая шлюха с некрасивым одутловатым лицом и с синяком под глазом, который не скрывал даже густой слой белил. Приятели торопливо свернули в переулок, скрываясь от развязных приставаний дурнушки. Наконец им повезло. Они услышали торопливый стук деревянных башмаков, а потом из-за угла показалась девушка лет двадцати в простом платье, которая несла в руках корзину с каким-то тряпьем. Заметив их, она в испуге замедлила шаг — в последние дни в городе было неспокойно, неизвестный убийца, прозванный Мясником, расправился уже с несколькими молодыми женщинами.

— Милая девушка, — шагнул к ней Франтишек, — позвольте, мы проводим вас до дома. Находиться в столь поздний час на улице небезопасно.

— А я ничего не боюсь! — звонко ответила она, хотя ее срывающийся голос говорил об обратном.

А потом Франтишек сделал одно неумовимое движение, наклонившись к ее шее, и рука девушки белым крылом взметнулась вверх, роняя острые спицы, которые она приготовила для обороны. Выпала из ослабевших пальцев корзина, рассыпались на мостовую клубки пряжи и кружева. Ворот нижней белой сорочки окрасился алым, цепочка красных капель упала на платье, и девушка безвольно обвисла в хищной хватке Франтишека. Влекомый жаждой, Вацлав подался вперед и погрузил зубы в молочно-белую шею девушки с другой стороны, как делал это уже не раз с другими. Он выпил всего пару глотков, когда позади него раздался надрывный крик. Голос, такой родной, такой любимый, звал его по имени:

— Вацек! Что ты делаешь? Вацек! Да что же ты...

Он медленно обернулся, чувствуя, как горячей струйкой стекает с губ чужая кровь, и отчетливо понимая, каким чудовищем он выглядит сейчас в глазах Эвелины. Бледная, наспех одетая, запыхавшаяся, она стояла в нескольких шагах от него, и ее голубые глаза стремительно наполнялись страхом и отвращением. Наверное, если бы ему в самое сердце вонзили осиновый кол, ему было бы не так невыносимо больно, чем смотреть в глаза Эвелины, в душе которой поднималось омерзение к нему. А еще трудней было сдерживать жажду, которая, получив лишь глоток необходимого, теперь требовала продолжения, застилала глаза красным туманом, бешено пульсировала в висках, требуя крови. Крови Эвелины. Такой любимой, такой желанной. Искустительный запах ее крови сочился сквозь кожу, как духи из опрокинутого флакона, совершенно сводя Вацлава с ума.

Он сделал шаг к жене, но она торопливо отскочила назад.

— Не подходи ко мне! — вскрикнула Эвелина, глядя на него с невыразимым ужасом. И, нащупав на шее крестик, выставила его для защиты. — Я сейчас закричу!

За спиной Вацлава послышался тихий стон и падение тела, это Франтишек, утолив жажду, бросил девушку, как пустую бутылку. А потом мимо промчался вихрь. И вот уже Франтишек отрезал Эвелине путь, не давая скрыться.

— Чего ты ждешь? — крикнул он Вацлаву и с беспокойством оглядел кусочек дороги между закрытыми на ночь торговыми лавками. Сюда выходило два переулочка, и с каждой стороны могли показаться поздние прохожие или ночной патруль, безуспешно отслеживающий Мясника. — Она не оставила нам выхода. Ты должен сделать ее одной из нас.

— Такой, как вы? — Эвелина содрогнулась от отвращения. — Лучше умереть!

Она была так искренна в своем порыве, что Вацлав с безнадежной тоской понял: Эвелина не примет жизнь вампира, не сможет жить так, как он. Глупо было даже надеяться на это.

— Быстрее, пока здесь никто не появился! — Франтишек нетерпеливо подался к Эвелине, но не успел ее коснуться — Вацлав бросился между ним и женой и одним ударом отшвырнул приятеля на несколько шагов. Толстая каменная стена дома, о которую ударился Франтишек, дала трещину — таким сильным вышел удар.

— Беги, Эви! — Вацлав обернулся к смертельно бледной жене. — Уходи! Быстро!

Эвелина испуганно попятилась, путаясь в подоле длинного плаща.

— Что ты творишь?! — яростно прогремел Франтишек, поднимаясь с мостовой. — Ты не можешь дать ей уйти!

Эвелина, вскрикнув, кинулась в темноту ночи и скрылась за углом дома. Франтишек бросился на Вацлава грудью, и они схлестнулись в ожесточенной схватке. Бывшие приятели в один миг сделались смертельными врагами. Теперь каждый из них отстаивал свое: Вацлав — жизнь Эвелины и ее право остаться человеком, Франтишек — свою безопасность и безопасность всех вампиров, которым могла повредить Эвелина, ставшая опасной свидетельницей. Они дрались насмерть. В глазах Франтишека Вацлав видел гибель Эвелины

и понимал, что приятель не оставит ее в покое. Только смерть Франтишека отведет угрозу от Эвелины, только в этом случае она сможет скрыться, навсегда уехать из города и начать новую жизнь. Вацлав поможет ей в этом, хотя разлука с женой разобьет ему сердце. Но лучше уж жить с разбитым сердцем, зная, что Эвелина где-то счастлива без него, чем вопреки ее собственной воле сделать ее вампиром и раскаиваться в этом всю оставшуюся ему вечность.

Противники не уступали в силе друг другу, бой шел на равных, уже пролилась первая кровь — кровь Вацлава, которая, попав на мостовую, почти сразу смешалась с кровью Франтишека.

— Глупый! — зарычал Франтишек, сбив его с ног и прижимая к земле. — Подумай сам: всем только будет лучше, если Эвелина станет вампиром. Разве ты ее не любишь? Разве не хочешь прожить с ней еще сотни лет?

Слушать это было невыносимо. Слишком велико было искушение поверить Франтишеку и забыть о непритворном ужасе в глазах Эвелины. Поэтому каждый удар — все сильнее, яростнее. Никакой жалости к противнику, ведь в уме уже подписан смертный приговор. Осталось только привести его в исполнение...

Но внезапно слух вампиров различил далекий мучительный крик, оборвавшийся на высокой ноте, и почти сразу же ночной ветер принес с собой острый запах крови, от которого у Вацлава померкло в глазах. Это была кровь, вкус которой снился ему ночами. Кровь Эвелины, аромат которой был сейчас запахом ее смерти. Сметя Франтишека с пути, Вацлав бросился вперед по кривой улочке, молясь о том, чтобы успеть. Один проулок, второй, третий... Запах крови Эвелины, казалось, пропитал воздух. Однажды Снежинка разбила флакон духов, и в спальне стало нечем дышать. То же самое Вацлав чувствовал и сейчас. Только теперь нечем дышать стало во всей Праге. С каждым мгновением запах становился все гуще, а воздух словно делался плотней — его приходилось разрывать, чтобы не замедлять бега. Еще один поворот — и Вацлав захлебнулся от вязкого аромата крови, которая пропитала платье Эвелины. Какой-то человек прижимал его жену к глухой стене дома — Вацлав отшвырнул его от Эвелины, одним движением сломав ему шею, и бросил на мостовую так, что хрустнули все другие кости. Из руки мертвеца выпал окровавленный нож. Вацлав повернулся к жене и увидел, как она сползает по стене на землю.

Только бы успеть, зашлось в безмолвном крике сердце. Только бы возродить Эвелину к жизни. Одного взгляда достаточно, чтобы понять — ее раны смертельны для человека. Но, может, еще остается шанс на то, чтобы воскресить Эвелину вампиром. Пусть она его возненавидит, только пусть живет.

Вацлав подался к потерявшей сознание жене и подхватил ее у самой земли, не дав упасть. Бережно прислонил к стене, едва сохраняя рассудок от запаха ее крови, которая сочилась сквозь его пальцы. Услышал еле уловимое биение пульса и чуть не сошел с ума от отчаянной надежды. Выдернул шпильку из ее растрепавшихся белокурых волос, торопливо полоснул себя по внутренней стороне руки, вскрыв вену от запястья до локтя, и даже не почувствовал боли. Что его царапина по сравнению со страшными ранами на теле его девочки? Прижал сочащуюся кровью вампира рану к глубокому порезу на шее Эвелины, моля небо о том, чтобы не было поздно.

Сердце Эвелины стукнуло в последний раз и замолчало навек... Небеса услышали обращенную к ним молитву. Но не Вацлава, просившего вернуть ему Эвелину, а самой Эвелины, которая желала умереть, только бы не стать вампиром.

После гибели Эвелины все сделалось пустым и ничемным. Видеть Франтишека и Адама, заниматься прежними делами было невыносимо. Вся эта затея с переворотом вдруг показалась ему такой ничтожной и глупой. Зачем это все, если Эвелины уже нет? Основной из причин, почему Вацлав ввязался в этот заговор, было то, что вампиры в глазах людей перестанут быть монстрами из страшных легенд и покажут себя защитниками и спасителями человечества. И тогда, он надеялся, Эвелина примет страшную правду о нем и, быть может,

сама захочет стать подобной ему. Теперь это уже неважно.

Невзирая на уговоры Адама и остальных, он бросил все и уехал из Праги. Здесь его больше ничто не держало.

Отцу, тяжело переживавшему гибель невестки, Вацлав обещал, что вернется, заранее зная, что видит его в последний раз. Слишком глубока была рана, образовавшаяся в его сердце, чтобы зарости даже за век. А отцу было отведено намного меньше. Вацлав оставил ему в утешение Снежинку. Изловить кошку было не просто — она шипела, забивалась под кровать, располосовала ему руки и щеку. Глубокие царапины зажили к тому моменту, когда он доехал до дома отца. А Снежинка, вырвавшись из мешка и испуганно мяуча, метнулась к ногам старика. Вацлав увидел, как на глаза отца навернулись слезы, и с тоской подумал, что на посту городского главы тому осталось недолго.

Первый месяц после смерти Эвелины прошел как в дурмане. Приехав в Лондон, Вацлав все ночи напролет проводил в пабах. Коньяк и кровь, кровь и коньяк — иначе он просто не мог дышать. Кровь нужна была ему для поддержания сил, коньяк глушил боль, хоть ненадолго притуплял чувство вины. Но днем, когда он отсыпался в доме, снятом в аренду, не спасали даже они.

Вацлаву часто снилась та страшная ночь. Только во сне Эвелина не убежала от него в ужасе и не попала в руки Мясника, а шагнула к Вацлаву, доверчиво обнимая и давая свое согласие на то, чтобы быть с ним вместе в вечности. Потом они скользили по улицам спящей Праги, взявшись за руки, и теперь, казалось, уже ничто не сможет разлучить их. Их будущее — вечность. Их любовь — вне времени.

Но даже во сне насладиться счастьем удавалось недолго. Исполнение мечты оборачивалось мучительным кошмаром. Стоило Вацлаву, поддавшись порыву, привлечь жену к себе и легким поцелуем коснуться ее медовых уст, вместо меда губы пили полынную горечь. Эвелина отвечала на поцелуй жадно, страстно, как неистовая куртизанка, ее поцелуй превращался в болезненный укус, и к горечи полыни примешивался металлический привкус крови. Вацлав со стоном отстранялся, не узнавая свою нежную жену. На мраморно-бе-лом лице, потерявшем все краски жизни, горели неистовой жадой огромные черные зрачки, вытеснившие небесно-голубую радужку глаз. Губы Эвелины, обычно нежно-розовые, как лепестки шиповника, были кричаще-алыми и выделялись, как капли крови на снегу. Он по привычке поднимал руку, чтобы коснуться ее лица, и впервые не чувствовал тепла. Как будто дотрагивался до камня... А Эвелина вдруг настораживалась и оборачивалась в сторону переулка, из которого навстречу им выныривал поздний гуляка, возвращавшийся из пивнушки. Вацлав с дрожью замечал, как по-звериному трепещут тонкие ноздри жены, втягивая аромат живой крови, и стискивал ее за плечи, стремясь остановить. Но разве удержишь новообращенного вампира, снедаемого дикой жадой? Эвелина просто сметала его с пути, так что Вацлав больно ударялся о каменную кладку дома, и разрушительным смерчем устремлялась к прохожему. Раздавался сдавленный вскрик, а потом до слуха Вацлава доносилось жадное лакание, и невозможно было смириться с тем, что эти звериные звуки издает его нежная, изысканная жена. Он добирался до нее через минуту, но было уже поздно. Человек был мертв, а Эвелина, присосавшись к его шее, словно большая пиявка, продолжала свое кровавое пиршество.

— Прекрати!

Ему с трудом удавалось оттащить беснующуюся жену от трупа.

— Посмотри, что ты натворила! Он мертв!

В черных, чужих глазах не отражалось ни тени сожаления. И Вацлав с содроганием понимал, что это существо с лицом его жены — уже не та, кого он любил. Его Эвелина была чуткой, сострадательной и милосердной. Ее сердце разрывалось от жалости к бездомным собакам и голодным нищим. Она стремилась помочь всем: попрошайкам, раненым птицам, брошенным котяткам, побитым псам. Будучи бедной белошвейкой, она могла сунуть нищему последний грош или разделить с ним булку, купленную на ужин. Став богатой пражанкой, она щедро раздавала деньги Вацлава. И, отправляясь за новым платьем, могла вернуться без

обновки и с пустым кошельком. У Вацлава не было сил ее укорять, когда она со слезами на глазах рассказывала о случайно встреченной ею прежней приятельнице-белошвейке, которая влачит жалкое существование, ждет ребенка от человека, который от нее отвернулся, и едва сводит концы с концами. Эвелина не могла поступить иначе, как отказаться от покупки платья, казавшегося ей излишеством, когда она еще прежних не сносила, и отдать приятельнице все деньги, которые Вацлав выделил жене на обновку. Она переживала чужое горе как свое. В этом была вся его Эвелина.

У той же, что стояла перед Вацлавом во сне с перепачканным в крови ртом, не возникло даже мысли о том, что человек, которого она убила, был чьим-то сыном, братом, мужем, отцом. Эта Эвелина была ему совсем незнакомой и чужой, даже отвратительной... С мучительным стоном он просыпался и тянулся к бутылке коньяка, которая всегда стояла у изголовья кровати.

Так продолжалось изо дня в день. Пока однажды, шатаясь в пьяном полузабытии по улицам Лондона, Вацлав не почувствовал запах свежей крови. Нюх вампира безошибочно вел его два квартала, распаляя жажду, пока не вывел к тупику между домами, где лежала мертвая девушка. Сначала Вацлав решил, что здесь побывал вампир, — шея несчастной была располосована, по платью стекала кровь. Но потом увидел, что крови было слишком много — она черной лужей разлилась по тротуару, впитываясь в щели между булыжником. Ни один вампир не стал бы так бездарно расходовать пищу. Наклонившись к несчастной и убедившись, что ее сердце не бьется, Вацлав на миг застыл, как гончий пес. Кожа девушки еще была теплой. Он разминутся с убийцей всего на несколько минут. И теперь, прислушиваясь к звукам спящего города и жадно ловя чужие мысли, Вацлав пытался отыскать след. Кровь, красным родником разливающаяся у ног, его больше не волновала. Он был одержим другим желанием — найти убийцу. Найти и остановить. Чтобы такие юные девушки, как его Эви, больше не погибали. Чтобы матери не оплакивали дочерей, а женихи — невест. Чтобы на свете стало одним отморозком меньше. От этого будет лучше всем.

Вацлав настиг его в трех кварталах от места убийства. Знакомый запах крови девушки на запачканных манжетах батистовой рубашки не оставлял никаких сомнений в виновности человека. Вацлав свернул ему шею, а потом пил его кровь, пока не насытился. Закончив, он отбросил тело в сторону и с брезгливостью посмотрел в породистое правильное лицо с остекленевшими глазами. Наверняка потомственный аристократ, порядочный семьянин. Встретишь такого днем — никогда не заподозришь в наличии демона, который по ночам толкает его на преступления. Убийца может обмануть кого угодно — судью, полицию, соседей, родных. Только не вампира. У Вацлава есть большое преимущество. Он может заранее узнать намерения преступника, он может вычислить его методами, которые недоступны полиции, он может его остановить. Кажется, его никчемная вампирская жизнь еще на что-то сгодится.

Он жил одиночкой, бродил тенью по ночным улицам и спасал невинных людей от хладнокровных головорезов и обезумевших маньяков. Стоило ему узнать, как в каком-то городе появился серийный убийца, он сразу же отправлялся туда, чтобы остановить сукиного сына, стереть с лица земли и пригвоздить могильной плитой. Портрет Эвелины всегда был рядом с Вацлавом, он носил его под сердцем. Эвелина, изображенная на нем вскоре после свадьбы, была ангелом, которого он не уберег, той, ради кого он еще оставался человеком.

Уже потом, меняя города и страны, Вацлав время от времени встречался с подобными себе вампирами, которые преимущественно питались кровью преступников. Кого-то в этом привлекала охота, объектом которой становился не глупый кролик, как большинство обычных людей, а опасный хищник, убивающий тех же кроликов. Выследить и уничтожить хищника было куда интереснее, чем отбирать кровь у слабых. Кто-то из вампиров, еще будучи человеком, потерял близких по вине убийц и теперь мстил всем злодеям. Кто-то, став вампиром не по своей воле, не допускал мысли о том, чтобы пить кровь у незащищенных людей. Раз уж без крови не обойтись, считали они, пусть уж это будет кровь тех, кто приносит несчастья другим и не заслуживает жизни.

В тысяча девятьсот пятьдесят шестом, когда обсуждались положения Пражского договора, таких вампиров по всему миру было достаточно для того, чтобы собрать их в команды Гончих и узаконить их деятельность. Так Гончие из одиночек превратились в организованные группы, которые, помимо ловли преступников среди людей, занялись и расследованием преступлений в среде вампиров. С принятием договора, когда каждый решивший стать вампиром должен был добровольно дать согласие на инициацию, а окончательное решение принималось голосованием вампиров, Гончие выторговали себе поощрение. Убедив авторов закона в том, что молодых Гончих следует искать среди отчаявшихся людей, переживших потери близких, Гончие добились отмены всеобщего голосования для своих новых сотрудников. Для того чтобы стать вампиром-Гончим, было достаточно решения главы Ордена и одобрения двух старейшин.

Однако принятие Пражского договора вскоре обернулось тяжелым испытанием для самого Вацлава. Серийный убийца, по следу которого он шел, оказался на редкость хитроумным и изобретательным. Заметив слежку, он попытался вывести Гончего из игры и подставил его. Местная полиция застала Вацлава у тела очередной жертвы и арестовала. Прежде он бы сумел уйти, ранив или убив полицейских, лишь бы не выдать себя. Но теперь он подчинялся новым законам вампиров. Вацлав был вынужден сдаться и ждать, пока всемогущие вампиры договорятся с людьми о его освобождении. Он провел в тюрьме три дня, там его допрашивали следователи. Но это было ничто в сравнении с тем, когда за него взялись свои. После того как его забрали из тюрьмы, он попал в руки дознавателей Клуба. Против него было несколько улик — убийца каким-то образом вычислил жилище Вацлава и подбросил ему нож с кровью предыдущей убитой женщины. Вампиры должны были убедиться, что Гончий невиновен. И его подвергли ментальному допросу.

Прежде чем добраться до необходимых воспоминаний о событиях последних дней, дознаватели пристрастно изучили всю его предыдущую жизнь — начиная с юных лет в Праге. Во время ментального допроса Вацлав вновь пережил знакомство с Эвелиной, свою пылкую юношескую влюбленность к ней, трепет брачной ночи, смертельную тоску того рокового вечера, когда Эвелина узнала, что он стал вампиром, ее кровь на своих ладонях... За несколько часов тягостной процедуры он вернулся в самые важные отрезки своей жизни и испытал самые сильные эмоции, от тяжести которых, казалось, вот-вот взорвется сердце. Гончего признали невинным, и впоследствии он нашел убийцу, жестоко отомстив ему за все, что Вацлаву пришлось пережить. Это было громкое дело. Преступник оказался обезумевшим магом, который увлекся некромантией и убивал ради опытов по оживлению. Маги написали возмущенное письмо в Клуб, негодуя по поводу того, что Гончий посмел поднять руку на мага, но быстро умолкли, когда старейшины предъявили им досье на убийцу с непреложными уликами, собранными Вацлавом.

Однако ни извинения магов, ни назначение старейшин, которые предложили ему возглавить Орден Гончих, не могли залечить ту рану, которая вновь с прежней силой кровоточила в его сердце после ментального допроса. Он пытался забыть о том, что случилось с Эвелиной, полтора века. У него почти получилось. Но его заставили вернуться в тот ад и пережить его заново. И чувство вины, которое он старался заглушить все эти годы, вновь поселилось в его разбитом сердце. Вот почему он ненавидел тех, кто проводил ментальный допрос. Вот почему переживал, что Жанна его тоже возненавидит, затаит на него обиду. Но, кажется, в ее душе не было неприязни к нему. А значит, у него есть шанс...

Погрузившись в прошлое, Вацлав и не заметил, как вышел на Староместскую площадь. Площадь была пустыня — около четырех часов утра здесь встретишь разве что вампира. Тончайшие шпили Тынского храма, похожие на швейные иглы, пронзали чернильное небо. Две высокие башни по бокам и средняя пониже очертаниями походили на перевернутую букву М. Проектор, направленный снизу на фасад, слепил глаза. В рассеянном свете дома, выходившие фасадами на площадь, казались желтыми. Тогда как сам храм был ослепительно-белым, как первый снег.

Для туристов Тынский храм — всего лишь одна из достопримечательностей Праги. Для него — символ утраченного счастья. Здесь они венчались с Эвелиной. Сейчас, даже если бы храм не был закрыт на ночь для посещений, он не решился бы войти. Слишком много крови на его руках. Пусть и крови тех, кто не заслуживает того, чтобы жить на этой земле. Убийцы, насильники, извращенцы, маньяки. Он уничтожал их, чтобы уберечь невинных. Но в глазах Бога он такой же преступник, как и они. Убийца, грешник. Ему не вымолить прощения. Да он и не собирается этого делать. Когда придет время, он ответит за все свои деяния. А пока на свете слишком много мрази, чтобы расслабляться.

Вацлав развернулся и зашагал к ратуше, которая совсем не изменилась со времени его отъезда из города. Стрелки на циферблате мерно отсчитывали мгновения ночи. И ему показалось, что они движутся непозволительно медленно. Скорей бы миновала эта ночь, скорей бы забрать Жанну из Подземного Града.

Надо позвонить Жанне, узнать, как она там. Вацлав вытащил мобильный и набрал номер, который помнил наизусть.

Глава 4

ВАМПИРСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Ты навсегда выжжена в моем сознании, как клеймо, и ничто на свете не изменит этого.

Рэйчел Мид. Академия вампиров. Кровавые обещания

За каждой женщиной стоит мужчина. Мужчина, создавший ее, или мужчина, предавший ее. А за каждой проблемой женщины стоит женщина. Любимая или любящая.

Катя Сергеева. Жизнь. Любовь. Ненависть

«Нет сети». Я яростно потрясла мобильный, но тот по-прежнему демонстрировал полное отсутствие связи. Неудивительно, я же под землей! В катакомбах, где нет ни одной живой души.

Вечно со мной так. Сначала сделаю, потом подумаю. Не говори «упс», пока не напортачишь. А теперь хоть оборись — никто не услышит.

Вот какого черта тогда в Париже я сбежала из-под надзора телохранителей, отключила телефон и поехала за город в Замок Сов? Была бы паинькой, Влад Карасик не смог бы подставить меня в том убийстве, которое положило череду всем моим несчастьям и чуть не привело меня к гибели. Уж как я себя потом ругала за этот поступок! Хотя не побывай я тогда в замке, никогда бы не узнала про своих кровных сестричек, тайком обращенных Жаном. И уж точно сейчас бы я не блуждала в подземельях Праги, ища путь наверх.

Хотя в том, что я заблудилась, виновата только я сама. Подумаешь, не понравились мне вопросы пражских вампиров и сальные взгляды, которые на меня бросал этот дурак Франтишек. Могла бы ведь сослаться на мигрень, спрятаться в комнате для гостей и дожидаться прихода Вацлава! Так нет же! Отпросившись в туалет, я сбежала из резиденции вампиров и рванула в катакомбы, уверенная в том, что без проблем найду выход наружу. Ну не дура?

Я еще раз нажала на кнопку вызова с номером Вацлава, на что телефон снова пиликнул: «Нет сети». Правильно, только полная дура может рассчитывать на мобильную связь в десятке, а то и больше метров под землей.

Я теперь даже вход в Подземный Град вампиров найти не могла. Оставалось только бессмысленно плутать по ответвлениям коридоров и подниматься по лестницам на верхние нежилые уровни, удаляясь все дальше и дальше. И даже Якуб мне не помощник — как объяснил призрак, он не может покидать стен зала. Точно так же как призраки, которых мы встретили в катакомбах, были заложниками хранилища со старым барахлом и не могли переступить его порога. Честное слово, я бы сейчас обрадовалась им как родным и кинулась

бы к ним с просьбой указать путь наружу. Да только я заблудилась так капитально, что не смогла найти даже тот зал по пути от дворца к старой лестнице. Зато, увидев подъем вверх, с воодушевлением ринулась на другой уровень, в надежде, что он выведет меня наверх. Как же! Теперь я брела по совершенно незнакомым коридорам и залам, похожим друг на друга настолько, что у меня создавалось ощущение, что я хожу по заколдованному кругу. Факел, который я прихватила у вампиров, уже погас, приходилось светить себе мобильным. Спуск вниз я уже потеряла, несколько раз упиралась в тупик и возвращалась назад, потом нашла еще одну лестницу, ведущую вверх. Сейчас, наверное, я на пятом подземном этаже из восьми.

В пражских подземельях было еще холодней, чем в неотапливаемом Замке Сов. В замке Жана хотя бы ковры и деревянные настилы сохраняли тепло, здесь же кругом были одни стылые камни. Как в склепе. Я зябко куталась в куртку, но уже начинала потихоньку постукивать зубами. А я еще недавно жалела, глупая, что не надела вечернее платье для встречи с пражскими вампирами. Хороша бы я в нем была сейчас! Теперь я уже мечтала о шубе с валенками. И о тех теплых рейтузах, что с завидным фанатизмом дарила мне бабушка Зина — полная противоположность бабушки Лизы.

Капля воды сорвалась с потолка и упала мне за шиворот, я зашипела как кошка, спугнув притаившуюся впереди крысу. Сколько же здесь этих отвратительных серых грызунов! При встрече с первой крысой, бросившейся мне под ноги, я, как водится, завизжала. А сейчас уже смирилась с ними как с неизбежным.

Завернув за угол, я угодила в груды какого-то дурно пахнущего тряпья, сваленного у стены. Чертыхнувшись, отскочила на шаг, посветила мобильным. Слабый огонек выхватил из мрака старый матрас с кучей ветоши. Поздравляю, Жанна, похоже, ты обнаружила ложе бомжа! Значит, здесь уже начинается территория любопытных людей и есть шанс вскоре выбраться на поверхность. Интересно, я брезгливо обошла тряпье, бездомный еще бродит где-то поблизости или его уже съели местные вампиры? Надо будет узнать у Вацлава, как они тут питаются. Сомневаюсь, что такие старые вампиры — фанаты донорской крови. Тогда как они утоляют жажду? Поднимаются наверх по ночам или приводят людей сюда? А сколько смогу продержаться без еды и без крови я сама? Последний раз я опорожнила бутылочку сыворотки перед отъездом в аэропорт в Париже — дедушка Аристарх заботливо следил за моим полноценным питанием. С тех пор прошло уже почти двое суток. Жажда пока не давала о себе знать, но кто знает, сколько мне здесь еще плутать?

Неподалеку от места ночевки бездомного я обнаружила смятый и выцветший бумажный стаканчик с логотипом Старбакса. Все на свете бы сейчас отдала за большую кружку латте! Надо будет подать владельцам Старбакса идею открыть филиал в пражском подземелье. Если выберусь, конечно. О мрачном я старалась не думать и стоически брела по лабиринтам извилистых коридоров, светя себе мобильником — хоть на это никчемная трубка сгодилась! Хорошо хоть на каждом шагу не встречаются черепа и скелеты как наглядные примеры того, что ждет неразумного путника, имевшего несчастье заблудиться.

Вдруг в гробовую тишину подземелья ворвался далекий автомобильный гудок откуда-то сверху. От неожиданности я подскочила на месте и сломя голову бросилась на звук. Вскоре в лицо пахнуло сквозняком, и я смогла различить шум мотора проехавшей машины. А уж когда, вывернув из-за очередного поворота, я увидела среди крошечной темноты впереди круг света, то издала победный вопль и ринулась туда. Спасена!

Из хода с низким потолком я выбежала в небольшой квадратный зал и затормозила. Стены здесь насчитывали метров шесть высоты и упирались в потолок, в центре которого виднелась вентиляционная решетка. Задрав голову, я смотрела в это спасительное окошко, видела звездное небо, казавшееся особенно далеким из-под земли и не могла надышаться свежим морозным ветерком после затхлого спертого воздуха подвалов. А потом закружилась на месте, оглядывая стены в поисках лестницы. Ведь должна же она здесь быть, должна! Не желая верить очевидному, я обежала весь зал по периметру, ощупывая влажные холодные стены и ломая ногти о камни. Ничего. Просто каменный колодец с вентиляционной

решеткой наверху.

— Эй, кто-нибудь! — закричала я и запрыгала на месте, отчаянно размахивая руками, словно меня здесь кто-то мог увидеть. Крик эхом ударился о каменные стены и, отскакивая от них, как теннисный мячик, улетел сквозь решетку. Он теперь был свободен. В отличие от меня.

Глупо надеяться, что кто-то услышит мой крик ночью. А уж днем, когда по улице будут носиться машины, мои шансы быть услышанной и вовсе равны нулю. Если только по счастливому стечению обстоятельств какая-нибудь пражская модница не выронит в решетку свое любимое колечко и не вызовет службу спасателей, чтобы найти его. И меня заодно.

И тут мою бессильно опущенную руку пронзила вибрация мобильного телефона, и в десятке метров под землей зазвучала песня Брайана Адамса Everything I Do I Do It For You. Мелодия, которую я поставила в самолете на входящие звонки от Вацлава.

От неожиданности я выронила телефон, и тот жалобно звякнул, стукнувшись о камни. Мелодия оборвалась на полуслове, экран погас. Я рухнула на колени, подбирая телефон и отлетевшую в сторону батарею и молясь, чтобы он заработал. И как я сразу не сообразила? Где, если не здесь, почти рядом с поверхностью, может быть сигнал? Пальцы дрожали, когда я вставляла батарейку, сердце тревожно сжалось, когда я включала мобильный. Только бы работал, только бы работал, только бы... Есть сеть! И в тот же миг экран ожил, высвечивая родное имя, из динамиков полилась музыка. Я торопливо прижала мобильный к щеке и чуть не расплакалась, услышав встревоженный голос Вацлава.

— Жанна! Я не мог до тебя дозвониться. Ты как там?

— Я... Я заблудилась, — сбивчиво пробормотала я, купаясь в ласке его голоса.

— Где ты? — отрывисто спросил Вацлав. — Ты в Граде?

— Я сбежала оттуда, — выдохнула я. — Я сейчас в подzemелье и...

Мне надо было так много сказать ему. Что я в порядке и чтобы он не волновался. Что мне страшно, что я заблудилась и не могу найти выход. Что я счастлива услышать его голос. И что я жду, чтобы он нашел меня здесь. И спас, как всегда спасал раньше. Но ничего этого я сказать Вацлаву не успела. Потому что трубка вдруг замолчала, и я перестала слышать его взволнованное дыхание. Экран погас, и попытки реанимировать мобильный ни к чему не привели. Он полностью разрядился. Я израсходовала весь запас батареи, пока металась по подземелью и светила себе трубкой. И теперь я даже примерно не могла описать Вацлава, где нахожусь.

Я бессильно прислонилась к стене, чувствуя себя загнанной в ловушку. Под моими пальцами по каменной кладке сочилась вода. Словно это плакали камни.

И тут появилась она. Эвелина.

Сначала я увидела белый силуэт, и с надеждой подалась к нему. Потом из темноты на меня зорко глянули прозрачно-голубые глаза, и Эвелина издала радостный возглас на своем языке. Похоже, она меня искала. В лицо пахнуло знакомым холодком, и я попятилась, пока не уперлась спиной в стену.

Взгляд отстраненно фиксировал детали: простое кремовое платье и накинутый на плечи плащ с завязкой на шее, небрежно заколотые шпильками светло-пепельные волосы, ногти, не знавшие маникюра, старомодные туфли, подошвы которых не касаются земли... Глеб как-то обмолвился, что Вацлав специализируется на маньяках. Но никто во всем Московском Клубе не имел ни малейшего представления о прошлом Вацлава. Гончий никогда ни с кем не откровенничал. Выходит, блондинка с портрета стала жертвой серийного убийцы? Но ничего, указывающего на насильственную гибель, во внешности призрака нет — ни темных пятен крови на одежде, ни следов от удавки на шее. Бросается в глаза только некоторый беспорядок в одежде, как будто она одевалась наспех, а потом еще долго бежала.

Призрак неотвратимо приближался ко мне. От его близости у меня заковенели руки, в щеки и губы словно впились иголки. Наверное, так же чувствовал себя Кай перед тем, как

его заморозила Снежная королева.

— Что тебе от меня нужно? — пробормотала я по-русски.

Эвелина остановилась в шаге от меня и тоже что-то спросила. Только на своем языке. А потом нахмурилась, видя, что я не понимаю ее. И повторила вопрос еще раз, громче и отчетливей.

— Я не глухая, — с досадой ответила я. — Только, извини, чешский выучить не успела.

То ли от пережитого волнения, то ли от абсурда ситуации с моих губ сорвался смешок. Подумать только — встретить призрака и не суметь пообщаться с ним, потому что он говорит на другом языке. Ни в одной книге и ни в одном фильме я такого не видела. В придуманных реальностях не существует языковых барьеров, а вот в реальной жизни непонимание рискует вымахать до размеров Великой Китайской стены. Я уже представляла себе, как Эвелина будет отчаянно жестикулировать, пытаясь объяснить мне то, что хочет сказать. А может, и до настенных рисунков дойдет? А что, время у нас пока есть.

Видя, что я ее не понимаю, Эвелина с досадой произнесла себе под нос на чистейшем английском:

— Не понимает! Как же быть?

— Ты говоришь по-английски? — воскликнула я.

— Конечно! — оживилась она. — Я же англичанка!

Мы замолчали, настороженно разглядывая друг друга.

Теперь, когда мы могли общаться на понятном нам языке, мы обе растерялись и не знали, с чего начать.

— Кстати, меня зовут Эвелина, — нарушила молчание она.

— Знаю, — кивнула я. — Ты невеста Вацлава. А я Жанна.

— Вообще-то, — с ревностью поправила она, — я его жена.

Я закашлялась. Интересно, как долго они были женаты, до того как...

— Может, у вас еще и дети есть? — с замирающим сердцем уточнила я.

— Нет, — с тоской ответила Эвелина. — Мы не успели. Все случилось так быстро...

Она нахмурилась и замолчала. Я тоже молчала, разглядывая бывшую жену Вацлава и сравнивая ее с портретом. На рисунке она казалась настоящим ангелом — с наивным и добрым взглядом, с ласковой улыбкой, душа нараспашку. Ее черты были мягкими и нежными, лицо сияло внутренним светом и любовью ко всему миру. Про таких людей говорят — солнечные, к ним тянутся, чтобы ощутить на себе прикосновение их душевного тепла и чтобы рядом с ними самим стать чуточку лучше, очиститься от грехов, искупавшись в благодатном свете их невинных душ. А вот от призрака исходил холод, а в глазах Эвелины сквозила вековая усталость. Прожить уйму лет в призрачном обличье и блуждать по вампирскому подземелью — это, знаете ли, выведет из себя и ангела. Кроме того, от меня не укрылось, что Эвелина смотрит на меня с затаенной ревностью — она ревновала к тому будущему, которое может быть у нас с Вацлавом. Я же отчаянно ревновала к прошлому, которое она прожила с Гончим. В голове мельтешили образы: вот Вацлав, одетый в старомодный камзол, делает ей предложение, опустившись на одно колено, вот они венчаются в церкви, вот он откидывает вуаль и целует свою молодую жену, а вот они оказываются в спальне и он разоблачает невесту из кружев подвенечного платья... Что толку гнать эти мысли? Все это у них было. И предложение, и свадьба, и первая брачная ночь. А за ней — еще множество.

— Что ты здесь делаешь? — Эвелина первой нарушила молчание.

Я усмехнулась, глядя на круг лунного света за ее спиной:

— Принимаю лунные ванны.

— Почему ты не с Вацеком? — нервно поинтересовалась она.

— А он лунные ванны не любит, — нервно пошутила я.

— Я видела, как он ушел. Я проводила его до самого верха. Но он не видит меня, — с горечью заметила она и пристально взглянула на меня. — Какая ирония! Из всех, кто добывал здесь за последние два века, только ты, которая пришла с моим Вацеком, оказалась

видящей !

Это ее «моим» больно резануло меня. Хотелось хорошенько встряхнуть призрачную девушку и крикнуть: «Очнись! Ты давно умерла! Вацлав уже не твой». Но она выглядела такой грустной, такой потерянной, что я спросила другое.

— Два века? — На портрете, который я видела у Вацлава, стояла дата — 1843 год.

— Я стала призраком в тысяча восемьсот тринадцатом, — призналась Эвелина.

А портрет явно писали при жизни. Значит, я перепутала цифры. Ничего удивительного: у меня тогда слезы лились Ниагарским водопадом, вот и ошиблась. Выходит, Гончий еще старше, чем я думала.

— Вы с Вацлавом... — Она настороженно уставилась на меня, не решаясь задать мучивший ее вопрос. — Вы с ним вместе?

Хотела бы я ответить утвердительно! Но я только покачала головой.

— Как же так? — Эвелина с недоверием вскинула глаза. — Я же застала вас, когда вы целовались!

— Мы не успели, — недовольно возразила я. — Ты выскочила, как гаишник из кустов, и напугала меня до смерти.

— Кто такой гаишник? — Она нахмурила лоб. — Какой-то русский демон?

— Вроде того. — Я не стала вдаваться в объяснения. Сейчас меня больше волновало другое. — Скажи, а ты точно не моя галлюцинация?

Эвелина усмехнулась одними уголками губ, и я отметила ее сходство с актрисой Гвинет Пэлтроу — те же светлые волосы, выразительные голубые глаза, тонкие черты лица.

— А других ты видела? Тех, которые заперты в зале с рухлядью? Вы должны были проходить его по пути в Подземный Град.

— Видела, — уныло подтвердила я.

— Значит, я не галлюцинация. А ты — видящая. — Она пытливо уставилась на меня: — Как такое возможно? Ты ведь вампир!

— Такая уж я уникальная в своем роде, — пробормотала я и вдруг пристально уставилась на нее. — А ты сама? Ты ведь не заперта в том зале, а можешь свободно ходить по подземелью.

— Они тоже могли, пока Жан не привел ведьму, которая их заколдовала, — печально промолвила Эвелина. — Мне повезло, я успела скрыться.

— Подожди, Жан? — пораженно переспросила я. — Жан Лакруа?

— Кажется, да, — задумалась она. — А ведьму звали Элен.

Та самая магичка, которая помогала Жану в розыске Серебряных Слез!

— Но зачем они это сделали? — удивилась я.

— Призракам известно многое, — уклончиво ответила Эвелина. — А в этих стенах часто творятся такие дела, о которых вампиры не желали бы распространяться.

— Вот почему Вацлав предупредил меня, что здешним вампирам не стоит знать о моих видениях, — поняла я.

— Он заботится о тебе, — с оттенком грусти сказала Эвелина. — Как заботился обо мне когда-то...

— Что с тобой случилось? — охрипшим от волнения голосом спросила я.

— А Вацек тебе разве не рассказывал?

Я покачала головой. Похоже, это сильно задело призрака.

— Хочешь узнать, как все было?

Я торопливо кивнула.

— Хорошо, я тебе все расскажу.

Голос Эвелины журчал ручейком, где-то за стеной по капле стекала талая вода, разбиваясь о пол, скребли по камням коготки крыс, сновавших по подземелью, как у себя дома. Это была самая странная ночь в моей жизни. Призрак жены Вацлава, с портретом которой он не расставался почти двести лет, рассказывал мне о себе и о Вацлаве. Случайное знакомство на пражской улочке, любовь, вспыхнувшая как искра, неодобрение отца Вацлава,

оказавшегося ни много ни мало городским главой. Слушая Эвелину, я узнавала и не узнавала своего знакомого Гончего. Чтобы Вацлав был гулякой, кутилой и картежником? Чтобы Вацлав когда-то проводил ночи напролет в пивнушках? Хотя это объясняет его интерес к пивной «У Флеку», мимо которой мы сегодня проезжали. И в то же время кто, как не он, готов был бросить вызов собственному отцу, поступить по-своему, не считаясь с общественным мнением? Я слушала Эвелину, а представляла на ее месте себя. Это я спасала котенка от своры собак, а Вацлав спас меня. Это я спешила к нему на свидания в Старом Граде. Это я гуляла с ним по Карлову мосту. Это мне он признавался в любви. Мне сделал предложение...

— Ты слушаешь? — окликнула меня Эвелина и, убедившись, что я вся внимание, продолжила: — Так вот, вскоре после свадьбы...

Нет, глупо пытаться отрицать прошлое Вацлава. Вот же оно, это прошлое, с белокурыми локонами и голубыми глазами, стоит, точнее, парит напротив меня. И это прошлое Вацлав носит с собой в кармане своей куртки. Как обрадовалась Эвелина, когда я сказала ей об этом! Как зажглись ее глаза, какая улыбка засияла на ее лице!

Эвелина приблизилась к самой трагической части рассказа, и я вся обратилась в слух. Несколько месяцев с начала нашего знакомства с Вацлавом мне только оставалось гадать, кто была та таинственная блондинка, смерть которой он оплакивал по сей день, и что за трагедия произошла с ней и привела его в Гончие. Теперь я была в нескольких шагах от разгадки.

Дойдя до своей гибели, Эвелина тяжело вздохнула и замолчала. В подземелье повисла мертвая тишина. Было слышно, как бежит вода, просачиваясь сквозь каменные плиты, и как где-то вдалеке скребется крыса. Я не торопила призрака, но Эвелина и сама довольно быстро взяла себя в руки и продолжила рассказ.

То, что любимый муж оказался адским созданием, вампиром, стало для нее трагедией. Она и правда не шутила, когда в сердцах воскликнула, что лучше умрет, чем станет подобной ему. Когда Вацлав вступился за нее перед Франтишкой и позволил ей скрыться, она бежала по улицам ночной Праги, не разбирая дороги. Слезы застилали глаза, сердце сковала смертельная тоска. Эвелина не представляла, как дальше жить. Накануне Франтишек намекнул ей, что Вацлав отлучается по ночам из дома, и посоветовал проследить за мужем. Эвелина испугалась, что Вацлав ее разлюбил, и боялась застать его с любовницей, когда отправилась тайком за ним. Действительность оказалась намного страшней. Если бы только у Вацлава была случайная связь с женщиной, это бы она как-нибудь пережила. Но невозможно принять, что ее нежный и заботливый муж оказался исчадием ада, пьющим людскую кровь. От быстрого бега закололо в бок. Эвелина в изнеможении прислонилась к стене дома, и сердце зашлось тоской при мысли, что своего дома у нее больше нет. В дом, где живет вампир, она не вернется и под страхом смерти. А потом из-за угла метнулась высокая тень, и ночь окрасилась алым всполохом боли... Убийцу не зря прозвали Мясником. Эвелина узнала замкнутого горожанина, в лавке которого она на днях покупала парную телятину. Вот только рассказать об этом никому уже не успела...

Эвелина тяжело задышала и отвернулась, пряча брызнувшие из-под ресниц слезы. Я подалась к ней, движимая желанием приобнять за плечи, и неловко застыла. Призрака, у которого нет плоти, прикосновением не утетишь. Кажется, я поняла, почему в облике Эвелины нет следов нападения убийцы. Ножевые ранения достались телу, но не душе. Изуродованное тело давно рассыпалось в прах, а душа выглядит по-прежнему юной и красивой — такой, какой была Эвелина до встречи с Мясником.

Страшная правда, которая мне открылась, камнем легла на сердце. Теперь я знала, почему Вацлав особо яростно выслеживает маньяков.

— А потом я услышала голос Вацека, который отчаянно звал меня, — наконец справилась со слезами Эвелина. — И я очутилась рядом с ним. Вацек прижимал к себе мое мертвое тело и умолял меня вернуться. Я была рядом, но он меня уже не видел... Я ходила за ним тенью, до тех пор, пока он не уехал из Праги. Покидать пределов города я не могу — его

улицы впитали мою кровь, и я навсегда привязана к ним. Сперва я поселилась в нашем доме, надеясь, что Вацек когда-нибудь туда вернется. А когда дом разрушился, я переселилась сюда. Вацек приходил сюда вскоре после моей смерти, и я верила, что, если он окажется в городе, то непременно навестит старых друзей...

Она горестно замолчала, а я пытливо спросила:

— Так это он тебя держит на земле?

Эвелина медленно подняла глаза, в которых застыли прозрачные слезы.

— Я знаю, Вацек винит себя в моей смерти и чувство вины разъедает его. Я знаю, что он несчастен из-за меня. И, быть может, из-за этого я и не могу уйти. Я устала и хочу покоя. Мне нужно поговорить с ним. И ты должна мне помочь, умоляю тебя, — она в отчаянии взглянула на меня. — Ты будешь нашим посредником?

— Эй, — насторожилась я, — если ты собираешься занять мое тело и...

— А что, такое возможно? — заинтересовался призрак.

Ну кто меня за язык тянул!

— Нет! — рявкнула я. — Даже не думай.

— Хорошо, — кротно согласилась Эвелина. — Мы встретимся с Вацеком и просто поговорим... Пожалуйста, — видя, что я колеблюсь, попросила она. — Это очень важно для меня. Ты передашь ему только то, что посчитаешь нужным.

— Скажи, а ты простила ему, что он вампир?

— Теперь я знаю, что он не выбирал себе такую судьбу, и мне не в чем его винить, — тихо промолвила Эвелина. — Я не отходила от него ни на шаг, пока он не покинул Прагу, и он не сделал ничего плохого, не причинил никому вреда. Адам, Франтишек и остальные здешние вампиры — настоящие исчадия ада. Вацек не такой... Так ты поможешь нам с ним побеседовать?

— Хорошо, — кивнула я. — Только есть маленькая проблема. Как видишь, я заблудилась.

— Разве это проблема, когда тебя уже почти нашли?

Не успела я удивиться загадочным словам призрака, как эхо, прокатившись по каменным коридорам, донесло до меня голос Вацлава, звавшего меня по имени. Он здесь!

— Идем. — Призрак Эвелины сорвался с места и повис в полуметре над землей. — Мы отправимся ему навстречу.

Желтый лучик фонарика, метавшийся по стенам, устремился ко мне, ослепив. Я машинально прикрыла глаза рукой, и в следующий миг меня смел вихрь, до ломоты в ребрах стиснув в железной хватке.

— Ты в порядке?! — прокричал он голосом Вацлава, и эти слова эхом отразились от стен.

Руки Гончегго показались горячими, как печка, и только сейчас я поняла, насколько подробно в стылом подземелье.

— Что случилось? — Отстранившись, Вацлав пристально разглядывал меня и сыпал вопросами, как прокурор. — Почему ты сбежала? Адам и Франтишек клянутся, что ничего тебе не сделали. Это правда?

Я вспомнила пронизывающий взгляд Адама, его вопросы, в основном касавшиеся смерти Жана, которые он задавал тоном инквизитора... Взгляды Франтишека были совсем другого рода. Он словно уже раздел меня глазами и мысленно вытворял со мной такое, чего не увидишь и в самом откровенном порно. Он смягчал вопросы Адама, всем своим поведением стремясь показать, что на моей стороне, но я бы предпочла держаться от него как можно дальше. Формально вампиры мне ничего не сделали, но оставаться с ними в одном зале было просто невыносимо. Кроме того, впервые в жизни при встрече с вампирами я чувствовала себя так, как будто очутилась в компании живых мертвецов — бесконечно старых и насквозь прогнивших.

— Мне там не понравилось, — честно ответила я.

— Не надо было оставлять тебя с ними. Зачем я тебя только послушал! — с досадой проскрипел Вацлав.

— Не вини себя, — перебила его я и встретила взглядом с Эвелиной, безмолвно застывшей в шаге от нас.

Мне стало так неловко, что я поспешила высвободиться из объятий Вацлава и отступила на шаг.

Эвелина в тот же миг очутилась рядом с Вацлавом, и я ощутила укол ревности, увидев их вместе. Они были красивой парой: высокий темноволосый Гончий и стройная белокурая Эвелина. Вот так, рука об руку, они бродили по улочкам Праги, вот так стояли перед алтарем...

— Жанна, что? — растерянно произнес Вацлав, увидев мой взгляд и повернув голову к призраку. Эвелину он не видел. Зато она моментально развернулась к нему и приподнялась на цыпочки, словно хотела поцеловать.

— Помнишь, я говорила тебе, что вижу здесь призраков? — срывающимся от ревности голосом спросила я. — Один из них сейчас рядом с тобой.

Вацлав с недоверием покосился в ту сторону, где стояла Эвелина, и, словно проверяя мои слова, махнул рукой, задев привидение. В тот же миг прозрачная фигурка испарилась. Как в тот раз, когда Эвелина впервые явилась мне у старой лестницы и Вацлав шагнул сквозь нее, заставив исчезнуть.

— Ну и где он? — недоверчиво уточнил Гончий.

— Она... — начала я, и тут Эвелина возникла рядом со мной.

— Скажи ему, чтобы так не делал, — с обидой воскликнула она. — Его прикосновения губительны для меня.

— Но почему? — удивилась я, повернувшись к ней.

На ресницах Эвелины задрожали слезы.

— Неужели ты не понимаешь? Потому что больше всего на свете я мечтаю их ощутить... И не могу. Его прикосновения проходят сквозь меня, он меня не замечает, и это убивает меня. Точнее, то, что от меня осталось. Мою душу.

— Ты разговариваешь с ним? — натянуто спросил Вацлав, подходя ближе.

— С ней, — поправила я. — И, будь добр, остановись и не размахивай руками. Ты делаешь ей больно.

— Прошу прощения, — в удивлении протянул он, глядя на Эвелину как на пустое место. Впрочем, почему — как? Таким она для него и была.

— А это будет больнее, чем я представляла, — пробормотала она, едва сдерживая слезы.

— Так кто там у тебя? — поторопил меня Вацлав.

Я сделала глубокий вдох и взглянула ему в глаза:

— Это Эвелина.

— Что? — Вацлав чуть пошатнулся и стиснул зубы, словно я выстрелила ему прямо в сердце. Наверное, физически он испытал такую же боль.

— Она блондинка, выше меня ростом, с голубыми глазами, в кремовом платье и плаще... — Я скосила глаза, собираясь подробно описать наряд Эвелины, но та торопливо перебила меня:

— Скажи ему, что мой день рождения десятого июля. Скажи, что я люблю ландыши. Скажи, что его первым подарком мне был золотой медальон с его портретом. Скажи, что нашу кошку звали Снежинка. Скажи... — Она застенчиво запнулась, но потом отчаянно, боясь, что Вацлав не поверит в ее присутствие, выпалила: — Что у меня есть родимое пятно на ягодице в виде крылышка бабочки.

Я хмыкнула, но послушно передала ее слова. Лицо Вацлава белело на глазах, а зрачки все больше расширялись, пока совсем не затопили радужку. Это было заметно даже в кромешной тьме. Похоже, за время блуждания здесь без света мое зрение значительно обострилось. Слова о родимом пятне Вацлава окончательно оглушили, но головы он не

потерял. Он пристально взглянул на меня и спросил что-то по-чешски. Не успела я удивиться, как Эвелина перевела:

— Он спрашивает, как звали художника, который рисовал мой портрет. Зденек. Его звали Зденек. И он жил на Лилиовой улице вместе со своей собакой по кличке Рубенс.

Я передала Вацлаву ее слова и увидела, как его губы дрогнули.

— Так это правда? — пробормотал он с такой глубокой нежностью в голосе, что у меня сжалось сердце. — Ты здесь?

Это интимное «ты» было выстрелом уже в мое сердце, и я вдруг остро ощутила себя третьей лишней. Машинально произнесла эти слова по-русски в ответ на мое сообщение, Вацлав спохватился и повторил их на чешском. По моей щеке скользнул холодок. Это Эвелина невольно потянулась к Вацлаву всем телом, и с ее губ сорвались какие-то ласковые слова по-чешски.

— Милы муй милованы², — угрюмо повторила я, глядя в пол.

— Что? — поразился Вацлав.

— Так она тебя назвала, — мрачно объяснила я.

Никогда я еще не видела Гончего настолько растерянным.

Он переводил взгляд с меня на то место, где стояла Эвелина, и не находил слов. Если бы не я, ему бы, наверное, многое хотелось сказать Эвелине, но он не знал, как вести себя в моем присутствии.

— Считайте, что меня здесь нет, — убито пробормотала я, мечтая провалиться под пол. Хотя куда уж глубже — мы и так под землей. — Я просто ваш посредник, голос Эвелины.

— Попроси его, пусть покажет мой портрет, — шепнула Эвелина.

Я передала просьбу, и Вацлав на миг запнулся, бросив на меня настороженный взгляд. Затем запустил руку в уже знакомый мне внутренний карман куртки, вытащил кусочек картона с изображением Эвелины и положил его на ладонь. В мою сторону он даже не смотрел, как будто боялся признаться в том, что носит портрет жены у сердца. Эвелина радостно просияла и скользнула ближе, наклонившись к своему портрету.

— Мне приятно, что ты меня помнишь. — Она улыбнулась и с нежностью взглянула в лицо Вацлаву, в надежде хоть на мгновение поймать его невидящий взгляд. — Я люблю тебя и всегда любила. Встреча с тобой — это лучшее, что было в моей жизни. Но ты не должен винить себя в моей гибели. — Она коснулась призрачными пальцами его небритой щеки.

— Я не уберег тебя, — опустил голову, глухо произнес он. — Это из-за меня ты оказалась на улице поздно ночью...

Я с удивлением взглянула на него, услышав английскую речь. Похоже, Вацлав не стремился сохранить тайну беседы, говоря с женой на родном ему языке, а хотел, чтобы мне было понятно ее содержание.

— Ты меня ненавидишь, наверное, — с болью добавил он.

Эвелина пылко возразила.

— Не говори так! Пойми, нельзя жить одним прошлым. Мне не дает покоя, что ты винишь себя в том, что случилось со мной. Ты должен знать, что я благодарна тебе за все. До самого последнего дня я была очень счастлива с тобой. Надеюсь, что ты тоже.

— Очень, — искренне откликнулся Гончий, и его слова эхом прокатились по подземелью.

— И я хочу, чтобы ты был бы так же счастлив без меня.

Когда я повторила ее слова для Вацлава, у меня дрогнул голос. Я ждала, что Вацлав вскричит: «Это невозможно», но он только ниже опустил голову, а потом надтреснутым голосом произнес:

— Я постараюсь.

— Я вижу. И теперь могу быть свободна.

² В переводе с чешского: милый мой, любимый.

Я повторила эти слова для Вацлава, а Эвелина неожиданно тепло взглянула на меня и прошептала перед тем, как растаять:

— Береги его. Я вижу, он любит тебя. Еще сильнее, чем любил меня когда-то.

А потом моей кожи будто коснулся ветерок, но не привычный морозный, обычно сопровождавший появление призрака, а теплый весенний. На миг меня окутало ароматом ландышей, и я услышала чистый, радостный смех Эвелины. А потом она исчезла.

— Что она говорит? — спросил Вацлав.

— Ничего, — смешалась я. — Она ушла.

— Куда ушла? — Вацлав растерянно моргнул.

— Ты у меня спрашиваешь, куда уходят призраки? — огрызнулась я. — Извини, я вижу их только первый день и еще не успела стать специалистом.

— Спасибо тебе за то, что дала нам поговорить, — неожиданно серьезно сказал Вацлав. — Это очень важно для меня.

— У меня не было выбора, — смутившись, пробормотала я. — В противном случае твоя жена меня в покое бы не оставила.

— У тебя, наверное, масса вопросов? Это долгая история, но я тебе все расскажу, — произнес он с готовностью.

— Не стоит, Эвелина мне уже все рассказала.

Вацлав посмотрел на меня долгим, выжидательным взглядом:

— Теперь ты знаешь мою страшную тайну...

— И теперь ты обязан меня убить и закопать здесь? — нервно отшутилась я.

— Теперь мне стало легче, — просто признался он, и желание язвить дальше у меня совершенно отпало.

Внезапный сквозняк ворвался в зал, воровато подхватил с раскрытой ладони Вацлава кусочек картона с портретом Эвелины и стремительно унес свою добычу в темные лабиринты подземелья.

Я ожидала, что Вацлав бросится вслед за ним, но он тряхнул головой и сказал:

— Эвелина права. Хватит жить прошлым. Как думаешь, — он пристально взглянул на меня, — она больше не вернется?

— Нет, — уверенно ответила я. — Она ушла навсегда.

— Надеюсь, что она обретет покой. Ну что, будем выбираться отсюда? Или ты желаешь меня познакомить с другими своими знакомыми призраками?

Мы вернулись в отель с первыми рассветными лучами солнца, и я сразу же рухнула в постель. Вацлав устроился на кушетке в гостиной. А на закате меня разбудил звонок на мобильный Вацлава. Звонил Адам. К нашему обоюдному удивлению, вампиры сдержали свое обещание помочь Фабиоле, несмотря на мой побег. Прошлой ночью, пока я блуждала по подземельям, вампиры успели подкупить кого надо и организовать следственный эксперимент. Через пару часов Фабиолу повезут к музею, и по дороге в машину с заключенной врежется фургон. Когда охранники очнутся, Фабиола уже будет у нас. Что ж, надеюсь, все так и будет.

Глава 5

ВАМПИРСКИЕ СТРАСТИ

На вкус вампира любовь — это всегда страсть! А значит, всегда — огонь, ярость, мука и боль, доведенная до той точки кипения, когда она становится самым желанным из наслаждений!

Андрей Белянин. Вкус вампира

У нас не принято выказывать страсть, искренность, подлинные чувства. Лишь в редких случаях мы можем проявить восторг, но только на краткий миг, и сами его смущаемся. Мы

стыдился его, как вспышки безумия, и извиняемся за него на следующий день. Его принято считать чем-то ненормальным, а так называемая нормальная жизнь — это серьезное и довольно скучное занятие. Чем она серьезнее и скучнее, тем нормальнее.

Кэтлин Тэссаро. Элегантность

Мы быстро собрались, вышли из отеля и сели в машину. Я думала, что мы сразу отправимся к указанному месту, будучи уверенной в том, что Вацлав сам захочет руководить операцией и держать все под контролем. Однако Гончий повез меня по извилистым улочкам Старого города.

— Время еще есть. Хочу показать тебе Староместскую площадь, — пояснил он. — Это самое сердце Праги.

Несмотря на поздний час, на площади было довольно оживленно. Я с любопытством вертела головой, разглядывая невысокие трехэтажные дома с разноцветными фасадами, чьи высокие крыши были припорошены снегом, напоминая о елочных игрушках. Над ними, рисуя очертаниями букву М, нависали красивые ажурные башни здания, которое я сперва приняла за замок сказочной принцессы, но, присмотревшись, заметила на крутой крыше между башен католический крест храма. Храм был искусно освещен, так что стены его ослепительно белели на фоне ночного неба, а шпили башенок заканчивались огоньками, соперничавшими по красоте со звездами. По периметру площади были установлены фонари в старинном стиле. Такие же фонари, только настенные, крепились к фасадам зданий, отбрасывая отсветы на блестящую мостовую, выложенную булыжником.

— Здесь почти ничего не изменилось за последние сто девяносто шесть лет, — тихо заметил Вацлав. — Только раньше здесь было темнее по ночам.

Я попыталась представить Вацлава в синем камзоле в стиле Франтишека, чинно разгуливающим по площади и, быть может, даже вальяжно опирающимся на трость, но у меня ничего не получилось.

Взяв меня за руку, Гончий повел меня к зданию ратуши, сложенному из потемневших от времени каменных блоков.

Сбоку уже толпился народ, держа наготове видеокамеры и фотоаппараты.

— Сейчас начнется, — шепнул Вацлав, привлекая мое внимание к большим старинным часам на уровне второго этажа.

У механизма было два диковинных циферблата — верхний с римскими цифрами и нижний с арабскими, и все же определить по ним время я так и не смогла. Увидев мое замешательство, Вацлав поспешил объяснить, что верхний циферблат показывает средневропейское время, а нижний — старочешское. Как бы там ни было, стрелки остановились на отметке нового часа, и диковинный механизм ожил.

Звон колокола старухи-смерти глухим набатом разнесся по площади. В оконных отверстиях над часами появилась процессия апостолов, ниже ожили еще четыре фигурки: я во все глаза уставилась на движущегося скелета, а Вацлав шепнул на ухо, что трое остальных — гордец, купец и турок. Вокруг защелкали фотовспышки, а я заворуженно замерла. Даже в наши дни компьютерных технологий и 3D старинный механизм производил впечатление. Пронзительный крик петуха завершил ход фигурок, и они скрылись внутри часов. Я повернулась к Вацлаву, собираясь выразить свой восторг, и заметила его пристальный взгляд. Готова поспорить: все это время, пока я пялилась на старинные часы, он неотрывно смотрел на меня!

Неловкость исправил телефонный звонок, и я торопливо ответила на вызов, отключая незатейливую французскую мелодию, которая показалась сейчас чересчур неуместной там, где только что отзвучал величественный бой набата. Звонил мой дедушка-вампир.

— Жанна! — Далекий голос Аристарха звенел от волнения. — Как ты? С тобой все в порядке? Я не мог дозвониться до тебя прошлой ночью. Телефон Вацлава тоже не отвечал.

— Все хорошо, — улыбнулась я в трубку, отходя подальше от туристов, все еще щелкающих фотоаппаратами. — Мы сейчас на Староместской площади, слушали старинные

часы.

Хорошо, что сейчас даже не приходится его обманывать — мы и в самом деле гуляем по городу, а не гоняемся за неуловимой авантюристкой.

— Развлекаетесь, значит? — проворчал Аристарх. — А я тут с ума схожу от беспокойства. Собирался уже вылетать первым рейсом в Прагу.

— Не волнуйся, — я скосила взгляд на Вацлава, — я в надежных руках.

— Когда вы возвращаетесь? — дотошно выпросил Аристарх.

— Пока не знаю. Надеюсь, что скоро. Как там Вероник?

Бывшая парижская старейшина, у которой я гостила в Париже, стояла за меня горой, даже когда я была под стражей по несправедливому обвинению. Когда все благополучно разрешилось, Вероник, возмущенная поведением своих коллег, которые чуть не отправили меня на эшафот, не захотела оставаться в совете и вместе с Аристархом решила ехать в Москву.

— Все хорошо, — с теплотой отозвался Аристарх. — Живет пока у меня, подбирает квартиру. Нашла себе новую подружку — Монику.

Моника была действующей старейшиной Московского Клуба и бывшей топ-моделью. Неудивительно, что у испанки Моники и латиноамериканки Вероник, успевшей побыть звездой мыльных опер у себя на родине, нашлись общие интересы.

— А как там бабушка?

— Был у нее сегодня, — весело доложил Аристарх. — Вручил подарки из Парижа. Шляпка, которую я для нее выбрал, ей очень к лицу.

По голосу чувствовалось, что Аристарх рад тому, что угодил своей бывшей возлюбленной. Хотя мне оставалось только догадываться, какие чувства он испытывает, встречаясь с ней, постаревшей на полвека, в то время как сам он с момента их романа не изменился ни на год и, чтобы видаться с Лизой, вынужден притворяться моим бойфрендом.

— Позвони ей, она по тебе скучает, — попросил он.

— Обязательно, — пообещала я. — Только уже не сегодня.

— Да уж, — хмыкнул Аристарх, — поздновато для звонка. Ну ладно, наслаждайся прогулкой по Праге. Целую тебя, внучка.

— Люблю тебя, — сказала я в трубку на прощание и, подняв глаза, встретила взглядом с Вацлавом. Как же легко сказать «люблю» своему родному деду и как трудно признаться в том же самом Вацлаву. Хотя кто, как не мы сами, создаем эти трудности?

— Идем? — глухо спросил Вацлав, и мы пересекли площадь, направляясь к месту парковки.

Однако не успели мы проехать и несколько минут, как машина притормозила у знакомого желтого здания пивной с вывеской «У Флеку».

— Ты же не откажешься отведать настоящей чешской кухни? — предложил Вацлав, поймав мой удивленный взгляд, и помог мне выйти из машины.

Направляясь к двери, я обратила внимание на необычные часы, прикрепленные к фасаду: делениями на циферблате служили не числа, а буквы, которые складывались в надпись «Pivovar u Fleku». Бросились в глаза и цифры 1499 на стене здания — дата основания заведения, как пояснил Вацлав.

Уже с порога меня захватила атмосфера всеобщего веселья и кутежа. В пивной было несколько залов, и всюду гремел смех, звучали тосты, раздавался стук кружек о стол, а из некоторых залов даже доносилось нестройное пение... Я с любопытством оглядывалась по сторонам. Не все же за неуловимыми вампирами гоняться и в сырых подземельях блуждать. И на старушку бывает пирушка!

Зал, в который меня уверенно повел Вацлав, был оформлен в средневековом стиле. Крашенные белые стены, изрезанные арками в обрамлении серого и зеленого кирпича, навевали ассоциации с рыцарскими временами, мебель из темного дерева выглядела массивной и старомодной. Под деревянными балками потолка висела куполообразная

железная люстра с цепями и квадратными фонариками, которая наполняла зал уютным светом, а пол из красного кирпича довершал атмосферу далекого прошлого.

Засмотревшись по сторонам, я не сразу обратила внимание на то, что творится под ногами. А когда заметила, то чуть не завопила от ужаса и не бросилась наутек. В зале было полно зеленых чертей. Они сидели в обнимку с накачивающимися пивом посетителями, сновали между столами или даже сидели прямо на столе, болтая копытцами. Здравствуйте, здравствуйте, духи алкоголизма!

Стараясь унять дрожь, я двинулась вслед за Вацлавом. Что толку бежать, если мне все равно придется с этим жить? Пора привыкать. Один из чертей, скакавших по полу, поймав мой взгляд, замер и обернулся, я смогла разглядеть его целиком и чуть не икнула от ошеломления. Его живот был прозрачным, как бутылочное стекло, и внутри его плескалось что-то похожее на пиво. Черт что-то недовольно пробурчал и метнулся к большой компании, которая сидела в центре зала за длинным столом. По бокам от него располагались столики поменьше.

Зал был полон — посетителей было не меньше сотни, и все они голосили на разных языках, силясь перекричать соседей. Кажется, кроме самих чехов, здесь собрались любители пива со всех уголков мира. Во всяком случае, пока мы шли к свободному столику, я слышала и отрывистую немецкую речь, и темпераментный спор итальянцев, и обсуждение японцев, и непристойный анекдот на русском.

Рябило в глазах и от нечисти — в воздухе витали клубы сигаретного дыма и винные пары, а у столиков, не видимые никому, кроме меня, толпились сотканые из дыма духи никотиновой зависимости и резвились в каком-то диком танце зеленые черти, которых я брезгливо огибала, стараясь их не коснуться.

— *Братр!* — вдруг раздался оглушительный вопль рядом.

Я увидела, как Вацлав ощутимо вздрогнул и обернулся.

Но это всего лишь опьяневший чех лет сорока перегнулся через стол, практически выложив на него свое тугое от пива пузо, и крепко обнял приятеля. После чего один из чертей запрыгнул на стол рядом с ними и пустился в пляс, а приятели, словно повинувшись его воле, заторопились наполнить кружки.

Прикосновение Вацлава привело меня в чувство. Гончий взял меня под локоть, подвел к свободному столу поодаль и выдвинул стул, на высокой спинке которого я заметила искусно вырезанный герб.

— Это герб Праги? — полюбопытствовала я.

Вацлав бросил короткий взгляд на рисунок.

— Нет, это Пльзень. На стульях высечены гербы тех чешских городов, где есть пивоварни. Ну что, отведаешь здешнего пива?

Я стрельнула глазками в сторону черта за соседним столом, который отбивал чечетку, резвясь между кружками, а сидевшая за ним мужская компания, потакая прихоти невидимой нечисти, осушила кружки до дна и затянула нестройным хором немецкую песню. Нет, что-то пива мне совсем не хочется...

Но в этот момент подоспевший к нам официант с грохотом выставил на стол две кружки пива и положил меню.

— Мы же ничего не заказывали, — хотела возразить я, но парень уже удалился.

А Вацлав пояснил:

— Здесь такая традиция — пиво подают сразу. Оно тут особенное, называется «Флековский лежак». Варится только здесь по старинному баварскому рецепту, больше его нигде не попробуешь. Это темное пиво с карамельным вкусом, и многие знатоки считают его одним из лучших сортов. Попробуешь?

— Ты не забыл, что нам еще сегодня с Фабиолой беседовать? — Я строго взглянула на Вацлава.

— Я-то буду предельно в здравом уме и твердой памяти, — успокоил он. — Я же за рулем, так что пить не буду. Хотя, признаюсь, соблазн очень велик. — Он покосился на

пенную шапку в кружке. — Все-таки я здесь не был с начала девятнадцатого, и интересно, изменился ли вкус здешнего пива за это время.

Он с такой легкостью произнес это «с начала девятнадцатого», как люди обычно произносят «в конце девяностых». Только люди считают десятилетиями, а вампиры — веками. Вот и вся разница. Я отвлеклась на черта, проскакавшего между столами, и ладонь Вацлава накрыла мою.

— Жанна, — и он пронизательно взглянул на меня, — что ты видишь?

— Лучше тебе этого не знать, — пробормотала я, отводя глаза от черта, который нахально показал мне язык.

— Это призраки? — серьезно спросил Вацлав.

Я помотала головой и угрюмо выдавила:

— Духи. И черти. Зеленые.

Губы Вацлава на секунду изогнулись в улыбке.

— Я не шучу, — хмуро сказала я. — Двое уже кружат возле нашего стола, ожидая, пока мы выпьем пива.

Вацлав резко покрутил головой и даже размашисто рассек рукой воздух, словно хотел обнаружить невидимых ему существ на ощупь. А потом с серьезным видом попросил:

— Расскажешь, как они выглядят?

Не хочу портить тебе аппетит, — поспешно открестилась я.

— Самое главное, чтобы он не испортился у тебя. — Вацлав вопросительно взглянул на меня. — Я ведь хотел, чтобы ты попробовала чешскую кухню.

— Не откажусь, — улыбнулась я.

Я проголодалась, а впереди долгая ночь. Если все время смотреть на Вацлава и не опускать взгляд ниже столешницы, то никаких чертей и духов как будто и нет. Не позволю никаким уродцам с копытами испортить наш первый, почти романтический ужин. Хотя какая уж тут романтика в таком-то окружении?!

Пробежавшись глазами по диковинным названиям, я совершенно растерялась:

— Что посоветуешь из здешнего меню?

Вацлав на правах коренного жителя и прежнего завсегдатая пришел мне на выручку. Мы решили заказать два фирменных блюда. Мне приглянулась флековская башта, а Вацлав выбрал запеченное свиное колено. Не обошлось и без традиционных кнедликов — хлебных и картофельных. Уговорил меня Вацлав и на пивной сыр в качестве закуски в ожидании горячего.

Пока Вацлав по-чешски общался с официантом, компания немцев в противоположном углу зала затянула нестройными голосами народную песню, и тут же встрепенулись русские за соседним с нами столиком, загорлавив: «Если б было море пива, я б дельфином стал красивым».

Официант отошел, а Вацлав с виноватой миной посмотрел на меня:

— Прости. Привести тебя сюда было дурацкой затеей.

— «Если б было море водки, стал бы я подводной лодкой!» — перекрыли его извинения вопли «певцов».

— Ну что ты! — мило улыбнулась я, дождавшись окончания песни. — Где бы еще я увидела такое количество... зеленых чертей!

Однако моя шутка только еще больше раздосадовала Вацлава.

— Жан, если ты хочешь уйти, только скажи, — отрывисто сказал он.

— Это после того, как ты растрожил мое воображение загадочной флековской баштой? Ни за что на свете!

— А пива-то попробуешь? — Он в растерянности покосился на кружки, а за его спиной выстрелил в потолок зеленый вихрь. Это один из чертей, расшалившись, подпрыгнул высоко вверх и повис на люстре, выделявая немыслимые акробатические кульбиты.

— Нет. Вампира пивом не поят. — Я категорично покачала головой, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. — Никакого алкоголя.

— Ты так и не сказала мне, почему сбежала из подземелья, — неожиданно сменил тему Вацлав.

Я пожалала плечами. Что рассказывать? Не понравилось мне там.

— Что они от тебя хотели? — напряженно спросил Гончий.

— Расспрашивали про Жана. Я же для всех вроде диковинного зверька. Мало того что проникла в Клуб против всех правил, так к тому же еще убила своего кровного наставника. Всем интересно услышать историю из первых уст, — я криво улыбнулась. — Пражские старожилы — не исключение.

— Надеюсь, ты ничего не сказала им о призраках, которых видела? — Он остро взглянул на меня.

— Ни словечка, — успокоила его я. — Хотя это было непросто. Якуб все время крутился рядом со мной и отпускал свои комментарии по ходу моей беседы с Адамом и Франтишком.

— Якуб?! — потрясенно уставился на меня Вацлав. — И как он выглядел?

Я описала призрака, и по мере моего объяснения глаза Вацлава становились все круглей. Из чего я сделала вывод, что Якуб при жизни был ему знаком.

— Ты знаешь, как он погиб? — спросила я.

Вацлав покачал головой.

— Я даже не знал, что он умер. Просто однажды он пропал, и мы не смогли найти никаких его следов. И он тебе ничего не сказал о своей смерти?

— Нет. Только просил передать привет от старого друга, — симпровизировала я.

Вацлав вздрогнул, и из его глаз на меня взглянула черная бездна.

— Вацлав, — тихо спросила я, — кем он был?

— Якуб был одним из тех, кто меня обратил, — глухо произнес Вацлав.

— Что значит «одним из»?.. — закашлялась я. — Ведь у вампира бывает только один кровный наставник.

— У всех нормальных вампиров — да, — криво усмехнулся Вацлав. — А я, как ты уже имела возможность убедиться, не из их числа. Меня обратили пятеро, и в моих венах течет их кровь.

— Но зачем это нужно? — опешила я.

— Кровные узы для вампира — самые крепкие. А им нужно было крепко привязать меня к их *братству*.

— И кто были другими?

Вацлав помолчал, прежде чем ответить на вопрос.

— Двоих из них ты знаешь — это Адам и Франтишек. Они, — он запнулся, — про меня что-нибудь спрашивали?

— Можно подумать, что я о тебе знаю что-то такое, чего не знают они, — хмыкнула я. — Это мне было в пору их расспросить, почему тебе был оказан столь почтительный прием. Жаль, что я сбежала раньше и не догадалась этого сделать. Впрочем, Эвелина мне все равно все рассказала. Почему ты никогда...

Я хотела спросить, почему он скрывал от меня свое прошлое и не рассказывал о заговоре, но запнулась, поняв, что не имею никакого права на откровенность Вацлава. С какой стати он должен был изливать мне душу? Если даже мой дед, являющийся старейшиной Московского Клуба, ничего об этом не знал?

К счастью для меня, к нам подскочил официант и поставил на стол тарелку с пивным сыром, при этом неодобрительно покосившись на полные кружки пива. С еще большим изумлением он принял заказ на две кружки воды и удалился.

Я быстро отправила в рот кружок сыра и, поторопившись заполнить неловкую паузу, восхитилась:

— Вкусно!

Вацлав, не сводя с меня взгляда, серьезно сказал:

— Я ничего не рассказывал тебе о своем прошлом, потому что хотел о нем забыть. По

этой же причине я не возвращался в Прагу уже сто девяносто шесть лет. И по этой же причине не хотел без крайней надобности обращаться к местным вампирам.

— Прости, что втянула тебя в это, — удрученно пробормотала я.

— Ты не должна извиняться, — резко перебил меня он. — Это ты меня прости, что оставил тебя вчера с Адамом и Франтишеком.

— Я сама этого хотела, — возразила я. — И, как видишь, ничего страшного не произошло. Эти любезные господа даже простили меня за мое невоспитанное бегство и сдержали свое обещание помочь с Фабиолой. Кстати, — я взглянула на часы, — до часа Икс осталось немногим более часа.

— Как раз успеем перекусить. Здесь недалеко.

— Скажи, — вдруг осенило меня. — Вацлав — это твое имя от рождения? Тебя так называла Эвелина, а Адам с Франтишеком почему-то звали Венцеславом.

Гончий чуть заметно поморщился при упоминании вампиров и ответил:

— Вацлав — мое настоящее имя. Венцеславом меня звали вампиры на латинский манер.

— И ты не менял свое имя за все эти годы? А как же конспирация?

— Я ведь не очень-то общителен. — Он взглянул на меня исподлобья. — До того как изобрели паспорта, я представлялся людям разными именами. Сейчас у меня российский паспорт на имя Вячеслава Волкова. С людьми я практически не общаюсь. Да и среди вампиров у меня знакомых мало, так что немногие знают меня как Вацлава. Это в основном ребята из моей команды, коллеги из других стран и старейшины. Среди Гончих тоже не принято называть себя чужими именами. Настоящее имя напоминает о том, что привело нас в вампиры, а воспоминания придают силы в борьбе с преступниками. Для конспирации у всех ребят из моей команды есть паспорта на другие имена. Но между собой мы называем себя своими именами или кличками.

Действительно, припомнила я, при знакомстве с Гончими меня удивили их иностранные имена — Вацлав, Ирвинг, Шон, Джаспер, Лаки. А Ирвинга еще и Викингом кличут за скандинавскую внешность и могучую силу.

Один из наших русских соседей откинулся на спинку стула и громко захрапел. Вацлав метнул на него такой испепеляющий взгляд, словно хотел убить. Но спящий проснулся не от этого. Один из зеленых чертей вскочил на стол и принялся отплясывать гопака между кружек. Спящий вдруг подскочил на месте, открыл глаза и в ошеломлении уставился прямо на черта. Невероятно, он его видит!

— Тут это... — забормотал мужчина, тыча пальцем прямоком в черта.

— Смотрите, Степан проснулся! — оживились его приятели и подвинули к нему полную кружку. — Держи, Степан!

Тот затряс головой и испуганно выдавил, продолжая тыкать пальцем в черта, который, ничуть не боясь разоблачения, показывал ему козу.

— Черт! С рогами!

— Ну ты, брат, напился! — загоготали его приятели.

В этот момент компания за соседним столом затянула песню. Черты с улюлюканьем закувыркались рядом. Вацлав заскрежетал зубами, и я поторопилась его отвлечь:

— Выходит, пьяные могут видеть потусторонний мир?

— А я тебе что говорил? Помнишь нашу первую встречу, когда я привозил тебя на место убийства Софии? Непонятно, что тогда послужило основной причиной твоих видений: то ли действие вируса и перестройка организма, то ли коньяк, который ты тогда выпила в кабинете своего начальника.

И в самом деле, Однорог в тот день угостил меня бокалом «Реми Мартен», пытаюсь задобрить после того, как я застала его с секретаршей.

— А как ты думаешь, почему я снова могу видеть призраков? — задала я мучивший меня вопрос.

— Я думаю, это могут быть последствия ментального допроса, — тяжело сказал

Гончий. — Как ни крути, это серьезное воздействие на память и подсознание. А видения снова возникли вскоре после него.

В моей памяти всплыло предупреждение, которое мне зачитывал Ипполит перед началом процедуры: «В результате ментального допроса возможно развитие психических расстройств, неврозов, психозов, неврастении, панических атак, фобий...» Вот только о способности к ясновидению там ничего не говорилось. И мое теперешнее состояние без всяких сомнений диагностировали бы как шизофрению.

— Ты думаешь, я сумасшедшая? — с упавшим сердцем спросила я.

— Я думаю, что ты — *видящая*. А так как для вампира это ненормальное состояние, то легко предположить, что оно возникло из-за вмешательства в твой разум.

— Но ведь я стала видеть не сразу, — не согласилась я. — С ментального допроса до того момента, как я встретила духов в аэропорту, прошло несколько дней.

— Ты ведь все это время была под арестом, а в аэропорту впервые попала в людное место, — напомнил Вацлав.

— Хочешь сказать, что в особняке Гончих не было никаких духов и призраков, иначе я бы увидела их еще там? — уточнила я.

— Похоже на то, — скупой отозвался он. — А вот в Подземном Граде призраки водятся. Поэтому я тебя и хотел сразу увести оттуда. Представь на минутку, сколько интриг и заговоров, державшихся в строжайшей тайне, плелось в этом подземелье. И все это происходило на глазах у призраков. Как думаешь, если появится человек, способный их видеть и слышать, как долго он проживет на свете после того, как Адам узнает о его способностях?

Кусочек сыра встал у меня поперек горла.

— Но Якуб и Эвелина не рассказывали мне ничего такого, — тихо откликнулась я.

— И это твоё спасение, — серьезно заметил Вацлав и добавил: — Адам знает о существовании в подземелье призраков. Как-то к нам спускалась пара магов, которые их увидели. И услышали. С тех пор ни один маг не переступал порога Подземного Града. Это табу. А то, что ты, будучи вампиром, видишь потусторонний мир, это вообще нонсенс.

— А что стало с теми магами? — робко спросила я.

Вацлав ничего не ответил, только еще больше помрачнел.

А я торопливо влила в себя глоток воды. Ничего хорошего с бедолагами не стало, это точно.

В этот момент черти, скачущие в проходе, брызнули в стороны, как тараканы, застигнутые на кухне в момент ночного пиршества и испугавшиеся света. Оборвалась недопетая приятелями песня. Черт, раскачивающийся на люстре, торопливо спрыгнул вниз, чуть не сломав себе шею, и юркнул под лавку. Точно так же, перепугавшись неизвестно чего, скатились со столов другие резвящиеся черти и скрылись из виду, забившись по углам и под стулья. Словно ветром сдуло и никотиновых духов. Интересно, что их так напугало?

Я посмотрела за спину Вацлава, на вход в зал, где пришедшие недавно музыканты наигрывали веселую мелодию, и увидела рядом с ними двух парней и двух девушек, которые, весело болтая, крутили головами в поисках свободного места. Компания неподалеку от нас как раз расплачивалась с официантом, и вновь прибывшие заторопились, чтобы занять их столик. Неожиданно в зал из коридора влетел зеленый черт и метнулся по проходу, собираясь обогнуть молодежь. Одна из девушек, хорошенькая высокая брюнетка с каре, всего лишь бросила короткий взгляд через плечо, и черт резко затормозил, словно споткнулся о невидимую преграду, и шарахнулся в сторону, прячась под стол. Не успела я удивиться этому происшествию, как компания приблизилась к нам. Вторая девушка, шатенка с живой мимикой, с заколкой в виде цветка в длинных волосах, и ее парень прошли мимо, разговаривая между собой по-чешски и даже не взглянув на нас. А вот брюнетка чуть замедлила шаг, повернула голову, встретившись со мной взглядом, и в ее глазах вдруг вспыхнула такая неприязнь, что я невольно подалась назад, упершись в спинку стула. Губы девушки презрительно скривились, и она прошла мимо.

А у Вацлава вдруг сделался совершенно темным взгляд.

— Магичка, — едва слышно процедил он, глядя в спину брюнетке.

— Она маг? — переспросила я, сразу вспомнив свою московскую соседку Настю. Раньше мы были с ней очень дружны, вместе ходили по магазинам и запросто забежали друг к другу на чай, чтобы обсудить дела сердечные или последние тенденции моды. Но стоило мне стать вампиром, как Настя принялась меня избегать. Все выяснилось, когда Аристарх провожал меня до дома и случайно столкнулся с Настей. Я узнала, что моя соседка — маг, а маги с вампирами уживаются так же, как кошки с собаками. — Я думала, она меня испепелит взглядом на месте, — добавила я с опаской.

— Эта не сможет, — уверенно сказал Вацлав. — Сил не хватит. Мелкая сошка.

— А что, — с дрожью уточнила я, — есть такие, которые это умеют?

— Есть, — веско кивнул Вацлав. — И лучше нам с ними никогда не встречаться.

Интересно, как он с такой легкостью определяет ее потенциал? Я вот даже узнать мага в толпе не смогла.

А когда магичка со своими друзьями уселись за столик в конце зала, началось самое интересное. Черти повылезали из-под столов, никотиновые духи выползали из тени, и все вместе они устремились к выходу, торопясь покинуть зал будто по сигналу пожарной тревоги.

С их уходом в пивной стало значительно спокойней. Примолкли песни, стали тише разговоры, не стучали по столам кружки, как будто все любители пива мигом протрезвели. Многие засобирались домой, и к тому времени, когда официант принес нам горячее, зал опустел почти наполовину. Хотя в соседних помещениях было по-прежнему шумно. Я была даже благодарна магичке за эту тишину и отсутствие пьяной суеты.

Так, что там у нас вкусенького? В моей тарелке оказалась четвертинка курицы с золотистой корочкой, свиная лопатка, горка вареной картошки, немножко кислой капусты и жареная колбаска. Блюдо Вацлава выглядело куда более внушительным. Это была половина подрумяненной свиной рульки, навевающая сцены из Средневековья, когда на вертеле жаривали целые мясные туши.

У нас оставалось не так много времени, и мы набросились на еду. Неизвестно, как долго продлится эта ночь, а сил нам понадобится много. Что-то мне подсказывало, что так просто Фабиола нам все свои тайны не выдаст и от этой девчонки можно ждать только неприятности. Недаром Вацлав перед выходом из отеля проверил, взяла ли я с собой его кинжал. «На всякий случай», — сказал он. Но вид у него при этом был такой, как будто он не сомневался, что кинжал мне сегодня понадобится.

Башта оказалась сытной и сочной, но особого впечатления на меня не произвела. Так же как и кнедлики из теста, рыхлые по консистенции и похожие по вкусу на булки. Французская кухня, которой меня потчевали на званом ужине в Париже, была куда более изысканной и аппетитной. Чешская кухня, должно быть, хороша для закуски к пиву. Но так как от пива мы отказались, то оценить ее вкуса по достоинству у меня не получилось. Хотя я и заверила Вацлава, что ничего вкуснее в жизни не ела, кажется, он все-таки мне не поверил. Не отказалась я отведать и свиного колена, млея при мысли о том, что со стороны мы, должно быть, выглядим влюбленными, которые едят из одной тарелки. Хотя о какой любви и романтике речь? Если бы Вацлав хотел пригласить меня на свидание, он бы выбрал более подходящее место, чем шумная пивнушка. Не стоит видеть романтику там, где ее нет. И наш ужин не свидание влюбленных, а скорее бизнес-ланч, на котором обсуждаются рабочие вопросы нашей совместной поездки.

Пока я старалась подцепить вилкой кусочек свинины, Вацлава что-то отвлекло, он повернул голову, и в глазах его блеснул вызов. Магичка и ее друзья прошли мимо нас к выходу. Выпив по кружке пива, они не стали задерживаться. И в наш зал вскоре потянулись черти.

К тому моменту, как мы собрались расплатиться, вокруг уже снова было полно нечисти. Нагрянули из соседнего зала и музыканты, затащили веселую польку. Приятели,

сидевшие за большим столом, выбрались в проход и пустились в пляс, но мужчины не удержались на ногах и с хохотом попадали на пол. Черти с улюлюканьем закувыркались рядом.

— Пойдем отсюда, — попросила я Вацлава.

— Конечно. — Он махнул рукой официанту и рассчитался за ужин.

Мне показалось, что он чем-то расстроен, как человек, который не успел сказать или сделать что-то важное, и вот теперь момент безвозвратно упущен. Наверное, сожалеет о том, что он за рулем и так и не смог отведать знаменитого здешнего пива.

Мы покинули пивную за полчаса до назначенного времени, через пятнадцать минут были в нужном месте и приготовились ждать.

Вацлав

Надо было быть последним идиотом, чтобы пригласить Жанну на первое свидание в пивную! Ему казалось, ей будет интересно повидать то, зачем многие туристы приезжают в Прагу. К тому же он совершенно не ориентировался в современных ресторанах, а «У Флеку» — место, завсегдатаем которого он был когда-то, и кухня там была отменной.

Все сразу пошло не так. Сначала Жанна с широко раскрытыми глазами застыла на пороге, но он, как полный кретин, списал это на впечатление от интерьера рыцарского зала. Потом она, смущаясь, поведала ему о зеленых чертях, которых, по ее словам, здесь было не меньше посетителей. Он содрогнулся, представив себе то, что она видит, и предложил ей уйти. Но она героически отказалась и старалась смотреть ему в глаза, хотя взгляд ее все время отвлекался на что-то постороннее. На то, чего в этом зале не видел никто, кроме нее.

Вацлав ни на минуту не усомнился в здравомыслии Жанны, только сердце еще больше стиснуло беспокойство: как ей жить теперь с этим даром? Справится ли она? Найдет ли в себе силы не обращать внимания на лишнее, как он со временем научился отсекал ненужные чужие мысли, как досадные радиопомехи? И как долго она сможет сохранять свой дар в тайне? Ведь как только о нем станет известно, Жанну в покое уже не оставят. История знает только одного вампира, который обладал подобным талантом. И неизбежно встанет вопрос о родстве с ним Жанны. Что тогда начнется, даже вообразить трудно.

А пока она сидела перед ним, растерянная от открывшегося ее взору видения, и ему больше всего на свете хотелось обнять ее, закрывая собой от всего мира, и поймать губами ее взволнованное дыхание. Но разве возможно это сделать, когда вокруг горланят песни пьяные компании и резвятся невидимые ему зеленые черти? Он старался не думать о том, что эти существа были здесь всегда, еще со времен его юности. Что они изо дня в день крутились вокруг него с приятелями, подзуживая то и дело наполнять кружки и опустошать их, подбивая распевать скабрзные песни и щипать служанок, подчиняли своей власти, заставляя приходить сюда все чаще и задерживаться все дольше.

Дух заведения за полтора века почти не изменился. Разве что теперь туристов здесь было куда больше, чем самих чехов. Пиво подавали в стеклянных кружках, а не в деревянных, как прежде. Да и вкус еды безнадежно испортился...

— Пойдем отсюда? — Жанна умоляюще посмотрела на него, и он с досадой махнул рукой официанту.

Он так и не сказал ей то, что хотел.

Надо было быть последним идиотом, чтобы пригласить Жанну на первое свидание в пивнушку! Неудивительно, что она и не поняла, что это было свиданием.

Вампиры сработали четко. Фургон, на огромной скорости вывернув из-за угла, врезался в полицейскую машину. Из припаркованного рядом микроавтобуса высыпали люди в черном и помчались к месту аварии, чтобы уложить полицейских, оставшихся в сознании. Однако их помощь не потребовалась. Фабиола сама ловко оглушила охранников и, разбив стекло, выскочила наружу. Разумеется, произошедшее она приняла за несчастный (для полиции

Праги) и счастливый (для себя) случай и собиралась бежать. Тут-то и пригодилась помощь вампиров в черном, которые обступили место аварии и препроводили хмурую испанку к нам.

При виде Вацлава, вышедшего навстречу, лицо Фабиолы удивленно вытянулось, а потом ее губы тронула улыбка, от которой мое сердце тревожно заныло. Несмотря на малоприятные обстоятельства, Фабиола была рада Вацлаву. И она была рада ему не как Гончему, а как мужчине. Уж в этом-то я разбираюсь.

С упавшим сердцем я вышла из машины, чтобы пересесть назад. Вацлав предупредил, что с Фабиолы не стоит спускать глаз и следует посадить ее впереди.

Сам он тем временем коротко поблагодарил вампиров за помощь и, крепко взяв Фабиолу за локоть, повел к машине. Она, по-прежнему оставаясь в наручниках, что-то с улыбкой спросила, Вацлав отрывисто ответил, и я пожалела, что не знаю испанского.

— Говори, пожалуйста, по-английски, — сказал он, открывая дверцу машины и усаживая ее впереди.

В ответ из упрямства Фабиола затараторила по-испански, с вызовом глядя на меня в зеркало. Она все тараторила и тараторила, пока Вацлав обходил машину и садился на водительское место, и от ее вибрирующего взволнованного голоса, казалось, температура в салоне накалилась.

— Все сказала? — спокойно спросил Вацлав, глядя на испанку в зеркало заднего вида. — А теперь послушай меня. Через пару минут полицейские очнутся, и если мы с тобой не заговорим на одном языке, я сдам тебя им в руки. И скажу, что проезжал мимо и видел, как преступница пыталась сбежать с места аварии. Как тебе такой вариант? Или я могу увезти тебя отсюда и помогу покинуть страну. Так что?

Фабиола с досадой глянула на него и процедила по-английски:

— Хорошо. Поехали.

Вацлав завел мотор, и машина резко сорвалась, торопясь оказаться подальше от места происшествия.

— Кстати, познакомься, — обронил он, кивнув на меня, — это Жанна, твоя сестра по крови.

Фабиола на миг напряглась, бросив на меня пытливый взгляд в зеркало, потом фальшиво рассмеялась:

— И ради этого весь маскарад? Извини, дорогая, — фамильярно обратилась она ко мне, — не хочу тебя огорчать, но у меня нет кровных сестер.

— Думаю, Дарла, Орнелла Дамиани, Ванесса Рейн, Глория Майлз и другие были бы оскорблены, услышав, что ты от них отрелась, — спокойно заметила я.

Смех Фабиолы оборвался на высокой ноте, ее зрачки изумленно расширились, а ноздри затрепетали от волнения.

— Я была в Замке Сов и видела вас всех, — окончательно добила я ее.

Однако Фабиола быстро взяла себя в руки и пристально глянула на мое отражение:

— Так это ты официальная наследница Жана?

— Надеюсь, что скоро я разделю это тяжелое бремя с тобой и остальными сестрицами, — сказала я, не отводя глаз.

— Чего вы хотите? — На этот раз она смотрела на Гончего.

— Правды, — потребовал тот. — Мы хотим знать истинные намерения Жана. И еще то, что он вам оставил.

— Ведь вы расшифровали карту, зашифрованную на кулонах? — поинтересовалась я. — И нашли тайник?

С каждым нашим словом Фабиола мрачнела все больше.

— Так вам и это известно, — угрюмо выдавила она.

В доказательство своей осведомленности я подцепила цепочку с кулоном, ждущего своего часа в кармане, и, подняв руку, помахала им на манер маятника.

— А мы-то гадали, куда делась двенадцатая подвеска, — Фабиола неприязненно сверкнула черными глазами.

— Думаю, мы заслужили откровенности в благодарность за твое спасение, — ввернул Вацлав.

— Да уж конечно, — язвительно сказала Фабиола и колко взглянула на него. — Только хочешь хороший совет, в благодарность за все спасения — и это, и предыдущие?

Я увидела, как напрягся Вацлав при словах о предыдущих спасениях. Что же там такое происходило между ним и этой черноглазой кошкой?

— Лучше бы вам все это забыть, — сказала она, не дожидаясь его ответа, и отвернулась к окну, глядя на темные воды Влтавы, по мосту над которой мы проезжали. — Амнезия — замечательный способ избавиться от больших проблем. Могу помочь.

Я не успела среагировать на угрозу в ее голосе, как Фабиола, резко откинувшись назад, ударила меня локтем в шею. Я закашлялась от приступа удушья, а испанка в тот же миг со всей силы оглушила Вацлава по голове сцепленными в замок руками. Гончий упал лицом на руль и на долю секунды потерял управление. Машину занесло на крутом вираже. И этой секунды Фабиоле хватило для того, чтобы открыть дверь и выпрыгнуть наружу. А в следующий миг раздался оглушительный грохот — это машина пробила ограждение моста. Мир вокруг меня завертелся со скоростью волчка, я ощутила короткое мгновение полета, которое почти сразу же сменилось падением, подобным стремительному съезду вниз с американских горок. И вот уже машина быстро погружается в реку, вода блокирует двери и поднимается до уровня окон, торопясь утащить нас на дно и погрузить в полную тьму.

— Вацлав! — От страха из моих губ вырвался только хрип. — Вацлав!

Машина уже наполовину погрузилась в реку, передняя часть ушла под воду, за стеклом вокруг Гончего — черная мутная вода. Салон стремительно наполнялся холодом, и я старалась не думать о том, какой температуры вода в реке в феврале. Я стала трясти Вацлава за плечо, пытаюсь привести его в сознание.

— Очнись же! — в отчаянии крикнула я, чувствуя, как стекло трещит под напором воды и уже не выдерживает ее разрушительной силы. Еще немного — и стекло треснет, как лед, а вода хлынет в салон.

Неужели мы погибнем вот так, утонув в машине во Влтаве? Нет, только не это. Надо что-то делать. Надо быстрее выбираться отсюда. В машине мы погибнем. Выберемся — и появится шанс выплыть на берег.

Я с силой потянула дверную ручку, но вода намертво заблокировала выход. Я навалилась всем телом и забилась как рыба об лед, пытаюсь сдвинуть дверь с места — тоже безрезультатно. Задняя часть машины еще оставалась на плаву, в окно еще были видны огни берега, но на берегу не было ни души. Фабиола уже скрылась. Никто не видел аварии, никто не придет на помощь. Вся надежда только на себя. Вдох-выдох, собраться, взять себя в руки!

Выбить стекло.

Выбраться из машины.

Помочь Вацлаву.

Выплыть на берег.

У меня даже не было времени задуматься, откуда во мне взялось это ледяное спокойствие. Надо было спастись.

Продолжая тормошить Вацлава, я со всей силы забарабанила кулаками по стеклу. На нем остались алые разводы от сбитых в кровь костяшек пальцев, но оно не подалось. Нужно что-то потяжелее моих маленьких кулачков. Я быстро оглядела салон, в надежде отыскать какой-нибудь домкрат. Ну хотя бы кирпич! Или небольшую гантельку! В былые времена даже флакон духов в моих руках оказался смертельным оружием против напавших на нас с Вацлавом вампиров. Тогда меня питала ненависть, текшая в крови Жана, и угроза жизни. При воспоминании о тех событиях в нос явственно ударил амброво-древесный запах Midnight Poison, который навечно стал для меня запахом смерти и опасности. Этот удушливо-сладкий аромат, которому неоткуда было взяться в салоне машины, стремительно погружающейся во Влтаву, подействовал на меня эффектней нашатыря. Я вдруг вспомнила о кинжале, который мне на всякий случай выдал Вацлав, и торопливо похлопала себя рукой по

поясу. Есть!

Машину засасывает в глубину реки, за окном остается только узкая полоска воздуха, вместе со стремительно пребывающей водой падают шансы на спасение.

Я торопливо вытащила кинжал, не вынимая из ножен, взвесила его в руке — довольно тяжелый. То, что надо!

— Разбивайся! Разбивайся! Да разбивайся же ты, проклятое стекло! — Я замолотила ножнами, и салон наполнился отвратительным скрежетом металла по стеклу. А потом в окне образовалось углубление, и от него стали стремительно расползаться трещины, наполняясь, словно вены, каплями воды, которая просачивалась сквозь стекло и смешивалась с алыми разводами от моей крови. Я приложила ладонь к стеклу, но тут же отдернула ее. Вода была ледяная!

С оглушительным треском стекло взорвалось осколками, и мне в лицо полетели ледяные брызги, а вода, обрадовавшись отсутствию преграды, стала переливаться в салон, стремительно заполняя дно машины. С переднего сиденья раздался тихий стон — Вацлав пришел в себя и, надо отдать ему должное, мгновенно оценил ситуацию:

— Быстро! Выбираемся!

Один удар — и переднее окно разбито, и Гончий отважно нырнул в стылую воду. Еще секунда — и он торопливо расчистил мое окно от торчащих осколков и, схватив меня за плечи, выдернул из тонущей машины. Показалось — меня окунули в ванну со льдом. Вода мгновенно пропитала одежду до нитки, сделав куртку и джинсы в несколько раз тяжелее, а мокасины и вовсе превратились в пудовые гири, тянувшие ко дну. Я забарахталась в непроницаемой темноте, стремясь удержаться на плаву, и тут Вацлав крепко схватил меня за талию и потащил вверх со скоростью ракеты.

И вот уже чернильный мрак вспарывают огни набережной, легкие с хрипом вдыхают морозный воздух, и сквозь пелену воды и слез я вижу белое лицо Вацлава, обращенное ко мне. А затем, не теряя ни секунды на никчемные расспросы, он, удерживая меня за плечи, начинает быстро-быстро грести к берегу. Но в ледяной воде время тянется так долго, что мне кажется, мы плывем целую вечность.

Наконец до берега остается несколько метров. Вслед за Вацлавом я нащупала ногами дно и, с трудом передвигая онемевшими от холода ногами, заторопилась на спасительную сушу. На берегу упала на влажную, припорошенную серым снегом землю, и поняла, что подняться уже не смогу. Нет сил. Влтава выпила их из меня до последней капли. Но Вацлав рывком поднял меня с земли и, взяв на руки, помчался к дороге. Мокрые от воды ресницы сковывало льдом, одежду вот-вот постигнет та же участь — казалось, что за время, пока мы провели в реке, в Праге похолодало до минус сорока.

— Только не спи, — встревоженно тормозил меня Вацлав. — Не спи, Жанна. Слышишь?

Где-то совсем близко заскрежетали тормоза, Вацлав кому-то что-то резко сказал, и вот я уже лежу на заднем сиденье машины, которая на предельной скорости куда-то несется. С трудом приподняв голову, я убираю с лица прилипшие пряди и вижу за рулем Вацлава. В салоне мы одни.

«Откуда машина?» — хочу спросить я, но из моих заледеневших губ вырывается только стон:

— О-от-т-т...

Вацлав резко поворачивается ко мне:

— Потерпи, маленькая. Скоро приедем.

Хочу спросить куда, но нет сил. Вижу только, как машина, игнорируя красный свет, проносится мимо светофора. А потом мы сворачиваем на какую-то пустынную улочку с глухими стенами и упираемся в тупик. Вацлав резко бьет по тормозам и выскакивает наружу. Пока я пытаюсь унять дрожь от холода, сесть и понять, где мы находимся, Вацлав открывает багажник. А затем он распахивает заднюю дверцу рядом со мной, впуская в салон морозный воздух и приглушенный стон.

— Что ты творишь? — силюсь сказать я, глядя на безвольно обмякшего в его руках полноватого мужчину средних лет, но из одеревеневших губ вырывается только хрип.

Вацлав удерживает незнакомца на коленях, наклонив голову вбок, так что шея мужчины оказывается совершенно беззащитной, и я слышу, как оглушительно громко бьется кровеносная жилка под его кожей.

— Тебе нужна кровь. — В голосе Гончего — приказ. — Иначе ты можешь погибнуть.

«Тебе мало того, что ты угнал его машину? — хочу сказать я, но не могу даже шевельнуть губами. Собираюсь помотать головой, но не получается даже повернуть шею. Просто ее не чувствую. — Я не буду», — изо всех сил внутренне сопротивляюсь я и по сердито вспыхнувшим глазам Вацлава понимаю, что он слышит мои мысли.

— Не глупи, — жестко обрывает он, толкая мужчину на сиденье рядом со мной и нависая над ним. — Только кровь спасет сейчас от обморожения. Только она запустит регенерацию.

«Но я ведь не могу умереть», — упрямо возражаю я.

— Хочешь лишиться рук и ног? — яростно перебивает Гончий.

«Ты же не лишился».

— Я его уже выпил! — рычит он. И я замечая на шее мужчины след укуса. — Думаешь, почему я еще могу двигаться, вести машину, говорить и спорить с тобой? И потом, я старше и регенерирую быстрее. Так что не сравнивай себя со мной.

Вацлав наклоняется к мужчине, а потом так же резко отстраняется. Я вижу вскрытую яремную вену на шее водителя и алую росинку в уголке губ Гончего, когда он приказывает:

— Пей!

Кажется, когда-то это уже было. Отчаянно спорящая я, наседающий на меня Вацлав. Тогда я впервые попробовала человеческую кровь не из пробирки — из вены. Только в ту ночь жертвой был парень лет двадцати. И тогда моей жизни ничто не угрожало — Гончему просто были нужны все мои силы ясновидящей для помощи в расследовании.

— Пей же, — командует он и добавляет: — Если не ради себя самой, то хотя бы ради своего деда, который сдерет с меня шкуру живьем, если с тобой что-нибудь случится. Может, мне ему сейчас позвонить? — яростно вопрошает он. — Может, у него лучше получится тебя убедить?

На споры уже нет сил. Моя и без того холодная кровь, того и гляди, превратится в лед, ледяной панцирь уже сжимает сердце. Ног я уже не чувствую, рук тоже, лицо — мраморная маска, губы — ледышки, перед глазами — метель, которая пеленой закрывает от меня лицо Вацлава.

— Жанна! — доносится до меня как через слой снега.

И внезапно я падаю куда-то вниз, и стужу метели разгоняет благодатный жар теплого источника. Первыми отогреваются губы и глотают это спасительное тепло в надежде согреться изнутри. Затем пальцы окутывает горячей водой.

— Да пей же! — в отчаянии повторяет чей-то знакомый голос, и я понимаю, что жар — лишь тепло источника, который, истекая рубиновой влагой, сочится сквозь мои пальцы. В этом источнике — спасение от холода, который пожирает меня изнутри, подбираясь к самому сердцу. И я больше не сопротивляюсь желанию, припадаю к источнику голодным ртом, жадно глотаю солоноватую на вкус жидкость, чувствуя, как с каждым глотком отогревается тело и возвращается чувствительность. Метели перед глазами больше нет. Ее вытесняет густой красный туман.

Я брела по пустыне. Красное солнце висело над верхушками далеких песчаных барханов, немилосердно паля. Злой ветер с глумливым свистом бросал в лицо пригоршни колких песчинок. Раскаленный воздух можно было пить как чай. Губы растрескались от жара, как сухая почва под ногами. Еще шаг — и ноги увязли в горячем плотном песке, я оказалась в самом центре песчаной реки, которая вдруг воронкой закрутилась вокруг меня, норовя утащить на дно. Уйдя в песок по пояс, я закричала — пронзительно, безнадежно,

понимая, что никто не придет на помощь, что мне суждено быть заживо погребенной в песке и из века в век слышать его вкрадчивый шепот, пока я сама не превращусь в пригоршню песчинок. И быть может, когда-нибудь заблудившийся морской ветер подхватит меня на своих легких крылах и унесет далеко-далеко, в лазурную даль, где воздух дышит свежестью и прохладой...

Песчаная воронка смерчем поднялась вверх, отрезала меня от мира, оставив лишь окошко над головой, в котором виднелось желтое, как выцветший на жгучем солнце лист, небо, а я сама стремительно тонула в горячем песке.

— Держись!

Внезапно в окошке над головой возникло родное лицо. Из последних сил преодолевая сопротивление песка, я бросила тело вверх, ухватившись за протянутую руку, и ощутила восторг полета. Когда я очутилась наверху, воронка у моих ног с хлопком исчезла. Но желтое небо вдруг низверглось вниз песчаным дождем. Мой спаситель стянул с себя кожаную куртку, зонтом раскрыл ее над головой и привлек меня к себе. Чувствуя непреодолимую жажду, я привстала на цыпочки и припала сухими губами к его обветренному в окружении иголок щетины губам. Его дыхание было освежающим, как родниковая вода, и опьяняющим, как шампанское на голодный желудок, оно наполняло меня счастьем, как вода наполняет пустую вазу, и вот уже это счастье готово перелиться через край. А какими нетерпеливыми и ненасытными оказались его губы! Словно был только этот миг накануне апокалипсиса. Словно не будет больше возможности выразить свою любовь и желание. Словно в следующую минуту мы можем погибнуть. Или проснуться.

— Проснулась!

Контраст между экзотическим пейзажем пустыни и привычным номером гостиницы был так велик, что я сомкнула веки, стремясь вновь перенестись в опасный зной пустыни и продолжить прерванный поцелуй.

— Жанна! — окликнул меня любимый голос, и я невольно потянулась на его зов, моля о поцелуе. Но в следующий миг реальность оглушила меня пронзительным автомобильным гудком за окном, я окончательно проснулась и вскочила на постели, по кусочкам собирая явь.

Вот люкс для новобрачных. Вот Вацлав, до него рукой подать. Замер на краю кровати, не сводя с меня своего гипнотического взгляда, и словно читает обрывки моего сна. Только этого не хватало! А вот я, совершенно обнаженная под одеялом, которое сползло с моей груди, почти полностью ее оголив. За миг до неминуемой катастрофы я торопливо цапнула одеяло и натянула его по самую шею. Для верности еще и под ним прикрыла грудь рукой.

— Зачем ты меня раздел? — с возмущением спросила я.

Ресницы Вацлава растерянно дрогнули. Судя по всему, он ожидал чего угодно, но только не этого вопроса.

— Это единственное, что тебя беспокоит? — прозвучало в ответ.

— А что, — я насторожилась, — должно быть еще что-то? Ты воспользовался моей беспомощностью? Трижды?

От этого предположения у Вацлава на скулах заиграли желваки. Он стремительно поднялся с кровати и отступил назад, словно желая оказаться как можно дальше от меня.

— Вспоминай, — тихо сказал он. — Мы ехали в машине, мы были на мосту, помнишь?

Воспоминания обрушились на меня ушатом ледяной воды, и меня всю передернуло от холода. Арктический мороз, пробирающий до нитки, мокрая одежда, прилипшая к телу, лед по венам...

Вацлав быстрее ветра сделал шаг ко мне, сменяя расстояние между нами, как гофрированную бумагу, и его руки успокаивающе легли мне на плечи.

— Все позади, — зашептал он, укутывая меня во второе одеяло, которое лежало сбоку. Вероятно, я сбросила его во время сна.

При мысли о том, сколько времени Вацлав провел у моей постели, заботливо накрывая

меня сбившимся одеялом, меня затопила нежность. Понятно, почему я спала обнаженной — моя одежда вымокла до нитки и, должно быть, пришла в полную негодность.

— Все кончилось, — успокаивающе повторял он.

А потом его губы как-то сами собой коснулись моего виска, и меня захлестнуло острым, неодолимым желанием. Я повернула лицо, мечтая ощутить их жар на своей коже. Вацлав не стал медлить. Его теплые губы порывисто накрыли мои, и это было в сто крат лучше всех снов и видений, потому что происходило по-настоящему. Я столько мечтала об этом поцелуе, столько представляла себе его, что едва не потеряла сознание от счастья. Пусть этот поцелуй не был первым — первым стал тот поцелуй в подвале, где меня держали парижские Гончие в ожидании суда. Но тогда в нем не было ничего похожего на робость и нежность первого касания губ. Тот поцелуй был концентратом отчаяния, горечи и надежды, моей исповедью в невиновности и обещанием Вацлава спасти меня. Тогда мы целовались как в первый и в последний раз. Потому что следующего могло уже не быть. Потому что смерть уже заявила на меня свои права, и даже Вацлав тогда не был уверен в том, что ему удастся одержать победу в этом поединке.

Теперь же поцелуй был обоюдным признанием, которое давно жгло губы. Лаской, от которой за спиной разворачивались крылья. Обещанием счастья, от которого кровь в венах бурлила пузырьками лимонада. Клятвой в вечной любви, в сто крат более сильной, чем те, которые обычно дают люди у алтаря. С каждым глотком я впускала Вацлава в себя все глубже. Его дыхание наполняло мои легкие, его волнение проникало в мою кровь, его страсть затуманивала мой разум. Это был уже не случайный поцелуй, после которого можно неловко отстраниться и сделать вид, что ничего не было, что это просто минутное помешательство. Это был поцелуй, с которого начался новый отсчет времени. Того, в котором мы с Вацлавом были вместе.

Желание, которое поцелуи уже не утоляли, а только разжигали, поднималось во мне горячей волной. Одежда между нами и одежда на Вацлаве сделались досадным препятствием, которое следовало немедленно устранить. Как я мечтала сейчас коснуться его кожи, открыть для себя его тело, с дотошностью первооткрывателя исследовать все его впадинки, родинки, шрамы, запомнить их рельеф, попробовать на вкус, оставить едва заметную метку своих зубов или ногтей, предупреждающих: «Осторожно: мое!»

Не прерывая поцелуя, я завозилась под верхним одеялом, которое сковывало мои движения и не давало обнять Вацлава. И Вацлав, угадав мое желание, скинул его с плеч. Его руки заскользили по моей обнаженной спине, и от этой откровенной ласки, о которой еще накануне я могла только мечтать, с моих губ сорвался тихий стон. Теперь нас разделяло только одно одеяло, которое я продолжала придерживать одной рукой на груди, другой обвив шею Вацлава. А потом, осмелев под его жаркими ласками, я прижалась к нему грудью и обняла второй рукой. Теперь одеяло удерживало только то, что наши тела оказались тесно прижаты друг к другу. А мои руки, торопливо комкая ткань мужского джемпера, уже спешили осуществить задуманное и скользили по спине Вацлава, дотошно исследуя каждый сантиметр кожи, как это уже всюду делали пальцы Гончего с моим телом. Каждое прикосновение — удар тока, каждый поцелуй — полет в облаках, каждый взгляд — вспышка молнии.

— Ты меня простишь, если я воспользуюсь твоей беспомощностью? — хрипло пробормотал Вацлав, опрокидывая меня на спину.

— Не прощу, если не воспользуешься, — выдохнула в ответ я, глядя в его затуманенные страстью глаза. В следующий миг одеяло, отделявшее нас друг от друга, полетело на пол, сорванное нетерпеливой рукой Вацлава. За ним последовал джемпер — кажется, я так торопилась снять его с Вацлава, что даже порвала.

Брачное ложе номера для молодоженов удовлетворенно скрипнуло под тяжестью наших тел. Наконец-то оно дождалось своего истинного предназначения.

Глава 6

ДВА ВАМПИРА — ПАРА

Мы способны зайти так далеко, что можем даже любить друг друга. Ты и я. Кто же еще подарит нам хоть крупицу любви, сострадания и милосердия? Кто еще, зная нас так, как знаем себя мы, сделает хоть что-нибудь ради нас? Нет, только мы и способны любить друг друга.

Энн Райс. Интервью с вампиром

Это полный миф, что как только мужчина переспит с тобой, так сразу же потеряет к тебе интерес. По правде говоря, должно быть как раз наоборот: если ты все сделаешь правильно, это заставит его еще больше тебя хотеть. Главное, чтобы найти верное сочетание таинственности, недоступности и вызова с чувственностью, соблазнительностью и сексуальностью.

Лорен Вайсберг. Бриллианты для невесты

— Заканчивается посадка на рейс 853 авиакомпании British Airways, вылетающий по маршруту Прага — Лондон. Просьба пассажирам пройти к воротам номер...

— Жанна, давай быстрее! — то и дело подгонял меня Вацлав, пока мы неслись по коридорам пражского аэропорта. Другие пассажиры понимающе расступались, пропуская нас. Только мерзкие духи сигаретной зависимости так и путались под ногами, на одного из них я даже умудрилась наступить. Дух оказался абсолютно бесплотен, только ногу окутало серым дымом, и у меня появилось острое желание вымыть сапожок. Как будто вляпалась в коровью лепешку. Только похуже!

Когда мы добежали до нужных ворот, бортпроводница уже собиралась уходить. И при виде нас осуждающе нахмурила бровки: мол, что ж вы это, пассажиры дорогие, опаздываете? Задерживаете рейс?

Чтобы сгладить нашу вину, Вацлав улыбнулся самой ослепительной улыбкой Джорджа Клуни, протянул посадочные талоны и сказал что-то по-чешски. Сотрудница оттаяла и, возвращая посадочные, даже выдала подобие улыбки, отчего я ощутила острый укол ревности. Более не теряя ни минуты, мы нырнули в рукав, присоединенный к самолету, и заторопились в салон.

Еще через две минуты я с облегчением откинулась в кресле бизнес-класса, а аэробус принялся выруливать на взлетную полосу. Вацлав, закинув сумку с ноутбуком на полку, опустился рядом. Его рука отыскала мою и легонько сжала.

— Успели! — выдохнул он. — А то я уже начинал сомневаться...

То, что мы успели на рейс, было настоящим чудом. Ведь, проснувшись пять часов назад в отеле, мы даже понятия не имели, что уже в самом ближайшем времени нам предстоит отправиться в Лондон...

Я открыла глаза и увидела Вацлава. Так близко, что у меня перехватило дыхание. Облокотившись о подушку, он пристально смотрел на меня, и по его лицу невозможно было понять, о чем он думает. Оценивает, насколько я хороша сразу после пробуждения? Жалеет о случившемся? Сравнивает меня с Эвелиной? Или с той, кому предназначался подарок в новогоднюю ночь? А может, со всеми, кто были до меня? Или — о нет! — он задумал принести мне кровь в постель по представлениям вампирской романтики?

Вацлав молчал, и эта неопределенность становилась все невыносимей с каждой секундой.

— Привет! — робко улыбнулась я. — О чем думаешь?

Он усмехнулся одними губами, тогда как глаза оставались серьезными:

— Двухсотлетний вампир соблазнил двадцатитрехлетнюю красотку.

— Эй, — возразила я, — не льсти себе! Это я тебя соблазнила.

— Или так, — согласился он, нависая надо мной, и поцеловал в губы до

головокружения.

— И вообще-то, — прерывисто пробормотала я, когда он отстранился, — не очень вежливо... с твоей стороны... после первой же ночи... напоминать мне о возрасте... с точностью до года. А то я могу решить... что недостаточно молода для тебя.

Теперь смеялись и губы Вацлава, и его глаза.

— Кстати, — заметила я, — мне кажется, минувшая ночь дает мне право поинтересоваться твоим возрастом. А то я ведь так и не знаю, сколько тебе в точности лет.

— Двести двадцать, — со смиренной миной отчитался он. — Рост — метр восемьдесят четыре, вес — восемьдесят три, размер ноги — сорок два. Еще вопросы?

— Любимый фильм?

— «Полдень»³.

«Полдень»? Пародия на «Сумерки», что ли? Но уточнить я не решилась, поищу потом его в Интернете. К тому же у меня накопилось еще немало вопросов.

— Любимая книга?

— «Три товарища» Ремарка.

— Любимый цвет?

— Черный.

Кто бы сомневался.

— Любимый город?

— Москва.

— Правда? — недоверчиво уточнила я.

— Честное вампирское.

— Любимый дизайнер?

— Могу я воспользоваться звонком другу? — В его серых глазах заплясали смешинки.

— Ладно, проехали. Любимое женское имя?

— Солнышко.

— Солнышко?! — возмутилась я и замахнулась на него подушкой.

— Ладно-ладно, твое! — Отобрав подушку, он опрокинул меня на постель и навис надо мной. — А теперь мой вопрос. Что ты будешь на завтрак?

— Тебя... — Я потянулась к нему и обвила руками его шею.

На некоторое время мы опять выпали из жизни, а потом пришлось вернуться к делам насущным и вспомнить, зачем мы здесь. Вацлав убежденно заявил, что Фабиола уже покинула страну, и мы пришли к обоюдному решению, что делать нам в Праге больше нечего. Вацлав полез в гостиничный сейф за ноутбуком, который везде таскал с собой, и собрался выяснить расписание рейсов до Москвы.

Я предлагала обыскать номер Фабиолы, чтобы найти какие-то зацепки. Ведь после ареста она в номер не возвращалась и все ее вещи остались там. Однако Вацлав признался, что побывал там еще прошлой ночью, когда мы вернулись из подземелий, а Фабиола еще находилась под стражей. Оказывается, пока я спала, Гончий проник в номер испанки и пристально там все изучил. Я постаралась отогнать от себя картину того, как Вацлав дотошно роется в чемодане Фабиолы, вытаскивая на свет ее лифчики и стринги и прощупывая их на предмет тайников. Что поделать? Мой мужчина — Гончий, и его работа — выслеживать и ловить преступников. Джеймс Бонд тоже не гнушался обысков, а ведь был английским джентльменом. Однако жаль, что Вацлаву не удалось ничего найти, что могло бы указать нам на других вампиров, кровных сестер Фабиолы.

И вот пока Вацлав набирал секретный код, открывая сейф, а я разглядывала его обнаженный по пояс торс и джинсы, тесно сидящие на бедрах, меня осенило.

— Скажи, ты проверял ее сейф?

— Что? — удивился Вацлав, поворачиваясь ко мне с ноутбуком.

³ Имеется в виду американский вестерн «Ровно в полдень» (1952 г.).

— Сейф Фабиолы! — взволнованно выпалила я. — Он должен быть в номере. Где, как не там, она бы хранила самое важное!

Однако у Вацлава моя догадка энтузиазма не вызвала.

— Ах это! В стандартном номере, который занимала Фабиола, сейфов нет.

— А где же тогда постояльцы хранят самое ценное? — не унималась я.

Вацлав задумчиво взглянул на меня и почесал заросшую щетиной щеку.

— А ведь ты права. Я видел рядом со стойкой портье ряд закрытых ячеек. Обычно если сейфа не предусмотрено в номере, то постояльцам предлагают воспользоваться сейфом на рецепции. За отдельную плату.

— Иди, — заторопила его я, — узнай сейчас же.

Вацлава не пришлось уговаривать. Он быстро натянул футболку и вышел в коридор. А я поскакала в душ, чтобы привести себя в порядок после сна. Мои темно-каштановые волосы, спутанные после купания в речной воде, были похожи на змей на голове горгоны Медузы. Похоже, прежде чем уложить бессознательную меня в постель, Вацлав не только снял с меня мокрую одежду, но и просушил волосы феном. Ну разве он не душка? Сияющие глаза, припухшие от поцелуев губы и покрасневший подбородок, натертый щетиной Вацлава, тут же напомнили о событиях бурной ночи, и меня бросило в жар. Щеки окрасил нетипичный для вампиров румянец. Я поплескала на лицо водой, почистила зубы и помыла волосы.

Заматав голову полотенцем и укутавшись в мягкий банный халат, полагавшийся молодоженам, я вышла из ванной как раз в тот момент, когда Вацлав вернулся в номер.

— Ну? — с надеждой спросила я.

— Есть! — Он с довольным видом предъявил мне небольшой пакет с собственностью Фабиолы.

То, что Вацлав без труда убедил администратора вскрыть чужой сейф, меня уже не удивляло. Чутьочка гипноза — и никакого насилия.

Сгорая от любопытства, мы вывалили содержимое пакета на туалетный столик и склонились над ним. «Ассортимент» ценностей Фабиолы меня удивил. Здесь была американская кредитка на имя Сони Смит, пачка стодолларовых купюр, кольцо из белого золота с прихотливым узором, испанский паспорт с фотографией Фабиолы и именем Марии Верде, билет до Мексики на вчерашнюю дату на то же имя, какая-то микросхема непонятного назначения и женские часики «Гуччи» с драгоценными камнями на циферблате, которые показывали на два часа больше, чем в Праге. Вот и весь улов.

Мы с Вацлавом разочарованно переглянулись. Глупо, конечно, было рассчитывать на то, что мы обнаружим список с именами двенадцати вампирш и их координатами или мобильный телефон с журналом вызовов за последнюю пару недель. Но, думаю, в глубине души и я, и Вацлав надеялись на что-то подобное в качестве компенсации за побег Фабиолы и купание в февральской Влтаве.

Пока Вацлав, не теряя надежды, вертел микросхему, я потянулась к кольцу, чья ювелирная работа вызвала восхищение. Кольцо пришлось впору — все-таки мы с Фабиолой примерно похожи по комплекции, и пальчики у нас одинаково узкие. Ободок, словно сплетенный из тончайших нитей, красиво смотрелся на безымянном пальце правой руки. Вытянув руку в сторону и любуясь работой ювелира, я внезапно подумала, что оно могло бы быть обручальным, и представила, как мы с Вацлавом обмениваемся кольцами на глазах у моих родителей, бабушки, Аристарха, Вероник и brutальных парней из команды Гончих.

— Ладно, — вернул меня к реальности недовольный голос Вацлава, — покажем нашим компьютерным гениям в Москве, может, они что скажут.

Я торопливо убрала руку за спину и попыталась стянуть кольцо. Не тут-то было! Пока я тщетно тянула неподатливый ободок, Вацлав перебирал нашу добычу и перечислял план действий:

— Кредитку надо отследить — хотя бы составим маршрут, где побывала Фабиола в

последнее время. Если она, конечно, пользовалась этой картой. Паспорт на имя Верде тоже надо проверить — возможно, Фабиола по нему путешествовала в этом месяце. Билет... — Он взял в руки билет и нахмурился.

— Думаешь, кто-то из вампирш ждет ее в Мексике? — предположила я.

— Сомневаюсь, — покачал головой Вацлав. — Мексика — большая страна, там легко затеряться. Скорее всего, Фабиола собиралась там пересидеть какое-то время. И знаешь, что это значит? Особенно в сочетании с тем, что она планировала ограбить музей?

— Что? — спросила я, не прекращая тайком попыток снять кольцо.

— Это значит, что в ближайшее время она вряд ли собиралась на слет наследниц Жана, — мрачно заключил Вацлав.

— Думаешь? — Я изо всех сил поддерживала беседу, чуть не плача от беспомощности. Проклятое кольцо вцепилось в палец, как голодный клещ.

— Да, — продолжил рассуждать Вацлав. — Думаю, они уже закончили свои общие дела и получили то, что им оставил Жан... Жанна, что у тебя там происходит?

Мои отчаянные попытки снять кольцо наконец были замечены, и я густо покраснела.

— Ничего! Я сейчас вернусь! — пробормотала я и пулей бросилась в ванную. Мне пришла в голову спасительная мысль: кольцо можно снять с помощью мыла.

Через пару минут моя проблема была решена, и я принялась отмыывать ободок, забитый изнутри мыльными ошметками. Тогда-то я и увидела выгравированное на нем имя, показавшееся мне смутно знакомым. Размотав полотенце на голове, я встряхнула влажными волосами и поспешила показать свою находку Вацлаву.

— Фил Шепард? — удивился Гончий и схватился за ноутбук.

Мы склонились над монитором, почти прижавшись друг к другу щеками и уже не смущаясь этой близости. Я чувствовала покалывание щетины Вацлава, а он, пока грузился Гугл, наматывал на палец прядь моих волос, и я была готова замурлыкать от удовольствия. Первая же ссылка привела нас на сайт английского ювелира, который специализируется на изделиях из белого драгоценного металла. Обнаруженная мной гравировка оказалась фирменным клеймом мастера.

— Так вот почему имя показалось мне знакомым! Это же он изготовил серебряные кулоны для Жана! — осенило меня.

— И у него должны сохраниться эскизы всех двенадцати изделий, — с воодушевлением откликнулся Вацлав. — Похоже, что Фабиола ездила к нему за эскизом похищенного тобой кулона, без которого нельзя полностью расшифровать карту Жана. Тогда же она и купила это кольцо. Или, — он ухмыльнулся, — скорее прихватила тайком.

— Так это же, — возликовала я, — просто замечательно! Значит, ничего не потеряно!

— Не радуйся раньше времени, — осадил Вацлав. — Если Фабиола в самом деле была у Шепарда, она могла уничтожить эскиз. Но даже если мы его получим, скорее всего, не сможем расшифровать. Ты же говорила, что вампириши пришли к мнению, будто бы разгадать кодировку можно, только объединив усилия. Да и это все равно нам будет ни к чему. Если вампириши сложили всю карту целиком, то они, с большой вероятностью, уже добрались до тайника.

— Но мы хотя бы узнаем, кто интересовался этими подвесками. Возможно, Фабиола приходила не одна. Сам подумай, в ее руках оказалась бы вся карта целиком, и, зная Фабиолу, другие наверняка захотели подстраховаться, и кто-нибудь отправился с ней в качестве сопровождения, — оптимистично предположила я.

— В таком случае не вижу смысла нам здесь больше задерживаться. Когда там ближайший рейс в Лондон? — Вацлав склонился над ноутбуком, а уже через несколько минут мы заматались по номеру, бросая вещи в чемоданы...

Стюардесса развозила по салону свежую прессу. Посмотрев, что на ее тележке среди черно-белых газет нет ярких обложек «Космополитана» и «Вога», я равнодушно отвернулась к окну, за которым мерцали огни удаляющейся Праги. А вот Вацлав взял себе какую-то газету и увлеченно зашуршал страницами. Я бросила взгляд на название — это были

английские новости. А потом мой взгляд скользнул ниже и уперся в лицо в траурной рамке. Пепельная блондинка со стильной короткой стрижкой, ласковым взглядом и мягкой улыбкой была мне знакома.

— Дай сюда! — Я в волнении выхватила газету из рук Вацлава и уткнулась в заметку о трагической гибели Эмили Ричардсон, возглавлявшей лондонский благотворительный фонд «Доброе сердце».

В газете сообщалось, что сегодня пройдут похороны мисс Ричардсон, погибшей во время пожара в своем лондонском офисе. Дальше рассказывалось о том, какой милосердной и великодушной была погибшая, сколько сиротских приютов получило помощь от благотворительного фонда, сколько больных детишек было вылечено при поддержке организации... Неудивительно, ведь Эмили была воплощением Слезы Милосердия, и именно ее доброта обратила на нее внимание Жана Лакруа.

— Это та самая Эмили, — взволнованно пробормотала я, показывая статью Вацлаву. — Одна из двенадцати.

Нахмурившись, он прочитал заметку.

— Что ж, по прилету позвоню местным Гончим. Посмотрим, что они расскажут.

Эмили

За два дня до этого

За окном уже давно сгустились сумерки. Офис, гудящий днем как пчелиный улей, опустел. Эмили нравилось засиживаться в кабинете по ночам и ощущать себя маленькой хозяйкой большого фонда. Ночь приносила с собой вкрадчивую тишину и упоительную прохладу. Ветерок, впущенный в окно, очищал нагретый за день воздух от дразнящего аромата крови сотрудников. Все-таки быть вампиром и продолжать работать в людском коллективе — задача не из легких. И хотя за два года с момента вступления в Клуб Эмили ни разу не коснулась губами ранки на человеческой коже, а утоляла жажду, припав к пластиковому горлышку непрозрачной бутылки, доставленной со станции переливания крови, искушение начинало преследовать ее с самого порога, как только она входила в свой офис, расположенный в Вест-Энде. Чувствительная к запахам, она выбирала косметику без отдушек и никогда не пользовалась духами. Прежде для нее было невыносимо находиться в лифте с дамой, щедро облившейся туалетной водой, или встречаться с мужчиной, от которого исходил резкий запах парфюма. Став вампиром, она узнала, что есть еще более сильный запах, перебивающий самые стойкие духи на свете, — запах живой крови...

Когда на одном из благотворительных аукционов к ней подошел воспитанный француз и передал чек с щедрым пожертвованием, Эмили даже представить себе не могла, что ее новый знакомый — вампир. В конверте оказалась визитка с именем Жана Лакруа. Эмили перезвонила на следующее утро, чтобы поблагодарить мецената, но ответом ей были длинные гудки. Она набирала номер и в обед, и во время пятичасового чая, и в девять вечера, когда вернулась домой, но телефон молчал. Безо всякой надежды она позвонила еще раз в половине десятого, уже забравшись в постель и заведя будильник на шесть утра — завтра она собиралась съездить в приют в пригороде. Жан взял трубку после первого гудка, как будто только и ждал ее звонка. Его голос был утомленным, словно только что после сна, но, когда она представилась, он мгновенно оживился. Поддавшись обаянию загадочного француз, Эмили сама не поняла, как дала согласие встретиться через полчаса в дорогом ресторане. Пришлось срочно выбираться из уютной пижамы и вновь влезать в строгий костюм.

В такси Эмили с трудом подавляла зевки — она привыкла рано ложиться и вставать с рассветом. А вот француз, встретивший ее уже в ресторане, лучился энергией, как она сама после чашки кофе по утрам. Ресторан, награжденный тремя звездами Мишлен и оформленный в стиле арт-деко, производил впечатление. Разглядывая лиловый узорчатый ковер на полу и малиновый бархат мебели, Эмили рассеянно листала меню с заоблачными

ценами и с досадой думала, что люди, которые обедают здесь, и не задумываются о том, скольким несчастным детям можно помочь, если всего лишь отказаться от десерта и перевести деньги на счет сиротского приюта. Благотворительный фонд, в котором она тогда работала, был совсем маленьким. Но благодаря горстке энтузиастов, сплотившихся вокруг нее, им удавалось собирать значительные средства, устраивая лотереи и концерты, организовывая сбор денег через телевидение и Интернет, ведя информационные блоги, делая презентации в компаниях или проводя благотворительные аукционы с участием знаменитостей, как вчера.

Беседа почти сразу же перешла на благотворительность, Жан живо заинтересовался текущими делами благотворительного фонда, хвалил организацию вчерашнего аукциона и так расположил ее к себе, что Эмили искренне рассказала ему все, о чем он спрашивал. О том, как возникла идея с фондом, когда она, будучи студенткой, ездила в детский дом для детей-инвалидов и отвозила туда игрушки, собранные по инициативе однокурсников. О том, как помогли первому ребенку, собрав денег на необходимую операцию, о том, как поняли, что если не они, то кто же? О том, как уже невозможно было забыть о маленьких сиротах, которые ждут твоего приезда и искренне радуются тебе.

— Скажите, Эмили, — во время очередной паузы вдруг спросил Жан, пристально глядя ей в глаза, — ведь это у вас с детства? Жалость к бродячим собакам, бездомным кошкам, птицам с переломанными крыльями, брошенным детям и забытым старикам?

Эмили слушала и удивлялась: откуда ему все известно?

— А нет ли у вас какого-нибудь талисмана, который вам достался от родителей и с которым вы не расстанетесь никогда? Например, серебряное кольцо или браслет?

Эмили в растерянности покачала головой, глядя на свои лишенные украшений руки.

— Я вообще украшений не люблю, — призналась она. — Хотя у моей бабушки было фамильное кольцо, оно передавалось из поколения в поколение.

На лице француза мигом отобразилась заинтересованность.

— Но я даже не носила его никогда. Я продала кольцо, чтобы выручить деньги, недостающие для операции одной маленькой девочки. Сейчас она здорова, и это настоящий ангелок. — Эмили тепло улыбнулась, вспомнив, как недавно навещала Дженни и та подарила ей трогательный рисунок, на котором изобразила ее доброй феей.

Жан отчего-то поскущел, но спустя мгновение взглянул на нее с подлинным восхищением:

— Вы просто мать Тереза, воплощенное милосердие.

— Да что вы! — смутилась Эмили. — Вы даже не представляете, сколько на свете добросердечных людей. Я встречаю их в своей работе каждый день!

И она увлеченно принялась рассказывать об однокурснице, которая вышла замуж за богатого лорда и теперь ежемесячно перечисляет фонду существенные взносы. О соседке, которая взяла из приюта больного ребенка. О студенте, который помогает одинокой старушке. О домохозяйке, которая подбирает на улице бездомных животных, выхаживает их и пристраивает в добрые руки.

А потом начал говорить Жан. Он говорил ей о необходимости развития фонда. Обещал снять офис в респектабельном Вест-Энде и оказывать организации существенную финансовую поддержку. Говорил, что доверяет ей целиком и полностью и знает, что ни один фунт из фонда не будет потрачен зря и присвоен, что все без остатка пойдет детям. Рассказывал, что давно искал такого надежного и увлеченного благотворительностью человека, как она. Что встречался со многими и только разочаровывался, а Эмили — та, кого он искал. А еще обещал, что фонд Эмили получит поддержку в самых высших кругах — у политиков, бизнесменов и знаменитостей. Только у Жана было одно условие.

Эмили пристально взглянула на него. Это было что-то неожиданное. Ведь спонсоры, приходившие к ним, помогали безвозмездно. Впрочем, никто из них до Жана не предлагал столько.

— И каково же ваше условие? — сухо спросила она.

И тогда Жан, наклонившись к ней так, что она ощутила его дыхание, оказавшееся ледяным, на своей щеке, сказал нечто такое, отчего весь ее мир перевернулся.

— Я вампир, дорогая. И хочу, чтобы вы тоже стали такой, как я.

Эмили приняла эту шокирующую правду не сразу. Жан еще долго убеждал ее, что вампиры — самые влиятельные и богатые люди на планете, что их не так сложно убедить стать щедрыми меценатами, если они будут уверены, что деньги пойдут на благие дела, а не в карман аферистам. А еще говорил, что человеческая жизнь коротка, что она не успеет оглянуться, как окажется беспомощной старушкой не у дел. А став вампиром, она сможет еще сотни лет помогать людям и делать добрые дела.

— Такие светлые люди, как вы, Эмили, очень редки. И они должны жить как можно дольше, — вкрадчиво нашептывал француз.

Эмили думала неделю. За это время Жан подыскал офис на Риджент-стрит и перечислил на счет фонда значительную сумму денег для набора новых сотрудников. Он устроил Эмили эфир в популярном ток-шоу, интервью в известном журнале и встречу с богатым банкиром, продемонстрировав широту своих связей, которая может стать доступной и Эмили.

И Эмили согласилась. Необходимость пить людскую кровь вызывала у нее отвращение, но Жан успокоил ее, объяснив, что необходимости охотиться на людей нет. А в качестве доказательства предъявил талоны на донорскую кровь, которую всегда можно получить на медицинской станции. К условию Жана сохранить в тайне инициацию его кровью и считать своим официальным наставником лондонского старейшину, оксфордского профессора, Эмили отнеслась без особого удивления. Ее куда больше интересовал сбор средств для операции очередного несчастного малыша, а не странные интриги француза.

Жан ее не обманул. После того как все официальные вопросы были решены и в ее сумочке появилась черная пластиковая карта с золотыми буквами VIP, обновленный и расширенный благотворительный фонд начал работу в новом просторном офисе.

Жизнь Эмили почти не изменилась. Туманный Лондон — самое благоприятное место на земле для вампиров. А с солнцезащитной косметикой дневные прогулки и вовсе не доставляли никакого беспокойства. Но на работу она теперь приходила после обеда и сразу же запиралась в своем кабинете. Искушение кровью сотрудников было слишком велико, чтобы проводить в офисе полный рабочий день, даже выпив на завтрак дневную порцию крови из бутылочки. Окно в ее кабинете было открыто и летом и зимой. Уходила из офиса она последней, засиживаясь до глубокой ночи и выполняя все свои обязательства. Сотрудники не удивлялись ее изменившимся привычкам — все знали, что теперь Эмили вращается в высших кругах и часто посещает светские мероприятия, которые заканчиваются далеко за полночь. На самом деле мероприятия случались не так часто, а с вампирской тусовкой она общалась только по делам благотворительности, все свое время уделяя, как и прежде, работе.

Дела стремительно шли в гору. Подводя итоги первого полугодия, Эмили с ликованием отметила, что число детей, которым они помогли, возросло в десять раз! За полгода они собрали денег столько же, сколько за все пять лет с учреждения фонда. Жан, когда она позвонила ему в Париж и поделилась счастливой новостью, обещал, что это не предел. И действительно, второе полугодие показало еще более ошеломительные результаты. Основными меценатами были вампиры со всего мира, которые доверяли учредительнице из своих. Через год статус фонда стал уже международным, и Эмили стала задумываться над тем, чтобы со временем открыть новые офисы по всей планете и расширить сферу поддержки, оказывая помощь не только больным сиротам, но и брошенным старикам, талантливым детям из малообеспеченных семей, бездомным животным. Жан был прав — для того чтобы воплотить эти планы, одной человеческой жизни мало. К счастью, у нее есть в запасе еще две-три сотни лет. А при осторожности и больше...

Радость от развития фонда омрачал только соблазн крови, преследовавшей ее. Самой соблазнительной была кровь детей, и Эмили чувствовала себя настоящим чудовищем, когда

на виду у врачей и воспитателей обнимала малышей, а сама чуть не сходила с ума от запаха их невинной крови. Как-то она поделилась своими переживаниями с Жаном, и тогда он признался ей в запрете, наложенном на него старейшинами, а потом рассказал о трагической участи своих прежних кровных наследников. Эмили пришла в ужас, но Жан убедил ее в том, что все дело — в силе воли и душевной доброте. Праведника в демона одной каплей чужой крови не превратишь. А в его глазах она была праведницей и самой доброй женщиной на свете.

— Рядом с тобой я и сам становлюсь лучше, — признавался он в редкие минуты их свиданий. А Эмили, до которой доходили слухи о жестокости Жана от других вампиров, не могла поверить в их правду. Она знала Жана только с хорошей стороны и была уверена, что все прочее — злые домыслы. Она любила Жана всем сердцем — как друга, который разделял ее интересы, как партнера, который помог ей реализоваться, как мужчину, рядом с которым она чувствовала себя желанной, хотя и понимала, что единственной ей никогда не быть.

А потом Жан встретил Элен и почти перестал появляться. Как-то прошлой осенью она позвонила ему, собираясь посоветоваться по поводу одного важного мероприятия, и трубку подняла эта истеричная русская Элен. Накричала на нее, велела забыть Жана и больше никогда ему не звонить. Жан ей так и не перезвонил. А вскоре она узнала о его смерти...

Встретившись в Замке Сов со своими сестрами, Эмили обрадовалась, что она не одна. Удивительно: с некоторыми из них она встречалась на вампирских тусовках, но даже представления не имела, что они хранят ту же тайну о своем кровном наставнике, что и она. Эмили не так важно было, что им оставил Жан. Это Пандора, Рэйчел, Кьяра и остальные с воодушевлением включились в приключение, которое приготовил Жан. Эмили было куда важнее обратиться к сестричкам в свою веру — благотворительность. И первые результаты уже были. Орнелла и Ванесса согласились принять участие в благотворительном аукционе, чтобы привлечь внимание общественности к проблемам нуждающихся. Глория с той же целью пригласила ее на свое шоу. Дарла загорелась идеей написать сингл в поддержку бездомных животных. Ингрид взяла под свою опеку приют для сирот в своем городе. Оливия привлекла австралийских писателей к благотворительной акции в помощь домам престарелых, а Рэйчел поделилась своими достижениями в благотворительности, которой активно занималась уже несколько лет. Эмили надеялась, что вскоре подтянутся и остальные сестры...

Резкий запах гари ворвался в кабинет, вырывая Эмили из воспоминаний. Дым поднимался откуда-то снизу, и она торопливо устремила вниз. На лестнице навстречу ей метнулся ночной сторож:

— Мисс Ричардсон, скорее на улицу, а то еще надышитесь. Я уже вызвал пожарных.

Где-то внизу бушевало пламя — своим особым слухом она слышала его разрушительный треск.

— А люди? — с тревогой спросила она.

— Так нет никого. Все давно разошлись! — Сторож открыл перед ней входную дверь, пропуская наружу.

— Хорошо, — с облегчением выдохнула она и уже сделала шаг на крыльцо. И тут до ее слуха донесся пронзительный кошачий вопль.

Эмили остановилась и развернулась, прошептав:

— Китти.

— Мисс Ричардсон, — сторож, перегородив дорогу, теснил ее на крыльцо, — идемте же.

Эмили с досадой подняла глаза. Да как же он не понимает?!

— Джордж, в подвале Китти с котятами. Я сейчас.

— Я не могу вас туда пустить.

Но Эмили уже отодвинула его в сторону и бросилась навстречу клубам дыма.

— Мисс Ричардсон! — неся ей вслед встревоженный окрик сторожа, но Эмили уже бежала к подвалу, чувствуя, как с каждым шагом воздух становится все горячее, а дым

пропитывает волосы.

Нельзя бросить кошек. Они же погибнут! Серая пушистая красавица прибилась к их крыльцу в тот день, когда Эмили узнала о смерти Жана. Она не могла взять ее домой — у нее уже жили две дворняги. Так, с ее разрешения, кошку поселили в подвале, и вскоре у нее родились маленькие пушистые комочки... Мать-героиню подкармливали всем офисом и возили к ветеринару, котятм скоро уже можно было сделать прививки и раздавать в добрые руки. Всех пушистиков уже распределили по сотрудникам, а секретарша Эмили, Энни, захотела взять маму-кошку в загородный дом своих родителей.

Эмили бесстрашно толкнула тяжелую дверь подвала, не почувствовав ожогов, оставшихся от раскалившейся докрасна дверной ручки. Совсем близко раздался пронзительный кошачий вой — Китти кинулась ей под ноги, а потом понеслась в самое пламя, откуда раздавался писк котят, ведя Эмили за собой. Ящик, который соорудили для Китти и ее котят, находился в самом конце, у стены с узким зарешеченным окошком, ведущим на улицу. Эмили заторопилась за кошкой сквозь языки пламени. Едкий дым выжигал слезы из-под ресниц, она двигалась почти на ощупь и вскоре коснулась рукой шевелящихся комочков. Живы!

Эмили кулаком разбила подвальное окошко, осколки хлынули к ее ногам, впустив глоток ночной прохлады, который девушка жадно глотнула. Один, второй, третий... Она по очереди подсаживала котят наружу. Китти металась у ее ног, панически мяукая. Наконец все семеро котят оказались в безопасности на улице, и Эмили взяла в руки перепуганную кошку. Отчаянно вырывающаяся Китти оставила на ладонях борозды крови, но Эмили удалось просунуть ее между решеток, и она увидела, как кошка, схватив за шкурку одного из котят, поволокла его в сторону. Все, за малышей можно не волноваться. Китти их в обиду не даст, с облегчением подумала Эмили.

Откуда-то издалека донесся надрывный вой пожарной машины. А в следующий миг дым сгустился до черноты, и Эмили увидела Жана, спешащего ей навстречу.

Лондон встретил нас туманом. И начался для нас с черного кеба — знаменитого лондонского такси, на стоянку которых в аэропорту меня уверенно привел Вацлав. Старомодный автомобиль, в который мы сели, сверкал свежевыкрашенными дверями, а внутри оказался просторным, очень вместительным и вычищенным до блеска. Разница с московским такси была колоссальная. Что меня поразило, так это то, что, кроме водительского места, отделенного перегородкой, в салоне было два мягких сиденья-диванчика, расположенных друг против друга, как в метро или в электричке. Я с наслаждением вытянула ноги и почувствовала себя английской принцессой. Не хватает только платья от Шанель и шляпки в стиле Одри Хепберн. Вацлав сел рядом и взял меня за руку. Это была наша общая потребность: со вчерашней ночи мы никак не могли разомкнуть рук, все время хотелось касаться друг друга.

Салон пропитался тонким ароматом цитрусового освежителя, из динамиков лилась классическая музыка, а безупречно вежливого водителя было невозможно представить с сигаретой в зубах подпевающим шансону. Я уже начинаю любить Лондон! Интересно, у нас будет время познакомиться со здешними вампирами? Какие они из себя — высоколбые снобы или истинные леди и джентльмены? А пока оставалось рассматривать дорогу и прохожих.

На дорогах привлекали внимание двухэтажные автобусы и такие же старомодные черные кебы, как тот, в котором мы ехали. Машины лондонцев тоже заметно отличались от московских: в марках автомобилей я сильна не настолько, насколько в туфлях и сумках, но крутые тачки видно сразу. А те, что ехали по соседству с нами, были очень крутыми. Из любопытства я бросала взгляд на логотипы и насчитала тройку «ягуаров», два «бентли», четыре «мерседеса». А это что за красивая машинка? Да это же легендарная «ламборгини»!

— Не в свой «феррари» не садись, подожди «ламборгини», — пробормотала я себе под нос одну из любимых фразочек.

— Что? — недоуменно обернулся ко мне Вацлав. Судя по его виду, я оторвала его от раздумий о судьбе человечества.

— Ничего, забудь. — Я отвернулась и принялась разглядывать проплывающие за окном красные и черные телефонные будки на тротуаре и прохожих.

Лондонцы были очень элегантно одеты, почти у всех на шее — шарфы, никакой суеты в движениях — никто никуда не бежит, словно вышли прогуляться. А вот автолюбители, напротив, гоняют так, как будто опаздывают на прием к английской королеве.

Вскоре мы попали на оживленную улицу, полную магазинов, и я с любопытством прилипла к стеклу, изучая вывески и витрины. А это что за огромный торговый рай, чем-то напоминающий наш ГУМ? Длинное коричневое здание в классическом стиле, зеленые козырьки над витринами на первом этаже и покупатели, выходящие из дверей с зелеными целлофановыми пакетами с желтой надписью Harrods. Да это же легендарный лондонский магазин, моя давнишняя шопинг-мечта! Если в Москве все дороги ведут в ГУМ, в Лондоне то же самое можно сказать про «Хэрродс». Купить в «Хэрродсе», как говорят, можно все, что не запрещено английскими законами, — от ластика до слона. А еще здесь можно одеться так, что не стыдно будет появиться на королевском балу.

Вот бы побывать там и застрять часов этак на пять! Жалко, что зимняя распродажа уже позади. Я читала, что еще за три дня до начала распродаж на тротуарах у магазина начинают занимать места, а самые отчаянные модники даже ночуют здесь в спальных мешках. Красную ленточку начала распродаж перерезает кто-то из звезд. В разные годы это были Виктория Бэкхем, Келли Брукс и Ева Лонгория. А потом в двери универмага врывается толпа... Как-то я видела один из репортажей по телевизору: это было просто безумие! Недаром журналистка начала свой сюжет словами: «Сами лондонцы говорят: лишь два раза в году вы не увидите в «Хэрродсе» ни леди, ни джентльменов — во время летней и зимней распродажи».

Заметив, что я свернула голову, провожая взглядом магазин, Вацлав иронически ухмыльнулся. Будь здесь сейчас Аристарх, он бы еще добавил:

— Сколько Жанну ни одевай, она все равно в бутик смотрит.

Но легендарный магазин остался позади, кеб свернул на другую улицу, и вскоре мы остановились перед отелем, номер в котором Вацлав забронировал по Интернету.

Солнечный свет почти не пробивался через пелену облаков, и нам не пришлось дожидаться сумерек, чтобы навестить ювелира. Однако, прежде чем поймать такси, мы зашли в ближайший салон мобильной связи и купили сотовые телефоны взамен испорченных во время купания во Влтаве. Вацлав, проявив консерватизм, выбрал ту же самую модель, какая у него и была до этого, а мне приглянулась хорошенькая трубка ярко-алого цвета. У предусмотрительного Гончего оказалась запасная сим-карта со всеми необходимыми телефонами, которую он хранил в сейфе отеля, а мне пришлось купить временную симку английского оператора с абсолютно чистой записной книжкой. Ну ничего, домашние телефоны родителей и бабушки я и так помню наизусть, сотовый Аристарха есть у Вацлава, а больше никому с чужбины я звонить не собираюсь.

Выйдя из салона, Вацлав поймал такси, на этот раз обычное желтое, заклеенное рекламой, и продиктовал адрес.

Еще в аэропорту Вацлав навел справки и выяснил, что ювелир с мировым именем, как ни странно, человек. Это слегка затрудняло нашу задачу. Гончему было бы легко проникнуть к вампиру, даже самому прославленному. Чтобы попасть к человеку, следовало придумать уважительный повод.

— Свадьба, — убежденно ляпнул Вацлав в такси по пути к ювелирной мастерской.

— Что? — закашлялась я, отворачиваясь от окна, за которым успела разглядеть примечательную вывеску с зеленым крестом, профилем мужчины с трубкой и надписью «Аптека Шерлока Холмса». Слова Вацлава меня настолько ошеломили, что я даже не успела осознать, что мы находимся на легендарной Бейкер-стрит, где жил знаменитый сыщик.

— Свадьба — это святое, — серьезно пояснил Вацлав. — Разве Шепард откажется

помочь жениху и невесте, которая восхищается его ювелирным мастерством и мечтает об обручальных кольцах его работы?

На том мы и порешили. А Вацлав принялся звонить какому-то Дэниэлу из лондонских Гончих, и у меня сразу же упало настроение. Я вспомнила о погибшей Эмили.

Вампиры тоже умирают. Еще в самом начале моего вступления в Клуб Лана предупреждала меня, что средняя продолжительность жизни вампира — двести восемьдесят лет. Те, кому исполнилось четыреста, уже считаются редкими долгожителями. Потому что несчастные случаи, пожары, авиакатастрофы и автомобильные аварии никто не отменял. И вампиры в них регулярно погибают. Хотя и реже, чем люди при тех же повреждениях. Как еще Вацлав при его образе жизни умудрился дожить до двухсот двадцати!

И все-таки как несправедлива жизнь! Уж если бы кому из моих двенадцати сестричек и суждено было погибнуть молодой, лучше бы это была Кобра, без зазрения совести убившая двух репортеров в Замке Сов. Без нее мир бы только стал лучше. С гибелью Эмили одной очень светлой личностью на земле стало меньше. «Со смертью каждого человека умирает неведомый мир», — писал Экзюпери. И мир, который Эмили унесла в своем сердце, был миром добра и милосердия. Скольким бы детишкам она еще могла помочь в ближайшие двести-триста лет! Уверена, что и стать вампиром она согласилась только ради возможности творить добрые дела еще долго, а не ради вечной молодости. И я готова поклясться, что Эмили была сторонницей донорской крови по талонам. Представить ее крадущейся по ночным улицам в поисках жертвы было невозможно. А вот Кобру — запросто.

Закончив разговор по телефону, Вацлав повернулся ко мне:

— Похороны уже прошли. Ни Дарла, ни Ванесса, ни Орнелла на церемонии не появлялись. В любом случае сейчас они уже покинули Лондон. Если бы мы оказались здесь хотя бы на несколько часов раньше... — с досадой добавил он.

— А что там с пожаром? Это не поджог? — взволнованно уточнила я.

— Дэниэл говорит, что вряд ли. Пожар произошел ночью, когда в здании не было никого, кроме сторожа. Ведется расследование. По предварительной версии причиной пожара стала неисправная электропроводка. Накануне в здании были скачки электричества и барахлили компьютеры. Эмили отпустила сотрудников пораньше, а сама осталась в офисе — у нее были какие-то срочные дела. Возгорание произошло в подвале. Почуввав запах гари, Эмили спустилась вниз. Ночной сторож уже вызвал пожарных. Но Эмили бросилась в огонь...

— Там кто-то был? — тихо спросила я, поняв, что Эмили с ее чутким сердцем не смогла бы остаться в стороне.

— Кошка. — Вацлав нахмурился. — Кошка с котятами. Сотрудники приютили их в подвале и подкармливали. Сторож говорит, что кошка пронзительно мяукала, а из-под двери подвала уже вырывались языки пламени, он удерживал Эмили, но она оттолкнула его и все равно вбежала туда.

— Наверное, думала, что огонь ей не страшен, — тихо заметила я, — и она успеет спастись...

— Самое удивительное, что кошку с котятами она спасла, — добавил Вацлав. — Там было небольшое окошко, ведущее на улицу. Эмили разбила его и просунула кошек через решетку. А сама уже не выбралась.

В салоне повисло тягостное молчание, и я отвернулась к окну, за которым проплывал Лондон.

В магазин при мастерской ювелира мы попали без труда, но администратор вежливо, но непреклонно заявила, что мистер Шепард занят и принимает клиентов только по предварительной записи. И даже любезно предложила записать нас... на май. Учитывая, что на календаре было начало февраля, Вацлава это совсем не обрадовало. Я отвернулась к витрине, разглядывая изящные кольца и серьги: белое золото в искусном сочетании с искрящимися сапфирами цвета закатного тайского неба и прозрачными, как слеза, алмазами. Скоро День всех влюбленных, и какие-то из них станут весомыми доказательствами

любовных клятв и признаний. Одно из колец меня буквально заворожило. На тонкий ободок из белого золота присела маленькая стрекоза. Ее изящные крылышки были усыпаны крошечными сапфирами, глаза были сделаны из двух бриллиантов. И было легко представить, что сейчас она оживет и вспорхнет с ободка, забившись крылышками о стекло витрины.

— Жанна, — тронул меня за плечо Вацлав, — идем. Эта любезная леди устроила нам встречу с мистером Шепардом, — добавил он по-английски.

Любезная леди при этих словах зарделась, как розовый бутон, и проводила нас к служебному лифту, ведущему в мастерскую.

Фила Шепарда я с первого же взгляда окрестила Хоббитом. Это был невысокий и благодушный мужчина лет пятидесяти с добрым прищуром серых глаз, окруженных сеточкой морщинок, с улыбкой, не сходящей с лица, с энергичной жестикуляцией и мимикой и с мягким, негромким голосом. В то же время в нем чувствовалась некоторая нервозность и настороженность, словно бы ювелир, подобно толкиеновскому Бильбо Бэггинсу, владел неким тайным сокровищем и в каждом посетителе видел угрозу для «своей прелести».

— Присаживайтесь. — Он указал на кресла, стоявшие напротив его рабочего стола, и снял телефонную трубку. — Я сейчас попрошу свою помощницу принести каталог свадебных колец, и вы покажете мне, что хотите.

— Нет необходимости, — остановил его Вацлав.

Повинуясь его властному голосу, ювелир положил трубку и вопросительно поднял глаза.

— Прошу нас простить, мистер Шепард, но нам пришлось ввести в заблуждение администратора, чтобы попасть к вам.

В глазах ювелира отчетливо промелькнул страх, на лбу выступила испарина.

— Так чего же вы хотите? — сухо поинтересовался он.

— Примерно два или три года назад вы изготовили двенадцать серебряных подвесок в виде кусочков пазла, на которых была зашифрована некая карта.

— Как же, — оживился ювелир, — помню-помню. Очень необычный заказ. Заказчик, очень приятный молодой мужчина, весьма творчески подошел к его разработке. Он сам составил карту и нанес на нее символы. Мне оставалось только разделить ее на кулоны примерно одинакового веса и размера и перенести туда знаки. Два кулона потом пришлось переделывать, — разоткровенничался он, — потому что я чуть отклонился от рисунка, а заказчик настаивал, чтобы все символы и пропорции были соблюдены в абсолютной точности. Что ж, его право. Хотя, как мне кажется, — с некоторой обидой заметил он, — с моими дополнениями кулоны только выиграли.

— У вас не сохранился эскиз? — поинтересовался Вацлав.

— Хотите взглянуть? — Ювелир насторожился. — Но по договору я не имею права его показывать.

— Но вы ведь уже нарушили это правило совсем недавно, мистер Шепард? — вкрадчиво заметил Вацлав.

Глаза ювелира виновато забежали, он хотел что-то возразить, но Гончий его перебил:

— Не отпирайтесь. Вы так быстро вспомнили этот заказ не потому, что он такой оригинальный, а потому что недавно им уже кто-то интересовался. Ведь так?

— И что с того? — сухо ответил Шепард.

— Скажите, кто это был?

— Я не имею права, — взвился ювелир.

— Да бросьте, мистер Шепард, — благодушно сказал Вацлав. — Вам же не нужны проблемы с налоговой и с ФБР? Треть алмазов, которые вы используете в своих изделиях, — это контрабанда из Африки, а сапфиры для вас нелегально добываются в Таиланде и Камбодже. К тому же вы чуть ли не вполтину преуменьшили свои налоги в этом году, сославшись на мировой финансовый кризис, в то время как число заказов у вас совсем не сократилось. Я уж не говорю о том, что изделия из белого золота в отчетности у вас часто

проходят как серебряные.

Ювелир стремительно побледнел и сник, а я с уважением взглянула на Вацлава: надо же, как быстро он проник во все тайны «хоббита».

— Ну зачем вам скандал, Фил? — доверительно заметил Вацлав, облокотившись о стол. — Я закрою глаза на ваши прегрешения. Но вы должны ответить на все мои вопросы.

— Хорошо, — промямлил ювелир. — Я вам все расскажу.

Глава 7 ЗАГОВОР ВАМПИРОВ

Вампиры — ужасные интриганы. Они не могут спокойно сидеть на месте, даже если у них залежась кровью и полно денег. Им нужно завоевывать другие кланы либо весь мир.

Зотов. Республика Ночь

То, что ты параноик, еще не значит, что против тебя не строят заговоров.

Лини Мессина. Модницы

Спустя полчаса, узнав всю необходимую нам информацию и получив копию эскиза, мы спустились вниз. Несколько покупателей замороженно застыли у витрин, сияющих блеском контрабандных бриллиантов. Две девушки, по виду — местные светские львицы, переходили от витрины к витрине, что-то оживленно обсуждая. Пузатый господин с тростью оформлял покупки, рядом с ним высилась горка бархатных футляров разной формы и величины. Элегантная леди лет сорока с застывшим выражением лица примеряла браслет из белого золота с рубинами, и было непонятно, нравится он ей или нет. Молодой мужчина в растерянности склонился у витрины с изделиями из сапфиров — наверное, выбирал подарок для своей любимой.

Я с любопытством скользнула по лицам посетителей, жалея, что еще не успела хорошо овладеть телепатией. Время от времени мне удавалось прочесть чужие мысли, но обычно это были мысли моих родных и близких, которые не решались произнести их вслух в разговоре со мной. А вот осознанно проникать в мысли незнакомых людей я еще не научилась. Глеб как-то изрядно позабавил меня, когда сопровождал меня во время шопинга и передавал истинные мысли консультантов, вслух восхищавшихся каждой одежкой, которую я примеряла. И как бы сейчас было интересно услышать, что думает вон та юная блондинка в модной шубке, восторженно перебиравшая серьги с изумрудами, и ее элегантный спутник с внешностью профессора.

— Она думает, — наклонился ко мне Вацлав, — удастся ли ей раскрутить его на бриллианты, если она пообещает ему сделать... Хм, вот это да! — фыркнул он и уставился на блондинку так, как будто у нее выросли рога и копыта.

— Да говори уже! — поторопила я.

— Рано тебе еще такое знать, — усмехнулся Вацлав, легонько щелкнув меня по носу.

— Ну хорошо, а что думает он? — Я указала взглядом на «профессора». По его унылому виду можно было предположить, что тот мечтает придушить свою легкомысленную спутницу.

Вацлав быстро стрельнул глазами в сторону мужчины и ухмыльнулся:

— Он решает рабочие проблемы. И по-моему, ему нет никакого дела до того, что ему хочет предложить его подружка. Кстати, это его любовница, и она младше его сына на три года.

— Перестань! Не хочу больше ничего слушать! — Я быстро направилась к выходу.

— Подожди, — Вацлав удержал меня за локоть. — Мне казалось, тебе понравилось одно из колец.

Сапфировая стрекоза! Невероятно, как он заметил? Она была такой изящной, будто

живая... Еще час назад я мечтала о том, чтобы надеть кольцо на свою руку. Но после того, что я узнала наверху, изделия Фила Шепарда утратили для меня все свое очарование. Контрабанда драгоценностей — это деньги, которые идут на терроризм и убийство людей. Уклонение от налогов — это деньги, украденные у сирот и инвалидов, которые получают пособия от государства. За каждым творением Шепарда стоят кровь и слезы невинных людей.

Я взглянула в глаза Вацлава, недоумевая, почему он вспомнил о кольце.

— По-моему, оно тебе очень подходит, — заметил он. — Ты ведь тоже в своем роде стрекоза.

Так вот оно что! Вацлав хочет сделать мне подарок!

— И кольцо будет сочетаться с твоими серьгами, — добавил он.

Я машинально коснулась мочки уха, нащупав сережки с сапфирами, которые Аристарх подарил мне на Новый год. И сердце вдруг кольнуло иголкой ревности: Вацлав тоже был на той вампирской вечеринке, и я заметила в его кармане подарок — небольшую коробку в блестящей упаковке. Кому она предназначалась? Этого я так и не узнала. Только еще прекрасно помню: в тот вечер Вацлав впервые гладко выбрился за те несколько месяцев, что мы были знакомы. Ради кого? Хотела бы я знать. И что, если в Москве меня ждет соперница?

— Так как, посмотрим его поближе? — Видя, что я медлю, Вацлав шагнул к витрине и огляделся в поисках продавца.

Но я тронула его за плечо и покачала головой:

— Нет, оно мне уже разонравилось.

Вацлаву не требовалось ничего объяснять. Более того, по его взгляду я поняла, что он и сам разделял неприязнь к ювелиру и его изделиям, и одобрил мое решение. Хотя и готов был закрыть глаза на прегрешения Шепарда ради того, чтобы порадовать меня красивым колечком.

— Ты еще хочешь сделать мне подарок? — спросила я, когда мы вышли на улицу.

Вацлав с готовностью обернулся ко мне.

— Тогда прокати меня на «Лондонском глазе»!

Построенный к миллениуму, «Лондонский глаз» был самым большим колесом обозрения в мире. Когда-то я читала в «Космополитане» репортаж о поездке в Лондон и еще тогда загорелась мыслью побывать на этом удивительном колесе и увидеть город с высоты почти сорокаэтажного дома.

— Конечно! Тут недалеко. Пройдемся пешком?

Я с радостью ухватила за эту идею, и мы, взявшись за руки, направились вверх по улице. Приближался вечер, но было еще довольно светло. Туман окутывал дымкой дома впереди, и казалось, что мы попали в какой-то детектив, где действие происходит на улицах Лондона, а за кадром звучит тревожный мотив. Вроде бы беспокоиться было не о чем: мы получили карту и узнали имя девушки, которая приходила с Фабиолой в тот день. Какая-никакая, а зацепка! Но в то же время карту мы вряд ли сможем расшифровать, а имя девушки было нам совершенно незнакомым. К тому же по описанию она не была похожа ни на одну из других одиннадцати вампирш. Но сейчас думать об этом совершенно не хотелось. Хотелось просто идти рядом с Вацлавом по туманным лондонским улочкам и забыть о том, что на свете есть кто-то еще, кроме нас.

Но Вацлав моих желаний не разделял и завел разговор о деле.

— Возвращаясь к Шепарду, — заметил он, — не все ювелиры в мире подлецы.

— И все высоко нравственные ювелиры — вампиры? — уточнила я.

— Вот видишь, ты сама все поняла. Когда я выяснил, что Шепард при всем его таланте остался человеком, то сразу предположил, что тот скорее всего не чист на руку. Конечно, был возможен вариант, что Шепард невинен как ангел, просто в свое время отверг предложение местного Клуба...

— Скажи, — перебила его я, — а как же тогда соблюдается наша тайна? Человеку стирают память?

— По-разному бывает. Если человек отказывается сразу, то стирают. Убрать недавние воспоминания можно легко и без последствий. Сложнее с теми, кто берет время на раздумья. Через несколько дней или через неделю воспоминание уже крепко укореняется в памяти, и вырывать его рискованно — последствия могут быть непредсказуемы. Вместо того чтобы забыть один вечер, человек может забыть годы или получить проблемы с памятью на всю жизнь. В таком случае мы лишь слегка изменяем воспоминание, чтобы оно воспринималось как сон, а не как реальность.

— Не бойтесь, что кто-нибудь поделится своим странным сном с приятелем, а тот вдруг припомнит, что ему снился такой же?

— Такими снами не делятся, Жанна, — усмехнулся Вацлав. — Слишком бредовыми они кажутся, стоит попытаться их пересказать.

— А если человек соглашается? — Я продолжала задавать вопросы, снедаемая любопытством. Сама-то я попала в Клуб, поправ все существующие правила. И теперь мне было страшно интересно, как это обычно происходит у нормальных людей, то есть у будущих законно избранных всеобщим голосованием вампиров. — Много времени проходит между его решением и инициацией?

— Обычно это несколько дней. Наши торопятся с инициацией, пока кандидат не передумал. Но бывает, что и месяц проходит. Кому-то нужно закончить важные дела, кто-то хочет навестить родителей, кто-то желает напоследок насладиться отпуском на море и солнечными ваннами.

— А если за это время они кому-то расскажут о Клубе?

— Не расскажут. Достаточно небольшого внушения при беседе — и молчание кандидата обеспечено. Да и кто им поверит? И кому из них захочется выставить себя на посмешище?

Мы свернули на набережную, и из тумана выступил великан Биг-Бен, возвышавшийся над зданием Парламента. Раньше я знала достопримечательности города только по школьным топикам английского и вот теперь видела наяву. Невероятно! Круг колеса, находившегося на другом берегу Темзы, впечатлял своими размерами. Невдалеке у парапета две девушки кормили чаек: бесстрашные птицы хватали хлеб прямо из рук, и я пожалела, что у нас с собой нет батона. Я бы тоже не отказалась от такого развлечения. Мы прошли по Вестминстерскому мосту. По мере приближения к колесу становились видны продолговатые кабинки-капсулы в космическом стиле. Несмотря на туманный день и плохую видимость, желающих прокатиться было немало. Однако в кабинке, рассчитанной на двадцать пять человек, мы, словно по волшебству, оказались вдвоем.

— Что это? — Я с удивлением посмотрела на бутылку шампанского и ведерко клубники.

— Это «капсула Купидона». Разве ты про нее не читала? — Вацлав приобнял меня за плечи и притянул к себе. — Нет? Обидно. Иначе бы ты поняла, каких усилий мне стоило убедить официанта оставить нас наедине.

— Официанта? — изумилась я.

— Личный официант входит в стоимость аттракциона. Так что, — он увлек меня к окну, — шампанское, клубника или Лондон?

— Лондон, — откликнулась я, припадая к окну, — клубника после.

Город, окутанный туманом, казался ненастоящим. Вестминстерское аббатство и Биг-Бен остались далеко внизу. Вацлав указал на Букингемский дворец — официальную резиденцию королевы Елизаветы Второй. Дальние объекты — собор Святого Павла, где венчались принц Чарлз и принцесса Диана, Тауэр и Тауэрский мост — тонули в дымке. Вацлав перечислял названия, указывая направления, а мне приходилось дорисовывать их в своем воображении. Красивы были и непохожие друг на друга мосты над Темзой. Вацлав шептал мне на ушко их названия: Вестминстерский, мост Ватерлоо... К тому моменту, как наша кабинка оказалась на самой вершине, а потом стала спускаться вниз, я уже утолила свое любопытство сполна. И теперь мне куда приятнее было целоваться с Вацлавом, чем

разглядывать панораму туманного города. Оставшиеся пятнадцать минут аттракциона пролетели на одном дыхании. Мы даже не вспомнили про шампанское и клубнику. И лишь перед тем, как сойти на землю, Вацлав подхватил из ведерка пригоршню клубники. И потом, стоя на набережной и глядя на серые воды Темзы, мы кормили друг друга спелыми вкусными ягодами, запивая их сладость поцелуями. Я вспомнила такие же воды Влтавы, в которых нам пришлось искупаться по вине Фабиолы. Сейчас я уже не была на нее сердита. Ради того чтобы сейчас целоваться с Вацлавом, я бы снова согласилась искупаться в ледяной реке.

— Не знаю, как ты, а я жутко проголодался, — признался Вацлав, стирая клубничный сок с моих губ. — Давай пойдем куда-нибудь поужинать?

Я охотно согласилась. Вскоре, побродив по улицам, мы выбрали подходящее местечко.

Радужно выбежавший нам навстречу швейцар, интерьер в стиле роскошной классики в красно-бежево-коричневой гамме и почти пустой зал — все это говорило о том, что заведение было из дорогих, а цены в меню неприлично кусались. Я с сомнением взглянула на Вацлава, но тот, ничуть не стусевавшись, помог мне снять пальто, сбросил свою куртку на руки швейцара и уверенно повел меня в зал, выбрав укромное местечко в уголке.

Пока мы ждали официанта с меню, я с любопытством оглядывалась по сторонам. Панели из красного дерева и затемненные зеркала искусно воссоздавали атмосферу прошлого: казалось, вот-вот сюда войдут Чарли Чаплин или Вивьен Ли. В мягком рассеянном свете хрустальных люстр старинные картины на стенах будто бы обретали движение и объем, а окружающее пространство казалось иллюзорным. Белоснежные скатерти на столах ниспадали до самого пола. Фарфоровые вазы служили изысканной оправой для пышных букетов живых цветов. Роскошно, что и говорить! После пивного ресторана в Праге я уже и не думала, что когда-нибудь окажусь в подобном месте с Вацлавом.

Я привыкла к тому, что Аристарх был довольно обеспеченным, и Глеб, мой бывший, трагически погибший бойфренд, тоже был не стеснен в средствах, хотя работал всего лишь ведущим на вечеринках. Но почему-то я думала, что Гончие не очень обеспечены деньгами. Внедорожник «форд», на котором Вацлав разъезжал по Москве, я считала служебным. Богатством гардероба Гончий не блистал: я привыкла видеть его в простых джинсах, джемперах и куртках. Никаких шикарных аксессуаров я у него не видала. Часы, мобильник и ноутбук у него были самые обычные. В гостях у Вацлава мне бывать не приходилось. Хотя однажды я оказалась в одной из служебных квартир Гончих в Москве, и это были довольно шикарно отделанные апартаменты. Конечно, я понимала, что Вацлав не поведет меня в «Макдоналдс», но все-таки то, с какой непринужденностью он вошел в пафосный лондонский ресторан, меня удивило. Что ж, значит, Гончие неплохо зарабатывают... А может, сказываются и старые привычки Вацлава, когда он был богатым сыном городского главы и роскошь ему была не в диковинку.

В Московском Клубе к Гончим было довольно неоднозначное отношение. Их считали странными и нелюдимыми. Гончие обычно игнорировали многочисленные вечеринки и не стремились поддерживать дружбу с обычными вампирами. Они были стаей, которая держалась вокруг вожака — Вацлава.

А еще Гончих презрительно называли отморозками — за то, что они питались кровью людей-преступников, которых ловили, выпивая их досуха. Вина маньяков, насильников, убийц, неоднократно совершавших преступления, была доказана Гончими. Аристарх как-то проговорился, что на каждого преступника, когда-либо истребленного Гончими, существует досье с набором улики. И каждый такой случай проходит тщательную проверку у старейшин, которые контролируют работу Ордена Гончих, дабы не допустить смертей невиновных. Считалось, что из-за того, что Гончие пьют кровь преступников, они сами отчасти уподобляются им, перенимая их агрессию, нервозность и ненависть к людям. Однако я, общаясь с Вацлавом, ничего подобного не замечала. Да, Вацлав мог быть довольно жестким. Да, он умел настоять на своем. Но нервы у него были как стальные канаты. Большую часть

времени он был спокоен и невозмутим, как Будда. Однако подозреваю, если его довести, мало не покажется... Глеб предостерегал меня, чтобы я держалась подальше от Гончег, говорил, что тот сгоряча может наломать дров. Но я видела Вацлава таким только однажды: когда он ворвался в зал, где меня должны были казнить, и бросил на стол перед старейшинами решение Высшего суда об отсрочке.

— Что ты будешь есть? — Вацлав взглянул на меня поверх меню, и меня вдруг прошиб озноб при воспоминании о мужчине, машину которого он угнал в Праге.

— Скажи, что стало с тем водителем? — выпалила я, с ужасом ожидая ответа.

На лице Вацлава не дрогнул ни один мускул.

— С ним все в порядке, — ровным тоном ответил он.

— Так он жив? — радостно воскликнула я.

— Главное, что ты жива, — холодно подчеркнул Вацлав, и я с дрожью подумала, что ему нет никакого дела до того человека. Даже если бы водитель тогда умер, Гончегу было бы совершенно все равно. Он, наверное, и лица его не запомнил. Для него имела значение только кровь, которая была спасением для нас обоих.

— Он точно не пострадал сильно? — уточнила я. — Ты же ведь тоже его...

— Я выпил мало, — невозмутимо сказал он и добавил, заметив, что я не решаюсь задать вопрос: — Ты — еще меньше. Успокойся, кровь как глинтвейн. Достаточно бокала, чтобы согреться и побороть простуду. Конечно, для человека и такая потеря крови ощутима, и несколько дней ему придется провести в постели.

— Но с ним все будет в порядке?

— Даже не сомневайся. — Губы Вацлава насмешливо изогнулись. Должно быть, такое беспокойство о случайной жертве его искренне забавляло. Я старалась не думать о том, сколько человек побывало в его руках за двести лет, прежде чем он стал относиться к ним с таким равнодушием. — Смертельной является потеря крови выше сорока процентов, мы забрали вдвое меньше. А теперь давай все-таки определимся с ужином.

Раскрыв меню, я на несколько минут выпала из жизни, изучая перечень блюд с названиями, перевод которых мог шокировать туриста, впервые попавшего в английский ресторан. То есть меня.

— «Кровавая сосиска», «Бульканье и визг»... — Я пробежалась глазами по списку. — Это точно обычный человеческий ресторан, а не вампирский?

— А как тебе понравится «Жаба в яме»? — усмехнулся Вацлав.

— Скорее уж я соглашусь на овсянку из улиток, — фыркнула я. — Или на мороженое с копченым беконом и яйцом.

— Прекрасный выбор, — одобрил Вацлав.

И по его виду я не поняла, шутит он или говорит всерьез.

В результате я остановилась на ростбифе на горячее и йоркширском пудинге на десерт. Вацлав заказал бифштекс и пирог с почками.

На предложение Гончег выпить по бокалу вина за успешный поход к ювелиру я ответила решительным отказом. Слишком живы были в памяти зеленые черти, резвящиеся в пивной. Здесь, к счастью, ничего подобного не наблюдалось: публики было мало, и все сплошь респектабельные люди, которых в пьянстве заподозрить сложно. А от бокала вина за ужином чертям, видимо, никакого раздолья, вот и обходят заведение стороной. И все же от алкоголя меня после Праги отвратило, так что я выбрала яблочный фреш. Вацлав последовал моему примеру и попросил принести сразу кувшин сока.

После того как официант, едва не отнесясь к нам поклоны, принял заказ и удалился, Вацлав достал эскиз. С одной стороны была карта, нарисованная Жаном, поверх которой была нанесена разметка кулонов. С другой — россыпь букв латиницей, по одной на каждый кулон. Как только Вацлав расправил эскиз на столе картой вверх, я вытащила серебряный кулон и стала искать его место на рисунке. Приложив его к границам нужного пазла, я восхитилась:

— Идеальное совпадение.

— Недаром Жан требовал от ювелира полного соблюдения линий и границ, — напомнил Вацлав, — и заставил его переделывать работу, когда тот решил проявить фантазию. И что ты обо всем этом думаешь?

— Не хочу тебя огорчать, — я медленно подняла глаза от карты, — но думаю, что нам ее все равно не расшифровать.

— Да это и ни к чему, — задумчиво заметил Вацлав, разглаживая край бумаги. — Фабиола получила эскиз две недели назад, когда мы еще находились в Париже и ты была под обвинением. У твоих кровных сестричек было достаточно времени, чтобы разгадать головоломку Жана и добраться до тайника.

— И ты думаешь, они смогли бы сохранить это втайне? — засомневалась я. — Что-то я не припомню никаких мировых катастроф и политических переворотов за последние две недели. Я, конечно, отстала от жизни, сидя под надзором парижских Гончих, но не думаю, что такие известия бы до меня не дошли. Сам подумай, что хорошего им мог оставить Жан? Притом что последний год перед смертью он был одержим идеей господства над миром и собирал по всему свету Серебряные Слезы? Я не удивлюсь, если он оставил своим девочкам кнопку от ядерной бомбы или какую-нибудь пробирку с сибирской язвой, чтобы они шантажом и угрозами могли добиться своего.

— Подготовка любого переворота требует времени, — серьезно возразил Вацлав. — Возможно, они еще не решили, как распорядиться наследством Жана. Кроме того, их слишком много для того, чтобы быстро прийти к единому мнению. Наверняка найдутся несогласные, которые выступят против большинства, и дело застопорится.

Судя по его уверенному тону, он знал, о чем говорит. Ведь Эвелина рассказала мне, что Вацлав возглавлял оппозицию и готовил переворот, призванный вывести вампиров из тени и сосредоточить власть в их руках, сделав людей полностью зависимыми от них. До осуществления задуманного оставалось совсем немного, когда погибла Эвелина, и Вацлав, бросив все, уехал из Праги. А оппозиция, лишившись лидера, не смогла довести дело до конца. Интересно, если бы Эвелина тогда не умерла, если бы Вацлав совершил задуманное, как бы мир жил сейчас? Истребили бы люди вампиров, узнав об их существовании? Или бы продолжали жить в состоянии постоянной войны? Или под руководством вампиров человечество бы уже давно пришло к благодатной и счастливой жизни? А скорее всего все осталось бы точно так же, как сейчас. Только президентами становились бы вампиры с безупречной двухсотлетней и более репутацией. В Голливуде бы снимали апокалиптические фильмы о том, как вампиры перегрызли друг друга после того, как на Земле умер последний человек. А в телешоу с пеной у рта обсуждали бы, возможна ли любовь между вампиром и человеком. В моде был бы красный как наименее маркий для вампиров. А в «Космополитане» публиковались бы статьи из серии «10 способов соблазнить вампира» и советы по макияжу для белокожих вампирш...

— Так, получается, карта нам ничего не дает? — спохватилась я, заметив, что Вацлав молча разглядывает эскиз.

— Карта — нет. — Вацлав отодвинул ее в сторону. — Зато у нас есть некая Мэри Саливан, заходившая к Филу вместе с Фабиолой и заказавшая серьги из белого золота с бриллиантами и изумрудами с доставкой по адресу в Нью-Йорке.

— Среди вампирш, которые собирались в замке, никакой Мэри не было, — удрученно повторила я.

— Так и Фабиола представилась Соней Смит, — усмехнулся Вацлав.

— Но Фил описал Мэри Саливан как кудрявую брюнетку, а такое описание тоже не подходит ни к одной из моих сестричек.

Вацлав бросил взгляд на часы и взялся за мобильный.

— А вот теперь можно позвонить Крису, моему другу из нью-йоркских Гончих, и попросить его пробить этот адрес по своим каналам.

Какое счастье, что мир не без добрых вампиров! Пока Вацлав говорил по телефону по-английски, официант принес кувшин сока и, разливая его в два бокала, замешкался, бросив

любопытный взгляд на разложенную на столе карту. Но Вацлав так посмотрел на него, что парня как ветром сдуло.

— Кстати, — хмуро заметил Гончий, закончив телефонный разговор, — ты ему нравишься.

— Кому? — удивилась я. — Крису? А мы разве знакомы?

— Дэну — так зовут официанта. Он считает тебя похожей на Киру Найтли, — с кривой улыбкой пояснил Вацлав.

Ну надо же, удивилась я, в кои-то веки заработал вампирский секс-эпил, о котором мне рассказывала Лана, когда вводила меня в курс молодого вампира. Правда, тогда половина ее слов оказались обманом: старейшины опасались того, что кровь Жана наделит меня суперсилой двухсотлетнего вампира, и по их указанию Лана стремилась убедить меня во всяческом отсутствии сверхспособностей, уверяя, что телепатия, гипноз, стремительная скорость и нечеловеческая сила — это результат долгих тренировок и вековой практики. Впоследствии я убедилась, что все это мне доступно. Но не по малейшей прихоти, а когда жизни угрожает опасность или задействованы очень сильные эмоции.

— Как у тебя получается так легко слышать чужие мысли? — удивилась я.

— Я же Гончий, — он усмехнулся, — я все время на страже. Мы сейчас с тобой говорим, а мое подсознание считывает мысли всех людей, кто находится в этом ресторане. И даже тех, кто проходит мимо окон. Представляешь, какой это многоголосый хор? Если бы я это услышал, то, наверное, сразу сошел бы с ума. Поэтому подсознание меня бережет. Девяносто процентов этой информации я так никогда и не узнаю, потому что это — сор, пустышки. Подсознание читает ее и тут же стирает, как не заслуживающую внимания. Но если в этом зале окажется террорист, который пронес бомбу, или убийца, выбирающий себе жертву, подсознание, услышав их мысли, тут же забьет тревогу, включит сигнал, и я услышу или увижу эти мысли как наяву.

— погоди, — я взволнованно перебила его, — значит, я тоже могу научиться блокировать свои видения? Чтобы не видеть всю эту нечисть и призраков?

Вацлав помедлил с ответом.

— В принципе, механизм ясновидения и телепатии примерно одинаков, — задумчиво согласился он. — Но тебе придется проверять это самой. С телепатией я еще смогу тебе что-то посоветовать, с ясновидением — увы.

— А что, если мне проконсультироваться с тем вампиром, который обладает таким же даром, как я? — с показной наивностью поинтересовалась я.

— Это ты о чем? — напрягся Вацлав.

— Эвелина сказала, что уже был один вампир, который видел призраков. Но не назвала его имени.

Судя по тому, как Вацлав отвел глаза, имя этого вампира было ему прекрасно известно.

— Вацлав, кто это был? Прошу, скажи мне, — попросила я.

Гончий тяжело вздохнул и медленно поднял глаза.

— Знаешь поговорку: меньше знаешь — крепче спишь?

В твоем случае к ней можно добавить еще: чем меньше людей узнают о твоём даре, тем спокойней будет твоя жизнь.

— Я хочу знать, — тихо сказала я.

— А разве ты еще не догадалась? — так же тихо ответил он.

И тут в голове у меня что-то щелкнуло. Пазл сложился. Слова Эвелины, намеки Якуба, портрет в галерее, Слеза Ясновидения, заключившая в себе один из талантов легендарного правителя вампиров...

— Это последний лорд? — потрясенно выдохнула я.

Вацлав кивнул, не глядя на меня.

— И как думаешь, какой вывод напрашивается сам собой? — медленно спросил он.

— Ну это уже слишком! — недоверчиво воскликнула я. — Хватит с меня Жана в качестве кровного наставника и Аристарха в роли родного деда. Не может быть, чтобы...

— Возможно, ты прямая родственница последнего лорда, — подтвердил Вацлав. — И если о твоём уникальном даре станет известно, то эта версия будет основной.

— И чем мне это грозит? — с опаской поинтересовалась я.

— В первую очередь проверкой на ДНК. Видела в зале, где был подписан Пражский договор, меч с пятнами крови? Это кровь последнего лорда, а оружие — предателя, который его ранил. При жизни последний лорд держал этот меч на виду в своём замке, чтобы никогда не забывать о своей уязвимости и не доверять даже лучшим друзьям. А после его смерти меч был причислен к реликвиям.

— И что будет, если тест окажется положительным? — мрачно спросила я.

Вацлав, нахмурившись, потер щетинистый подбородок.

— Жанна, я был всего лишь сыном городского главы, когда вампиры обратили на меня внимание. В те годы Франтишек безуспешно колесил по всей Европе, пытаясь обнаружить уцелевших родственников последнего лорда.

— Зачем? — дрогнула я.

— Они искали лидера, который встанет во главе оппозиции и совершит переворот, в результате которого вампиры окажутся на виду и сосредоточат в своих руках всю власть.

— Какая глупость!

— Ты про цель переворота, — Вацлав криво усмехнулся, — или про лидера?

— И про то и про другое. Во-первых, лидер лидеру рознь. С меня-то им точно никакого толку не будет. Вот если бы родственницей последнего лорда оказалась Рэйчел, которую Жан выбрал в качестве воплощения Слезы Харизмы, или Ингрид, воплощенная Слеза Мудрости, переворот можно было считать делом решённым.

Я вспомнила, как две эти дамочки в Замке Сов едва не передрались за лидерство. Обе обладали сильными характерами, обе привыкли командовать и, судя по всему, занимали какие-то руководящие должности. Знать бы ещё какие! Победила тогда Рэйчел, расположившая к себе всех присутствующих своим невероятным обаянием. Ингрид среди всех двенадцати вампирш казалась более взрослой, ей было лет сорок на вид. И действовала она более грубо — приказывала, а не предлагала. Рэйчел, несмотря на более молодой возраст (около тридцати), быстро поставила на место Ингрид, решившую тогда возглавить обсуждение. Чему я только порадовалась — элегантная, с манерами английской королевы Рэйчел мне нравилась гораздо больше хмурой, властной Ингрид. Узнать бы ещё, кто она такая! Ведь именно Рэйчел, когда вампирам из-за подоспевших журналистов пришлось срочно покидать замок, продиктовала им свой телефон и распорядилась держать связь через нее. Как жаль, что я тогда не расслышала номера! Как бы это упростило нашу задачу!

— А во-вторых, — продолжила я, — весь этот переворот — курам на смех. Людей — миллиард, а вампиров — всего пять тысяч на всю планету. Люди никогда не смирятся с нашим присутствием. Вампиры всегда будут восприниматься ими как монстры и враги, готовые при любом удобном случае вцепиться в шею и выпить крови. Никакой мирной жизни не получится, завяжется мировая война — и победителей в ней не будет.

Я запнулась, вспомнив многочисленные пророчества о Третьей мировой войне, в том числе предсказание Ванги о применении химического и ядерного оружия. Уж не о войне ли вампиров с людьми предупреждают ясновидцы?

— И тем не менее Адам и Франтишек не отступили от своей идеи, — мрачно заметил Вацлав.

Я вспомнила, какой почтительный прием был оказан Вацлаву в Праге, и те обращенные к нему речи на чешском, которые он с недовольством пресек и смысла которых я так и не поняла, а вредный призрак Якуб отказался мне их перевести.

— Скажи, — вырвалось у меня, — чего они от тебя хотели?

— Того же, что и прежде. — Вацлав поморщился. — Хотели, чтобы я к ним примкнул. Они считают, что когда-нибудь мне надоеет быть Гончим и я вернусь к ним, чтобы продолжить начатое. Они и тебя по этой причине решили оставить — хотели повлиять на меня через тебя. Но не успели — ты сбежала от них раньше, чем они перешли к сути дела.

— Но ведь прошло уже столько лет, — растерянно сказала я. — За это время можно было подготовить сотню переворотов.

— Местных — хоть две сотни, а для мирового переворота требуется гораздо больше и времени, и ресурсов. Мир меняется быстрее, чем вампиры успевают на это реагировать. Не успеешь заручиться поддержкой одного человека, как он уже уходит в отставку, или погибает по нелепости, или умирает от старости. Только недавно вампиры поняли, что надо делать ставку не на поддержку отдельных людей, а на поддержку всего человечества по всему миру. Первые результаты этих действий ты уже можешь наблюдать. Это вампиры придумали Интернет как способ влияния и распространения информации. С подачи вампиров снимают кино и пишут книги о добрых и благородных вампирах, способных на беззаветную любовь к человеку. А фильмы про супергероев? Люди будут пищать от восторга, что мы реальны. Это вампиры распространили среди людей культ красоты и молодости. Это вампиры придумали пластическую хирургию, которая уродует столько же людей, сколько делает красивыми. Это они убедили отказаться от вкусной пищи ради сохранения фигуры и здоровья. Отсюда рукой подать до «кровавой» диеты во имя вечной молодости и до «укуса красоты», который заменит все пластические операции и даст стопроцентную гарантию превосходного результата. Еще немного, и, боюсь, люди дозреют до того, чтобы впустить нас в свой мир. Во всяком случае, в глазах молодежи мы уже герои, а не чудовища. Вампиров больше не боятся, нами хотят стать.

Я потрясенно молчала, признавая правоту рассуждений Вацлава.

— А пока некоторые вампиры все-таки не упускают возможности поторопить события, — добавил он после паузы. — Но им успешно противостоят маги. Неудачные попытки переворота были предприняты в отдельных городах. Погибли многие, но люди об этом никогда не узнают, потому что в общих интересах вампиров и магов скрыть правду. Последняя попытка была не далее чем в прошлом месяце. Помнишь, мы с Аристархом не могли вылететь в Париж из-за снегопада? Тогда воздушное сообщение над Европой было прервано почти на неделю. То же самое было и с железными дорогами.

— Ты хочешь сказать, это был не просто аномальный снегопад? — Я уставилась на Вацлава широко раскрытыми глазами.

— Жанна, — он грустно усмехнулся, — запомни, когда ты слышишь в новостях слово «аномальный», значит, к этому приложили руку маги. Большинство природных катастроф — не что иное, как спешное замечание следов магами. Вампиры обычно используют техногенные катастрофы — взрывы, пожары, крушения.

Я потрясенно промолчала, усваивая открывшиеся мне тайны.

— Но как же маги допускают такие попытки? — спросила я чуть позже. — Ведь не в их интересах, чтобы вампиры захватили власть в мире.

— Маги тоже небезгрешны. И мечтают о том же. Так что у нас всегда идет примерно равный счет, и поэтому сохраняется мировой баланс. К слову, если бы маги единодушно желали господства, то власть уже давно была бы в их руках. Но среди них, так же как среди нас, нет согласия.

— Знаешь, — тихо заметила я, — когда ко мне пришла Лана со стопкой вампирских брошюр и стала описывать жизнь в Клубе, она не говорила ничего о мировых заговорах и противостоянии с магами. С ее слов следовало, что мне сказочно повезло, и жизнь моя с того дня должна была стать полным шоколадом. Вот только чем больше я узнаю о Клубе, тем сильнее мне хочется проснуться в своей постели человеком, не зная ни о каких вампирах и магах и прожить столько, сколько мне отведено, без всяких приключений на свою голову.

Во взгляде Вацлава было столько тоски, что с моих губ сорвался вопрос:

— А ты когда-нибудь мечтал о том, чтобы снова стать человеком?

Он помолчал, прежде чем ответить. Я осушила до дна стакан сока, и только тогда услышала его надломленный голос:

— Я мечтал о том, чтобы всегда быть человеком. Никогда не зная Франтишека и Адама, прожить жизнь с Эвелиной, вырастить детей, заботиться об отце. Но после всего

того, что я пережил вампиром, я уже не хочу иной доли. Мою жизнь нельзя назвать счастливой. Но я надеюсь, что я проживаю ее не зря. Каждый пойманный мной и моими ребятами преступник — это чья-то спасенная жизнь. И если однажды нашим ученым все-таки удастся изобрести пресловутую вакцину, которая изменит вампирскую ДНК обратно на человеческую, я не стану ее колоть.

Я вспомнила погибшую от руки Инессы ученую Викторину. Она работала как раз над такой вакциной и достигла значительных успехов, но ее эксперименты так и не были доведены до конца. Да и будет ли когда-то изобретена подобная сыворотка? Ведь для вампиров это такое же желанное, но недостижимое средство, как для людей лекарство от старости.

— Все, что я умею, — это убивать тех, кто этого заслужил, — тихо добавил Вацлав. — А став человеком, я не смогу выполнять свою работу так же хорошо, как сейчас. Человек слаб. А я привык быть сильным.

Я положила руку на его ладонь и легонько сжала ее. Гончий вздрогнул и с каким-то недоверием взглянул на меня. Не надо было владеть телепатией, чтобы понять, о чем он сейчас думает. Должно быть, впервые в жизни Вацлав испытывал неловкость за свой род занятий. В нем не было жалости к преступникам, которых он уничтожил, но он досадовал оттого, что в моих глазах он казался убийцей. Глупый! Я не любительница криминальной хроники, но и мне время от времени попадаются в Интернете леденящие душу заметки о зверствах маньяков. А еще я никогда не забуду закрытый гроб с изувеченным телом соседской девочки Оксаны, жившей в нашем доме. Она была единственной отрадой для матери, рано лишившейся мужа. Оксане было десять, когда ее подкараулил педофил с извращенной психикой. Тогда, оставшись и без дочери, всегда подтянутая и моложавая тетя Алла за одну ночь превратилась в сгорбившуюся старуху. От Оксанки осталась только жизнерадостная улыбка на фотографии. А ее убийцу так и не нашли. И сейчас я задумалась над тем, сколько на свете таких отмороzków, которым забрать чужую жизнь все равно что выкурить сигарету. Сколько по их вине убитых девочек, которые так никогда не потанцуют на выпускном и на собственной свадьбе, не родят детей, не проживут долгой жизни? И сколько живых благодаря тому, что Гончие ведут свою невидимую людям войну с убийцами и извращенцами? Уверена, много. Достаточно для того, чтобы Вацлав в моих глазах был защитником, а не преступником, героем, а не убийцей. Когда-то школьницей я восхищалась благородными разбойниками Дубровским и Робин Гудом. И тогда я не догадывалась о том, что убийца тоже может быть благородным, а убийство может быть во спасение. Это я осознала, только познакомившись с Вацлавом.

Я еще раз сжала руку Вацлава в знак того, что понимаю и принимаю его образ жизни. И его глаза затопило волной облегчения, словно за шаг до эшафота ему зачитали помилование. Слова были излишни.

Официант, принеся горячее, к его чести, быстро расставил блюда и, коротко пожелав приятного аппетита, удалился.

— Нет, это все-таки невыносимо, — угрюмо заявил Вацлав, провожая его испепеляющим взглядом.

— Что, он по-прежнему считает меня красоткой и мечтает тайком от тебя сунуть мне свой номер телефона? — Я ухватилась за эту возможность перевести тему.

— Смешно ей, — пробормотал Вацлав, наклоняясь ко мне через стол и ловя губами мои губы. — А мне теперь мучайся.

— А ты купи мне паранджу, — лукаво предложила я.

— Для тебя паранджу надо у Кристиана Диора заказывать, чтобы ты захотела ее надеть, — вернул мне шутку Вацлав.

— Так уж и быть, я согласна на Валентина Юдашкина, — пошла на уступку я.

— Так уж и быть, ходи без паранджи, — великодушно разрешил Вацлав.

— Так выпьем же за согласие и понимание! — предложила я, беря в руки стакан с соком.

— На брудершафт, — подмигнул мне Вацлав.

Пригубив сока и поцеловавшись, мы склонились над тарелками.

— О чем задумалась? — окликнул меня Вацлав после затянувшейся паузы.

— С каких это пор мои мысли для тебя стали секретом? — уколола его я.

— Всегда были, — огорошил меня он.

— Но ты же часто читал мои мысли! — возразила я.

— Нельзя прочитать то, что вампир не хочет сообщить.

— Как это? — удивилась я.

— А пособий по телепатии, которые тебе дала Лана, ты не читала, — с укором заключил Вацлав.

Я виновато потупилась. Когда ж мне было все прочитать, когда жизнь с моим вступлением в Клуб так закрутилась, что и передохнуть некогда! Я и «Космополитан» уже два месяца в руки не брала, хотя раньше с нетерпением ждала нового выпуска и покупала его сразу же, как только он поступал в продажу. А уж о пособиях по введению в вампиризм, которые мне в огромном количестве приволокла Светлана, я не вспоминала с тех пор, как спрятала их на антресоли, когда ко мне нагрянула бабушка Лиза с известием о потопе в своей квартире.

— Мы можем проникать в мысли людей, но не в мысли вампиров, — пояснил Вацлав. — Вампиры не читают мысли друг друга, но мы можем общаться телепатически. Например, когда я задаю тебе вопрос, а ты мысленно мне дерзишь, хотя внешне притворяешься паинькой, я это услышу. Потому что ты хочешь, чтобы я тебя услышал. Чтение мыслей у вампира — не игра в одни ворота, а взаимное общение.

Надо же, никогда бы не подумала!

— А если вампир не хочет общаться, можно узнать, что у него на уме? — спросила я.

Гончий помрачнел и строго сказал:

— Это запрещено нашими законами. Думаешь, для чего придуманы ментальные допросы?

На миг стушевавшись, я вспомнила еще об одном воздействии на разум.

— А как насчет стирания памяти у вампиров? Со мной такое проделывали дважды. Первый раз ты сам, когда заставил меня забыть о нашем знакомстве на месте гибели Софии. А потом еще Глеб стер из моей памяти гибель гимнастки Мэй на моей дебютной вечеринке.

— Ни он, ни я не стирали тебе память, — возразил Вацлав, — мы лишь блокировали воспоминания.

— В чем разница? — удивилась я.

— Человек, которому стерли память, никогда не вспомнит о тех событиях. Вампир, если снять блок, вспоминает все. Кроме того, он может вспомнить и сам под воздействием определенных факторов.

Так было и со мной, когда я нашла в сумочке записку с угрозой и вспомнила о том, что случилось на вечеринке. А вот блок, поставленный Вацлавом, он снял с меня сам, когда я подключилась к расследованию после убийства Глеба.

— И что же, любой вампир может это проделать с другим? — уточнила я.

— Нет, — отрывисто ответил Вацлав. — Это тоже запрещено. Глеб действовал с разрешения старейшин. Тогда все решили, что так для тебя будет лучше.

— А ты? — Я в упор посмотрела на него.

— Я преступил закон. — Он не отвел взгляда. — Можешь меня засудить.

— Но зачем ты это сделал тогда? — растерялась я.

— Решил, что будет лучше, если ты забудешь о том неприятном вечере, который пережила по моей вине. — Вацлав криво усмехнулся. — Кстати, не хотел этого делать, но если уж быть до конца честным...

Он вдруг пристально взглянул на меня, и мир вокруг поплыл, а я снова погрузилась в тот октябрьский вечер, когда мы впервые встретились...

Вацлав помогает мне выйти из машины у моего дома и бросает:

— Извини.

Я думаю, что он извиняется за тот неприятный эпизод, когда заставил меня выпить кровь незнакомого юноши, но Вацлав перебивает:

— Я извиняюсь не за это. А за то, что собираюсь сделать.

Он прижимает меня к двери подъезда, а его лицо оказывается так близко, что я вижу карие крапинки в его ледяных серых глазах. Неприязнь, которую я к нему испытывала после того, как по его вине впервые попробовала человеческой крови из вены, а не из бутылочки, вдруг сменяется острым желанием. Никогда в жизни я еще так не жаждала поцелуя... И он последовал: порывистый, страстный, властный. Руки Вацлава крепко сжимали меня за талию, щетина царапнула щеку, обветренные прохладные губы ненасытно припали к моим и напоследок чуть прикусили их, заставив меня затрепетать. Когда он отшатнулся от меня, я потянулась следом, требуя продолжения ласки.

— Тебе ни к чему помнить об этой встрече, — резко выдохнул Вацлав.

В следующий миг я обвила его руками за шею и, не терпя возражений, привлекла к себе. Дальнейшее — словно чередой фотовспышек. Вот мы, не размыкая губ, вваливаемся в подъезд, и тяжелая дверь с грохотом закрывается за нашей спиной. Вот я тяну Вацлава вверх по лестнице и, становясь на ступеньку выше, жадно целую его оттаивающие от холода губы. Вот мы останавливаемся у моей двери, и я зову, сгорая от желания: «Зайдешь?» Если он вдруг откажется, то я сразу же умру. Хочу его — незнакомого, неотразимого, сильного, страстного. Хочу так неистово, как никого в жизни не хотела...

— Что это было? — Я вынырнула из воспоминания так стремительно, что минуту ошеломленно моргала, очутившись после полумрака подъезда в зале ресторана, где на столике горели две свечи.

Вацлав виновато молчал.

— Ты... Ты позволил мне вспомнить то, что было на месте преступления, но утаил все, что случилось у меня дома?

— Ничего не было. — Вацлав дернул щекой. — Я не принял твоего приглашения и ушел.

— Но почему? — вырвалось у меня, и я тут же сконфуженно осеклась.

— А ты не понимаешь? — Он пристально взглянул на меня. — Я подпал под действие Слезы Привлекательности, которая была на тебе в тот вечер. Я был словно околдован тобой, а ты была под моим гипнозом. Это было неправильно. Ничего не могло быть, иначе я бы себе этого не простил.

«Я бы простила!» — чуть не воскликнула я, еще ощущая то острое желание, которое владело мной в тот далекий вечер и так и осталось неутоленным. Но вслух смятенно пробормотала:

— Ты прав, это не должно было случиться...

Ладонь Вацлава порывисто накрыла мою.

— Прости, что скрывал это от тебя. Мне было неловко за свой поступок. К тому же, когда я снимал блок, ты еще оплакивала Глеба и я посчитал, что будет неуместно напоминать тебе о нашем поцелуе.

Значит, наш первый поцелуй состоялся еще тогда, а не несколько месяцев спустя в парижском подземелье. Что ж это у нас за странные такие «первые поцелуи»! То под влиянием гипноза, то под угрозой эшафота...

— Надеюсь, ты больше ничего от меня не утаил? — опасно уточнила я.

— Больше — ничего. — Губы Вацлава тронула улыбка, и мне до дрожи захотелось его поцеловать.

Но осуществить свое желание я не успела: в этот момент у Гончегго зазвонил мобильный телефон.

Он быстро поговорил с Крисом, поблагодарил его за помощь и с довольной улыбкой наклонился ко мне.

— Хорошие новости: мы на верном пути. Мэри Саливан — настоящее имя той, кого ты

знаешь как Пандору.

— Да ты что! — ахнула я. — Та самая рыжая? Но почему же, — с сомнением уточнила я, — Фил уверял, что она брюнетка? Неужели врал?

— Может, и нет. Может, Пандора хотела остаться неузнанной и на встречу пришла в парике. Все-таки у рыжих очень запоминающаяся внешность, и она решила подстраховаться.

— В таком случае очень умно с ее стороны назвать в качестве адреса доставки свой домашний адрес, — не преминула съехидничать я.

— Сомневаюсь, что, надевая парик, она думала, что решит заказать что-нибудь у ювелира, — хмыкнул Вацлав. — Решение было спонтанным. Как всегда у вас, у девочек, когда речь заходит о драгоценностях.

— А может, она сменила имидж или перекрасила волосы? — предположила я.

— Как бы там ни было, нашего решения о поездке в Нью-Йорк это не отменяет, — резюмировал Вацлав.

— Так мы едем в Нью-Йорк? — взволнованно уточнила я.

Неужели я увижу город, воспетый в сотнях голливудских кинофильмов, пройду по Манхэттену, где живут героини «Секса в большом городе» и, может, даже встречу Сару Джессику Паркер в магазине на Пятой авеню⁴?

— Точнее — летим!

— Кстати, — вдруг осенило меня, — ты ведь ее видел — Пандору! У меня совсем вылетело из головы, как она говорила остальным, что ездила в Москву после смерти Жана и пыталась разузнать у тебя подробности происшедшего на фабрике.

Вацлав задумался, потом покачал головой:

— Слишком много любопытствующих тогда приставали с расспросами ко мне и к моим ребятам. Всех и не упомнишь.

— Ты должен ее помнить! — настаивала я. — У нее очень яркая внешность — кудрявые рыжие волосы, белая кожа, зеленые глаза. К тому же она иностранка, не из наших, как ты мог ее не запомнить?

— Жанна, — прервал меня Вацлав, — вспомни, у нас в Москве много русских?

Я запнулась. Действительно, из-за главного правила вампиров менять страну каждые десять лет в Московском Клубе русских можно было пересчитать по пальцам. Даже старейшины сплошь иностранцы: Аристарх — француз, Моника — испанка, Руслан — хорват. К тому же Вацлав не особо жалуется тусовки и может не знать в лицо всех вампиров, которые официально проживают в Москве. Вдобавок не все вампиры говорят по-русски, многие общаются на английском, так что Пандора, задавшая вопрос по-английски, не выделялась бы среди остальных белой вороной.

— Я не помню ее, — повторил Вацлав. — Прости. Но если увижу, то, возможно, вспомню.

— А этот Крис что-нибудь еще сказал тебе о ней? Кто она такая, чем занимается?

— О, — усмехнулся Вацлав, — это личность весьма любопытная. Пандора — новая королева сплетен.

— Кто? — поразила я.

— Ты не знаешь? — удивился он. — Ну да, ты же никогда не была в Нью-Йорке...

— А еще в тысяче городов по всему миру, — задето уточнила я. — Не забывай, что мне всего лишь двадцать три, а не двести двадцать, как некоторым.

Вацлав пропустил мою шпильку мимо ушей и пояснил:

— Пандора — личность в Нью-Йорке весьма и весьма влиятельная. Неудивительно, что она обратила на себя внимание Жана.

Пандора

⁴ Улица знаменита своими магазинами модных марок.

Ее собственное имя не нравилось ей с детства. А какие имена были у ее подруг! Кристабелла, Лаванда, Галактика, Старла⁵, Даймони⁶, Сиринити, Венеция — родители из богатых семей Нью-Йорка стремились дать своим детям уникальные, эксклюзивные имена, под стать золотой ложке от Тиффани и платишкам от Донны Каран, в которые малышек наряжали с колыбели. Ей же досталось имя прабабки — Мэри, которое она по окончании колледжа легко заменила тем, что идеально ей подходило. С новым именем ей предстояло не только покорить нью-йоркский свет, но и завладеть им. Пандора — имя героини греческих мифов, не совладавшей с любопытством и открывшей тот самый ларец, в который боги заключили человеческие несчастья. В переводе с греческого Пандора значит «любопытная». Точное отражение ее пытливого характера. Однако, без сожалений распростившись с невыразительным именем прабабки, Пандора не собиралась распроститься и с родством. Прабабка была знаменитой личностью, и покорять нью-йоркский высший свет Пандора собиралась как правнучка той самой Мэри Саливан.

Прабабка была актрисой — более красивой, нежели талантливой. От ирландских предков ей достались тугие рыжие кудри, искристые зеленые глаза, нежная лилейная кожа в россыпи веснушек, которые она впоследствии густо замазывала театральным гримом, и упрямый характер. Сначала Мэри пыталась добиться успеха в театре и даже убедила директора труппы дать ей главную роль в премьерном спектакле. Когда постановка провалилась, публика обидно освистала актрису, а критики прошлись по ней своим злым пером, Мэри поняла, что счастья надо искать в другом месте. И нашла его в лице владельца сети отелей Джона Саливана, скучного неказистого мужчины средних лет, страдавшего от язвы желудка и разбитого сердца. Благосклонность Мэри чудесным образом исцелила Джона и от первого и от второго. Вскоре Мэри оставила сцену и быстро освоилась в новой для нее роли светской дамы. Когда Мэри не играла, она была довольно мила, обаятельна и интересна. Вскоре особняк Джона в Гринвич-Виллидж⁷ сделался весьма популярным среди представителей нью-йоркской элиты. Джон, хоть и не любил шумные вечеринки, был счастлив, что число его знаменитых клиентов значительно растет за счет новых знакомых жены, и не скупился выделять средства для многочисленных благотворительных аукционов, балов и ужинов, которые один за другим устраивала Мэри. Так бывшая актриса придала фамилии Саливан, ранее ассоциировавшейся только с вывесками дорогих отелей, светский лоск и влияние. Останавливаться в отелях, принадлежащих Саливанам, стало не только респектабельно, но и модно. Сеть отелей росла, интерьеры модернизировались, постояльцы прибывали, состояние семьи возрастало с каждым годом. Джон не мог нарадоваться на супругу, а Мэри собрала в своем доме людей искусства, известных политиков, военных, литераторов, художников, актеров новомодного кино и артистов классического балета. В разные годы ее гостями были Айседора Дункан и Сергей Есенин, эксцентричный миллионер Говард Хьюз⁸ и восходящая звезда Голливуда Кэтрин Хепберн, писатели Эрнест Хемингуэй и молодой Джером Сэлинджер, русский поэт Владимир Маяковский и многие другие.

Быть приглашенными к Саливанам в Нью-Йорке было все равно что разделить обед с английской королевой в Лондоне. На приемах, устраиваемых Мэри, вершились судьбы: соединялись знаменитые пары, создавались будущие знаменитые корпорации, художники

⁵ от англ. «сверкающая».

⁶ от англ. «драгоценный камень».

⁷ Район Нижнего Манхэттена. В первой половине XX века был местом жительства богемы.

⁸ О жизни Говарда Хьюза снят биографический фильм «Авиатор» режиссера Мартина Скорсезе.

находили поддержку меценатов, а промышленники встречали компаньонов...

Маленькая Мэри, названная в честь прабабушки, с восхищением слушала эти истории из уст матери, нервной усталой светской дамы, которой было далеко до харизмы знаменитой родственницы. Девочке нравилось, что она почти не имеет ничего общего с блеклой внешностью матери, сероглазой шатенки, и унаследовала яркую красоту прабабки по линии отца: медные кудри, искрящиеся изумрудные глаза, нежную кожу с веснушками. Вот только большой рот все портил: в детстве Мэри дразнили губошлепкой и лягушкой. Никто в те годы не мог представить, что красивейшей женщиной мира в скором будущем признают Анджелину Джоли, девушку с пухлыми губами и крайне нестандартной внешностью. А вслед за тем все обладательницы губок бантиком, которые столь ценились в те времена, когда Мэри Саливан была ребенком, ринутся накачивать свои губы силиконом, чтобы соответствовать последним тенденциям моды.

Пока же маленькая Мэри нашла свой способ борьбы с обидчиками: стоило прошептать на ушко подруге, что у Изабеллы нашли вошек, а у Ральфа недержание мочи, как вскоре мальчик или девочка, обидевшие ее, становились изгоями. С ними никто не хотел разговаривать, а за их спинами раздавались обидные смешки. И не было ни единого способа восстановить мир, кроме как при всех попросить прощения у Мэри, и тогда, быть может, та с великодушием королевы, дарующей помилование висельнику, приняла бы извинения и пустила бы раскаявшегося обидчика обратно в компанию.

— Ну что за несносный ребенок! Как тебе только в голову пришло сочинить такое! — в очередной раз отчитывала мать маленькую Мэри, когда родители ее обидчика приходили с жалобами на обидные выдумки девочки.

Мэри, смиренно потупив взор, обещала больше никогда так не делать, а потом возвращалась в свою комнату и сочиняла очередную выдумку. Уже тогда девочка поняла, что сплетни могут дать великую власть над людьми, и не собиралась отказываться от нее. По мере взросления ее выдумки становились все хитроумней. Правда, случалось, что девушку обзывали врушкой либо слова ее подвергали сомнению, но Мэри извлекла для себя урок и впредь всегда подкрепляла свои сплетни фактами, подслушанными разговорами и заручалась поддержкой других сплетников.

В элитном колледже Манхэттена Мэри Саливан считалась негласной королевой, однако ее торжество омрачала официальная королева — белокурая красавица Джессика Миллер, переехавшая из Калифорнии в середине выпускного класса и покорившая всех парней своим южным загаром, белозубой улыбкой и приветливым нравом. А еще у этой воплощенной куклы Барби были те самые губки бантиком, о которых мечтала Мэри, тайком откладывая деньги на пластическую операцию по уменьшению губ. Но самый большой грех Джессики был в том, что уже на следующий день после ее появления в классе, домой ее провожал Том Хадсон, капитан школьной команды. Мэри была влюблена в него уже больше года и искусно плела сети вокруг красавчика-спортсмена, поставив себе целью стать королевой выпускного бала, а Тома заполучить в свои короли. Том же был так увлечен спортом, что и не подозревал о душевных терзаниях Мэри. Однако Джессика, совершенно нехоти променявшая песчаные пляжи Малибу на городские джунгли Нью-Йорка, нарушила все планы Мэри.

Увидев, как парень, которого она любит, провожает домой новенькую, Мэри обезумела от гнева. Первой мыслью было распустить слухи, что у Джесс проблемы с наркотиками. Или что в Калифорнии она родила младенца, которого отдала на усыновление. Или что в ее родне были негры, и белокожая белокурая Джесс может родить чернокожего ребенка. Но, взяв себя в руки, Мэри решила действовать деликатней. Ей были нужны настоящие факты, и эти факты можно было получить только от самой Джессики. На следующий день за обедом она под села к новенькой, а в выходные они уже ходили по магазинам, как лучшие подруги, и Джессика бесхитростно рассказывала, как Том обрывает ее телефон и караулит ее под окнами дома. Одному богу известно, чего стоило Мэри улыбаться в ответ и изображать радость за «подругу», когда больше всего на свете хотелось схватить эту куклу за белые

локоны и как следует ей наподдать. Это был очень трудный, но полезный урок. Так Мэри научилась ждать ради того, чтобы с лихвой отомстить обидчикам в будущем. И ее усилия не прошли даром. Уже через три месяца Джесс открыла лучшей подруге Мэри свою самую большую тайну: она приемный ребенок в семье.

Это известие стало для Мэри полной неожиданностью. Она давно заподозрила, что семья новенькой что-то скрывает, но из всех многочисленных версий, которые сочинила Мэри на этот счет, ни одна не касалась версии с приемными родителями. Потому что Джесс была стройной блондинкой с голубыми глазами, как и ее приемная мать Сара. А самое главное, у них обеих были те самые губки бантиком, которые не давали Мэри покоя! Поскольку роман новенькой с Томом набирал обороты по мере приближения выпускного бала и скромница Джесс готовилась торжественно расстаться с невинностью в тот самый день, который должен был стать днем триумфа Мэри, а увлеченный Джессикой Том по-прежнему не обращал на Мэри никакого внимания, сплетница решила сделать ставку на переживания Джессики. Она видела, что девочка, при всей своей любви к приемной семье, с грустью говорит о себе и в глубине души, как и все отказные дети, мечтает увидеть настоящих родителей и задать им самый главный вопрос: почему они ее оставили?

На что не хватало смелости у Джессики, то сделала Мэри. Под видом участия в судьбе подруги она подняла все свои школьные связи и связи родителей, разыскала прежних друзей в Калифорнии, подключила к поиску не меньше сотни людей и добилась своего. Направляясь в дом Джессики с адресом ее родителей в сумке «Биркин», Мэри не скрывала своих эмоций. Правда, то, что Джесс по своей наивности приняла за радость подруги, было торжеством победительницы. Из своих источников Мэри знала, что родной отец Джессики осужден за торговлю оружием. А ее мать Шейла, в прошлом первая школьная красавица и такая же кукольная блондинка, ныне превратилась в опустившуюся алкоголичку и вынуждена подрабатывать уборщицей туалетов на станции заправки. Джесс не была плодом первой любви двух учащихся колледжа, слишком юных для воспитания ребенка, как она это себе романтически представляла. Красавица Джессика родилась после того, как семнадцатилетнюю Шейлу изнасиловал ее взрослый сосед, уже тогда состоявший в преступной группировке.

— Знаешь, — Джесс с виноватой улыбкой вернула ей листок с адресом матери, — я не поеду.

— Что? — Мэри не верила своим ушам.

Она проделала грандиозную работу, какая не всякому частному детективу под силу. Она разбила копилку, в которую откладывала деньги на пластику губ, ради того чтобы подкупить сотрудницу службы усыновления и выяснить имена биологических родителей Джессики. И все ради того, чтобы белокурая принцесса продолжила носить свою сверкающую корону, не подозревая о том, из какого дерьма она вылезла?

— Я не поеду, — мягко повторила Джессика. — Моя семья — это мои приемные папа и мама. Я знаю, им неприятно, что мы с тобой разыскиваем моих настоящих родителей. Не хочу их расстраивать. А мои родные мама и папа... Если бы они хотели меня увидеть, то нашли бы. А раз не хотят, то зачем мне с ними встречаться?

— Джесс... — Мэри вложила в свою улыбку всю сладость, на которую была способна. Она положила руку ей на плечо. Она пристально взглянула в небесно-голубые глаза проклятой выскочки, которая увела ее парня. — Я знаю, как ты хочешь это сделать. Я буду с тобой. Мы поедем туда вместе в эти же выходные.

— Правда? — Глаза Джессики загорелись радостью. — Ты сделаешь это ради меня?

— Конечно, — лучезарно улыбнулась Мэри. — Мы же с тобой лучшие подруги.

Триумф Анджелины Джоли совпал с триумфом Мэри на выпускном. Во-первых, ее чувственные полные губы, с которыми она столько боролась, замазывая их тональным кремом и пытаясь сделать визуально тоньше с помощью темных помад, внезапно сделались предметом зависти всех девчонок в колледже. Во-вторых, платье Мэри из бирюзового шелка,

сшитое Верой Вонг, было столь великолепно, что его было впору выгуливать на красной ковровой дорожке премии Оскар. В-третьих, королевой бала выбрали Мэри. Джесс даже не пришла на выпускной бал.

После того как Мэри «совершенно случайно» оставила пачку фотографий из их поездки к матери Джесс в школьной раздевалке и фотографии растерянной Джессики рядом с плачущей пьянчужкой обошли весь колледж и появились в школьном блоге, популярность новенькой резко упала. Даже Том перестал звонить и приходить под окна ее дома на Манхэттене. Из своих источников Мэри знала, что старший Хадсон, работающий в парламенте, строго-настрого запретил сыну иметь дело с девушкой со столь темной родословной и советовал обратить внимание на девушек своего круга. После чего Мэри под предлогом беспокойства за Джесс наведлась в дом Тома, подгадав время таким образом, чтобы застать в доме его консервативного отца и произвести на него наилучшее впечатление как своими манерами, так и упоминанием фамилии родителей — владельцев известнейшей сети респектабельных отелей. Впоследствии те же источники поведали Мэри, что старший Хадсон настоятельно советовал сыну пригласить на выпускной «эту очаровательную рыжую леди из хорошей семьи».

В тот миг, когда Мэри с диадемой королевы в рыжих кудрях с ликованием кружилась в объятиях Тома на школьном балу, Джессика, запершись в своей спальне, солеными от слез губами глотала третью горсть валиума.

Свое восхождение на пьедестал нью-йоркской «королевы сплетен» Мэри Саливан начала в двадцать лет со смены имени. Она очаровывала, забавляла, удивляла. Она сделалась желанной гостьей в самых знаменитых семьях большого города. Для нее были открыты двери всех особняков на Манхэттене. Ей доверяли секреты, а Пандора запасливо складывала их в свой ларчик, чтобы в один прекрасный день выпустить из них сенсационную сплетню, которая изменит многие судьбы. И когда час пробил, полетели многие головы. За воцарение Пандоры было заплачено чужими разводами, инсультами, арестами и полным банкротством — личным и финансовым.

Имя Пандоры прогремело на весь Нью-Йорк, и с тех пор началось ее триумфальное правление, при котором в руках Пандоры оказалась сосредоточена самая важная власть — информация и общественное мнение. Через пять лет среди нью-йоркской элиты не было бы никого, кто не знал Пандоры, и хватило бы пальцев одной руки, чтобы посчитать тех, кто ее не боялся. И все это были люди, чья бешеная популярность осталась в прошлом после некоего громкого скандала, к которому приложила свою руку хитроумная рыжая бестия.

Пандора не только повторила успех своей знаменитой прабабки Мэри, но и пошла еще дальше. В век высоких технологий сплетня может облететь весь мир со скоростью звука. Что уж говорить об одном Нью-Йорке? У Пандоры был популярный блог, который она регулярно вела. У нее была своя колонка в популярной газете и свой штат прикормленных репортеров (не говоря уже о многочисленной прислуге ее знакомых — нянях, горничных, дворецких, садовниках, водителях). Каждая сенсация, нарытая журналистами, сначала попадала в руки Пандоры. И там уже только от нее зависело, дать скандалу огласку, растоптав чем-то не угодившего ей человека, или договориться с репортером о том, чтобы эта история никому не стала известной, и тем самым оказать услугу тому, к кому она благоволила. В том, что касалось переговоров и наговоров, Пандоре не было равных. Ее дар красноречия мог убедить любого.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что однажды на вечеринке, которую устраивала Пандора в своих апартаментах на Манхэттене, появился обаятельный француз с проникновенным взглядом и искусительной улыбкой. Его привела Абигейл — ослепительно юная топ-модель, билбордами с фотографиями которой в ту пору был увешан весь Нью-Йорк. Своим успехом Абигейл была во многом обязана покровительству Пандоры.

Иногда Пандоре надоедало быть злым гением, и она разнообразия ради примеряла мантию доброй феи, как правило выбирая какого-нибудь неудачника и за считанные дни

превращая его в звезду. При отсутствии таланта такие «счастливики» недолго держались на плаву и вскоре скатывались в пропасть еще более глубокую, чем та дыра, из которой их вытащила Пандора. Но рыжей интриганке это уже было совершенно неинтересно. Главное, что на какое-то время ей удавалось бросить вызов общественному мнению и заставить всех зачитываться никчемной книгой бесталанного писателя или восторгаться чудовищной игрой бездарной актрисы.

Судьбу Абигейл решил случай. Пандора заехала в модельное агентство к приятельнице Вирджинии, и первое, что она увидела в ее кабинете, были фотографии Джессики Миллер, не изменившейся ни на день с выпускного класса. Белокурая Джесс была так же очаровательна, как восемь лет назад. Но это невозможно! Пандора сама присутствовала на похоронах Джессики, роняя слезы на белые лилии — не потому, что ей было жаль или она винила себя в ее смерти, а потому, что этого от нее ждали. Все-таки все продолжали считать ее лучшей подругой Джессики. И вот теперь в кабинете Вирджинии лежат свежие фотографии Джессики, датированные вчерашней датой, а сама Джессика не постарела ни на день. Даже у Пандоры с окончания колледжа появились мимические морщинки, с которыми она не без успеха борется, проходя курс процедур у лучшего косметолога Манхэттена, к которому записываются голливудские звезды. А эта дрянь Джесс все так же свежа и юна!

— Откуда это у тебя? — Стараясь не выдать дрожи, Пандора кивнула на снимки.

— Нравится? — улыбнулась Вирджиния. — Это наша новая звезда — Дороти. Правда, она неотразима?

— Дороти? — переспросила Пандора, успокаиваясь и находя на фотографии различия со своей одноклассницей — другая форма бровей, ямочки в уголках губ, более острый подбородок, родинка на виске. — И сколько ей лет?

— Шестнадцать. Она только что приехала в Нью-Йорк из Канзаса. Это просто чудо, что она сразу пришла к нам, — Вирджиния выглядела взволнованной и воодушевленной. — Ты только посмотри, какая натуральная красота, какие изящные черты. Вот увидишь, это девочка станет самой известной топ-моделью Америки, не пройдет и года!

И в тот момент Пандора твердо решила, что она сделает все для того, чтобы этому не бывать. Дороти отправится в свой Канзас, поджав хвост. Ибо Пандора не позволит, чтобы пигалица с лицом негодяйки, которая увела ее первую любовь, стала любимицей Америки.

Пандора призвала все свое красноречие, чтобы убедить Вирджинию в том, что ставка на Дороти станет серьезным промахом в карьере приятельницы, что подобная внешность сейчас не в моде и индустрии красоты нужно что-то новое и экзотичное, и если Вирджиния найдет такое лицо, то поймает птицу удачи. По мере ее пылко-го монолога приятельница мрачнела на глазах.

— И где же мне найти такое лицо? — уныло спросила она под конец.

И тут без стука в дверь ворвалась она — гадкий утенок с крупными чертами лица, слишком большим ртом, бесцветной внешностью альбиноски и красными глазами вампира. Это было Провидение.

— Как тебя зовут? — сладко пропела Пандора.

— Абигейл, — проблеяла дурнушка.

Дар убеждения Пандоры завершился начатое. Вирджиния сдалась, уговорив себя дать уродине шанс. Появление Абигейл произвело фурор на показе Джорджо Армани (Пандора сделала все от нее зависящее, чтобы пресса окрестила нестандартную модель иконой нового стиля). А еще через месяц лицо Абигейл смотрело со всех билбордов Нью-Йорка. И, каждый раз натываясь взглядом на ее фотографию, Пандора мысленно праздновала победу. Ведь на этом месте могло быть лицо Дороти-Джессики.

Появление Абигейл с новым спутником у нее на вечеринке Пандору не удивило. Абигейл была на пике популярности и меняла поклонников, как наряды на подиуме. Очевидно, что раньше девчонка не пользовалась успехом у мужчин и теперь наверстывала упущенное, жадно собирая цветы, комплименты, поцелуи и ласки. Однако новый кавалер разительно отличался от предыдущих любителей экзотики — начинающих актеров, молодых

певцов и моделей, которые крутили роман с Абигейл ради того, чтобы лишний раз обратить на себя внимание репортеров и попасть на страницы таблоидов.

Жану Лакруа, как он представился, дешевая популярность была не нужна. Не нужна ему была и сама Абигейл, которая, отойдя поздороваться с подругой, уже вовсю строила глазки смазливому актеру из популярного сериала *Lost*. Французу было все равно. И ему будет совершенно все равно, если Абигейл уйдет с этой вечеринки не с ним. Кстати, девчонка выглядит слишком бледной, под глазами темные круги. Как бы не подседа на наркотики! Впрочем, это уже проблемы самой Абигейл. Пандора и так сделала для нее много.

— Что вам нужно? — напрямик спросила Пандора, взглянув Жану в глаза.

— Это другой разговор. — Он моментально сделался серьезным, и Пандора почувствовала, как ее затягивает бездонная гипнотическая воронка его взгляда, который словно проникал в самую ее душу. Ее бросило в озноб при мысли, что странный француз каким-то непостижимым образом узнает все ее тщательно оберегаемые тайны и она, Пандора, окажется в таком же положении, как и многие ее жертвы, — уязвимая, беспомощная, жалкая. Внезапно Жан опустил взгляд к вырезу ее платья.

— Вы любите серебро?

— Что? — не поняла Пандора.

Пальцы француз, коснувшиеся кулона на ее шее, показались ей ледяными, а его тон сразу стал скучающим.

— Белое золото, — разочарованно протянул он.

Пандора хотела возмутиться, что это не какое-то там белое золото, а работа известного дизайнера! Между прочим, подарок за оказанную ею услугу, которая избавила дизайнера от громкого скандала с внебрачным ребенком. Но губы словно сковало холодом.

— Так, значит, у вас нет никаких серебряных украшений, доставшихся в наследство, скажем, от вашей знаменитой прабабки? — с пристрастием прокурора спросил француз, и оцепенение, нахлынувшее на Пандору, внезапно исчезло.

— От прабабки мне достались янтарные волосы и изумрудные глаза. Этого уже немало, — отмерла Пандора и с вызовом взглянула на Жана.

— Вы забываете еще кое-что, — вкрадчиво заметил он. И, выдержав ее выжидающий взгляд, добавил: — Дар красноречия. Впрочем, есть еще один важный дар, за который, могу поклясться, вы готовы отдать душу дьяволу.

— Уж не вы ли его представитель? — Пандора насмешливо скривила губы. — И что вы предлагаете: вечную жизнь или вечную молодость?

— И это в том числе, — спокойно ответил француз. — Но в первую очередь — чтение мыслей.

Жан все рассчитал правильно. Пандора, всю жизнь посвятившая коллекционированию чужих тайн, ежедневно подкупавшая репортеров и прислугу, не гнушающаяся слежки, подслушивающих устройств и перехвата чужих сообщений, могла только мечтать о том, чтобы получать необходимую информацию из первых рук, считывая ее из самого разума человека. А уж когда бонусом прилагается практически вечная жизнь и молодость без появления новых морщин — это просто подарок судьбы. Необходимость пить чужую кровь Пандору совсем не смутила — по сути, этим она и занималась всю жизнь.

Она согласилась на все, что ей предложил Жан, особенно не вникая в его интриги с фальшивым наставником и подставой во время инициации. Она только просила устроить инициацию быстрее: с тех пор как она узнала о существовании Клуба, ей не терпелось увидеть тех избранных счастливчиков, кто в нем уже состоит. Ее кандидатура не встретила возражений, голосование прошло в ее пользу, и вместе с новой серебристой подвеской в форме пазла, которую ей подарил Жан, Пандора получила доступ в самый закрытый Клуб планеты.

Реальность ее ошеломила. Жаль, что этими тайнами нельзя было поделиться с

обычными людьми. Зато у Пандоры появилась новая важная обязанность: она была ответственной за то, чтобы компромат на высокопоставленных вампиров не просочился в прессу. Сенсационные фотографии и записи по-прежнему стекались к ней, но если раньше она подкупала особо притких журналистов, то теперь она выпускала из них кровь.

Жан приезжал в Нью-Йорк еще несколько раз. У них даже завязался короткий страстный роман, который моментально попал в газеты. Однако Жан ненадолго задержался рядом с ней — его манили поиски Серебряных Слез. Покидая апартаменты Пандоры, чтобы отправиться в аэропорт, Жан обернулся на пороге:

— Кстати, что стало с тем Томом?

— Что? — Пандоре показалось, что она ослышалась.

— С тем спортсменом из колледжа, которого ты отбила у подруги? — безжалостно уточнил француз.

— Я его бросила через неделю после выпускного, — сухо ответила она.

— Что так? — проявил любопытство Жан.

— Он отвратительно целовался. И мог говорить только о футболе.

Пандора умолчала о главном. Том назвал ее Джесс в тот момент, когда впервые снимал с нее платье в ее спальне. Она выставила его вон. И он больше никогда ей не позвонил. Несмотря на то что его отец уже строил планы на их брак.

— Вот кретин, — усмехнулся Жан.

И по блеску в его карих глазах Пандора поняла, что он прочитал правду в ее мыслях. Это было просто возмутительно! Сама она только начала осваивать телепатию и по сравнению со взрослыми вампирами чувствовала себя слепой и глухой.

Таким она его и запомнила — взъерошенным после бурного свидания, с блестящими от предвкушения нового приключения глазами, с насмешливой улыбкой красиво очерченных губ, которые были созданы для поцелуев...

Невозможно было поверить, что Жана больше нет. Его смерть была покрыта тайной, и Пандора, не в силах усидеть на месте, полетела в Москву. Она еще надеялась на то, что Жан жив, что это какая-то нелепая сплетня или дурацкая шутка его самого. Но она ошибалась. Жан был мертв. А его последняя шутка настигла ее уже намного позже — когда она обнаружила в почтовом ящике письмо из адвокатской конторы, когда примчалась в Париж, когда вошла в Замок Сов и обнаружила там незнакомок, которые оказались ее кровными сестрами...

Потребовалось время, чтобы разгадать зашифрованную карту. Из-за отсутствующей подвески пришлось ехать к лондонскому ювелиру, чтобы восстановить полный эскиз. Еще несколько дней было потеряно на то, чтобы всем снова собраться вместе. Хитроумный код был придуман таким образом, что каждую часть головоломки могла разгадать только одна из двенадцати девушек. Общими усилиями они расшифровали нахождение тайника. И вот наконец кейс был в их руках.

Пандора помнила свою нетерпеливую дрожь, когда они все вместе склонились над кейсом. И когда все взволнованно замерли, не решаясь открыть его, Пандора безо всяких сомнений откинула крышку...

Глава 8

ВАМПИРЫ НА МАНХЭТТЕНЕ

Если вы не знаете, когда закончится тайна, то вы можете сильно ошибиться и с ее началом. Вы даже можете оказаться в совершенно другой тайне и не заметить этого — что тогда?

Том Холланд. Раб своей жажды

Нью-йоркские вечеринки — это не веселье. Это война.
Плам Сайкс. Блондинки от Bergdorf

В аэропорту Нью-Йорка нас встретил Крис — высокий спортивный шатен лет двадцати трех, голубоглазый, с белозубой улыбкой, воплощение красоты по-американски. Наверняка в колледже он был капитаном футбольной команды и в него были влюблены все девчонки. Крис выглядел настолько современно, что никак не вязался с образом вампира. Хотя для Гончего он подходил идеально: сильный, физически крепкий, примерно одной комплекции с Вацлавом, он выглядел настоящим бойцом.

В самолете Вацлав рассказал мне, что до того, как переехать в Москву в две тысячи третьем, он восемь лет прожил в Нью-Йорке. С тех пор команда здешних Гончих целиком поменялась — правило менять место жительства раз в десять лет распространялось на всех вампиров. Остался только Крис, который за эти годы успел пройти путь от рядового Гончего до главы Ордена.

При встрече они обнялись, как старые приятели, а мне Крис крепко, по-мужски пожал руку. Ну да, здесь же феминизм и эмансипация. Поцелуй в руку будет расценен как сексуальное домогательство.

— Привет! — неожиданно произнес Крис по-русски с сильным акцентом. — Как дела?

— Хорошо, — рассмеялась я, — спасибо. Ты говоришь по-русски?

— Немного, я изучал язык.

— Собираешься переехать в Россию? — спросила я и тут же поняла, что сказала что-то не то. Лицо Криса на секунду закаменело, даже улыбка показалась приклеенной. Но уже мгновение спустя он сказал что-то шутливо и перешел на английский язык.

Пока мы шли к автомобильной стоянке в сгущающихся сумерках, я с любопытством оглядывалась вокруг в надежде увидеть среди толпы Эштона Катчера, торопящегося на рейс, или Наоми Кэмпбелл, прибывшую на родную землю. Вацлав с Крисом обсуждали какие-то им одним понятные темы и общих знакомых. Наконец мы остановились у спортивного вида внедорожника «лексус» черного цвета. Видимо, черный, цвет ночи, по умолчанию считается цветом Гончих. Машина вызвала восхищение Вацлава, и он принялся расспрашивать о ее технических характеристиках, которые мне ни о чем не говорили. Наконец мы сели в салон, и Крис, прежде чем завести мотор, протянул Вацлаву красный конверт с каким-то золотым оттиском.

— Это приглашение на два лица на закрытую вечеринку, где сегодня будет Пандора, — небрежно пояснил Крис, выруливая со стоянки. Он снова говорил по-английски, из чего я сделала вывод, что русским он владеет исключительно на уровне «привет — как дела».

— В Эмпайр-Стейт-Билдинг? — Вацлав удивленно приподнял бровь. — Красиво живут здешние вампиры.

— Это не вампирская вечеринка, — возразил Крис. — Точнее, — поправился он, — не целиком вампирская. Как понимаешь, высший свет Манхэттена не мог обойтись без присутствия наших знаменитостей. Их там будет персон пять, остальные — люди.

Из объяснения Криса я поняла, что Пандора, ставшая вампиршей недавно, еще не порвала со своим людским окружением. Впрочем, учитывая ночной образ жизни, который ведут светские львицы и тусовщицы, ей даже незачем было придумывать легенду о внезапно возникшей светобоязни. Думаю, с переходом в ряды вампиров режим Пандоры несколько не изменился.

— Как удалось достать? — Вацлав покрутил в руках дорогую открытку и передал мне.

— Да уж пришлось постараться, — откликнулся Крис.

Я с интересом прочитала текст приглашения, с удивлением отметив, что местом для вечеринки выбран не ночной клуб или ресторан, а смотровая площадка на сто втором этаже Эмпайр-Стейт-Билдинг. Вот это высотка! Сколько же в ней всего этажей?

— А мы собирались нанести дружеский визит к Пандоре домой, — заметил Вацлав.

— Вот только дома ее не застать, — усмехнулся Крис. — Вы уже были в пути, когда пришла информация, что у вашей подруги на завтра выкуплены билеты в Милан. Ордера на ее арест, как я понимаю, у вас нет. Так что если не хотите прокатиться за ней в Италию, то не

упустите свой шанс сегодня. До вечеринки ее тоже не поймать — она уже укатила в салон красоты. Укладка, маникюр, педикюр. Жанна поймет, о чем речь. — Он подмигнул мне в зеркале, и я невольно улыбнулась в ответ.

Крис просто заражал своим веселым настроением. И это совершенно не соотносилось с тем образом Гончих, который у меня сложился прежде. Вацлав и его московские парни, Андрей и парижская команда Гончих в общении были довольно сдержанными, холодными и молчаливыми. Что было неудивительным, учитывая, что каждый из них в прошлом потерял близких, и принимая во внимание их нынешний образ жизни. Глядя на Криса, трудно было предположить, что в его жизни случались какие-то неприятности крупнее штрафа за неправильную парковку или пробок на дороге. Да и улыбка не сходила с его лица, будучи наглядным воплощением американского жизненного принципа «keep smiling!»⁹.

— Спасибо, Крис, — от души поблагодарил Вацлав. — Ты нас здорово выручил.

— Да чего уж там! — Польщенный похвалой, Крис весело засвистел. И я вдруг подумала, что Крис в лепешку расшибется, но поможет Вацлаву. Потому что тот в прошлом сделал для него нечто гораздо большее, чего не измеришь приглашениями на закрытую вечеринку.

— Командировочная квартира сейчас свободна? — спросил Вацлав.

— Там сейчас ремонт. Остановитесь у меня — и возражения не принимаются! Я живу в Мидтауне¹⁰ — до Эмпайр-Стейт-Билдинг рукой подать.

— Не хотелось бы тебя затруднять. — Вацлав бросил взгляд в зеркало на меня. — Мы можем остановиться в отеле.

— Вот еще придумал! — с возмущением возразил Крис. — Сто лет не виделись, и ты еще от меня в отеле хочешь спрятаться? — Он подмигнул мне в зеркало, словно в поисках поддержки. — И потом, селить вас в отель уже некогда — до начала вечеринки три часа. Если приедем пораньше, то у вас будет немного свободного времени. Захотите — отдохнете, захотите — погуляете по городу.

Но ни отдохнуть, ни погулять не получилось. На Бродвее мы застряли в чудовищной пробке, и Крис, видя, как я прилипла к окну, рассматривая легендарную улицу, обернулся ко мне:

— Ты ведь впервые в Нью-Йорке, Жанна? Вацлав, идите прогуляйтесь. Идите-идите. Чего в машине сидеть? Встретимся вон за тем светофором. — Он указал на перекресток впереди. — Минут двадцать у вас есть.

Меня не надо было долго уговаривать. Я выпорхнула на тротуар и задрала голову, пытаюсь разглядеть крыши небоскребов, окутанные звездным небом. Вот это высота! Мне вспомнился фильм «Пятый элемент», в котором Брюс Уиллис летал по воздуху в городе будущего между таких же высоких домов, образующих длинные узкие коридоры, которым не было ни конца ни края. Думаю, многие ньюйоркцы, застрявшие в этот час в пробке на Манхэттене, не отказались бы пересесть в летающие машины.

Улица, куда ни глянь, была забита желто-черным потоком автомобилей. Стеклопанные фасады высоток горели тысячами окон-светлячков, на фасадах переливались неоновой радугой рекламные щиты, на тротуарах было не протолкнуться от прохожих. Все куда-то спешили, торопились, опаздывали. Я с невольной завистью проводила взглядом хорошенькую рыжеволосую девушку, увешанную фирменными пакетами Prada и Barneys¹¹. Конечно, мы в Нью-Йорке по делу, но, надеюсь, когда мы закончим с Пандорой, у меня

⁹ «улыбайся!».

¹⁰ Часть Манхэттена от 34-й улицы до начала Центрального парка, где находятся символы Нью-Йорка — Эмпайр-Стейт-Билдинг, Таймс-сквер и Рокфеллер-центр.

¹¹ Известный нью-йоркский универмаг.

будет хотя бы один вечер для большого шопинга на Пятой авеню. Делу время, шопингу — вся жизнь. Тем более что фотографию этой улицы я еще прошлым летом сделала обоями на своем компьютере. И вот теперь до мечты — рукой подать!

— «Асфальт — стекло. Иду и звеню. Леса и травинки — сбриты. На север с юга идут авеню, на запад с востока — стриты», — внезапно продекламировал Вацлав, беря меня за руку и увлекая вперед по улице.

Я с удивлением взглянула на него:

— Твои стихи?

Он ухмыльнулся.

— Спасибо за комплимент. Но это Маяковский.

— Мне больше нравится Блок, — не смутилась я. — Но стихи неплохие. Как там дальше?

— «А между — (куда их строитель завез!) — дома невозможной длины. Одни дома длиной до звезд, другие — длиной до луны...» Это из стихотворения «Бродвей», — после паузы добавил Вацлав, — оно написано в тысяча девятьсот двадцать пятом году во время поездки Маяковского в Америку. А ведь правда, с тех пор здесь ничего не изменилось?

Действительно, прошло больше восьмидесяти лет, а небоскребы не стали короче и по-прежнему достают крышей до самых звезд. Как вон та высотка, возвышающаяся над всеми остальными и похожая на остро отточенный карандаш. Ее узкий длинный фасад, весь в желтых окошках-светлячках, сужался кверху и заканчивался высоким шпилем с красным огоньком-звездочкой. Верхние этажи были подсвечены синими и красными полосами, и от избытка красного мне сделалось не по себе — показалось, что фасад испачкан кровью.

— Вон то здание, которое нам нужно, — указал на высотку Вацлав, и чувство тревоги усилилось.

— Сколько же в ней этажей? — поразилась я.

— Сто два. Разрушенные башни-близнецы были выше, но сейчас это самое высокое здание Нью-Йорка.

Вдобавок оно показалось мне знакомым, как будто я его видела в кино.

— А что в нем находится? — заинтересовалась я.

— Офисы.

Да уж, судя по строгому виду высотки, явно не магазины.

— Что, узнаешь? — спросил Вацлав. — «Кинг-Конг» смотрела?

— Точно! — осенило меня. — Это же сюда в финале взбирался Кинг-Конг, а вокруг кружили истребители. — Я запнулась. — Ну вот, зачем ты мне это сказал! Я всегда плачу, когда смотрю эту сцену.

— Ну, не переживай, — усмехнувшись, он обнял меня за плечи. — Это же все понарошку.

Грустить было некогда: вокруг шумела толпа, гудели измученные пробкой водители, гремели мелодии уличных музыкантов, блестели огни театров, сверкали вспышки фотоаппаратов. Какой-то турист столбом встал посреди улицы и снимал текущую мимо толпу на камеру, но никто не ругался, все с пониманием обходили его стороной. Попали в объектив и мы. Сам себе режиссер улыбнулся, и я помахала ему рукой.

— Поздравляю, ты попала на ю-тьюб, — иронически прокомментировал Вацлав.

Голова шла кругом, вокруг переливались огнями вывески знаменитых мюзиклов — «Призрак оперы», «Мамма миа!», «Чикаго», «Король Лев». На другой стороне улицы показался солидный Карнеги-холл, где, как пояснил Вацлав, выступают лучшие симфонические оркестры в США. Не успела я опомниться, как отведенные нам на прогулку двадцать минут истекли, и Крис просигналил нам из машины, притормозив у тротуара.

— Скажи, — полюбопытствовала я, пока мы шли к «лексусу», — ты чем-то помог Крису? Кажется, он перед тобой в долгу.

— А, это! — Вацлав пожал плечом. — Было дело. Крис из богатой семьи. Уже когда он был Гончим, его младшую сестренку похитили и требовали выкуп. Я помог ее освободить.

Теперь понятно, почему Крис так рад услужить Вацлаву и пригласил нас остановиться у него дома.

Спустя десять минут мы были на месте. До начала вечеринки оставалось всего полтора часа.

Крис жил в многоквартирном доме, выходящем фасадом на шумную улицу. Его квартира казалась сошедшей со страниц журнала по дизайну. В том смысле, что при всем ее модном и современном интерьере в стиле минимализма, к которому явно приложил руку дорогой дизайнер, она была такой же стерильной и пустой. Светлые стены, темная мебель, идеальный порядок. Даже удивительно, что в доме молодого мужчины не видно ни коробки от пиццы, задвинутой под диван, ни футболки, забытой на спинке стула, ни журнала, брошенного на диване.

— Ты недавно переехал? — спросила я. Возможно, Крис только справил новоселье и все вещи, которым надлежит создавать беспорядок в этом идеальном жилище, пока томятся в коробках в ожидании своего часа.

— Нет. — Крис изрядно удивился. — Я живу здесь уже два года.

— У тебя здесь такой порядок.

— А, это все Шона, — он широко улыбнулся, — моя домработница.

Что ж, наличие приходящей уборщицы объясняет чистоту в доме, но отсутствие всяких следов жизни настораживает. Пока Вацлав с Крисом обсуждали дела Гончих, я прошлась по гостиной и удивилась количеству пустых полок. Нигде не было видно ни фотографий в рамках, ни милой безделушки, подаренной кем-то из друзей, ни сувенира, привезенного из путешествия, ни наполовину сторовешшей свечи, оставшейся после романтического ужина, ни грамоты или диплома, которые, если верить кино, американцы обожают вешать на самом видном месте для демонстрации своих личных успехов гостям. Ничего такого, что рассказывало бы о хозяине. Как будто Крис не считал это место своим домом, а оно было просто временным жилищем. Или как будто у него не было никакого прошлого. А может, это прошлое было таким горьким, что Крис всеми силами стремился его забыть... Интересно, квартира Вацлава такая же пустая и необжитая?

— Жанна, — окликнул меня Вацлав, и я вздрогнула. — У нас час на сборы. Что тебе нужно для того, чтобы быть готовой?

— Для начала принять душ.

Крис показал мне свою ослепительно сверкающую ванную и вручил полотенце, пахнувшее лавандовым ополаскивателем. Я заперла дверь и огляделась. Ванная, как и гостиная, производила впечатление отеля. Все красиво, все чисто, все необходимое в наличии: полотенца, шампунь, гель для душа, мыло, расческа, зубная щетка. Только во всем этом нет никакой индивидуальности. Ни малейшего присутствия хозяина квартиры. Чем больше я здесь находилась, тем сильнее меня терзало подозрение, что своей широкой улыбкой и веселым поведением Крис маскирует огромную, ничем не восполнимую пропасть в сердце. И именно эта пропасть и привела его когда-то в Гончие.

По-быстрому приняв душ и вымыв голову, я пожалела о том, что не взяла в ванную чистые вещи. Пришлось снова влезать в джинсы и водолазку. Ничего, через пять минут разворочу в спальне чемодан и переоденусь в новое. Я уже взялась за ручку ванной, когда перед моим внутренним взором золотым шрифтом по красному картону вспыхнула надпись «Форма одежды — вечерняя» из приглашения. Я бросила отчаянный взгляд на часы: до начала вечеринки чуть больше шестидесяти минут. Разве я успею купить себе приличное платье? Времени только на то, чтобы высушить волосы. Платья, в которых я блистала в Париже, заняли отдельный чемодан и вместе с Аристархом улетели в Москву. В Прагу я взяла с собой только самое необходимое. Кто же знал, что оттуда нам придется отправиться в Лондон, а из Лондона в Нью-Йорк, где доведется попасть на закрытую вечеринку высшего света? И что-то мне подсказывало, что даже при наличии волшебного пригласительного в обычной одежде нас с Вацлавом к Пандоре не пустят.

В дверях я столкнулась с Вацлавом, который тоже хотел освежиться с дороги. Но не успела я заикнуться о своей (хотя почему только своей? Нашей общей!) проблеме, как он перебил меня:

— Загляни в спальню.

Я удрученно вздохнула, глядя на захлопнувшуюся перед моим носом дверь ванной. Видимо, мне предлагается соорудить вечерний наряд из того, что имеется в наличии в моем чемодане. Однако, как только я ступила за порог спальни, я онемела от восторга. На кровати лежало красивейшее платье золотисто-кремового цвета, достойное голливудской звезды. Элегантная классика, узкий силуэт с юбкой в пол, расширяющейся книзу наподобие лилии, бюстье с изящной вышивкой и прямым вырезом декольте, атласный бант на талии и тонкая шнуровка по спине. Я уже хочу, чтобы Вацлав увидел меня в нем! Для вечернего приема больше подошло бы черное или красное, но в это платье я влюбилась с первого взгляда и не променяла бы его ни на какое другое. Я коснулась пальцами прохладного шелковистого атласа, знакомясь с платьем, и затем подхватила его с кровати, приложив к себе. Что ни говори, не платье красит девушку, а девушка — платье.

— Думаю, размер должен тебе подойти. — От этого чужого надтреснутого голоса, раздавшегося позади, по спине пробежали мурашки.

Я обернулась и вздрогнула. На пороге стоял Крис, и на лице его по-прежнему цвела улыбка. Но в глазах была такая безысходная тоска, что у меня сжалось сердце.

— Чье оно? — тихо спросила я.

Лицо Криса дернулось, и улыбка на короткий миг превратилась в оскал боли.

— Это неважно. Сегодня оно твое.

Крис резко развернулся и вышел, прикрыв за собой дверь, внутренняя сторона которой оказалась зеркальной.

Я в растерянности уставилась на свое отражение. Платье, которое я по-прежнему прижимала к себе, было восхитительным. А еще оно было очень похоже на свадебное. Внезапно меня пронзила дрожь, плечи покрылись мурашками. Я вдруг отчетливо поняла, что платье было свадебным. И что та, на кого оно было сшито, так его и не надела.

Я осторожно положила платье на кровать и в смятении закусил губу. Как же быть? Воспользоваться щедрым подарком Криса? Или правильнее будет отказаться? Я сделала шаг в сторону и споткнулась о туфли. Светло-бежевые лодочки, которых я раньше не заметила, идеально подходили к платью. А еще внутри была метка «Джимми Чу». И, кажется, это был мой размер. Искушение было слишком велико, и я примерила их. Туфли были узковаты в мыске, но так изящно смотрелись на ноге, что на один вечер я могла бы с этим смириться... Стерпится — сносится.

— Жанна, — раздался стук в дверь. — Ты готова? Не терпится увидеть тебя в платье. Я пока надену смокинг.

Смокинг? Если это не шутка, то, похоже, Вацлав собирается надеть одежду Криса. И если он будет одет франтом, то мне необходимо соответствовать. Решившись, я стянула с себя шмотки и взяла в руки платье.

— Ты выглядишь, как невеста, — услышала я, выйдя из спальни.

Вацлав застыл в коридоре, прислонившись плечом к стене напротив, и не отводил от меня взгляда.

— А ты как жених, — вырвалось у меня. В голове крутилось: как чужой жених.

Белая сорочка с бабочкой и смокинг очень шли ему, но превращали в незнакомца, и я не понимала, как себя с ним вести. В следующий миг Вацлав резко шагнул вперед и притянул меня к себе так стремительно, словно мы танцевали танго. Мир сузился до кольца его рук, стиснувших меня за талию, и я вдруг представила, что мы стоим у алтаря, только что обрученные, за миг до поцелуя. Его губы коснулись моих, нещадно стирая с них помаду, и мне было ее совсем не жаль, хотя я убила пять минут на то, чтобы добиться идеального нанесения — сначала припудрила губы, потом очертила контур, затем покрасила помадой и

промокнула бумажной салфеткой, все по заветам «Космо». Но какое это имеет значение по сравнению с поцелуем любимого? Его пальцы запутались в прядях моих волос — я специально оставила их распущенными и не стала собирать в высокую прическу, чтобы избежать ассоциаций с образом невесты. Только приколола две невидимки со стразами, чтобы пряди не падали на лицо.

— Пора. — Он с неохотой оторвался от моих губ и медленно провел рукой по шелковистой ткани платья от талии до груди, так что меня бросило в жар. — Идем? Крис уже спустился к машине. Он отвезет нас.

— Подожди. — Я тронула его за рукав. — Скажи, это платье и этот смокинг...

— Не сейчас, — резко ответил Вацлав. — Не надо обсуждать это при Крисе.

И по его тону я поняла, что оправдались мои худшие опасения. Невеста не бросила Криса ради другого, она погибла незадолго до свадьбы. А платье так и не было надето. Когда я надевала его, то обнаружила прикрепленную бирку. И подошвы туфелек были неношеными, до меня их обували только для примерки.

— Но ты уверен, что мы можем...

«Надеть их», — хотела закончить я, но не успела. Вацлав меня перебил:

— Это решение Криса. Он не предложил бы, если бы сам этого не хотел. Это очень важно для Криса. Думаю, он созрел для того, чтобы проститься с прошлым. Давай поможем ему в этом.

— Хорошо, — кивнула я. — Только...

— Прошу, Жанна, — прервал Вацлав, — не задавай никаких вопросов. Если ты узнаешь правду, ты начнешь жалеть Криса, а ему это будет неприятно. Дождись, пока мы уедем отсюда, и, если захочешь, я тебе все объясню.

Выйдя на улицу, я сразу же увидела Криса. Он стоял, облокотившись о капот своего внедорожника, и смотрел на меня так, как будто увидел призрака. Надо отдать должное его выдержке. За те несколько шагов, что мы сделали по пути к «лексусу», он совершенно взял себя в руки, включил свою фирменную улыбку и даже рассыпался в комплиментах. Я поблагодарила его и улыбнулась в ответ. Но всю дорогу до небоскреба, пока мы ехали в машине, на душе было горько. Как будто мы с Вацлавом украли чужую мечту. Как будто это по нашей вине Крис улыбается только губами, тогда как его глаза плачут без слез.

*Крис
Октябрь 2001 года, Лос-Анджелес*

Крис долго не мог понять, чего от него добивается курьер в синей форменной бейсболке и такой же дурацкой футболке. Он не заказывал ничего такого, что могло бы находиться в высокой картонной коробке легкомысленного розового цвета с изображением белой лилии. Он вообще ничего не заказывал в последний месяц. Вот только пустые коробки от пиццы в прихожей все прибавлялись... Он не помнил, как делал заказ и как встречал курьера. Он не помнил вкуса пиццы. Его кровь сейчас на добрых девяносто процентов состояла из текилы, бутылки из-под которой валялись по всей квартире. Особенно много — на диване. И ни одной — в спальне, куда он не заходил с тех пор, как остался без Нади.

— Мисс Олейник. Надя Олейник, — терпеливо повторил курьер. — Она оставила этот адрес в качестве доставки.

Крис в ярости взглянул на гладко выбритого, любезно улыбающегося парня. Он что, издевается? Разве он не знает, что Надя оставила его? Что это из-за нее квартира завалена пустыми бутылками из-под текилы, а на столике в прихожей громоздится пирамида картонок от пиццы, вкуса которой он не помнит?

— Я звонил по контактному телефону, но номер не отвечает. Поэтому приехал без звонка. Так адрес правильный? — вновь задал вопрос курьер.

Крис только кивнул, чувствуя, как в горле стоит ком размером с большое колесо пиццы.

— Я могу видеть мисс Олейник?

Крис мотнул головой, схватившись за косяк двери. Ему было нечем дышать. А этот невыносимый человек задавал такие бессердечные вопросы.

— Может быть, вы сами примете заказ? — Курьер с сомнением и жалостью посмотрел на него.

Невыносимо! Крис бессильно отвел глаза и встретился взглядом с незнакомцем, стоящим в зеркальной раме. Взъерошенный, болезненно худой, с запавшими щеками, покрытыми месячной щетиной, с покрасневшими глазами, в которых сквозила смертельная тоска, он был ему совершенно незнаком. Вот только майка бейсбольной университетской команды у него такая же, как у Криса, хотя и болтается на нем как на пугале. Крис протянул к нему руку — и не сразу понял, что ударился о зеркальную поверхность.

— Простите. Я лучше пойду, — донесся до него голос курьера. — Могу я оставить записку для мисс Олейник?

— Нет, — ожесточенно ответил Крис.

— Она переехала? Может быть, вы дадите мне ее адрес? — не отставал курьер. — У меня написано, что мисс Олейник просила доставить заказ как можно скорее. Последняя дата — завтрашний день, двадцать пятое октября.

Что-то знакомое шевельнулось в памяти в связи с этой датой, а потом Криса словно окунули в ванну со льдом, и он мгновенно протрезвел, ощутив на губах невыносимую горечь текилы и металлический вкус своей крови. Двадцать пятое октября — день рождения Нади. У него даже лежит для нее подарок, который завтра нужно отнести... Двадцать седьмое октября — дата их свадьбы, которая уже никогда не состоится, день разбитых надежд. Но не эти цифры высечены на холодном мраморе. Там выбито две даты: 25 октября 1980 — день рождения Нади, 11 сентября 2001 — день, когда ее не стало. День, который он тщетно пытался забыть, накачиваясь текилой.

— Надя умерла.

Ну вот. Он произнес это. Впервые произнес. В глазах курьера — шок и сочувствие.

— Простите. Я уже уйду.

— Стой. — Крис не мог отвести взгляда от розовой коробки. — Что там?

— Я думаю, платье. Отправитель — Дом свадебной моды, — деловито сообщил курьер, сверяясь с бумагой, и тут же осекся. Понял. Виновато отвел взгляд, боясь поднять глаза на Криса.

Платье. Крис протянул руку и коснулся гладкой бумажной поверхности упаковки. Его пальцы дрогнули. То самое свадебное платье, которое Надя увидела в каталоге и в которое влюбилась. Он никогда его не видел. Слышал только с ее восторженных слов, что оно — чудесное, волшебное, сказочное. Надя любила сказки и верила в чудеса. В день своей свадьбы она хотела побыть настоящей принцессой, и это платье, которое она заказала за три месяца до торжества по каталогу, было частью ее мечты. Надина мечта умещалась в коробке легкомысленного розового цвета с белой лилией на крышке. А сама Надя теперь была...

Нет, Крис стиснул зубы. Только не думать, не представлять, как там его девочка в узком деревянном ящике в нескольких футах под землей. Она не там. Там — не она. Его Надя сейчас гуляет в венке из солнечных зайчиков по цветущему тюльпанному полю — такому, куда ее обещал отвезти Крис в медовый месяц. В красивом летящем платье, с лентой в распущенных волосах. Как и положено принцессе. И ждет его. Почему же, черт побери, он еще здесь?

— Простите. Мне надо идти. — Курьер шагнул в сторону, и рука Криса, еще секунду назад лежавшая на коробке, поймала воздух.

— Я возьму ее.

— Что? — Курьер посмотрел на него в замешательстве.

— Я возьму коробку, — твердо повторил Крис. — Все в порядке. Где расписаться?

— Она не оплачена до конца. — Курьер снова сверился с бумагой. — С получателя еще пятьсот долларов. — Он с сомнением поднял глаза. — Будете оплачивать?

— Буду.

Резко развернувшись, Крис направился к столу за бумажником. Только бы в нем нашлась нужная сумма! Поддрагивающими пальцами он принялся считать купюры. Сотня, две, три, два полтинника, десятки, центы... Не хватало каких-то пятнадцати баксов!

— Вот! — Он сунул курьеру ворох купюр и пригоршню монет. — Посчитай пока.

Отстранив парня, он вышел в коридор и нетерпеливо заколотил в соседскую дверь. Только бы Брайен был дома, только бы у него была наличка... Брайен — свой парень, хоть и крутой адвокат. И уж деньги у него всегда водятся.

— Крис? — Голос был безжизненным и чужим.

Из открытой двери словно повеяло холодом, черный провал неосвещенного коридора вдруг показался ходом в преисподнюю, а в бледном худощавом пижоне в черном смокинге, напомнившем ему владельца похоронного бюро, Крис не сразу признал своего веселого соседа. Сколько же он его не видел? Месяца три, четыре? Или больше? Последний раз они выбирались на утреннюю пробежку в расположенный рядом парк еще в начале весны. Потом Криса захватили свадебные хлопоты, было не до пробежек, да и он сам невольно стал избегать соседа, специализирующегося на бракоразводных процессах и оттого весьма цинично относившегося к супружеству. Когда Крис сообщил Брайену, что женится, тот первым делом предложил составить брачный контракт, чтобы русская жена не отсудила половину родительского бизнеса после развода. Крис тогда долго не мог понять, что Брайен такое говорит и какое отношение это имеет к нему с Надей. А когда понял, едва не спустил приятеля с лестницы за то, что тот усомнился в истинной любви к нему русской невесты. Заходил ли к нему Брайен потом, чтобы выразить свои соболезнования? Крис совершенно этого не помнил. Он просто смотрел в белое, как мрамор на могиле Нади, лицо соседа, на котором вместо привычной усмешки поселилось незнакомое ему хищное выражение, и надеялся, что у того найдется без малого пятнадцать долларов.

— Сколько? — Брайен удивленно выгнул бровь, и надменное выражение его лица сменилось привычным лукавством.

— Четырнадцать долларов и тридцать центов, — нервно повторил Крис.

Брайен молча развернулся и исчез в черной дыре, в которой было невозможно различить привычных контуров его квартиры. На мгновение Крису даже захотелось шагнуть туда без спросу, погрузиться в эту непроглядную тьму и, быть может, очутиться в другом мире.

— Держи. — Сначала из темноты показалась рука с сотней долларов, потом выступил и сам Брайен. В другой руке он держал раскрытый бумажник, так что в прозрачном кармашке было заметно черную пластиковую карту с золотыми буквами VIP, которую Крис раньше не видел.

— Мне не нужно так много.

— Мельче нет. Берешь? — Брайен нетерпеливо взмахнул купюрой, и Крис выхватил ее из руки соседа.

— Я сожалею о том, что случилось с твоей невестой, — донеслось ему вслед.

Значит, после похорон Нади они все-таки не встречались, равнодушно отметил Крис. Вернувшись к курьеру, он сунул ему сотню, сгреб в горсть все десятки и мелочь и хотел отдать их Брайену. Но дверь соседа уже оказалась запертой, и Крис решил вернуть долг позже и в полном объеме. А пока он дождался, пока курьер пересчитает купюры, расписался за доставку и забрал коробку, в которой лежала Надина мечта.

Вернувшись в квартиру, Крис, осторожно обходя валявшиеся повсюду пустые бутылки, направился в спальню. Это было единственное место в квартире, где сохранился порядок. Потому что он не переступал порога спальни с тех пор, как раздался тот последний звонок.

У закрытой двери спальни Крис помедлил, сделал резкий вдох и глотнул воздуха, как текилы из горлышка бутылки. Толкнул дверь. Переступил порог. И отчетливо услышал тот звонок, разделивший его жизнь на «до» и «после».

Воспоминания нахлынули на него с жадностью голодного зверя, окутали едва

уловимым цветочным шлейфом Надиных духов, которые еще хранило покрывало на кровати, и он провалился в одиннадцатое сентября.

Крис проснулся по будильнику в семь тридцать утра. Сегодня прилетает Надя. Ее не было всего три дня, но казалось — целую вечность. Он бы поехал с ней, но ее командировка в Бостон была учебной, а дела отца требовали присутствия Криса в Лос-Анджелесе. Сегодня он взял выходной, чтобы встретить Надю. А пока надо узнать, как она там.

От родного голоса в трубке сердце забилося чаще, как после тренировки в бейсбол, а солнце за окном сделалось ярче, словно его включили на полную мощность.

— Сижу в аэропорту, скучаю, жду посадки, — с улыбкой поведала Надя.

— Считаю минуты до твоего приезда, — признался Крис.

— Я скоро! — рассмеялась Надя. — О, объявили посадку. Уже лечу, любимый!

— До встречи в аэропорту. Хочу скорей тебя обнять.

Положив телефон на кровать, Крис взволнованно взъерошил волосы и огляделся. Сначала — добежать до французской булочной, где продаются любимые Надины круассаны, а еще багет с тонкой хрустящей корочкой, ломтики которого превращаются во вкуснейшее лакомство на свете, если их намазать арахисовым маслом. Потом надо навести порядок в доме и ехать в аэропорт. На все про все — меньше шести часов.

Улицы были полны народу, утренний воздух еще не утратил прозрачности и свежести. Счастливейший день для Криса (он увидит Надю!) был обычным днем для миллионов горожан, спешивших на работу.

По пути Крис в очередной раз задумался над словами клятвы, которые скоро скажет Наде у алтаря. Он уже тайком от невесты начал учить русский, чтобы произнести клятву на родном для нее языке. И пусть его не поймет никто из присутствующих, кроме самой Нади и ее родни, главное, что его услышит она — единственная, для которой эти слова предназначены. Может, начать с их первой встречи?

«Моя любимая Надя, я точно могу назвать тот день, с которого начался мой отсчет счастья. Это седьмое июня. День, когда я встретил тебя. Ты стояла на остановке автобуса, вся в солнечном сиянии, и пылинки в воздухе вокруг тебя казались золотой пылью. Ты была такая красивая, такая воздушная, такая неземная, что у меня впервые в жизни перехватило дыхание. Я посмотрел на тебя и сразу понял: эта прекрасная девушка будет со мной, мы поженимся, и у нас будет большая семья — много детей, просторный дом, внуки... Тут подошел автобус, и ты собралась уехать. И тогда я понял, что ты — мой единственный во всем мире шанс прожить счастливую жизнь. Моя вторая половинка. Моя любовь. Моя мечта... И я шагнул следом за тобой».

Нет, Крис с улыбкой покачал головой, слишком долго, слишком пафосно... Откуда только взялись такие слова? Он раньше и не знал, что способен на романтику. А сам продолжал вспоминать, как запрыгнул следом в автобус, как сел рядом с Надей и как не решался начать разговор. Вместо того чтобы сказать: «Привет! Как тебя зовут?», на языке вертелось: «Выходи за меня замуж!» Но нельзя было так с ходу огорошить незнакомку. Крис выбрал для знакомства удачные слова — Надя улыбнулась, оставила свой телефон и позволила проводить себя до дома. Он ухаживал за ней очень осторожно, боясь испугать и оттолкнуть своим напором, сходя с ума от ее загадочных улыбок и не понимая, что на самом деле значит для нее. Надя призналась уже намного позже: влюбилась в него с первого взгляда, но боялась показаться слишком доступной. Какое счастье, что теперь между ними нет никаких недоговоренностей и можно целовать любимую, не боясь навлечь на себя ее гнев и зная, что она ответит с такой же страстью... Невозможно представить, что этот трепет губ, эта пылкость рук когда-то угаснут. Только не у них с Надей. Крис был твердо убежден, что с каждым годом их любовь будет становиться только сильнее...

«Сейчас я стою с тобой перед алтарем и завидую сам себе. Чем больше я узнаю тебя, тем больше люблю, — сами собой родились слова. — Чем дольше мы вместе, тем сильнее мое счастье. Никакие слова на свете не скажут, насколько ты дорога мне».

Хорошее начало для свадебной клятвы, удовлетворенно улыбнулся Крис, входя в двери французской булочной. А остальное он сочинит потом...

На обратном пути Крис заглянул в супермаркет за апельсинами. Подумал, что к круассанам нужно непременно приготовить свежесжатый сок. Хотя лично он предпочитал кофе, но Надиным любимым напитком был апельсиновый фреш. Чего не сделаешь, чтобы ее порадовать! Но это уже потом, когда он привезет Надю из аэропорта... А пока с бумажным пакетом в руках он торопился по лестнице на свой этаж.

Звонок мобильного он услышал еще сквозь запертую дверь. Надо же, забыл телефон дома! Так спешил, что и не вспомнил о нем.

Крис торопливо открыл дверь, поставил на пол бумажный пакет, прислонив его к стене, но тот моментально опрокинулся, и оранжевые апельсины рассыпались по всей прихожей. Мобильный все звонил откуда-то из спальни. Настойчиво, нервно, тревожно. «Кто же это может быть?» — гадал Крис, торопясь ответить на вызов. Надя еще в пути, в офисе только начался рабочий день — кому он мог понадобиться в такую рань?

Мобильный высвечивал любимое имя: Надя, и сердце сразу затопило блаженством.

— Надя! — Крис радостно прижал трубку к щеке. — Ты что? Ты где? Только не говори, что ты уже прилетела, милая. Рейс отложили? Тебя задерживают? Говори же скорей, я не вынесу, если ты прилетишь хоть на час позже.

— Крис... — Голос Нади был странно тихим и встревоженным. Из трубки доносились какие-то шумы — множество разговоров на фоне ровного гула и долетавшего откуда-то издали строгого окрика. — Как хорошо, что я до тебя дозвонилась! Ты не брал трубку, и я уже подумала, что...

— Надя, любимая, что...

Он не успел договорить, Надя решительно перебила его:

— Милый, подожди, дай мне сказать. У меня мало времени. Самолет захватили террористы. Пилот убит. Они изменили курс и летят на Манхэттен, хотят врезаться в одну из башен-близнецов. — Голос Нади был таким ровным и отстраненным, что Крис не сразу понял смысл тех страшных слов, которые она произносила. — Я не прилечу, Крис, — голос Нади сорвался, — самолет не приземлится.

Показалось — на него обрушилось небо. Стало нечем дышать, как тогда, когда противник из бейсбольной команды сбил его с ног и Крис со всего размаху ударился головой о землю.

— Надя! — Голос не слушался, он разом позабыл все слова. Кроме одного — ее имени, единственного, что наполняло светом его мир и придавало ему смысл.

— Крис, милый, — успокаивающе проговорила Надя, — послушай меня. Я люблю тебя больше всего на свете. Я была так счастлива с тобой, что сама не верила этому счастью...

Рядом с Надей раздался какой-то звериный крик, и она торопливо прошептала:

— Прости, нам велели отключать телефоны. Люблю тебя, Крис, люблю, люблю. Помни меня и постарайся быть счастливым. Я хочу этого больше всего на свете.

Из трубки полились короткие гудки, каждый из которых выстрелом входил в сердце Криса, разрывая его в клочья...

С тех пор прошло семь лет, а сердце по-прежнему болит, ноет, как вырванный зуб. Надю точно так же насильно и безжалостно вырвали из его жизни, но она так крепко вросла в его сердце, что по-прежнему жива в нем. Ее взгляд, ее улыбки, ее смех... Кажется, вот-вот хлопнет входная дверь и Надя обовьет его шею руками, окутает ароматом своих волшебных духов, прошепчет «люблю» на ухо и поцелует в губы.

Но этому не бывать. Надя не знает его нового адреса в Нью-Йорке, куда он переехал из родного города, где все напоминало ему о ней. Ее самолет не приземлился. Он навсегда остался в небе. Это не его обломки смешались с руинами башен-близнецов, не Надины останки лежали в том закрытом гробу, который похоронен на Вествудском кладбище.

Он нашел утешение в возмездии. Услышав предложение вампира, которого привел к нему Брайен вскоре после появления курьера со свадебным платьем, Крис не сомневался ни

мгновения. Жить без Нади было невыносимо. И только уничтожение террористов придавало жизни какой-то смысл. За годы работы Гончим он провел несколько важных операций, отведя от жителей родной страны смертельную угрозу. Кто-то из них проживет до старости, кто-то сохранит детей и близких, кто-то произнесет свои клятвы у алтаря...

Только Надю уже не вернешь. Ее свадебное платье по-прежнему ждет свою хозяйку, запертое в опустевшем шкафу. Там же стоят туфли-лодочки, купленные Надей еще раньше. А рядом висит черный свадебный смокинг Криса.

Иногда Крис приходит сюда, открывает шкаф и прижимается щекой к гладкому шелку. А потом закрывает глаза и начинает произносить слова свадебной клятвы, вспоминая слова неродного ему языка, на котором говорила Надя. Неважно, что свадьбы не было. Он готов приносить клятву верности Наде снова и снова.

Подъехать к главному входу не получилось. Неподалеку начиналась существенная пробка, и мы решили пройти пешком по тротуару, тем более что вечеринка уже пятнадцать минут как началась. Я запрокинула голову, пытаюсь рассмотреть нужный нам сто второй этаж.

— Хочешь подняться наверх пешком? — внезапно спросил Вацлав.

Я в изумлении округлила глаза:

— Ты шутишь?

— А что, слабо? — поддразнил меня он. — Всего каких-то тысяча восемьсот шестьдесят ступеней — и мы наверху. Между прочим, здесь ежегодно проводятся соревнования по бегу на верхний этаж. Рекорд — десять минут.

Я с сомнением посмотрела вверх — крыша здания снизу даже не просматривалась — и категорично покачала головой.

— Как-нибудь в другой раз.

Не в этом платье, которое узковато мне в талии (невеста Криса, видно, совсем была дюймовочкой), и не в этих туфлях на полразмера меньше.

У входа тянулась большая очередь туристов. Я слышала, как люди возмущаются, что вторая смотровая площадка закрыта на частное обслуживание. На нас, разодетых как для красной ковровой дорожки, взглянули кто с любопытством, кто с завистью, кто с осуждением. Но тут внимание толпы привлекла остановившаяся у входа машина.

— Смотрите, Джастин Тимберлейк! — в восхищении вскрикнула девочка-подросток и вскинула свою мыльницу, торопясь поймать кумира в объектив.

— Наверное, на ту самую закрытую вечеринку, — с придыханием добавила ее соседка по очереди.

Джастин, если это был он, исчез за дверями, и мы прибавили шаг. Находиться в легкой одежде на февральском сквозняке было не очень приятно.

Войдя внутрь, мы попали в большой, залитый светом холл, занимавший в высоту не меньше трех этажей. Я засмотрелась на панно с изображениями семи чудес света — к общеизвестным египетским пирамидам, висячим садам Семирамиды, статуе Зевса, Колоссу Родосскому, Александрийскому маяку, Мавзолею в Галикарнасе и храму Артемиды было добавлено изображение здания, в котором мы находились. Да уж, самомнение у американцев — обзавидуешься!

Скоростной лифт доставил нас наверх, и, предъявив приглашение, мы попали на площадку, за высокими окнами которой разливался огнями ночной Нью-Йорк. Мы пришли одними из первых, народу пока было немного. На площадке царил полумрак, разбавленный приглушенным светом ламп, негромко звучал чарующий переливчатый блюз. За фуршетным столом высокий чернокожий бармен искусно разливал шампанское в пирамиду из бокалов. Искристое вино лилось в верхний бокал, постепенно наполняя нижние. Красивое зрелище! Вот только зрителей у него не было: редкие гости разбрелись по залу и оживленно переговаривались между собой.

Я с любопытством оглядела собравшихся: ньюйоркцы как будто сошли со страниц

модных журналов, но никого из звезд я среди них не увидела — наверное, знаменитости появляются позже. Не обнаружила я и той, ради кого мы сюда приехали, и разочарованно заметила:

— Ее здесь нет.

— Подождем, — спокойно откликнулся Вацлав.

Такое чувство, что работа Гончим приучила его к терпению, и даже многочасовое ожидание не способно выбить его из колеи.

— Видишь кого-нибудь из наших? — полюбопытствовала я, скользнув взглядом по публике и пытаюсь определить, кто из них может состоять в Клубе.

— Пока нет. Идем. — Вацлав приобнял меня за талию и увлек к окнам. — Посмотришь на город.

Я припала к стеклу и ахнула. С высоты почти четырехсот метров под нами распростерся ночной Нью-Йорк. Куда ни глянь — миллионы огней, от мощных прожекторов, освещавших крыши других небоскребов, до крошечных окон в домах. Кажется, будто небо опрокинулось на землю и все звезды теперь блестят там, внизу. Узкие ленты улиц, подобно золотым змеям, опоясывают кварталы. Изумрудные ожерелья мостов перекинута через черные зеркала рек, неоновым свечением разливается реклама на Таймс-сквер, и от всего этого великолепия захватывает дух.

Вацлав положил руки мне на плечи, коснулся поцелуем виска:

— Ну как?

— Сказочно! — Я с восторгом обернулась к нему и замерла. Оказывается, самые яркие звезды были совсем близко, в глазах Вацлава.

Он провел пальцами по моей щеке, и я вся затрепетала от этой невинной ласки. А потом потянулась к нему и привстала на цыпочки, чтобы испытать до дна нежность его губ. Огни Нью-Йорка подмигнули нам снизу, и я почувствовала себя на седьмом небе. Но поцелуй не продлился долго: внезапная вспышка озарила полумрак площадки рядом с нами, я отпрянула от Вацлава и увидела нацеленный на нас объектив профессиональной камеры. Однако фотограф, полный невысокий мужчина лет сорока, уже потерял к нам интерес и обернулся в сторону только что вошедшей высокой блондинки со стильным каре, одетой в синее вечернее платье.

— Зачем он нас снял? — с подозрением спросила я.

— Это его работа, — не выразил беспокойства Вацлав. — Репортеры снимают все подряд, а потом из сотни кадров отбирают два-три стоящих.

— И ты конечно же уверен, что мы в это число не попадем, — с обидой заметила я.

— Если только он не соберется выставить наш снимок под названием «Поцелуй на вершине Эмпайр-Стейт-Билдинг»¹² где-нибудь на выставке. А что, фон, должно быть, умопомрачительный — весь Нью-Йорк у наших ног. Да и мы тоже ничего, а? — Он картинно поправил бабочку и изобразил досадливую гримасу. — В конце концов, ради чего тогда эти мучения?

Я рассмеялась, представив, как неудобно должно быть Гончему в этом костюме. Его губы лишь тронула улыбка. Внезапно я подумала, что за время нашего знакомства я ни разу не видела Вацлава смеющимся. Как бы мне хотелось услышать его смех!

— Ты должен обязательно отловить папарацци и уничтожить снимок, — серьезным тоном посоветовала я. — Если фотография попадет на глаза твоим подчиненным, твоя репутация будет безнадежно испорчена.

— Ты права. Я сейчас же перекушу ему глотку. — И Вацлав шагнул в сторону так быстро, что я едва успела поймать его за рукав.

¹² Вацлав намекает на знаменитый снимок фотографа Робера Дуасно «Поцелуй у здания муниципалитета». Черно-белый снимок был сделан в 1950 году, однако славу снискал лишь в 1986-м, когда с него был отпечатан плакат. Это одна из самых знаменитых фотографий всех времен и народов, символ Парижа, молодости, любви и весны.

— Ты куда?

— Принесу напитки. Хочешь шампанского? Или минералки?

Я быстро оглядела площадку на предмет зеленых чертей. К счастью, таковых здесь не наблюдалось. Может, они боятся высоты? Или дело в том, что вечеринки с шампанским здесь редки, а все чаще тут толпятся туристы? Но даже в отсутствие духов мысль о шампанском отозвалась тошнотой в желудке. Похоже, я теперь ни капли алкоголя в рот не возьму, даже если это будет самое изысканное вино, которого на весь мир — две бутылки.

— Минералки, — попросила я. — Можно сока.

Оставшись одна, я отвернулась к окну, замороженная ночной панорамой Нью-Йорка. Наверное, Москва не менее красива с такой же высоты, но со смотровой площадки на Воробьевых горах подобного великолепия не увидишь, а небоскребом в сто два этажа родной город пока похвастаться не может. Душа ликовала от этой красоты, на губах еще не остыл поцелуй Вацлава, и никакое шампанское в мире не могло бы сделать меня еще счастливей, чем сейчас.

За спиной раздался стук каблучков, и я обернулась, подумав, что это может быть Пандора. Но мимо прошла та самая высокая блондинка в синем, к которой от нас переметнулся фотограф. Я залюбовалась ее длинным платьем без бретелек и с элегантной драпировкой лифа. Она тоже с интересом скользнула по моему наряду, подняла глаза на лицо и, не узнав, равнодушно отвернулась. А вот ее лицо показалось мне знакомым. Но не успела я поломать голову, как блондинка остановилась расцеловаться со своими приятельницами, и я услышала:

— Ума! Прекрасно выглядишь!

Да это же Ума Турман собственной персоной! Мне вспомнились строчки песни, посвященной актрисе: «Мы в России народ простой, я тебе сразу скажу: «Здорово!», и я не сдержала смехок. Интересно, как бы отреагировала актриса на такое оригинальное приветствие? Не отводя взгляда, я попыталась представить, каково это — быть Умой. Красивой, известной, успешной женщиной, любимицей Тарантино, образцом хорошего вкуса. Платье от модного дизайнера, стрижка от лучшего стилиста, туфли знаменитого бренда, невесомая сумочка-клатч в руке, безупречный французский маникюр. Я мысленно примерила их на себя, взглянула на окружающих с высоты роста актрисы, ее глазами. Она знает, что выглядит на миллион долларов, и чувствует на себе многочисленные взгляды любопытных. Она к ним привыкла, они ее ничуть не смущают, вот только туфли немного жмут... Но нельзя подать виду. Она обменивается приветствиями с приятелями, оборачивается к подскочившему репортеру и любезно дарит улыбку его фотокамере. Как все они надоели! Но это его работа. И ее тоже. На съемочной площадке она актриса, на которую может накричать режиссер или коллега, за ее пределами она звезда. У звезд нет рабочего дня, они должны светить круглые сутки. Нельзя быть уставшей, нельзя быть хмурой, нельзя быть недовольной. Надо играть в успешность, надо лучезарно улыбаться, даже когда на душе скребут кошки... Проклятые туфли, до чего же жмут! Весь день наперекосяк, и этот кастинг, где ее обошла юная выскочка. Еще пара лет, и вместо лихих супергероинь ей начнут предлагать возрастные роли в экранизациях классики или роли стервозных гримз, которые третируют юных Золушек. Как же хочется остановить безжалостное время, как же не хочется стареть... И как же хочется снять эти чертовы туфли и остаться босиком! Но нельзя, придется вынести эту пытку до конца... Где же этот продюсер, с которым ее обещала познакомить Саманта? И почему эта незнакомая темноволосая девчонка, одетая как невеста, так на нее пялится? Какой у нее пронизывающий взгляд, как будто она читает все ее мысли...

Я быстро опустила глаза, и из омута чужих мыслей меня словно выбросило обратно в мой разум. Пальцы левой руки машинально сжались, пытаюсь удержать клатч и не находя его. Я так слилась мыслями с Умой, что и в самом деле почувствовала себя ею и на какой-то миг потеряла себя. Это и есть телепатия? Как это у меня получилось? И смогу ли я это повторить?

Внезапно по моей спине пробежал электрический разряд, и я обернулась, встретившись взглядом с застывшей в пяти шагах Пандорой. Она узнала меня. Она видела меня на парижской вечеринке вампиров, о чем потом рассказывала в Замке Сов. В следующий миг ее внимание привлекло что-то в стороне от меня, и глаза ее еще больше округлились.

— Держи! — Вернувшийся Вацлав протянул мне бокал с минеральной водой.

А потом он заметил Пандору.

— Она?

Я взволнованно кивнула.

А затем Пандора ослепительно улыбнулась и направилась к нам.

Медные кудри выются мелким бесом. Зеленые глаза смотрят пронзительно и насмешливо, как будто все на свете про тебя знают, включая детские шалости и взрослые прегрешения. Пухлые губы изогнулись в усмешке, подбородок гордо вздернут. Рубины в ушах подобраны в тон платью цвета красного вина. Длинное вечернее платье фасона «русалка» — атласное, с бретельками, V-образным вырезом и объемным цветком на талии — делает ее настоящей девушкой-вамп. Тяжелый аромат амбры и пачули в восточном стиле настигает на шаг быстрее, чем его обладательница.

— Какая встреча! — Она понизила голос и стрельнула глазами по сторонам. Вокруг нас любопытных не было. Люди словно подсознательно чувствовали нашу чужеродность и обходили нас стороной, сбиваясь в стайки и обсуждая понятные им темы. — Нечасто встретишь в людном месте членов Клуба. Решили подкрепиться? — Ее взгляд просканировал нас как рентгеном. — Понимаю, здесь собрались самые сливки общества. Трудно устоять. Но не советую. Слишком много папарацци. — Она поморщилась от направленной в нашу сторону вспышки. — Ничто не останется незамеченным. Хотя кому я объясняю правила. Вожак московских Гончих сам кому хочешь их объяснит.

— Раз необходимости представляться нет, перейдем сразу к делу. Где мы можем поговорить? — бесстрастно спросил Вацлав.

— Здесь не самое удачное место, — медленно ответила Пандора.

— Понимаю, — он и бровью не повел, — поэтому повторяю свой вопрос: где мы можем поговорить? Дело не терпит отлагательств. К тому же будет досадно, если кто-то завтра не вылетит в Милан.

Под тяжелым взглядом Вацлава Пандора стушеввалась, и я даже ей посочувствовала. Глядя сейчас на хладнокровного, властного Гончего, жестко формулирующего вопросы, я удивлялась, что еще несколько минут назад мы целовались у окна и он смешил меня, досадуя на галстук-бабочку. Как будто Вацлав, который был там со мной, и Вацлав, который сейчас сверлил взглядом Пандору, были совершенно разными людьми.

— Дайте мне один час, — вымолвила Пандора. — Я закончу свои дела и пойду с вами.

— Час, — кивнул Вацлав. — Встречаемся внизу. И не думай меня обмануть.

Судя по смятению в глазах Пандоры, в ней боролись два желания: сбежать и узнать, что от нее нужно Гончему. И, учитывая ее любопытство, я ставила на второе. Вацлав избрал верную тактику: ни словом не обмолвившись о цели своего визита, он совершенно заинтриговал Пандору. К тому же никак не объяснив мое присутствие, он еще больше разжег ее любопытство. Могу только догадываться, какие версии нашего появления сейчас возникают в голове Пандоры. И самый главный вопрос наверняка в том, знаем ли мы о Жане и его наследстве.

— Я чту наши законы, — усмехнулась она, бросив двусмысленный взгляд на меня. — Ждите меня через час. А пока наслаждайтесь хорошим вечером в приятном обществе.

Резко развернувшись, Пандора направилась в сторону компании, стоявшей у стены. Вацлав проводил ее задумчивым взглядом и спросил:

— Ты хочешь остаться здесь?

Я кивнула:

— Хочу проверить кое-что.

Я смотрела вслед Пандоре и представляла, что это я иду сейчас по проходу. Это мне

фальшиво улыбаются другие люди, мне с неприязнью смотрят вслед. Но мне наплевать. Я чувствую себя хозяйкой положения. У каждого в этом зале есть свои секреты, многие из них мне известны, у каждого есть своя цена. И сегодня я собираюсь продать самый дорогой из них... Внезапно Пандора резко обернулась, и ее взгляд ударил по мне как оплеуха. Мне показалось, будто я, стоя рядом с ней, отлетела на несколько метров. Но я всего лишь вернулась в свое сознание.

— Что ты творишь? — Рука Вацлава до боли стиснула мой локоть.

— Я пыталась прочитать ее мысли, — поморщившись, призналась я. — И мне это ненадолго удалось.

— Не делай так больше. Никогда, — резко сказал он. — Знаешь, что ты только что сейчас пыталась сделать? Применить ментальный допрос.

У меня помутилось перед глазами. В памяти всплыли недавние события. Зал с тремя креслами. Справа — Вацлав, слева — Андрей. Горечь спирта обжигает нутро — так нужно, чтобы не сопротивляться дознанию. Калейдоскоп воспоминаний, внутри которых я оказываюсь. Ураган эмоций — от ослепительного, переполняющего душу счастья до черного, беспросветного горя. Меня заставили заново пережить все самые яркие события моей жизни, и все они стали известны двоим Гончим, проводившим допрос. Андрей выступал обвинителем, Вацлав — защитником. Но какое отношение все это имеет ко мне и к Пандоре?

— Понятия не имею, как тебе это удалось, — проскрежетал Вацлав. — Взломать ментальную защиту вампира под силу только Гончим, и на это должны быть очень веские основания...

— Я просто представила себя ею, — виновато пробормотала я. — Почувствовала, что я — это она. И я была ею несколько секунд.

Вацлав уставился на меня так, как будто я только что призналась, что открутила Пандоре голову.

— Ты слилась с ее разумом? — недоверчиво уточнил он.

— Если ты имеешь в виду, что на какой-то миг я перестала быть собой, то да.

— Что ты узнала? — требовательно спросил Гончий.

— Я думаю, у нее здесь встреча с кем-то. Она кого-то шантажирует. Хочет продать его секрет. Дорого продать.

— Что за секрет? — Его тон начинал напоминать допрос, и это мне не понравилось.

— Не знаю, — неохотно ответила я. — Подробности я выяснить не успела — она обернулась, и меня выкинуло из ее сознания.

— Надеюсь, что она не догадается, в чем дело, — озабоченно проговорил Вацлав и до боли стиснул мне руку. — Жанна, ты даже не представляешь, что это значит.

— Ну так объясни мне. — Я выдернула руку.

— Последний лорд в совершенстве владел слиянием, — с угрюмым видом произнес Вацлав. — Он мог не просто узнать чужие мысли, он мог войти в сознание человека или вампира и управлять им, заставляя выполнить свою волю.

— Это как зомби? — ошарашенно выдавила я.

— Что-то вроде того, — мрачно подтвердил он. — Только человек потом считал, что сам подписал какой-то документ или убил человека, просто действовал в состоянии аффекта. — Он смерил меня пронизывающим взглядом, от которого мне захотелось провалиться сквозь землю. — Многие вампиры стремились овладеть этим уровнем развития телепатии, но еще никому этого не удалось. Время от времени появляются вампиры с похожими умениями, но это не слияние в чистом виде. Например, из убитых Инессой вампиров к слиянию были близки Марк Шальнов и Филипп Златовратский. Марк, когда пил кровь у людей, мог видеть всю их жизнь, ощутить себя ими. Это помогало ему перевоплощаться в свои театральные роли, но у людей после этого наступала полная амнезия и потеря личности.

— И вы ему разрешали? — оцепенела я.

— Он кое-что делал для Клуба, так что ему давались поблажки, — сухо ответил Вацлав. — С вампирами, как понимаешь, его штучки не проходили, и его дар, редчайший, кстати, среди нас, не считали опасным. У Филиппа была удивительная способность к эмпатии, он тонко чувствовал эмоции и желания людей и вампиров. Старейшины не раз обращались к нему с просьбой просканировать того или иного вампира или человека. Но дар Филиппа тоже не был слиянием — он мог лишь почувствовать, что у человека на сердце, управлять чужой волей он не мог. — Помолчав, Вацлав тяжело добавил: — В Пражском договоре отдельно прописан пункт о слиянии. Вампир, который овладеет им, обязан немедленно поставить в известность старейшин местного Клуба, иначе автоматически становится преступником. Если же Гончий станет свидетелем подобного воздействия, он должен немедленно взять объект под стражу.

Мне показалось, что в мое сердце всадили обойму из пистолета.

— Ты собираешься меня арестовать? — глухо спросила я.

— А разве у меня есть на то причины? — тихо откликнулся он. — Я ничего не видел.

— Тогда посмотри. — Я стремительно оглядела собравшихся: со времени нашего появления народу значительно прибавилось, и выбор расширился. Что бы такое устроить? Заставить вон ту брюнетку в коротком черном платье вылить шампанское в лицо соседки? Не надо быть телепатом, чтобы понять, что за ее фальшивой улыбкой лютует ненависть. Но нет, какое право я имею вмешиваться в чужую жизнь. Подбить фотографа станцевать стриптиз? Нет, нельзя выставлять человека на посмешище.

— Не надо. — Вацлав предупреждающе тронул меня за плечо.

— Смотри, — прошептала я, остановив взгляд на эффектной блондинке с высокой прической, заколотой шпильками, в сиреновом платье с глубоким вырезом на спине, которая с улыбкой приняла бокал из рук своего мужественного кавалера. Какое там основное отличие слияния от гипноза — отсутствие зрительного контакта? Девушка стояла спиной к нам. — Сейчас она распустит волосы.

Мгновение — и это уже я держу бокал, отпивая из него глоток, и возвращаю его своему спутнику. Какая дурацкая идея сделать вечернюю укладку! Пальцы нащупывают шпильки и начинают проворно вынимать их из прически, выпуская на свободу тяжелые густые пряди. Не больше минуты — и вот уже локоны красивым каскадом рассыпались по плечам, а ненужные шпильки летят в сумочку «Луи Виттон»...

— Прекрати. — Вацлав тряхнул меня за плечо, и я вернулась. — Я тебе верю. Что дальше?

— Арестуй меня. — Я с вызовом вскинула глаза.

— Дурочка. — Он до боли стиснул меня за плечи. — Я же защитить тебя хочу. Ты хоть понимаешь, чем тебе это грозит? Ты же ходячее психотропное оружие. Ты осознаешь, какая власть в твоих руках?

— Да что в этом такого-то? — зашипела я. — Можно подумать, вы и так не заставляете людей плясать под свою дудку? Вы ведь умеете гипнотизировать?

— Гипноз — не то же самое, что слияние. Как же тебе объяснить. — Вацлав запнулся, — это как кирпич и снайперская винтовка. И то и другое — оружие. Но чтобы оглушить кирпичом, надо оказаться рядом с объектом, и тогда поблизости будет уйма свидетелей. А винтовкой можно «снять» человека на расстоянии и уйти незамеченным. Про эффект я уже не говорю. Кирпич — орудие непредсказуемое. А винтовка бьет точно в цель. Понимаешь?

— Немного, — растерянно кивнула я.

— Гипноз — тот же кирпич, — нетерпеливо пояснил Вацлав. — Слияние — та же винтовка. Чтобы ударить по человеку гипнозом, нужен зрительный контакт. Для слияния достаточно просто видеть объект, даже на большом расстоянии. Эффект гипноза нельзя предугадать. Человек может оказаться невосприимчивым к воздействию. Слияние действует на всех. Гипнотизируя, приказываешь. А сливаясь с объектом, сам становишься им и выполняешь задуманное. Загипнотизированный впоследствии всегда сознает, что подвергся

воздействию. Тот, к кому применили слияние, объясняет свои поступки временным помутнением рассудка, как будто на него что-то нашло. Но ему и в голову не приходит, что над ним кто-то поработал. Кроме того, загипнотизировать можно только человека. Слияние можно применить и к вампиру.

Кажется, я начинала сознавать. Применив слияние, можно повлиять на решения старейшин, смягчить приговор Гончих, совершить убийство чужими руками, вмешаться в политические интриги... Вот только ничего этого я делать не собиралась. Но кто же мне поверит? Вот ведь влипла! Прежде меня считали потенциально опасной психопаткой только потому, что во мне течет кровь Жана. И я даже не успела предъявить миру своих двенадцать кровных сестричек, безупречная репутация которых переломила бы общественное мнение обо мне, как на меня свалилась еще большая напасть.

Блондинка в сиреновом повернулась к нам лицом. Ее кожа оказалась совсем бледной, а глаза — светлыми. Губы, покрытые розовым блеском, внезапно тронула загадочная улыбка. Она отсалютовала нам бокалом, и у меня на лбу выступила испарина.

— Она все поняла? — выдавила я.

— Она вампир! И приветствует своих. — Вацлав ответил ей, приподняв свой бокал, а затем резко повернулся ко мне и приглушенно прорычал: — Жанна, ну что ты за ходячая неприятность?! Только ты из всех людей в зале для демонстрации своих способностей могла выбрать вампира!

— Ты хочешь сказать, это оно? — слабо уточнила я. — Слияние?

Он отрывисто кивнул, и пол под моими ногами пошатнулся.

— Да уж, ты меня убедила на все сто процентов.

— Что же теперь делать? — Я в смятении подняла взгляд на Вацлава.

— Пока ничего. — Он стиснул мою руку. — Ты ничего не делала, я ничего не видел. Вернемся в Москву — расскажешь обо всем Аристарху, будем думать вместе. А пока, пожалуйста, держи себя в руках и больше не повторяй подобных экспериментов. Не забывай, что, кроме меня, есть другие Гончие. Не говоря уж об обычных вампирах. Распознать слияние крайне сложно, оно относится к области мифов. Но кто-то может что-нибудь заподозрить. Не подставляй свою голову. Обещай мне.

Вацлав взглянул на меня с таким отчаянием, как будто от моего ответа зависела его собственная жизнь.

— Обещаю, — выдохнула я.

— Вот и умница. — Он притянул меня к себе и поцеловал в висок. — А пока нам стоит сосредоточиться на Пандоре.

— Вацлав, — настороженно произнесла я, быстро оглядев присутствующих. — Я ее не вижу.

Рыжая бестия исчезла. Вацлав покрутил головой, проверяя мои слова, нахмурился, но не подал тревоги.

— Не волнуйся. Она никуда не денется. Если, как говоришь, она кого-то шантажирует, вряд ли она будет беседовать с ним здесь. Скорее всего найдет способ остаться наедине.

Мы прождали еще минут двадцать, но Пандора так и не появилась. Зато у Вацлава зазвонил телефон.

— Вацлав, что происходит? — услышала я резкий голос Криса. — Где вы?

— Мы на вечеринке, — коротко доложил Гончий. — Пандора куда-то отлучилась, ждем ее возвращения.

— Спускайтесь вниз, — велел Крис и отключился.

— Идем. — Схватив меня за руку, Вацлав сорвался с места и наскочил на фотографа, который замер с фотоаппаратом в проходе. Толстячок с досадой вскрикнул, но Вацлав даже не обернулся.

Скоростной лифт, который домчал нас наверх, как ракета, сейчас двигался непозволительно медленно.

— Как думаешь, что случилось? — несмело спросила я.

Вацлав только качнул головой — к прогнозам он был не расположен. Он привык работать с фактами. Наконец лифт остановился.

Мы выскочили в подозрительно опустевший холл. На улице раздавались взволнованные крики, молниями сверкали фотовспышки, откуда-то издали донеслась полицейская сирена.

Я еще не хотела верить в то, что было очевидным. Но Вацлав уже выскочил на улицу и сразу же обернулся, загораживая мне обзор:

— Не смотри.

— Это Мэри Саливан, — услышала я переговоры зевак. — Разбилась насмерть. Бедняжка, такая молодая. Как думаете, она сама прыгнула?

— Так ей и надо, стерве, — зло произнес кто-то в толпе. Я резко обернулась на голос, но не заметила говорящего.

Сигнал сирены становился все ближе. Полицейская машина вывернула из-за угла перекрестка и затормозила на другой стороне улицы. Полицейские высыпали из фургона, бросились перекрывать дорогу и огораживать место происшествия, оттесняя в сторону многочисленных зевак и налетевших репортеров.

— Надеюсь, вы тут ни при чем, — мрачно сказал Крис, возникая рядом. — Поговорить-то хоть успели?

Вацлав нервно дернул подбородком:

— Она мертва?

— Мертвее не бывает, — констатировал Крис. — Падение с такой высоты смертельно и для вампира. Не заметили ничего подозрительного?

Вацлав виновато покачал головой.

— Надо проверить ее вещи, — торопливо посоветовала я. — Ищите фотографии, диск или флэшку. Хотя вряд ли что-то сохранилось при падении. У нее с собой должна была быть какая-то информация, которой она...

У меня перехватило дыхание от силы, с которой Вацлав стиснул мой локоть. Теперь синяка не избежать!

А Вацлав уже перебил меня, спеша поведать Крису:

— Возможно, Пандора кого-то шантажировала. На вечеринке у нее была назначена какая-то важная встреча. Из-за нее она попросила отложить наш разговор на час.

— Почему ты думаешь, что дело в шантаже, а не в тайном свидании? — деловито уточнил Крис. — Ты слышал что-то конкретное?

Я поймала отчаянный взгляд Вацлава, направленный на меня. Он предупреждал меня, что приятель не должен узнать о слиянии, которое я проделала с Пандорой.

— Это лишь мои домыслы, — пожал плечами Вацлав. — Вряд ли возлюбленный стал бы выбрасывать ее из окна небоскреба. Во всяком случае, это точно не самоубийство. Когда мы разговаривали с ней около часа назад, Пандора выглядела весьма довольной жизнью и не помышляла о смерти.

— Я так и думал, — кивнул Крис. — Я вызвал своих парней, начнем расследование по горячим следам. Посмотрим камеры службы безопасности, опросим свидетелей. Вам, ребята, тоже пока придется задержаться.

— О чем речь. Можно мне тоже с вами? — Вацлав рвался в бой.

— Нет проблем.

— А как же я? — Я тронула его за рукав. Обо мне, кажется, все забыли.

Вацлав, как мне показалось, с досадой взглянул на меня как на помеху.

— Крис, если к Жанне пока нет вопросов, я отвезу ее к тебе.

— Возьми мою тачку. — Крис вложил в руку Вацлава связку ключей. — И возвращайся.

— Я тоже хочу быть полезной, — несмело сказала я.

Но Вацлав и Крис так посмотрели на меня, что я тут же стушевалась. Ну да, куда уж мне в дизайнерских джинсах в стройотряд.

— Хорошо, — пробормотала я, — не буду вам мешать.

Крис направился к полицейским, а мы двинулись в обход.

Проходя мимо места происшествия, я удержала Вацлава за плечо:

— Дай мне минутку.

Я протолкалась через толпу зевак. Пандора сломанной куклой лежала на проезжей части, и я подняла глаза от асфальта прежде, чем разум успел осознать тошнотворные подробности ее гибели. Я пришла сюда не за этим. Я надеялась, что дух Пандоры задержался рядом с телом. Но призрака рыжей нигде не было. Я вернулась к Вацлаву.

— Ничего? — коротко спросил он, понимая, для чего мне понадобилось расталкивать зевак.

Я неутешительно покачала головой и поежилась на ветру. Все-таки платье с открытыми плечами — не лучший наряд для середины февраля. Через секунду мне на плечи лег смокинг Вацлава. Приобняв, Гончий повел меня к машине.

— Как думаешь, — спросила я, когда мы отъехали от места происшествия, — все дело в шантаже?

— А у тебя есть другие версии? — отрывисто спросил Вацлав.

— Что, если в ее смерти виноваты мы? — несмело предположила я.

— Только не говори, что ты решила проверить свои способности в слиянии, заставив Пандору спрыгнуть с высоты, — мрачно ответил он.

— Конечно нет! Просто так странно... Она обещала поговорить с нами и вскоре после этого погибла. Что, если кто-то не хотел, чтобы наш разговор состоялся?

— Эту версию не стоит исключать, — не стал спорить Вацлав. — И после того, что случилось, мне придется сказать Крису о цели нашего визита в Нью-Йорк. Как глава Гончих он имеет право требовать правды. Думаю, мне удастся настоять на том, чтобы информация о двенадцати вампирах, инициированных Жаном, до поры до времени осталась строго между нами. И все-таки сомневаюсь, что дело в нашем появлении. Основная версия — шантаж. Пандора заигралась в своих интригах и, видимо, перешла дорогу крупному человеку, за что и поплатилась. Но ни слова о том, что ты прочитала в ее мыслях! — строго предупредил он. — Крис, конечно, мой друг, но все же он Гончий. Он и сам докопается до истины, а твои свидетельства ставят тебя под угрозу.

— Есть, босс, — угрюмо отозвалась я. — Ты думаешь, ее убил человек или вампир?

— Оба варианта возможны. По характеру преступления этого не определишь. Ясно только одно: у Пандоры было очень много недоброжелателей. И ее смерть многими будет встречена с облегчением.

Мне на миг стало жаль красивую, неглупую девушку, погрязшую в интригах. Вместо того чтобы наслаждаться жизнью, она находила удовольствие в том, чтобы ломать чужие судьбы, разрушать, а не созидать.

Вацлав проводил меня до квартиры Криса, быстро переоделся в привычные для него джинсы, водолазку и куртку и ушел, наказав мне никуда не выходить и постараться отдохнуть.

Отдохнешь тут, как же! Я аккуратно сняла платье, убрала вешалку с ним в шкаф, переоделась в свое и отправилась в гостиную. Там я включила телевизор и стала искать выпуск новостей. Но раньше, чем добраться до канала CNN или BBC, я попала на MTV. С экрана смотрела взволнованная Дарла, за ее спиной дымила искореженная машина.

— Я спаслась чудом, — говорила она в микрофон.

Потом камера показала лицо телеведущей, стоявшей рядом, и та подвела итог сюжета:

— А для тех, кто присоединился к нам только сейчас, повторяю. Съемки клипа Дарлы, на котором присутствовала наша съемочная группа, едва не окончились трагедией. Певица не справилась с управлением на гористой трассе, и автомобиль врезался в скалу. К счастью, бесстрашная Дарла успела выпрыгнуть из машины за мгновение до столкновения. Не беспокойтесь, поклонники, певица, как видите, жива, невредима и отделалась легкими ушибами. Наша камера зафиксировала момент аварии. Давайте посмотрим еще раз.

На экране промелькнула красная спортивная машина. Мгновение — и девушка в костюме гонимой выпрыгнула наружу, покотившись по асфальту, а машина врезалась в нависающую над узкой дорогой скалу и взорвалась. «O my God!» — донесся взволнованный крик оператора.

Я схватилась за мобильный.

— Вацлав, — торопливо пробормотала я в трубку, дождавшись ответа. — Дарла чуть не погибла на съемках. Как думаешь, это могло быть покушением?

Глава 9 ВЛЮБИТЬСЯ В ВАМПИРА

Помните: люди — это прежде всего еда. Вы уберетесь от массы неприятностей, если не забудете об этом. Многие вампиры пытались дружить с людьми или влюбляться в них: любой психолог определит, что это странные отношения с едой. Никому из людей и в голову не придет влюбиться в колбасу.

Зотов. Республика Ночь

Несомненно, бывают в природе такие случаи, когда мужчина, который любит женщину, должен держаться от нее на расстоянии.

Катажина Грохоля. Сердце в гипсе

В Нью-Йорке мы пробыли еще три дня. Убийцу Пандоры по горячим следам не нашли. Опрос свидетелей ничего не дал, камеры наблюдения зафиксировали только, как Пандора в одиночестве покинула обзорную площадку, где проходила вечеринка, за пятнадцать минут до своей гибели. Затем она спустилась в пустующий офис на восьмидесятом этаже. С кем она там встречалась, так и осталось загадкой. Официальной версией полиции был несчастный случай, в результате которого Пандора выпала из раскрытого окна офиса. Гончие опередили полицию, изъяв всю компрометирующую информацию из компьютера Пандоры. Компромата в нем было столько, что список подозреваемых разросся до двухсот человек. Вацлав проверил алиби тех из оставшихся в живых десяти вампиров, кого мы знали по именам. Но никто из них не был в Нью-Йорке в тот день.

Скрываться от Аристарха больше не было смысла. Как старейшина, он в курсе всех громких дел, в которых замешаны вампиры по всему миру. Поэтому во время очередного звонка я призналась, что нахожусь в Америке и мы с Вацлавом прилетели сюда, чтобы поговорить с Пандорой. Аристарх отругал меня за самостоятельность и рвался вылететь в Нью-Йорк, но я убедила его, что со мной все в порядке и, как только Вацлав закончит свои дела с Гончими, мы сразу же вернемся в Москву. Строго-настрога наказав мне сидеть дома и не впутываться ни в какие истории, Аристарх просил звонить ему по мере появления новостей.

Крис считал, что шансы на раскрытие убийства минимальны. Прикрепив наши свидетельские показания к материалам дела, он не стал нас больше задерживать. К тому же длительное отсутствие Вацлава в Москве уже вызывало недовольство старейшин и самих Гончих, и мы купили билеты домой.

В аэропорту нас встречал Аристарх — традиционно элегантный, одетый с иголочки, гладко выбритый, подстриженный у лучшего стилиста и распространяющий едва уловимый аромат «Кода» Армани — аромат красивой жизни и успеха. Шикарный мужчина, бывший пределом мечтаний в моей прежней, довампирской жизни. Я вспомнила, каким важным для меня еще полгода назад было, чтобы мужчина выглядел ухоженным, был модно одет, тщательно следил за собой, а в идеале — чтобы еще посещал мужской маникюр и пользовался гигиенической помадой для мягкости губ. Таким был Глеб, и Аристарх был из породы подобных мужчин. Но полюбила я Вацлава, который был полной

противоположностью: в уходе за собой признавал только душ, за бритву брался не чаще двух раз в неделю и не придавал большого значения одежде. Его гардероб, хоть и отличался качеством, был крайне скуден и однообразен — на новогоднюю вечеринку он оделся так же, как и в будний день. Но для меня он был самым красивым и самым желанным мужчиной на свете. И поцелуи его жестких, обветренных губ дарили мне самое большое наслаждение...

Аристарх, как мне показалось, с ревностью оттолкнул Вацлава и обнял меня до боли в ребрах. От него не укрылось, что, входя в зал прилета, мы держались за руки, и мой проницательный дед сразу понял, что теперь мы с Вацлавом вместе. Но от вопросов на этот счет пока удержался. Сдается мне, стоит Гончему уехать по своим делам, допроса с пристрастием мне не избежать!

А пока мы поведали ему о нашей неудаче с Фабиолой, благоразумно умолчав о падении с моста в реку, о трагической гибели Эмили и о смерти Пандоры, с которой оборвалась единственная ниточка, ведущая к вампиршам. Что толку с того, что мы знали в лицо знаменитых Ванессу Рейн, Дарлу, Орнеллу Дамиани, Глорию Майлз и Оливию? Без веских доказательств их родства с Жаном нас к ним никто не допустит. Да и сами они вряд ли захотят с нами откровенничать. Реальным шансом докопаться до правды было разговорить Фабиолу и Пандору, и мы его упустили.

Аристарх посочувствовал нашим неудачам и поделился последними новостями. Ничего особенного в наше отсутствие не произошло, и в Клубе по-прежнему обсуждались преступления Володи Карасика, которые он пытался повесить на меня, чтобы получить наследство Жана. Бывшая супермодель Моника, из-за которой юный хакер и пошел на убийства, оказалась в центре скандала. Не выдержав сплетен, она оставила место старейшины и вместе со своим новым возлюбленным, американским адвокатом Брайеном, уехала в Сидней. На днях прошли выборы в Совет старейшин на место погибшей Инессы и на освободившееся место Моника. В голосовании принимали участие все члены Московского Клуба. Кандидатов было пятеро, одержали победу столетний психолог Владислав и историк Нелли. И тот и другая были знакомы мне по моей дебютной вечеринке в клубе «Аперитив». Владислав тогда сидел за нашим столом и все рвался оказать мне психологическую помощь. А на Нелли и ее спутника Оскара я сама обратила внимание, приняв их за недавно сложившуюся влюбленную пару — они то весело переругивались, подтрунивая друг над другом, то шептались, как голубки. Лана ошеломила меня сообщением о том, что они вместе уже семьдесят пять лет и на днях отметили бриллиантовую свадьбу. А вот имена проигравших кандидатов мне ничего не сказали. Я поняла только, что за место в Совете старейшин так же боролись действующий депутат, бывший спортсмен и знаменитый в научных кругах профессор археологии.

Слушая Аристарха, я смотрела в окно и чувствовала, как соскучилась по родному городу. Я улетела в Париж в начале января, сейчас на календаре почти середина февраля. Меня не было больше месяца. И, несмотря на то что за границей мне тосковать не приходилось, я соскучилась по знакомым улицам и привычно серому небу, по родной речи и русским вывескам. Сердце сжималось при мысли, что пройдет десять лет и, согласно закону вампиров, я должна буду покинуть страну. И вернуться сюда мне будет позволено только спустя двадцать пять лет, когда уже не будет опасности разоблачения и даже старым знакомым можно будет представиться под видом своей дочери, как это делала Вероник.

— Как там Вероник? — поинтересовалась я.

И, судя по тому, как немножко смутился Аристарх, прежде чем ответить, их роман был в разгаре. Я порадовалась за деда. Мне нравилась Вероник, ее даже сравнивать нельзя было с бывшей девушкой Аристарха Нэнси — ревливой глупой блондинкой с кукольной внешностью, которая хотела убить меня. Ей это почти удалось, когда неожиданно вмешалась моя подруга Саша, тайком следившая за мной. Я спаслась, а Нэнси поплатилась жизнью за покушение на меня. Надо будет позвонить Сашке сегодня же — я так по ней соскучилась! Заодно узнаю, что там у нее с Ирвингом, Гончим из команды Вацлава. Сашка столкнулась с Гончими впервые, когда, продолжив слежку за мной, привлекла к себе внимание охранявшей

меня команды Вацлава. В тот вечер Ирвинг провожал ее домой, и я еще тогда заволновалась, что подруга может влюбиться в видного и статного блондина, бывшего воплощением ее мужского идеала. Как назло, и неприступный Ирвинг увлекся Сашей, похожей на его погибшую жену, и они стали встречаться. Само собой, Саша понятия не имела, что ее ухажер — вампир. И я от всей души надеялась, что за время моего отсутствия она успела разочароваться в Ирвинге и расстаться с ним. Своей близкой подруге я желала только всего самого хорошего, и вампир из команды Гончих категорически не вписывался в это пожелание. Пусть лучше найдет себе добропорядочного и заботливого олигарха из числа клиентов нашего риелторского агентства, который ночи проводит дома, не рыщет по ночам в поисках преступников и пьет «Реми Мартен», а не кровь маньяков.

Другое дело — Аристарх и Вероник. Их роману я была рада. Они были красивой парой, давно знали друг друга, ничего друг от друга не скрывали, в отличие от Ирвинга, обманывающего Сашу. К тому же влюбленность в Вероник отвлечет Аристарха от излишней опеки надо мной. Теперь рядом со мной Вацлав, и обо мне есть кому заботиться помимо деда-вампира.

— Рассказывай, что у тебя с ним, — строго велел Аристарх, когда мы высадили Вацлава у штаб-квартиры Гончих — он торопился повидаться со своей командой и войти в курс текущих дел. Еще в аэропорту Нью-Йорка ему звонил кто-то из его ребят, и, как я поняла, возникли срочные дела, требующие присутствия Вацлава. Поэтому еще в самолете мы договорились, что отложим разговор с Аристархом о моей способности к слиянию на следующий день.

— То же, что у тебя с Вероник, — улыбнулась я.

— То же, да не то же, — строго возразил Аристарх, с силой стиснув руль. Так что на левой руке вздулись вены, а на правой, скрытой черной перчаткой, натянулась кожа. — Мы с Вероник одного круга. А Вацлав тебе не пара.

— Это почему же? — Я сердито вскинула глаза. Вот уж не ожидала такого от Аристарха.

— Жанна, — в сердцах воскликнул тот, — он же убийца!

— А мне плевать с высокой шпильки! Он убийца на службе закона, — парировала я. — Такой же, как полицейские и спецслужбы. И этот убийца, между прочим, спас мне жизнь.

С этим Аристарх поспорить не мог, нахмурился и нервно постучал пальцами по рулю:

— Да, конечно, он многое сделал для тебя, и я ему признателен за это. Но, Жанна, — дед в отчаянии взглянул на меня, — он тебе не подходит. Уж поверь моему опыту и не совершай ошибок!

— Мы с Вацлавом вместе, — резко возразила я. — Это не обсуждается.

— Жанна, да пойми же ты... — не унимался он.

— Дедуля! — елеинным голосом перебила его я. — Знаешь такую поговорку: незванный консультант хуже татарина? Если ты еще раз скажешь о том, что Вацлав мне не пара, ты можешь искать себе другую внучку.

И вообще, добавила я мысленно, не учи меня жить, а лучше одолжи кредитку. Аристарх сердито нахохлился, но промолчал. Минут пятнадцать мы ехали молча. Пока стояли в пробке, я полистала новый номер журнала «Мачо», главным редактором которого был Аристарх, успешно совмещая работу издателя с обязанностями вампирского старейшины. На странице с колонкой редактора, как обычно, была фотография Аристарха. Мне бросилось в глаза, что обе руки его были на виду, и на правой не было заметно следов ожогов, оставшихся после того, как Аристарх вытащил из огня Слезу Милосердия для меня. Сейчас он не снимает с руки перчатки. Интересно, фото сделано еще до той ночи на фабрике или ожоги убрали с помощью Фотошопа?

Задавать бестактный вопрос я не стала — Аристарх, хоть и не подавал вида, должно быть, переживал из-за изуродованной руки. А вот виски, которые поселили у него после ночи моего ментального допроса, он уже успел закрасить.

Я отложила журнал, чтобы ответить на звонок мобильного. Родители интересовались,

как я долетела, и просили навестить их на днях. Аристарх оттаял, услышав, что я разговариваю с папой Вадимом, который был ему родным сыном, и, когда я попрощалась, пообещав приехать в гости, он тут же вызвался:

— Я с тобой!

— Нет уж, — возразила я из вредности. — Вакансия моего бойфренда отныне занята, и ты больше не можешь сопровождать меня в гостях в этом качестве.

— Сомневаюсь, что Вацлав захочет отправиться в гости к твоим родителям, — ядовито отозвался дед. — И уж еще больше сомнительно, что он им понравится.

А ведь он прав, несмотря на свое возмущение, вынуждена была признать я. Аристарх, общительный, остроумный и обаятельный, совершенно очаровал мою семью при знакомстве. Бабушка была рада за меня, отец одобрял мой выбор, мама уже мысленно готовилась к свадьбе. Предъяви я им сейчас Вацлава, сравнение с Аристархом будет явно не в пользу Гончегу. При первом знакомстве Вацлав производит впечатление мрачного, нелюдимого типа. Располагать к себе окружающих, подобно Аристарху, он не стремится. Вацлав привык быть одиночкой, и в основном люди интересуют его только в качестве свидетелей, как источники информации, или в качестве источника пищи. Мнительная мамочка быстро охарактеризует его как бандита или мафиози и начнет напирать на то, чтобы я его немедленно бросила. Кроме того, Аристарх в глазах родителей — успешный и обеспеченный мужчина, известный редактор, который мелькает на экране телевизора и на страницах газет. А Вацлав — темная лошадка.

Как ни крути, а получается, что для всех лучше, если родители не будут знать о моем романе с Вацлавом и продолжат верить в то, что я встречаюсь с Аристархом. Я избавлюсь от мамочкиных нравоучений — она непременно будет убеждать меня опомниться и вернуться к благополучному и перспективному «душке» Аристарху. Вацлав избежит знакомства с родителями, которое вряд ли доставит ему большое удовольствие. А Аристарх по-прежнему сможет общаться с сыном и бывшей возлюбленной.

— Хорошо, — я пошла на попятный, — возьму тебя с собой.

Аристарх просиял и принялся планировать встречу с семьей.

У меня дома нас встретили бабушка Лиза и истосковавшаяся Маркиза, которая принялась тереться об мои ноги.

— Навещала ее каждый день, — доложила бабушка, умильно глядя на кошку, — но вон видишь, как соскучилась.

— А я-то как соскучилась! — Я расцеловала бабушку, с затаенной тоской отметив, что за полтора месяца моего отсутствия ее морщины стали еще глубже, и крепко обняла, подумав, что с каждым днем тело все больше подводит бабулю.

Я никогда не узнаю, каково это — быть немощной, чувствовать, как постепенно организм дает сбой, а тело разрушается. Программа старения у вампиров остановлена. Но если бы мне было суждено стариться, я бы хотела быть такой, как бабушка: подтянутой, ухоженной, нарядно одетой соответственно своему возрасту.

Я вспомнила про подарок для бабушки и потянулась к чемодану. Наверху лежала шляпка из Нью-Йорка. В последний вечер мне все-таки удалось пробежаться по Пятой авеню и купить несколько обновок себе, маме и бабуле.

— Жанночка, вы меня избалуете! — зарделась бабушка, примеряя шляпку перед зеркалом. — Аристарх мне привез подарки по возвращении из Парижа. И вот очередная красота! Спасибо, моя родная. Кстати, как там Леночка?

Я окаменела от этого вопроса, не сразу сообразив, что бабуля имеет в виду мою собственную ложь. Чтобы как-то объяснить ей свое затянувшееся путешествие без Аристарха, я соврала, что встретила в Париже Лену Громову и осталась у нее погостить. Лена уже давно была мертва, а я, позванивая бабушке из Праги, а потом из Нью-Йорка, продолжала лгать, что мы с Ленкой замечательно проводим время, гуляем по Парижу, ездим по окрестностям или колесим по замкам Луары. К счастью, во время своей давнишней командировки в Париж бабуля не выезжала за пределы города и не смогла бы уличить меня

во лжи, если бы решила расспрашивать о замках.

— Хорошо, — стараясь не выдать своих чувств, бодро соврала я. — Она стала настоящей парижанкой и не собирается возвращаться в Москву.

— Как я ее понимаю, — порывисто отозвалась бабуля. — Если бы у меня в свое время была возможность остаться в Париже, я бы не раздумывала ни минуты.

Глаза Аристарха почернели от горя. Невозможно представить, как ему, должно быть, сейчас больно видеть свою постаревшую возлюбленную и слышать ее сожаление о прошлом.

— А я ведь тут Сашеньку на днях видела, — оживилась бабушка. — Ходили с Клавдией в Театр Маяковского на «Мертвые души», такой спектакль замечательный был, такие актеры! Игоря Костолевского не узнать в роли Плюшкина — какое перевоплощение! Александр Лазарев-старший превосходен в роли Ноздрева, а Светлана Немоляева очаровательна в роли Просто приятной дамы. До чего хороша! Ведь всего на год меня моложе, а все так же блистает, как и в молодости.

— Бабуль, — перебила я. Театр — бабушкина слабость, не меньшая, чем шляпки. О спектаклях, на которых она побывала, она может говорить часами, рассуждая и об игре актеров, и о режиссерской работе, и о фантазии костюмеров. — А с Сашей-то что?

— Ах да, Сашенька, — спохватилась бабушка. — Мы после спектакля через Тверской бульвар возвращались и встретили там Сашеньку с молодым человеком. Я уж к ним не стала подходить да смущать. Они были так увлечены друг другом, одно слово — голубки. Молодой человек видный такой, высокий, плечистый. Вылитый викинг.

Я мысленно заскрежетала зубами: в том, что позднее свидание было у Саши с Ирвингом, не было никаких сомнений.

— А Сашенька счастливая была, — растроганно продолжала бабушка, не ведая о моих терзаниях, — такая красивая. Она и так-то девочка симпатичная, а тут еще больше расцвела.

Я похолодела от внезапного подозрения. Что, если изменения в Сашкиной внешности связаны с тем, что за время моего отсутствия она уже успела стать вампиром?

— Бабулечка, поставь, пожалуйста, чайку, — ласково попросила я.

Бабушка понимающе улыбнулась и оставила нас наедине. Я подскочила к Аристарху и прошипела:

— Что с Сашей? Ирвинг ее обратил?

— Да не переживай ты так. Нет.

Я вздохнула с облегчением.

— Пока, — добавил после паузы Аристарх.

— Что значит пока?! — Я с трудом сдерживалась, чтобы не сорваться на крик.

— Ирвинг подал заявку на вступление Александры в Клуб, — неохотно признался он.

— И когда ты собирался сказать мне об этом? — обозлилась я. — Этому не бывать!

— Жанна, — Аристарх неожиданно жестко перебил меня, — тебе не кажется, что это дело Александры и Ирвинга?

— Черта с два! Я не позволю своей лучшей подруге стать вампиром.

Не стану я сидеть сложа руки и делать вид, что моя хата в Мытищах — я ничего не вижу! Я знаю Сашку пять лет, и все это время она мечтала о нормальной семье — любящем муже, красивых детях, уютном доме, солнечной даче в Подмоскowie и летних отпусках в Турции. Всего этого Ирвинг ей дать не мог. А когда пройдет эта болезненная любовь, которая ослепила Сашу, что ей останется? Ни семьи, ни детей. Она даже о своих постаревших родителях заботиться не сможет, потому что через десять лет ей придется покинуть страну. Я совершенно не представляла Сашу вампиром. Уж кто-то, а моя подруга для такой жизни точно не создана.

— Ты не можешь ничем помешать. Это ее выбор. Старейшины подписали согласие. По нашим законам Гончим один раз в жизни разрешено воспользоваться правом на инициацию человека. В этом случае достаточно одобрения старейшин и согласия самого человека. Голосования остальных вампиров не нужно.

— Вы подписали заявку? — требовательно спросила я.

— Да, подписали. На той неделе.

Я заскрипела зубами и уточнила:

— Но инициации еще не было?

— Нет, насколько мне известно.

— Что для этого нужно?

— Только согласие Александры.

— И кто ее должен инициировать — старейшины или Ирвинг? — продолжила допрос я.

— Мы подписали заявку с разрешением провести инициацию самому Ирвингу, — поведал Аристарх. — У него хорошая характеристика, — добавил он, словно оправдываясь передо мной. — Он спокоен, не склонен к жестокости, и влияние его крови не поставит новичка под угрозу.

— Ну спасибо, — процедила я сквозь зубы, — утешил.

— Жанна... — Аристарх попытался обнять меня за плечи, но я в гневе оттолкнула его.

— Уходи! Ничего даже слушать не хочу!

Мы обернулись одновременно, почувствовав появление бабули. Она смущенно стояла в дверях, посчитав, что стала свидетельницей нашей ссоры. Милые бранятся — щепки летят, картина маслом.

— Там чай готов, — миролюбиво молвила она.

— Аристарх уже уходит, — отрывисто сказала я.

— Да, мне уже пора.

Аристарх быстро вышел в коридор, а я осталась в комнате. Бабушка его проводит. А мне нужно остыть...

— Жанна, — робко позвала бабуля, — я, наверное, тоже пойду?

Больше всего на свете мне сейчас хотелось остаться одной. А еще позвонить Вацлаву и рассказать о своей проблеме. Пусть он поговорит с Ирвингом, пусть запретит ему ломать жизнь Сашке! Но бабушка здесь ни при чем. Пусть считает, что мы просто поссорились с Аристархом. Я выдавила улыбку и шагнула к ней:

— Останься. Идем попьем чаю.

Больше всего я боялась, что бабуля опять начнет расспрашивать меня про Лену и мне придется врать, что она жива и здорова. Но, к счастью, бабушку куда больше заинтересовал мой рассказ о самом Париже, который она помнила по путешествию пятидесятилетней давности.

— А хочешь, я тебе фотографии покажу? — Я вспомнила, что еще до того, как меня обвинили в убийствах и взяли под стражу, мы с Вероник гуляли по городу и она снимала меня на фоне Эйфелевой башни, Нотр-Дам и Монмартра. Сейчас мне и самой стало интересно посмотреть те фото.

Бабушка охотно согласилась. Рассматривая снимки, она с восторгом прилипла к монитору, разглядывая не столько меня, сколько парижские улицы.

— Только с Аристархом ни одной фотографии нет, — посетовала она под конец показа.

— Он фотографировал! — ловко вывернулась я и, глядя на то, с каким мечтательным видом бабушка любит Монмартром, внезапно выпалила: — Бабуль, а давай с тобой вместе туда съездим?

— Да что ты, Жанночка, — принялась отнекиваться она, — где уж мне к тебе в компанию набиваться! Париж — город любви. Туда надо ехать с любимым, а не со старой бабкой.

— Какая ж ты у меня старая? — бурно возразила я и решила для себя, что в Париже мы с бабушкой обязательно побываем. Да хотя бы в мае или в июне! Ой нет. В солнечные дни я не смогу гулять по городу. Лучше отправиться в Париж осенью, когда небо будет хмурым, погода дождливой, а сумерки ранними. Надо только будет придумать, как обойти вопросы о Лене... Скажу, что она уехала в отпуск к морю куда-нибудь в теплые края, вот и не может с нами увидеться! — Решено, съездим вместе!

— Да у меня и загранпаспорта нет, — робко заметила бабушка, глаза которой уже загорелись предвкушением поездки.

— Вот и займись оформлением!

Уходила бабушка довольная и вдохновленная. Подозреваю, что дома она первым делом примется перебирать шляпки, чтобы отложить те, в которых будет нестыдно показаться в Париже.

А я, проводив ее, сразу же бросилась к телефону, чтобы позвонить Саше. По привычке я набрала домашний номер, который помнила наизусть, и, только когда в трубке раздались длинные гудки, спохватилась, что для звонка уже поздно. На часах было одиннадцать вечера. Завтра — рабочий день, и ранняя пташка Саша, должно быть, уже спит. Я уже хотела повесить трубку, когда мне ответил женский голос.

— Теть Поль, доброй ночи, — торопливо проговорила я. — Простите, что так поздно звоню.

— Жанна, это ты? — обрадовалась Сашина мама. — Как поживаешь?

«Да вот, стала вампиром и потихоньку пью кровь», — вертелось на языке, но вместо этого я вежливо ответила:

— Спасибо, хорошо. А вы?

— Ох, у нас тут такие дела, — весело поделилась тетя Полина. — Сашка-то, похоже, замуж собралась. Каждый вечер со своим Ваней проводит. Вот и сейчас убежала с ним в кино и пока не вернулась.

С Ваней? На секунду у меня отлегло от сердца, когда я представила, что Сашка бросила Ирвинга и теперь счастлива с простым парнем по имени Иван, обычным человеком. Но потом у меня закралось подозрение. Ирвинг — настоящее имя Гончего, а в московском паспорте у него вполне может быть указано другое, русское имя, похожее на подлинное.

— Теть Поль, а Ваня — это такой высокий плечистый блондин? — с замирающим сердцем уточнила я. — Саша с ним еще до Нового года познакомилась?

— Он самый, — подтвердила Сашина мама. — Видный такой парень.

По ее тону было понятно, что она целиком и полностью одобряет выбор дочери. Значит, поддержки от нее ждать не стоит. Эх, знала бы она, кто на самом деле этот Ваня!..

— Жан, — спохватилась тетя Поля, — а ты чего звонишь? Что-то срочное?

— Нет, просто соскучилась. Я из Парижа на днях вернулась, хотела Сашу повидать.

— Счастливая ты, Жанна, — искренне позавидовала мне Сашина мама. — Париж повидала!

А я от ее слов вздрогнула. Да уж, такая счастливая, что чуть с жизнью там не рассталась.

— Ты ей лучше на мобильный звони, — посоветовала тетя Полина. — Домой она теперь только ночевать приходит. Ох, — кокетливо заметила она, — боюсь, как бы бабушкой меня раньше времени не сделали!

И по голосу было слышно, что мама Саши будет только рада такому событию.

Я торопливо распрощалась и повесила трубку. Похоже, у Саши с Ирвингом все зашло очень далеко. Она уже знает о том, что ее любимый — вампир? И если нет, то как воспримет это шокирующее признание?

Надо завтра же с ней увидеться. Приеду в офис «Милого дома» к концу рабочего дня и поймаю Сашку для разговора. Кредит платежом красен. Саша однажды спасла мне жизнь, когда обезумевшая Нэнси собиралась меня убить. Теперь мое время спасти подругу.

Московские вампиры в это время только просыпались, а я едва держалась на ногах после десятичасового перелета из Нью-Йорка. Поэтому, приняв душ, даже толком не высушила волосы и повалилась на кровать в обнимку с Маркизой. Завтра был важный день, и надо было набраться сил.

По дороге в «Милый дом» мне пришла в голову одна идея, и я заскочила в книжный магазин. У столика с книгами Стефани Майер весело шушукалась стайка школьников.

— Все на свете бы отдала, чтобы меня укусил вампир! — томно закатывая глаза,

поделилась хорошенькая темноволосая девочка.

— И желательно, чтобы его звали Эдвард Каллен, — кокетливо хихикнула ее подружка с красным, как светофор, прыщом на подбородке.

Я сердито отодвинула дурочек в сторону, взяла томик «Сумерек» и направилась к кассе. Понимают ли они, юные, наивные, о чем мечтают? Я в их возрасте грезилась о поцелуе Киану Ривза, они, по сути, мечтают о том же — о любви красивого, сильного, успешного, умного мужчины. Вампир — новое воплощение идеала. Прекрасный мертвец, опасный хищник, нежный возлюбленный, заботливый олигарх, бесстрашный супермен. Он и хулиганов в ночи одним пальцем раскидает, и на «ламборгини» с ветерком промчит, и серенаду под окном споет, а к предложению руки и сердца присовокупит особняк в Лондоне и швейцарский банк, которым единолично владеет. Не жизнь, а сплошная *dolce vita*. Не любовь, а постоянное адреналиновое приключение. Вампир — это вам не Павлик из соседнего подъезда, с которым можно месяцами ходить в парк, есть мороженое и целоваться у лифта. Кому из нас, когда мы затаив дыхание смотрим авантюрное кино про шпионов и спецангентов, не хочется оказаться на месте подружки главного героя? С вампиром не соскучишься, вампир — тот же Джеймс Бонд, только с клыками, тот же Итан Хант из фильма «Миссия невыполнима», только с жаждой крови. Жизнь с вампиром — голливудский блокбастер длиной в вечность.

Если Сашка придерживается таких же взглядов, то известие о том, что Ирвинг — вампир, она встретит с радостью. Но я знала подругу пять лет и была уверена, что Саша мечтает о простом человеческом счастье, а не о нескончаемом приключении рядом с любимым вампиром. Это-то я и собиралась осторожно выяснить, используя книгу Стефани Майер как предлог для разговора о вампирах. Но моя задумка имела смысл только в том случае, если Саша до сих пор в неведении, кем на самом деле является Ирвинг.

В риелторском агентстве «Милый дом» за пять месяцев с моего увольнения ничего не изменилось. На проходной дежурил знакомый охранник Ефим, который поприветствовал меня словами:

— Ба! Никак сама жена олигарха к нам пожаловала!

Я в изумлении уставилась на него.

— Ага, спалилась, красавица, — удовлетворенно ухмыльнулся он. — Так я и думал, что ты свалила к нашим конкурентам, где платят побольше. А Однорогу наплела с три короба, что выходишь замуж за миллионера с Рублевки.

Действительно, припомнила я, что-то подобное я говорила Однорогу, когда увольнялась из «Милого дома». Вот уж не думала, что босс вздумает трепаться о причинах моего увольнения с парнем из охраны! Хотя рано я его обвиняю.

— Дьяволина растрепала? — спросила я, вспомнив о стервозной секретарше с говорящей фамилией Поганкина. Ох, досплетничается она когда-нибудь! Язык до киллера доведет.

— А то кто же, — широко ухмыльнулся Ефим. В свое время он пытался ухаживать за Ангелиной, но та была одержима идеей захомутать кого-то из наших начальников и продинамила видного, но совершенно непрестижного охранника. Ефим с тех пор благополучно женился, а Ангелина, потерпев крах с самыми перспективными женихами офиса, скатилась до интрижки с Однорогом.

— Так что, не прижилась на новой работе? — посочувствовал охранник. — Вернуться решила?

— Нет, там все замечательно, — бодро соврала я. — Я к Сашке пришла.

— А подружка-то твоя теперь большим человеком стала! — уважительно отозвался Ефим. — Теперь отделом элитной недвижимости руководит.

Повышение Саши — моя заслуга. Место предлагалось мне в обмен на молчание об интрижке Однорога с Ангелиной, которых я застукала прямо в кабинете. Но так как это событие совпало с моим вступлением в Клуб, от должности я отказалась в пользу Саши.

— Так она теперь в кабинете Таракановой? — уточнила я, назвав имя бывшей

начальницы.

— Да, кабинет двести двадцать. Проходи, почувствуй себя как дома, — насмешливо подмигнул Ефим.

— Дом, милый дом, — саркастически усмехнулась я, вызвав улыбку у охранника, и направилась к лифту.

Кажется, совсем мало времени прошло с тех пор, как я ехала в лифте с певцом Хуаном и его свиньей Масяней, тихо сходя с ума от вида хавроньи в бриллиантовом ошейнике и от розовой шубы Хуана. Это были мои первые дни после того, как я узнала о Клубе. Самые волнующие и самые беззаботные. Тогда еще был жив Глеб, Нэнси еще не покушалась на мою жизнь, а Жан еще не взял в заложники Сашу и бабушку Лизу, чтобы выманить меня в здание заброшенной фабрики. Разве я тогда могла предположить, что убью вампира, который меня обратил? Разве могла представить, что Сашка окажется вовлеченной в интриги вампиров и познакомится с Ирвингом? Я была страшно виновата перед подругой в том, что невольно впутала ее в свои проблемы. И теперь собиралась сделать все от меня зависящее, чтобы уберечь ее от беды.

У двери нового Сашкиного кабинета я помедлила, услышав незнакомые голоса. Может, надо было все-таки позвонить и предупредить о своем визите? Заглянула. За столом у входа незнакомая девушка с неопрятной стрижкой и в безвкусной кофточке что-то сосредоточенно набивала на компьютере. Вот уж воистину, не зная моды, не суйся в примерочную, вынесла я вердикт подчиненной Саши. У Сашиного стола сидели клиенты, перед ними лежали бланки договоров. По сосредоточенному виду подруги было понятно, что подписывается важная сделка. Увидев меня, Сашка хоть и удивилась, но обрадовалась. Оставив клиентов на минутку, она вышла в коридор и прикрыла дверь.

— Жанна! Каким ветром тебя занесло?

— Тебя захотела увидеть, — честно сказала я, жадно разглядывая подругу и отмечая произошедшие в ней изменения.

Длинные золотисто-русые волосы, которые Саша раньше часто собирала в косу или скрепляла крабом, теперь распущены и красиво подстрижены каскадом. Прическа и переливающееся мелирование с эффектом выгоревших на солнце волос выдает руку хорошего стилиста. На фоне обновленного оттенка волос глаза подруги выглядят синими-синими, как у принцесс из диснеевских мультфильмов. Да и сама она похожа на сказочную героиню — юная, цветущая, стройная, повыше меня ростом, прелестная, миловидная, с добрым взглядом и ласковой улыбкой. На щеках — румянец, в глазах — блеск. Светлая от природы, как у всех блондинок, кожа тронута легким золотистым загаром. То ли Сашке удалось все-таки вырваться в отпуск у моря, то ли она изменила свое отношение к солярию — помню, раньше она категорически не одобряла моего увлечения искусственным загаром и твердила о его вреде здоровью. В одежде тоже произошли изменения. Раньше Саша не придавала большого значения моде, ее рабочей униформой были мешковатые деловые костюмы, купленные на рынке в Лужниках. Сейчас же передо мной стояла элегантная и стильная красавица. Коралловая шелковая блузка и узкая юбка-карандаш с высокой талией существенно преобразили Сашу. А причина этих волшебных перемен в Сашиной внешности... у меня кольнуло сердце... это, несомненно, любовь к Ирвингу.

— У меня там подписание договора. — Она озабоченно кивнула на дверь. — Еще минут пятнадцать провожусь, не меньше. Подождешь?

— Конечно.

Саша заторопилась к клиентам, а я, вспомнив наш давнишний разговор с подругой, решительным шагом направилась к кабинету Однорога. Еще в декабре после повышения Саша обмолвилась, что ее новый оклад, хоть и больше прежнего, но существенно ниже того, что Однорог пообещал мне, а затем, со скрипом, и подруге, которую я предложила на это место. Ух, кому-то сейчас придется жарко!

Секретарша Ангелина Поганкина подкрашивала губы, глядя в зеркальце. От меня не укрылся зеленоватый цвет ее лица, который не маскировала даже пудра от Ланком,

лежавшая рядом на столе. То ли наша красotka докурилась, то ли это зависть и злость сделали свою дело, оставив свой пагубный след на ее внешности. При виде меня ее лицо вытянулось. И из хорошенькой девушки, увлеченно наводящей красоту в зеркальце, Ангелина превратилась в настоящего крокодила. Глаза сузились, ошестинившись густо намазанными ресницами. Лицо внезапно пошло красными пятнами. Немудрено, ведь в последний раз, когда мы виделись, я застала Поганкину в объятиях Однорога. И если до того дня она меня просто недолгоблывала в силу своего вредного характера, то потом и вовсе возненавидела как свидетельницу ее позора. Жалко ее. Сначала выставила себя на посмешище перед всем офисом, обхаживая одного за другим наших перспективных женихов. А потом с горя связалась с Однорогом, который давно женат на мужеподобной женщине со страшной профессией стоматолог и выражением лица опытного гестаповца. Однорога-то понять можно: Ангелина молода и привлекательна. А ей-то престарелый босс на что сдался?

Одета Ангелина была по-прежнему вызывающе и вульгарно: кофточка с глубоким вырезом, короткая юбка-пояс, из-под которой виднелось кружево чулок.

— Бессонова, ты что здесь...

— Я тоже рада тебя видеть, Гелечка, — пропела я, пристально глядя ей в глаза и стремительно применяя слияние. Вампиров поблизости нет, так что мне ничего не грозит... Вот это ничего себе! С трудом поборов тошноту, я быстрым шагом прошла к двери Однорога.

Ангелина попыталась встать с места, чтобы не пустить меня, но я уже толкнула дверь и вошла в кабинет.

Судя по быстрому шелканью мышки, Однорог под конец дня расслаблялся игрой в пасьянс.

— Кто? — недовольно забубнил он, но при виде меня испуганно вытаращился: — Бессонова, ты?

«Не ждали», картина маслом.

— Здравствуйте, Борис Семенович! — Я стремительно пересекла кабинет и опустилась на стул напротив Однорога. — Как поживаете? Как здоровье?

За несколько месяцев с моего увольнения начальник нисколько не изменился. Тучный, низенький, с угрюмым взглядом, с обрюзгшим землистым лицом, с которого не сходит кислая мина. Разве что круги под глазами стали еще темнее — стареет наш Борис Семеныч. Скучный черный костюм похоронного вида подчеркивал рыхлую фигуру и тугой пивной живот.

— Спасибо, — настороженно отозвался он, — все хорошо.

— На память не жалуетесь? Амнезией, часом, не заболели? — участливо поинтересовалась я, забарабанив пальцами по столешнице.

Однорог с недовольством покосился на мой ярко-красный маникюр и выдавил:

— Жанна, если вам нужны деньги, то...

— Обижаете, Борис Семенович. — Я надула губы и включила блондинку. — И в первую очередь не меня, а мужа. Он будет крайне огорчен, если узнает, что кто-то усомнился в его финансовой состоятельности и способности обеспечить жену.

— Зачем же вы пришли? — сухо спросил мой бывший босс, воспрянув духом оттого, что шантаж отменяется.

— Напомните-ка мне, о какой зарплате для нового молодого специалиста Александры Воронцовой мы договаривались в прошлый раз? — вкрадчиво спросила я.

— Она получает тот же оклад, что и Тараканова, — нервно сглотнул Однорог. — Это три с половиной тысячи долларов.

Я укоризненно покачала головой:

— В прошлый раз речь шла о пяти с половиной. Напомнить вам обстоятельства нашей беседы? Тем утром я случайно вошла в ваш кабинет и увидела...

При воспоминании о клетчатых семейных трусах Однорога мне с трудом удалось

сохранить серьезное лицо.

— Бессонова, — с несчастным видом перебил меня он, — ты меня разорить хочешь?

— Только из моего безграничного уважения к вам как к руководителю, — пошла на компромисс я, — четыре с половиной. И я не скажу вашей жене о том, что вместо командировки в Саранск вы летали с Ангелиной в Турцию.

Однорог побагровел, когда я озвучила тайные мысли его секретарши, и обреченно кивнул.

— Что ж, рада, что мы договорились. Не буду отрывать вас от важных дел... в подписании приказов об увеличении заработной платы.

Я встала с места и уже дошла до двери, как вдруг та резко распахнулась, и на пороге, едва не сбив меня с ног, нарисовалась Дьяволина. Я пристально взглянула на нее и обернулась к Однорогу:

— Да, Борис Семенович, только из безграничной человеческой симпатии к вам... Ангелина беременна.

Однорог стремительно побелел и дернул узел галстука, торопясь его ослабить. Поганкина покраснела, но ничего отрицать не стала, а, напротив, коровьим взглядом уставилась на Однорога.

— Но ребенок не ваш, — поспешно добавила я, опасаясь, что босса хватит удар, — а ее соседа по имени Николай. Она забеременела еще до поездки в Турцию, а вам собиралась сказать, что ребенок родился недоношенным. Так что не попадитесь на эту удочку.

Дьяволина пошла бурными пятнами и взвизгнула, кинувшись на меня:

— Дрянь, да что ты брешь?!

Я перехватила ее за запястья и несильно, чтобы не повредить малышу, который не виноват в том, что у него такая лживая и алчная мамаша, толкнула Ангелину в кресло у стены. Та откинулась на спинку и зарыдала, выдавая себя с головой. Гормоны — вещь непредсказуемая и подвели нашу интриганку в самый ответственный момент.

Однорог со священным ужасом воззрился на меня:

— Бессонова, откуда ты это узнала?

— Просто прочитала ее мысли, — усмехнулась я и сказала чистую правду.

Однорог, кажется, не поверил. Он мысленно предположил, что мой муж-олигарх, потакая моей прихоти, расставил по всему офису скрытые камеры и теперь я могу наслаждаться реалити-шоу «Офис» прямо у себя дома на Рублевке. Вот это фантазия! Но не буду его разочаровывать. Пока он будет думать, что у меня под наблюдением, приказ о повышении Саши будет выполнен неукоснительно.

Я резко развернулась и вышла вон. Мне совсем не хотелось становиться свидетельницей некрасивой сцены, которая разгоралась в кабинете. Вслед мне неслись возмущенные крики Однорога и приглушенные рыдания Поганкиной в духе «не виноватая я!».

Когда я вернулась к кабинету Саши, внутри уже была она одна. Подруга махнула мне рукой в приоткрытую дверь.

— Заходи, Жан. Сейчас я тут все закончу. Пять минут.

— Ну как, — подняла она глаза на меня, — не соскучилась по родному агентству?

— По агентству нет, по тебе соскучилась, — честно призналась я.

— Что, новые друзья недостаточно развлекают?

Саша понятия не имела о Клубе. Но из-за того, что она тайком следила за мной в первые дни после моего увольнения, она знала, что у меня появились новые знакомые и куча денег на кредитке. Тогда Саша решила, что я попала в секту. Потом состоялась ее первая встреча с Гончими, когда Вацлав обнаружил Сашину слежку за мной, а она в свою очередь указала на покушавшуюся на меня Нэнси. А после Ирвинг проводил ее домой, позаботившись о том, чтобы события этого вечера испарились из ее памяти, и внушил, что я встретила богатого поклонника и теперь мне нет никакого дела до подруги...

— Старых друзей наскоро не создашь, — ответила я ей цитатой из «Маленького принца» и с раскаянием спросила: — Саш, ты на меня еще обижаешься?

Она шумно вздохнула:

— Ну как на тебя можно обижаться, чудо ты мое? Хотя стоило бы. Сорвала нам отпуск в Египте, уволилась, пропала, не звонишь, не пишешь... С Нового года от тебя никаких вестей.

— Прости меня, Саш. Я в Париже была полтора месяца. Только вернулась.

— Мама мне вчера сказала, — кивнула она.

— Это тебе. — Я протянула ей брелок с Эйфелевой башней, который купила еще в аэропорту Парижа. Наши пальцы на миг соприкоснулись, и я почувствовала, что Саша горячая, как печка. Какой же холодной на ощупь тогда должна быть я?

— Спасибо, — улыбнулась она. — А с кем была, с Глебом? Это он тот загадочный олигарх с Рублевки? А по нему и не скажешь.

— Да нет, — чувствуя ком в горле, ответила я, — не с Глебом.

— Неужели по работе своей новой? — иронически осведомилась Саша.

Я растеряннo заморгала: про какую такую работу я ей наврала?

Сашка укоризненно покачала головой:

— Так я и знала, что работа модным обозревателем — это отговорки. Как же тебя в Париж занесло? С французом каким познакомилась через Интернет?

Познакомилась, мрачно подумала я, да только не через Интернет, а, на свою беду, лично. И не с простым, а с вампиром-миллионером. И на своем печальном опыте убедилась, что от двухсотлетних вампиров одни неприятности. Что в плане кровного родства, что в плане наследства. Надеюсь только, что на нас с Вацлавом это правило не распространится.

— Долгая история. — Я поспешила свернуть тему, мысленно коря себя за то, что не потрудились придумать какое-нибудь правдоподобное объяснение моему увольнению.

— Надеюсь, расскажешь? — Сашка сложила папки в стол и выключила компьютер.

— Расскажу, — кивнула я. — Но только после того, как ты расскажешь мне о своем Ване, за которого собралась замуж.

Сашка солнечно улыбнулась, и от ее улыбки мне стало совсем горько. Эх, Сашка-Сашка, не представляешь ты, кто твой принц на белом коне!

— Мама сдала? — улыбнулась она.

— Заложилa по полной программе, — через силу усмехнулась я.

— Тогда отпираться бесполезно, — легко сдалась Саша. — Делать нечего — расскажу. Посидим в «Шоколаднице»?

Кофейня располагалась через дорогу от офиса, и раньше мы частенько забежали туда после работы.

— Конечно. — Я заметила, как Сашка бросила взгляд на часы. — Куда-то спешишь?

— Да нет, — откликнулась подруга. — Ваня задерживается на работе, так что мне все равно его ждать.

Знала бы она, что это за работа! Хотя Вацлав занимается тем же, что и Ирвинг, и я его за это не упрекаю. Но мы с ним — совсем другое дело! Мы оба вампиры и не обманываем друг друга. Я с самой первой встречи знала, кем работает Вацлав, а вот Ирвинг только и делает, что врет Саше. Она-то, наверное, в мечтах уже видит свадьбу в ясный солнечный день, медовый месяц на Мальдивах, первенца по расписанию — ровно через девять месяцев после праздничного застолья, а потом и еще одного. Саша всегда мечтала о большой семье, которой Ирвинг ей дать не может.

Вскоре мы уже сидели в кафе и листали меню. Сделав заказ, Сашка вытащила из сумочки свой мобильный и положила на стол.

— Как дела в «Милom доме»? — любопытствовала я.

— Ой, и не спрашивай! — Саша шумно вздохнула. — Что-то в последнее время совсем тоскливо. Не то что у вас, модных обозревателей. — Она насмешливо глянула на меня.

— Зато мы, модные обозреватели, не можем похвастаться скорой свадьбой, — не

осталась в долгу я.

— Да о свадьбе пока речи нету, — зарделась Саша. — Ты побольше маму слушай. Ваня ее очаровал, вот она и мечтает меня за него замуж выдать да намекает, что лучшего зятя ей и не надо. А ты же за Глеба вроде замуж собиралась! Помню, как он меня уговаривал на тебя повлиять и замолвить за него словечко. Что, не сложилось?

Опустив глаза, я покачала головой. Ни к чему Сашке знать, что Глеба уже нет в живых. К чести подруги, она не стала выражать сочувствие и повторять, как ей нравился Глеб, которого она видела один-единственный раз в жизни.

— Ты мне лучше про своего Ваню расскажи, — дрогнувшим голосом попросила я.

— Да что рассказывать-то? — оживилась она. — Познакомились мы в декабре, случайно вышло. Сначала мы в автобусе вместе ехали, и я его там заметила. Потом на следующий день встретились, в книжном магазине в кассу стояли с одной и той же книгой.

Я с трудом подавила смех. Как же, книжки он читает, конечно! Как я и предполагала, стерев память Сашке о первой встрече с Гончими, Ирвинг подстроил знакомство с ней, а чтобы девушка не сорвалась с крючка, притворился знатоком литературы.

— Представляешь, — с волнением продолжала рассказ Сашка, — как будто сама судьба нас вместе сводила.

У меня внутри все кипело от злости. Судьба, как же! Вот ведь гад какой, заморочил Сашке голову, обставил все как знак свыше.

— Я сначала на книгу внимание обратила, — призналась подруга, — редко кто сейчас Куприна читает, а потом уже вижу — лицо знакомое. Так и разговорились. А потом он меня в кафе пригласил. Так все и началось.

Вот крендель лживый! Наверняка и сейчас при каждом удобном случае в ее мысли лезет, а наивная Сашка радуется, что ей повезло найти свою вторую половинку, которая разделяет ее интересы и предугадывает малейшие желания. Да Ирвинг после этого даже не вампир, а упырь натуральный!

— А чем он занимается? — едва сдерживая ярость, поинтересовалась я.

— Работает в службе охраны какого-то банка, — не заподозрив ничего неладного, поделилась Саша.

Вроде не обманывает. Значит, Ирвинг еще не рассказал ей всей правды о себе. Значит, есть шанс, что Саша не вынесет этой правды и порвет с ним.

— Обычно в ночную смену, так платят больше, — добавила она. — Поэтому мы видимся обычно сразу после моей работы, погуляем, а к двенадцати ему уже на смену. Но сегодня вот, наоборот, он до вечера работает.

От меня не укрылось, как Сашка то и дело поглядывает на мобильный, готовая по первому же звонку принять вызов.

— А лет ему сколько? — продолжила расспросы я.

— Двадцать шесть, на два года меня старше. Хотя, знаешь, — поделилась она, — иногда мне кажется, что ему лет сорок. Он такой умный и так обо всем рассуждает. Порой ловлю себя на мысли, что встречаюсь с институтским профессором, а не с простым охранником.

— Саш, а ты его паспорт видела?

— Видела, — изумилась она. — А что?

— Да так, — мрачно проговорила я, — ничего.

— Жан, — беспечно рассмеялась подруга. — Видела бы ты сейчас себя! У тебя такой вид, как будто я тебе рассказываю о том, что встречаюсь с кровожадным маньяком. Паспорт чистый, не переживай. Ни детей, ни браков, ни судимостей.

Меня так и тянуло рассказать Саше всю правду об Ирвинге. Вряд ли ей понравится тот факт, что она похожа на погибшую жену Ирвинга, фото которой Гончий всегда носил с собой, как и Вацлав раньше портрет Эвелины.

— Прости, Саш, — смятенно пробормотала я, — просто я о тебе беспокоюсь и желаю

тебе только добра.

— Вот уж беспокоиться обо мне не надо, — улыбнулась она. — Увидишь Ивана — поймешь, что я в надежных руках. С ним я как за каменной спиной.

Я выдавила из себя ответную улыбку.

— Знаешь, какая у него кличка среди коллег? Викинг, — с гордостью поделилась подруга.

А я даже знаю, какое у него настоящее имя. Ох, Сашка, Сашка, как же мне тебя спасти? Я вспомнила о книге, ждущей своего часа, сделала вид, что не могу найти в сумочке мобильный телефон, и выложила на стол шарф и томик «Сумерек».

— Ты тоже читаешь это? — Саша насмешливо покосилась на книгу, и я воспрянула духом. Значит, подругу всеобщее вампиропоклонничество не захватило.

— Да вот, оторваться не могу, — на одном дыхании проговорила я. — А ты читала?

Саша качнула головой:

— Кино смотрела. Аленка затащила меня за компанию. Ее подружка заболела, а билеты на премьеру пропадали — они их аж за месяц покупали.

— Кто это — Аленка? — удивилась я.

— Сестра моя, Ленка, — тоже удивилась Саша.

Младшую сестру Саши, которая училась на первом курсе иняза, я знала. Она все время напрашивалась к нам в компанию, осенью, до того, как наша поездка сорвалась, очень хотела поехать с нами в Египет, и, как я узнала после посещения Хуаном нашего кабинета, фанатела от певца. Саша тогда даже автограф для сестры взяла.

— А с каких пор она Аленкой стала?

— Ах это. — Подруга улыбнулась. — Да вот с тех пор и стала, как «Сумерками» увлеклась. Говорит, имя Алена перекликается с фамилией Каллен. Она даже на своей странице «В контакте» имя сменила. Была Лена Воронцова, стала Алена Каллен. И домашних всех переучила, чтобы ее Аленой звали. До истерик доходило, так что мы все смирились с ее придурью. Хочет быть Аленой, пусть будет. Лишь бы только с вампирами не связалась, — озабоченно добавила Саша.

Я настороженно уставилась на нее.

— Да шучу я, шучу, — рассмеялась Саша. — Это Аленка спит и видит, чтобы приехал Эдвард на серебристом «вольво» и закусал ее до бессмертия. Дурилка маленькая! Представляешь, у нее теперь вся комната завешана плакатами с «Сумерками». Фильм засмотрен до дыр. А все свободное время она на форумах проводит. Видела бы ты, что они там обсуждают! «Как ты себя поведешь, если на улице встретишь Эдварда Каллена?», «Что бы ты сделала, чтобы отбить Эдварда у Бэллы?». Массовый психоз просто. А на днях захожу к Аленке — а у нее песня играет. Я как слова услышала, чуть не упала. «Эдвард Каллен сексуален, сексуален Эдвард Каллен», — понизив голос и растягивая слова, дурашливо пропела она.

— А тебе разве не хотелось бы, чтобы тебя полюбил вампир? — Я пристально глянула на нее.

— Жан, — Саша укоризненно покосилась на меня, — я, к счастью, вышла из этого возраста. И мне вполне достаточно того, что меня любит самый лучший мужчина на свете.

— И тебе бы не хотелось, чтобы он оказался вампиром, сделал тебя бессмертной и ваша любовь длилась вечно? — напрямик спросила я, затаив дыхание в ожидании Сашиного ответа.

— Жан, ты бы лучше читала «Космополитан», честное слово! — Она насмешливо прищурилась, и я торопливо смахнула «Сумерки» в сумку, испытывая одновременно облегчение, что подруга не грезит о том, чтобы стать вампиром, и боль оттого, что ей предстоит узнать о своем любимом в ближайшее время. Совершенно очевидно, что признание Ирвинга в том, что он вампир, Саша воспримет не как свалившийся на ее голову подарок судьбы, а как вселенскую трагедию.

Наши телефоны зазвонили одновременно. Первым подал голос мой мобильник,

спрятанный в сумку, выдав мелодию «Everything I Do I Do It For You», секундой позже зазвучал мобильный Саши, лежащий на столе. Не надо было быть телепатом, чтобы догадаться, на чье имя в телефонной книге романтическая Саша установила песню Жасмин «Самый любимый».

— Привет, Ваня. — Она уже улыбнулась в трубку, а в моих ушах, пока я искала свой мобильный в сумке, еще по памяти звучали слова песни: «Самый любимый, самый желанный, сердцем ранимый, мой долгожданный, за тобой пойду сквозь радость и беду»... Боюсь, как бы им не стать пророческими!

— Жанна, — откликнулся мой телефон низким голосом Вацлава, — помнишь, нам сегодня надо встретиться с Аристархом? Позвони ему, пусть приедет к тебе. Я уже выезжаю.

В этом весь Вацлав: никогда не скажет «привет», не спросит, как дела, а сразу переходит к делу.

— Только я не дома, — предупредила я. — А в кафе. С Сашей.

— Своей подругой? — мгновенно уточнил Вацлав.

Подружкой Ирвинга, так и тянуло сказать меня.

— Да, с ней.

— Сейчас мы за вами заедем, — сообщил Вацлав и отключился.

Похоже, встречи с Ирвингом мне не избежать...

Саша закончила разговор и отложила телефон. Ее щеки разругались, глаза горели тем особенным блеском, какой бывает только у счастливых влюбленных. Сердце кольнуло иголкой. А имею ли я право на то, чтобы разрушать Сашкино счастье? Но разум уже принялся закидывать меня аргументами. Саша не создана для того, чтобы быть вампиром. Саша мечтает о простом женском счастье, любящем муже и детях, а никак не о вечности, вампирских вечеринок и необходимости пить кровь. Жизнь вампира — не чизкейк, а постоянный выброс адреналина и хождение по грани. До того, как я узнала про Клуб, самым большим потрясением в моей жизни был сломанный каблук. Теперь же вокруг меня постоянно рушатся чьи-то жизни, а я сама не раз оказывалась на волоске от смерти. Такой жизни, как у меня, я Саше пожелать не могла.

Мы как раз успели допить кофе, когда Вацлав с Ирвингом вошли в кафе. Они остановились в дверях, осматривая зал в поисках нас, и я видела, как девушки за соседним столиком обернулись на наших мужчин и оживленно зашептались. И не они одни. Пожалуй, во всей кофейне не осталось ни одной равнодушной дамы. Вместе Гончие смотрелись очень эффектно: оба высокие, физически крепкие, излучающие силу, коротко стриженный смуглый брунет с двухдневной щетиной и гладко выбритый белокожий блондин с удлиненными волосами цвета снега и глазами «из самого синего льда», как в песне группы «Сплин».

Саша, приподнявшись с места, махнула рукой, и сосредоточенное лицо Ирвинга озарила теплая улыбка, когда он ее заметил. Я видела его не так много, всего раза четыре или пять, но запомнила холодным, бесстрастным и отчужденным. Выражение его лица не менялось и было подобно застывшей маске. Сейчас же передо мной был совсем другой человек. И это был именно человек, а не оживший голем, каким я привыкла его считать. Оказалось, от улыбки на щеках Ирвинга появляются ямочки, а в уголках глаз собираются лучики морщинок, придавая Гончему вид озорной и одновременно дружелюбный. Даже прическа Ирвинга, всегда выглядевшая гладкой и скучной, изменилась. Волосы стали чуть длиннее, а рваные контуры стрижки делали внешность современной и еще более привлекательной. Хотя куда уж больше? Сашка всю жизнь была без ума от мужественных блондинов, и Ирвинг — ее стопроцентный идеал.

Когда Гончие подошли к столику, в глазах Ирвинга на миг мелькнула настороженность — словно он боялся, что я могу что-то сболтнуть Саше. Но она так нежно обвила его шею и поцеловала, что он тут же позабыл обо всем на свете. А они красивая пара, с тоской подумала я. Оба белокурые, синеглазые — как принц с принцессой.

— Привет. — Вацлав коснулся поцелуем моей щеки и присел рядом.

— А вы что же, знакомы? — удивилась Саша, переводя взгляд с Вацлава на меня.

Ирвинг мастерски поработал над ее памятью: знакомство с Вацлавом совершенно вылетело у нее из головы, и когда он представился, назвавшись Вячеславом, Саша вежливо откликнулась: «Очень приятно!»

— С Викингом мы коллеги по работе, — улыбнулся Вацлав. — А с Жанной, надеюсь, что друзья. — Он усмехнулся одними глазами.

— Так ты знаешь Ваню? — с изумлением взглянула на меня Саша.

У меня так и вертелась на языке колкость, но Ирвинг не дал мне ляпнуть лишнего и ответил за меня:

— Мы виделись пару раз.

— Вы уже закончили или хотите еще посидеть? — спросил Вацлав.

Саша бросила на меня короткий виноватый взгляд, отрываясь от Ирвинга.

— Мы уже закончили, — резко сказала я, вставая с места. — Рада была увидеться с тобой, Саш.

— Я тоже, — улыбнулась совершенно опьяневшая от близости Ирвинга Саша.

— И с тобой, Ир... то есть Иван, — не удержалась от сарказма я.

— Взаимно. — Ирвинг продолжал улыбаться, но в его синих глазах сверкнула сталь. Гончий давал мне понять, что вмешательства в их с Сашей отношения он не потерпит.

Я открыла сумочку, собираясь положить купюру в качестве оплаты за кофе, но Вацлав удержал меня за руку:

— Я оплачу счет.

Саша попробовала возразить, но Вацлав остановил ее:

— Пустяки. Идем, Жанна.

Мы подошли к бару, и, пока Вацлав разбирался с оплатой, я обернулась на наш столик. Саша, взяв свой бокал с недопитым латте, протянула трубочку Ирвингу. Ирвинг поймал ее губами и сделал глоток.

— Вкусно? — Я напрягла весь слух, чтобы расслышать в гомоне кофейни тонкий голосок подруги.

— Вкусно, — ответил ей хрипловатый голос Ирвинга. — Но ты еще вкуснее.

Наклонившись к Саше, он поцеловал ее в губы и целиком загородил своей широкой спиной.

— Жанна! — Голос Вацлава ударил по мне пощечиной, и в следующий миг он возник передо мной, загородив собой целующуюся парочку.

— Что? — вздрогнула я. — У тебя не хватило денег расплатиться?

Вацлав растерянно моргнул:

— Я подумал, что ты...

Слияние, поняла я. Он решил, что я хочу применить к Саше слияние, и испугался, что Ирвинг что-то заподозрит.

— Идем. — Вацлав нетерпеливо потянул меня к выходу. — Ты звонила Аристарху?

— Ой, — спохватилась я, — нет!

Заболтавшись с Сашей, я совсем об этом забыла.

— Звони. Пусть приезжает как сможет.

— А куда?

— Как куда? К тебе домой, конечно. Этот разговор не должен покинуть стен твоей квартиры.

Аристарх обещал быть через час. Я закончила разговор, как раз когда мы подошли к припаркованному у обочины черному внедорожнику Вацлава. Гончий помог мне сесть вперед, занял место у руля и потянулся ко мне:

— Иди сюда. Я ужасно соскучился.

Вокруг нас проносились машины, по тротуару шли люди, а наша вселенная сузилась до салона «форда», в котором имели значение только жадные поцелуи Вацлава и его руки, скользящие по моим волосам...

— Когда приедет Аристарх? — хриплым от страсти голосом выдохнул Вацлав,

отрываясь от меня.

— Сказал, что через час.

— Что ж, попробуем обмануть пробки. — Он щелкнул ключом зажигания, вырулил на дорогу, и мы попали в затор.

Даже пешеходы по улице шли быстрее, чем мы тащились на джипе! За четверть часа мы проехали всего метров пять и, не успели выбраться из пробки, как остановились на светофоре. Впереди была аллея, на которой сплелись в объятиях парень с девушкой. Они стояли в стороне от фонаря, скрытые полумраком. С неба медленно падал снег, и казалось, что влюбленные — это фигурки, которые застыли в центре стеклянного шара. Парень нежно обнимал девушку, а та привстала на цыпочки, и каблочки ее сапожек оторвались от асфальта, как будто она вот-вот взлетит. Счастливые! В их жизни нет вампиров и инициаций. Ну почему Сашка не нашла себе обычного парня? Вот какого бы счастья я ей желала.

Дождавшись зеленого света, Вацлав нетерпеливо втопил педаль, и мы в считанные мгновения преодолели расстояние до парочки. Влюбленные тем временем расцепили объятия и, взявшись за руки, шагнули из скрывавшего их сумрака в желтый свет фонаря, превратившись из незнакомцев в Сашу с Ирвингом. Я в изумлении припала к стеклу, но они, увлеченные друг другом, меня даже не заметили. Ирвинг что-то рассказывал, Саша смеялась. Последнее, что я увидела, обернувшись, это как Саша шутливо схватила Ирвинга за шарф и, потянув на себя, поцеловала в губы.

Я откинулась на сиденье. Вацлав же, увлеченный вождением, ничего не заметил. Я медлила, не решаясь начать тяжелый разговор. Еще до отъезда в Париж я, обеспокоенная романом Саши с Ирвингом, заговорила об этом с Вацлавом, но тогда он резко отчитал меня и сказал, чтобы я не лезла не в свое дело. С тех пор у парочки все зашло еще дальше. Но и я для Вацлава теперь стала ближе, что давало надежду на то, что на этот раз он меня выслушает с большим участием.

— Ты в курсе, что твой подчиненный подал заявку на инициацию Саши? — медленно спросила я.

— Ирвинг сказал мне по дороге в кафе, — скупно произнес Вацлав и замолчал.

— И? — не выдержала этой паузы я.

— И что ты от меня хочешь? — Он сделал вид, что не понял.

— Это ненормально, — вспыхнула я. — Этого не должно случиться.

— Они взрослые люди, разберутся, — резко ответил он.

— Он укусит ее, а потом скажет, что вампир? — язвительно спросила я.

— Он собирается сказать ей сегодня, — с неохотой сообщил Вацлав.

— Как сегодня?! — Я подпрыгнула на сиденье и невольно обернулась назад, туда, где осталась стоять счастливая Сашка со своим любимым. Хотелось выпрыгнуть из машины, побежать к ней и не дать ей услышать страшной правды.

— Он и так долго медлил, никак не мог решиться.

— Лучше бы и не смог! — сквозь зубы процедила я. — И что теперь будет?

— Он расскажет ей правду, и Александра сама решит, хочет ли она стать одной из нас.

По тону Вацлава я поняла, что в желании Ирвинга сделать Сашу вампиром он не видит ничего предосудительного, и ждать от него поддержки в спасении подруги мне не стоит. Надеюсь, что она сама разорвет с Ирвингом все отношения, узнав шокирующую правду.

— А если она откажется? — спросила я. — Что с ней будет? Ей сотрут память?

— Процедура для всех одинакова, — бесстрастно ответил Вацлав, не сводя взгляда с дороги. — Если человек, получив приглашение в Клуб, отказывается от вступления, из его памяти убирают все данные о нас и он продолжает свою обычную жизнь.

— А как же роман с Ирвингом? Он сотрет ей всю память о себе, начиная с их знакомства?

Вацлав дернул подбородком:

— Нет. Слишком большой объем памяти. Разум Александры может пострадать. Ирвинг сотрет только разговор о Клубе.

— А потом? — требовательно спросила я.

— Да что потом? — начал раздражаться Вацлав.

— Он что, продолжит с ней встречаться?

— Жан, что ты ко мне привязалась? Я не знаю, как поступит Ирвинг. Может, продолжит, а может, расстанется с ней.

Вацлав сердито замолчал, я рассеянно смотрела в окно. Сегодня все решится. Я надеялась, что Саша не сможет смириться с правдой о своем возлюбленном и с негодованием отвергнет его предложение стать вампиром. Я на это надеялась.

— Жанна, — после долгого молчания заговорил Вацлав, — я знаю, что ты беспокоишься за подругу. Но это ее жизнь, и решать ей.

— Да? — вскинулась я. — А если бы это был близкий тебе человек, ты тоже стоял бы в стороне и молча наблюдал, как он совершает самый роковой шаг в своей жизни?

— Ирвинг — не чужой мне человек, — строго заметил Вацлав. — Я знаю его четыре года. А увидел, как он улыбается, впервые. Поверь мне, Жанна, он заслужил это счастье. И в этом деле я целиком на его стороне. Твоя подруга будет с ним счастлива, даже не сомневайся. Он ради нее горы свернет.

Я едва не зарычала от злости. И только телефонный звонок спас Вацлава от скандала.

— Жанна, я уже на месте, — бодро отрапортовал Аристарх. — Вы скоро?

Машина как раз свернула во двор дома.

— Мы уже здесь. Будем через минутку.

Заглушив мотор, Вацлав остро взглянул на меня:

— Готова к разговору? Учти, твоему деду все это очень не понравится.

Я начала свой рассказ с того, что опять могу видеть духов, и поведала о призраках пражского подземелья. Аристарх был потрясен, а Вацлав озвучил свою версию, что вновь проявившиеся у меня способности к видениям могут быть следствием ментального допроса и вмешательства в подсознание.

Пока он говорил, я пребывала в полном смятении. Я совершенно упустила из виду тот факт, что Вацлав, вместе с Андреем проводивший мой ментальный допрос, знает обо мне такие сокровенные подробности, какие я даже родной матери не доверяла. После того, как мы начали встречаться, я об этом и не вспоминала. И что же получается, ему открыты все мои секреты и тайны? Впрочем, какая разница, что Вацлав знает, что в детстве я страшно испугалась дворовой собаки, что для него не секрет, каким был мой первый поцелуй, и что ему ведомо, что было у меня на сердце, когда погиб Глеб. После всего этого он поехал со мной в Прагу, согревал меня в своих объятиях после купания в зимней Влтаве, читал Маяковского, когда мы шли по Бродвею. Значит, для него это не помеха. А я не стану напоминать ему о допросе, потому что знаю: для него это было так же тяжело, как и для меня. К чему ворошить прошлое? Настоящее-то мы пишем вместе. Это главное.

— Возможно, тут есть и другая причина, — задумчиво заметил Аристарх, выслушав версию Гончего.

Мы с Вацлавом вопросительно взглянули на него.

— Кровь Жана и Слеза Милосердия, — после томительной паузы сообщил он и поднял на меня взгляд. — Кровь Жана наделила тебя огромной физической силой. Серебряная Слеза, пока ты ее носила, контролировала эту силу.

— Но Слезы больше нет, — возразила я.

Парижские старейшины забрали ее у меня, когда я была под следствием. После моего оправдания Андрей принес ее в аэропорт, хотел вернуть мне, но во время драки с Вацлавом она потерялась.

— В том-то и дело, — угрюмо сказал Аристарх. — Слезы нет, а сила, которой тебя наделил Жан, осталась.

— Я контролирую себя, — поспешно ответила я. — Я полностью собой владею.

Аристарх шумно вздохнул.

— Слышала о законе равновесия? Каждому вампиру дается поровну физической силы

и силы духа. Те, кто стремится стать непобедимыми физически, по мере обретения новых навыков тела, теряют способности к психическому воздействию. И наоборот. Самые сильные гипнотизеры и телепаты среди нас — самые физически слабые среди вампиров. Лана тебе разве ничего не объясняла?

Светлана была вампиршей, которая посвящала меня в тонкости жизни в Клубе вампиров.

— Лана, если ты позабыл, действовала по указке вашего же Совета старейшин и старательно вводила меня в заблуждение относительно способностей вампиров вообще и моих способностей в частности. — Я не удержалась от обвиняющего тона. — Так что говори напрямик, при чем здесь я?

— Когда у тебя еще не было Слезы Милосердия, ты пользовалась своей физической силой, — терпеливо объяснил Аристарх. — Потом силу контролировала Слеза. Оставшись без нее, ты начала сдерживать силу сама. И вот последствия. Силу нельзя запереть, она все равно найдет выход. И она его нашла. Ты перестала пользоваться физической силой и обрела особые способности духа.

— Почему ты не говорил мне об этом раньше? — растерянно спросила я. — Вы со старейшинами поначалу считали меня потенциальной маньячкой, готовой в любой момент растерзать людей...

Кажется, я начинала понимать.

— Вы даже не рассматривали тот вариант, что я смогу обуздать эту силу и направить ее по пути разума! — осуждающе воскликнула я, наступая на Аристарха. — А ты не верил в меня даже потом! Ты вытащил Слезу Милосердия из огня, руки не пожалел. — Лицо Аристарха еле уловимо дрогнуло, но я продолжила обвинять его, срываясь на крик: — Ты не верил в то, что я смогу справиться сама, что смогу себя контролировать!

Я внезапно осеклась. Глупо обвинять Аристарха в том, что он не верил в мою выдержку, и при этом вести себя как настоящая истеричка. Спокойствие, только спокойствие. Любимый герой сказки плохого не посоветует. Хотя сомневаюсь, чтобы Карлсону приходилось сталкиваться с тем же, что и мне. Про вампиров сказок не пишут. Про них снимают ужастики.

— Прости меня, — тихо сказал Аристарх.

— Нет, это ты меня прости, — глухо откликнулась я. — Я погорячилась.

— Это точно. — Аристарх коротко усмехнулся и приобнял меня.

— Я благодарна тебе за все, что ты для меня сделал, — прошептала я в его плечо.

— Я сделаю для тебя все, что в моих силах, — пообещал он, по-отечески целуя меня в висок.

Вацлав коротко кашлянул, и я, отстранившись, пристально взглянула на него.

— А ты? Почему все время молчал ты?! Почему ты ничего не сказал мне о законе равновесия?

Вацлав выглядел настолько обескураженным, что я все поняла без слов. Гончий до сих пор переживал из-за моего ментального допроса, в котором принимал участие. Он даже не рассматривал других версий происходящего со мной. Просто убедил себя в том, что все мои беды — по его вине.

— Подумать только — видеть духов и призраков! — проговорил Аристарх, не иначе как для того, чтобы разрядить обстановку. — Обычно вампирам по силам только гипноз и телепатия. Говорить с призраками — это привилегия магов.

— Это ты еще не все знаешь, — угрюмо заметила я и покаялась в том, как отличилась на вечеринке у Пандоры.

— Жанна, — полуобморочным тоном сказал Аристарх, когда я закончила, — признайся: ты меня разыгрываешь.

Я виновато опустила глаза. Я бы и рада, да какие уж тут розыгрыши.

Аристарх застонал сквозь зубы:

— Но этого просто не может быть! Это только легенда!

— Уж извини, что так тебя расстроила, — угрюмо выдавила я.

— Ты представляешь себе последствия? — Аристарх порывисто вскочил с дивана и принялся мерить шагами гостиную, напугав Маркизу, которая забилась под стул и оттуда немигающим желтым взглядом следила за нервным гостем. — Вацлав, ты ей что-нибудь объяснил?

— В общих чертах, — ровным голосом отозвался Гончий.

— В общих чертах! — передразнил его Аристарх и остановился напротив меня. — Так вот, послушай меня, детка. Если об этом станет известно, в лучшем случае тебя изолируют от общества и заключат в четырех стенах, чтобы ты не могла ни на кого воздействовать.

Я вздрогнула от этой «лучшей» перспективы. Какова же тогда худшая?

— А в худшем — тебя втравят в такие высокие политические интриги, что за твою жизнь я не дам и ломаного гроша. — Аристарх скрипнул зубами. — Ты сейчас можешь влиять на решения президентов, начинать и заканчивать войны, испортить репутацию самому безупречному политику...

Уже от одного этого перечисления мне сделалось дурно. Аристарх, увидев, как изменилось мое лицо, решил меня пощадить и свернул свою мысль.

— И в любом из этих случаев я уже мало чем смогу тебе помочь, — удрученно закончил он.

— Значит, наше дело вести себя так, как будто ничего не случилось, — ровным тоном заметил Вацлав. — А задача Жанны — держать себя в руках и забыть о том, что ей по силам слияние. Я правильно вас понял, господин старейшина?

— У нас нет другого выхода, — с отчаянием сказал Аристарх. — Мы должны держать это в тайне.

— Но погодите, — повысила голос я. — В таком случае вы становитесь такими же преступниками по вампирским законам, как и я сейчас.

— Ты не должна об этом волноваться, — отмахнулся мой дед. — Главное, что ты сможешь жить нормальной жизнью.

— Но это ненормально! — воскликнула я. — Вы оба подставляете свои головы под удар ради меня!

— Я готов пойти на все ради тебя, — с решимостью заявил Аристарх.

Вацлав не произнес ни слова, но по его взгляду было понятно, что свое решение он принял еще тогда в Нью-Йорке и считает его единственно верным.

— Жанна, — Аристарх порывисто схватил меня за руки и с отчаянием заглянул в глаза, — обещай, что ты не будешь делать глупостей.

Я в смятении переводила взгляд с деда на Гончего. Разве я заслужила, чтобы двое этих замечательных мужчин рисковали своей головой ради меня?

Мы проговорили еще полночи и сошлись на одном: никто на свете не должен знать о том, что я владею слиянием, а также о том, что мне по силам видеть призраков. Вацлав с Аристархом поклялись хранить молчание. Я пообещала, что забуду о том, что проделала в Нью-Йорке, и никогда впредь не применю опасное умение. Я была искренна в своем обещании и готова была скорее пожертвовать весь свой модный гардероб в пользу неимущих, чем подставить под удар дорогих мне мужчин. Тогда я даже не догадывалась, что совсем скоро мне придется нарушить свое слово. Потому что над головой того, кого я люблю, нависнет смертельная опасность...

А пока я проводила немного успокоившегося Аристарха до дверей. Он с неудовольствием покосился на Вацлава, которого я попросила остаться со мной, но ничего не сказал. Думаю, после событий сегодняшней ночи Аристарх должен смириться с присутствием Вацлава в моей жизни. Гончий показал, что ради меня пойдет на все, даже на должностное преступление. Аристарх, поступивший так же, не мог не оценить этого поступка Гончего. Поэтому он только сухо пожелал нам спокойной ночи и вышел за порог.

Я закрыла дверь и без сил прислонилась к ней спиной. Разговор о слиянии совершенно меня вымотал. В следующий миг Вацлав оказался рядом, его руки уперлись в дверь по бокам

от меня, поймав в плен.

— Я думал, он уже никогда не уйдет, — глухо пробормотал он, жадно целуя меня.

Первой упала к ногам моя кофта. Затем мы крутанулись, словно в танго, оказавшись в дверях гостиной. На пороге остался лежать пуловер Вацлава. Там же я избавилась от домашних тапочек — Вацлав подхватил меня на руки и понес в спальню. Его горячие поцелуи и нетерпеливые ласки совершенно стерли из моей головы все мысли о том, что в это самое время Ирвинг объясняется с Сашей, рассказывая ей шокирующую правду о себе...

Ирвинг

Когда-то в Копенгагене жила счастливая семья. Супруги Эрлинг и Карен, дочери-близняшки Грета и Герда. По вечерам в их маленькой, но уютной квартире звучали сказки Андерсена, которые читала вслух Карен, а дочери слушали ее затаив дыхание. Тихонько открывая дверь ключом, Эрлинг стоял некоторое время в темной прихожей, слушая голос жены и пытаясь угадать сказочную историю. А потом уже проходил в комнату, попадал в объятия жены и дочерей и, отбирая у Карен книгу, продолжал чтение прерванной сказки.

Как это водится, девочки росли, а с ними росли и расходы семьи. Карен никогда не упрекала мужа низкой зарплатой и довольствовалась малым. Но Эрлингу хотелось, чтобы у его девочек было все самое лучшее. Так инженер Эрлинг бросил свою стабильную, но неприбыльную работу и на пару с приятелем Свенном открыл небольшой магазин спорттоваров, вложив в него все имеющиеся сбережения. Поначалу дела шли ни шатко ни валко. Положение семьи сделалось еще более бедственным, но Карен ни словом, ни взглядом не попрекнула мужа, даже когда у дочек осталась одна пара сапог на двоих. Эрлинг был в отчаянии и уже был близок к тому, чтобы оставить бизнес и вернуться в офис, когда дела внезапно пошли в гору. У девочек появились новые игрушки и красивая одежда, супруги смогли себе позволить ходить в рестораны и съездить к морю в Испанию.

То лето было последним глотком счастья в жизни Эрлинга. Напоенные июльским зноем солнечные дни заканчивались волшебными закатами. Уложив пятилетних дочек спать, супруги допоздна сидели на открытой веранде или бродили по берегу моря, считая звезды и убегая от расшалившихся волн. Рутинная семейная жизнь отступила под жарким испанским солнцем, под бархатным черным небом, Эрлинг с Карен вновь сделались пылкими влюбленными, какими были в двадцать лет, когда только встретились и не могли насыщаться друг на друга.

Уезжать из Испании не хотелось никому. Стоя на берегу моря в последнее утро, Эрлинг пообещал, что они еще непременно вернутся сюда, и озвучил их общую мечту — купить домик на испанском побережье и проводить здесь все лето. Близняшки завизжали от восторга, Карен солнечно улыбнулась, и Эрлинг подумал, что ради их счастья отдаст свою жизнь.

А дома ждали проблемы. Мрачный Свенн сообщил, что в отсутствие Эрлинга наведывались местные бандиты, затребовали непомерную кучу денег и забрали дневную выручку из кассы в уплату долга. Эрлинг был вне себя от гнева и вышел встретить явившихся в магазин вечером бандитов, заявив, что не намерен платить. Он был уже готов драться, вспомнив уличные драки в юности, когда их главный, мелкий тип с нехорошим взглядом и сиплым голосом, внезапно отозвал своих громил.

— Поговорим по-другому, — недобро ухмыльнулся он.

А когда Эрлинг вернулся домой затемно, то в родных стенах не звучал грудной голос Карен, читающей очередную сказку...

С порога его оглушила тревожная тишина, от которой сердце затопило паникой. Пронесшись по квартире, Эрлинг не нашел никого. Он уже выбежал за дверь, собираясь искать жену и дочек на улице, как в спину ему донесся звонок телефона.

Сиплый голос сообщил, что его семья в надежном месте. И потребовал за их возвращение долю Эрлинга в магазине. Ставки выросли. Но теперь некогда было

торговаться. У бандитов были его девочки, и Эрлинг был готов подписать что угодно.

Он помчался на другой конец города, в промышленный район, где едва не заблудился в лабиринтах складов, отыскивая нужный ангар.

— А ты не спешил, — с гадкой ухмылкой приветствовал его мелкий.

— Где моя семья? — с ненавистью спросил Эрлинг, оглядывая пустой склад с какими-то коробками по углам и несколькими перевернутыми бочками у стены.

Мелкий сделал знак рукой, и из боковой двери вывели смертельно-бледную Карен и хнычущих девочек.

— Родная, вы в порядке? Они вам ничего не сделали? — подался к ним Эрлинг, но дорогу ему преградил один из верзил.

— Все нормально, — испуганно откликнулась Карен. — Девочки только перепугались.

У Эрлинга отлегло от сердца. Узнав о том, что жена и дети, беззащитные, в руках бандитов, он опасался худшего.

— Что нужно подписать? — Он в ярости повернулся к главарю.

Тот кивком указал на бумаги, лежащие на перевернутой бочке.

Эрлинг, не вчитываясь в текст, торопливо расписался. Он подписывал не отказ от магазина, хотя терять свое дело было жаль. Он подписывал помилование своим родным, без которых все на свете было неважно. Отодвинув договор, он нетерпеливо повернулся к заложникам, желая скорее увести их отсюда.

Мелкий удовлетворенно разгладил бумаги и кивнул громилам. Эрлинг думал, что те расступятся, чтобы пропустить его к жене и детям. Но вместо этого двое из них оттеснили его к стене, а трое шагнули к Карен и девочкам, доставая из-за пояса оружие. Карен, затравленно оглянувшись, закрыла дочек собой.

Крик Эрлинга потонул в раскатах выстрелов. Его девочек убили на его же глазах. Одну за другой. Такая же участь ждала и его: сердце Эрлинга уже было на прицеле. Главарь банды не давал отмашки стрелять только потому, что хотел продлить его страдания, упиваясь смертельной тоской в глазах мужчины.

Но выстрел так и не прозвучал. В ангар ворвались какие-то люди в черном. Завязалась перестрелка. Про Эрлинга забыли. Получив свободу, он подобрал пистолет из выпавшей руки мертвого бандита и отыскал взглядом мелкого главаря, с такой легкостью распорядившегося судьбой четверых. Рука, никогда прежде не державшая пистолета, не дрогнула. Эрлинг разрядил в бандита весь барабан и, отшвырнув ставший ненужным пистолет, под градом пуль бросился к безжизненным телам жены и детей. Вокруг падали, сраженные меткими выстрелами, его враги. Кто бы ни были люди в черном, они были намного сильнее бандитов.

Когда выстрелы стихли, из врагов никто не остался в живых. Люди в черном подошли к Эрлингу, и он услышал, как их главарь тихо вымолвил: «Опоздали». Эрлинг поднял на них мутный взгляд, недоумевая, почему они медлят, и не увидел в их руках оружия. Ответом ему были взгляды, полные сочувствия и горя. Как будто люди, стоявшие перед ним, сами пережили то же, что и он.

— Кто вы такие? — глухо спросил он.

И услышал в ответ:

— Ты хорошо стреляешь. Хочешь пойти с нами?

Гончие не заменили ему погибшую семью. Они просто стали верными друзьями, не дали ему сломаться и придали жизни новый смысл. Нельзя вернуть умерших, но можно защитить живых, уничтожая тех, кто считает себя вправе крушить чужое счастье.

У каждого в команде была своя специализация. Он стал грозой мафии и рэкетиоров. Гончие знали его как Ирвинга. Когда он впервые назвал свое имя, вожак не расслышал и переспросил: «Как, Ирвинг?» И тогда он внезапно согласился. Эрлинг умер вместе с Карен и девочками, его сердце остановилось одновременно с их сердцами. Это уже Ирвинг всадил обойму патронов в сердце главаря банды, и жить на свете предстоит Ирвингу — одинокому,

бесстрашному и безжалостному.

Он поменял все: квартиру, машину, прическу, гардероб, привычки. Вместо опустевшего семейного гнезда — холостяцкая берлога, вместо чтения газеты у телевизора — спортзал до изнеможения, вместо деловых костюмов и галстуков — футболки и джинсы, вместо кофе — кровь, вместо семейной машины — спортивный автомобиль, чтобы гонять одному ночи напролет.

От прошлой жизни остался только семейный фотоальбом. Ирвинг открывал его нечасто, так как каждый просмотр заканчивался выпитой залпом бутылкой коньяка. Только так можно было заглушить нечеловеческую боль оттого, что его дочери никогда не повзрослеют, не вырастут из игрушек и детских платьев, а жена никогда не состарится. Он убеждал себя в том, что они поселились в домике у моря, где навечно застыло время, и ждут, когда он присоединится к ним. И тогда он, как прежде, услышит грудной голос жены, читающей сказку о Снежной королеве, и тонкий голосок Герды, повторяющей вслед за матерью реплики своей сказочной тетки, и обиженный голос Греты, недовольной, что не ее назвали именем героини Андерсена...

За годы, прошедшие после гибели жены и дочерей, он сменил четыре страны. Пожил в Варшаве, Брюсселе и Осло, потом переместился в Москву. Он жил одиночкой, и никому из случайных любовниц не удавалось заполнить пустоту в его сердце величиной в целую вселенную. Он уже забыл, каково это: жить в ожидании новой встречи, не размыкать рук часами, улетать в облака от одного лишь взгляда, загораться от одного прикосновения...

Он и не ждал, что это чудо случится с ним вновь. А потом он встретил Сашу, внешне похожую на Карен. Любовь захлестнула его десятибалльным штормом, а жизнь обрела новый смысл — беречь, защищать, быть рядом с ней. Пусть даже она никогда не взглянет в его сторону, пусть никогда не разделит того шквала чувств, которые бушуют у него в душе. Но она взглянула и разделила.

После первых же встреч Ирвинг перестал сравнивать Сашу с Карен. Саша была не заменой погибшей жене, а подарком судьбы, его новым, неожиданным шансом на счастье. А когда первая эйфория прошла, все сделалось в сто крат сложнее. Он — вампир, она — человек. Оставить ее любовницей невыносимо. Сделать женой — невозможно, пока она смертная.

Как-то он поделился своими сомнениями с Вацлавом, и тот рассказал о своем прошлом. О том, как, будучи женатым, стал вампиром. О том, как запах крови жены сделался навязчивой идеей. О том, как не решался ее обратить. И о том, как потерял.

— Не совершай моей ошибки. У тебя есть право на то, чтобы сделать Александру одной из нас. Если она любит по-настоящему, то поймет.

Ирвинг подал заявку в Совет старейшин, а когда получил разрешение, колебался еще неделю. Как сказать той, кого он любит больше всего на свете, страшную правду о себе? Как признаться в том, что обманывал ее все это время? Как предложить отказаться от солнечных дней ради ночей с ним? Как поставить ее перед таким тягостным выбором?

Слова Вацлава начали сбываться. С каждой встречей аромат крови Саши становился все более волнующим, туманил разум и отравлял поцелуи навязчивым привкусом. Он мечтал, чтобы Саша была с ним каждую минуту, но не мог долго находиться рядом, когда они встречались. Свидание превращалось в изощренную пытку. Больше всего на свете Ирвинг боялся потерять Сашу, но именно это и происходило с каждым днем. Его натура вампира брала свое и отдаляла от любимой. Медлить было нельзя. Пора было решаться. Или они будут вместе в вечности, или расстанутся навсегда...

Ирвинг отогрел дыханием озябшие Сашины ладошки. Они бродили по парку уже битый час, а он все никак не мог завести разговор.

— Ну говори уже, — вдруг потребовала она, подняв на него серьезные глаза. — Я же вижу, ты что-то собираешься мне сказать, но все никак не решишься. Что, ты женат и у тебя жена и дети?

Ирвинг глубоко вдохнул и заговорил.

Глава 10

НОЧЬ ВАМПИРСКИХ ОТКРОВЕНИЙ

Смерть для вампиров ничего не значит. Они всегда найдут способ восстать из могилы.

Терри Пратчетт. *Carpe Jugulum*. Хватай за горло!

Будущее — не холодильник, на него гарантию не выпишешь.

Арина Ларина. Дюймовочка крупного калибра

Следующим вечером я проснулась с мыслью о Саше. Как она там? Как восприняла исповедь Ирвинга и его предложение сделать ее вампиром? Что решила?

Я порывисто села на постели, и пальцы Вацлава принялись выводить рисунок на моей спине.

— Проснулась?

— А тебе разве еще не пора на работу? — Я обернулась через плечо.

— Пора, — неохотно отозвался он. — Я и так задержался. Боялся тебя разбудить. Ты так чутко спишь.

Я взглянула на часы. Шесть вечера. Один час до конца рабочего дня в «Милом доме». Надо спешить.

— Тогда давай поторопимся! — Я уклонилась от страстных поцелуев Вацлава и солгала: — Хочу заглянуть в один магазин до закрытия. Вчера присмотрела там классное платье, но не успела примерить. И больше не хочу откладывать на завтра то, что можно купить сегодня.

Вацлав сделал вид, что поверил, и принялся одеваться.

Он подвез меня до улицы, где находится агентство. Я указала на витрину магазина, куда частенько забегала после работы.

— Когда увидимся? — спросила я, прежде чем выйти из машины.

— Сегодня вряд ли, — сосредоточенно отозвался он. — Позвоню завтра.

— Тогда удачной ночи! — Я потянулась поцеловать его на прощание.

— Спасибо, — серьезно ответил он. — Удача мне понадобится.

Я испытала укол совести. По возвращении в Москву я даже не поинтересовалась у Вацлава, зачем его так срочно вызывали Гончие. Обязательно расспрошу его об этом в следующую же встречу.

Я вышла на тротуар, и «форд» Вацлава резко сорвался с места — Гончий торопился наверстать время, потерянное в моей постели. Даже не взглянув на витрину магазина, я заторопилась к офисному зданию. Мне надо было срочно увидеть свою подругу.

— А Саша на работу сегодня не вышла, — завидев меня, доложил Ефим. — Эй, Жан, подожди! — донеслось мне вслед.

Но я уже выбежала на улицу и ловила такси. Сердце зашло в тревоге, заподозрив самое страшное. Неужели я опоздала?

Никогда в жизни мне еще не были так ненавистны московские пробки, каждая минута в дороге казалась часом, и когда наконец впереди показался Сашин дом, я не стала дожидаться, пока очередной затор перед перекрестком позволит машине подъехать ближе, расплатилась с водителем и сломя голову понеслась по тротуару, обгоняя стоящие автомобили.

Домофоном я не воспользовалась — какой-то мужчина входил в подъезд и любезно придержал мне дверь. В лифте он все время сверлил меня заинтересованным взглядом. Любая нормальная вампирша на моем месте воспользовалась бы ситуацией, чтобы подкрепиться, но сейчас меня меньше всего волновал фастфуд. Я боялась, что моя лучшая подруга стала вампиром. И этот страх вытеснял из головы все остальные мысли.

Лифт полз непозволительно медленно, еще медленней открывались двери. Если бы не мужчина за моей спиной, наверное, я бы выломала их, чтобы скорее попасть на этаж. Вот и знакомая дверь! Сколько раз я бывала в гостях у Сашки за последние пять лет — и не сосчитать. И ни разу не была после того, как попала в Клуб. У меня появились совсем другие интересы. Сашка, обеспокоенная моим поведением, приходила ко мне домой, тогда она и познакомилась с Глебом. А теперь я замерла перед ее дверью, собираясь с духом. Кто меня встретит там — моя Сашка или незнакомая вампирша? Я вдавила звонок с такой силой, что могла бы проломить стену. Мелодичная трель разнеслась по ту сторону двери, а потом мой слух различил едва слышные шаги.

— Саша, Сашенька, — я убрала палец со звонка и заколотила кулаком, — открой мне.

За дверью раздался тихий всхлип, от которого у меня остановилось сердце и опустились руки.

— Пожалуйста, — прижавшись щекой к железной двери, проскулила я.

Щелкнул замок, я отшатнулась от открывающейся двери и замерла. На пороге показалась заплаканная Сашка. Бледная, со спутанными волосами, с потухшим взглядом, но все та же. Не вампир, человек. Тонкий аромат ее крови остался таким же, что и вчера, и настойчиво взывал к моей жажде.

— Ты уже все знаешь? — взволнованно выдохнула я.

— Зачем ты пришла? — безжизненно спросила она, глядя на меня так, будто не узнавала.

— Я переживаю за тебя, Сашка.

— А я-то еще вчера удивилась, к чему этот разговор о вампирах... — Казалось, она меня даже не слышит.

Я отметила, что она стоит за порогом, не переступая его и не приглашая меня внутрь. Словно веря в то, что эта невидимая граница убережет ее от возможной опасности, которую я теперь могла для нее представлять. И от этого мне сделалось так горько, что на глазах выступили слезы.

Саша повернулась ко мне спиной, и до меня донеслось:

— Проходи. Мама с Аленой на концерт ушли. Папа в командировке. Я одна.

Я шагнула в темный коридор и споткнулась о тапочки, которые поставила к моим ногам Саша.

— Переобувайся.

Все было как всегда. Тапочки со смешными мишками. Занавески с подсолнухами на кухне. Чай с бергамотом. Кружка с тюльпанами. Только на этот раз, автоматически поставив передо мной кружку, Саша вдруг запнулась и вопросительно подняла глаза:

— Или ты теперь не пьешь... чай?

— Пью. И ем. — Я придвинула к себе вазочку с овсяным печеньем и надкусила одно из них, совершенно не почувствовав вкуса.

— Значит, все не так страшно, как на первый взгляд, — задумчиво сказала она, и я поперхнулась печеньем.

— Саш, — не веря своим ушам, выдавила я.

— Жан, я понимаю, что все это противоестественно и мерзко. — Подруга поморщилась. — Но моя жизнь преобразилась только с появлением Ивана... то есть Ирвинга. Я не могу от него отказаться. Он нужен мне. А я нужна ему.

— Саш, ты не понимаешь, на что ты хочешь пойти... — пылко заговорила я.

— Я все понимаю, — резко возразила она. — Ты тоже вам... — Она так и не смогла произнести это слово вслух и вывернулась: — Одна из них. Ты изменилась, но не стала чудовищем.

— Ошибаешься, Саша, — глухо сказала я. — Мне приходилось убивать.

Глаза подруги расширились от ужаса.

— Людей?

Я мотнула головой:

— Вампиров.

На моей совести смерть Жана и двух его охранников. С охранниками это была самооборона, а убивая Жана, я действовала под влиянием Слезы Ненависти, но какая разница? Три вампира мертвы. И я тому причиной.

— Значит, они этого заслужили, — неожиданно жестко сказала Саша.

И я вздрогнула, поняв, что подруга уже начала меняться. И что она уже приняла решение и мне ее не переубедить. Саша станет вампиром, и я потеряю ее. Навсегда. Саша уже не будет такой доброй, беззаботной и отзывчивой, как прежде. Она станет другой, и как сложатся наши с ней отношения, предугадать нельзя. Возможно, мы останемся приятельницами. Возможно, со временем она разочаруется в Ирвинге и возненавидит меня за то, что я не удержала ее от рокового шага.

— Так вот, значит, как ты работаешь модным обозревателем, — горько заметила она.

— А что я могла сказать, Саш? — убитым тоном откликнулась я.

— Как ты решилась на это, Жан? Что они тебе предложили? — Она колко взглянула на меня. — Чемоданы модных шмоток? Драгоценности от Тиффани?

Я вздрогнула от ее слов, как от пощечины.

— А ты не знаешь? — глухо спросила я. — Ирвинг тебе не сказал?

— Уж как-то не до того было, — она скривила губы, — извини. Он сказал только, что ты одна из них.

— Я не выбирала такую судьбу, Саш. Все вышло случайно.

Подруга недоверчиво изогнула бровь.

— Помнишь, — медленно сказала я. — Однорог послал меня на заброшенную фабрику в Котловке? У твоего папы еще в тот день был юбилей, и ты не смогла поехать со мной, хотя и не хотела, чтобы я ехала туда одна? Ты мне еще зонтик тогда дала — для обороны от маньяков?

— Как же, — взволнованно проговорила Саша, и чашка в ее руках задрожала, — помню. Однорог тогда еще разбушевался из-за того, что ты упустила Горячкину, и со злости выдал тебе тот адрес.

— Так вот, я возвращалась домой поздно и... — Я пересказала подруге нашу встречу с Жаном, поведала о моем тяжелом пробуждении на следующее утро и о записке вампира, а затем о появлении Ланы из службы адаптации новичков-вампиров.

Сашка слушала меня с широко раскрытыми глазами, вспоминая события тех дней, когда я впервые начала вести себя странно на работе и она заподозрила неладное.

— Значит, выбора у тебя не было... — задумчиво заключила она, когда я закончила свой рассказ, коротко поведав о своей дебютной вампирской вечеринке и знакомстве с Глебом.

Она вскочила с места и нервно заходила по кухне.

— Знала бы ты, Жан, как мне сейчас тяжело! — Она с отчаянием повернулась ко мне. — Уж лучше бы Ирвинг укусил меня, а потом все объяснил. Так было бы проще. А теперь вроде бы у меня есть выбор. Только что же это за выбор, когда приходится выбирать между родными и любимым? Когда на одной чаше весов возможность иметь нормальную семью и ребенка, но от другого мужчины, или быть с любимым, но практически не иметь шансов на рождение малыша? Да к тому же через десять лет придется уехать, навсегда покинуть маму, папу, сестру. Это просто невыносимо!

— Саш, — осторожно, боясь ее рассердить, заговорила я, — ты должна очень хорошо подумать. Пойми, любовь может пройти, а вампиром становятся раз и навсегда. Пути назад не будет. Ты еще такая молодая и обязательно найдешь свою вторую половинку. Среди обычных мужчин. Их куда больше, чем вампиров.

— А если я уже нашла? — Сашка остановилась напротив и с отчаянием взглянула на меня. — И никого другого мне не надо? Что, если я сейчас откажусь от своей настоящей любви, а потом всю жизнь буду жалеть об этом? Я не хочу выйти замуж лишь бы за кого и детей хочу только от любимого!

— Детей от Ирвинга у тебя не будет, — жестко сказала я. — Шансы на это минимальны. Я слышала, что ученые-вампиры работают над этой проблемой, но вряд ли они найдут решение в этом столетии.

Сашка вздрогнула и отвернулась к окну. Ее плечи мелко затряслись, по щеке скатилась крупная слеза. Этого я вынести не могла. Поднялась с места и крепко обняла ее, прижимая к груди и глядя по волосам. Как раньше. Сколько раз мы так плакали на плече друг друга, горя о разрыве с парнем или о несправедливом лишении премии на работе? Только теперь, утешая Сашку, я чувствовала волнующий запах ее крови, кончиками пальцев ощущала ток крови в ее венах и исходящее от нее живительное тепло, к которому хотелось припасть голодным ртом. Каково же должно быть Ирвингу держать Сашу в объятиях и целовать ее? Я невольно позавидовала выдержке Гончег и оценила силу его любви к Саше.

А Сашка, кажется, почувствовала мое замешательство и отшатнулась, настороженно глядя на меня.

— Все в порядке, — дрогнувшим голосом сказала я. — Тебе не надо меня бояться. Я никогда не причиню тебе вреда.

Дружеские чувства, которые я испытывала к Саше, были намного сильнее животной жажды. И я никогда бы не поддалась инстинкту, зная, что навсегда потеряю Сашкино расположение. Ирвинг, должно быть, испытывал то же самое.

— Я тебя не боюсь. — Она шмыгнула носом и вытерла слезы. — Просто все это так... невероятно!

— Сашка, — умоляюще пробормотала я, — прошу, только не совершай ошибок.

— Ты не любишь Ирвинга? — Она сердито взглянула на меня.

— Я слишком люблю тебя.

— А я люблю его, пойми! — порывисто воскликнула она и серьезно добавила: — Больше жизни люблю.

Что ж, кажется, эту битву я проиграла. С упавшим сердцем я поднялась с места, взглянув на часы. Начало одиннадцатого. Скоро вернутся Сашкины родные, и мне бы не хотелось с ними встречаться сейчас.

— Когда ты должна дать ответ? — бесцветно спросила я.

— Ирвинг сказал, что у меня столько времени, сколько мне потребуется.

— Но ты ведь уже решила?

Сашка кивнула.

— Я скажу ему завтра. В День всех влюбленных. Мы в театр идем. Билеты за месяц покупали, не пропадать же... Там и скажу.

Я помедлила, борясь с острым желанием применить к Сашке слияние, позвонить Ирвингу и сказать ее голосом, чтобы он больше никогда ее не беспокоил. А стереть из ее памяти секретную информацию о Клубе может и Вацлав, если я скажу, что Саша не желает видеть Ирвинга. Но потом я вспомнила тех двух влюбленных, скрытых полумраком, на заснеженной аллее, для которых не существовало никого на всем свете и которые были так счастливы, что я искренне пожелала Саше такого же счастья, еще не подозревая, что в тот момент вижу ее с Ирвингом. Вацлав прав. Это не моя жизнь и не мой выбор. Я сделала все, что было в моих силах. И теперь решение за Сашей.

— Что ж, тогда до встречи в Клубе. — Я резко развернулась, пряча непрошенные слезы, и направилась к выходу.

Вопреки распространенной поговорке, утро вечера оказалось еще дряннее...

Саша не стала меня провожать. На зеркале в прихожей, там, где раньше была прикреплена наша с Сашей фотография с корпоратива, теперь был снимок Саши с Ирвингом. А рядом — билеты в Театр Луны. Спектакль назывался «Ночь нежна». Какая ирония судьбы!

В такси по пути домой я вспоминала разговор с Сашей, пытаюсь понять, где я допустила ошибку в своих увещеваниях, где не добавила, хотя могла... Позвонила мама, спросила, когда я собираюсь их навестить, я сослалась на срочные дела и пообещала быть завтра. Набрала номер Аристарха, позвала с собой в гости и невольно улыбнулась, услышав,

с каким ликованием он воспринял завтрашний визит.

— Только ненадолго, — предупредила я. — Завтра День святого Валентина.

И я хотела бы провести его с Вацлавом, мысленно добавила я. Аристарх поспешно согласился, и я поняла, что ему тоже есть к кому торопиться после семейного ужина. У него теперь есть Вероник.

Заглянув в почтовый ящик, я выгребла кучу рекламных листовок с доставкой пиццы и установкой стеклопакетов. Уже хотела бросить их в коробку для мусора, полную ярких бумажек, как вдруг нащупала уголок плотного конверта. Невероятно, но на конверте стоял оттиск VIP и был указан адрес Парижского Клуба. Зачем это я им понадобилась?

На ходу вскрывая конверт, я уже вошла в лифт и вдавила кнопку своего этажа, когда услышала, как хлопнула входная дверь и послышался дробный стук каблучков. Я нажала на отмену, чтобы подождать припозднившуюся соседку. Лифт у нас один, если уеду, то ей придется ждать, пока лифт вернется.

— Спасибо! — прозвучал запыхавшийся голос.

Я подняла глаза и торопливо спрятала нераскрытое письмо в карман пальто.

Передо мной стояла Настя и, не решаясь войти в лифт, настороженно смотрела на меня. Я не видела ее с отъезда в Париж и отметила произошедшие в ее внешности перемены. Русые волосы, раньше подстриженные в каре, отросли ниже плеч. Стала длиннее и челка, которую Настя теперь укладывала набок. Мелирование, с которым Настя выглядела блондинкой, умелый стилист затонировал краской холодного бежевого оттенка. Этот цвет очень шел Насте, но в то же время делал ее строже и взрослее. В зеленом кашемировом пальто и зеленом берете Настя была похожа на парижанку, а ее серые глаза казались изумрудными.

— Заходи, я не кусаюсь, — грустно улыбнулась я.

К моему удивлению, соседка не стала отнекиваться и вошла. Мы одновременно потянулись к кнопке с общим этажом, нечаянно соприкоснулись пальцами, и Настя отдернула свою руку.

— Ты меня ненавидишь? — вяло спросила я.

— До сих пор не могу поверить, что ты на это согласилась, — сердито сказала она.

Я непонимающе взглянула на нее:

— На что согласилась?

— Да брось! Вампирами становятся только по собственному желанию. Чем они тебя подкупили — деньгами, шмотками? — Настя взволнованно сдула со лба длинную русую челку.

— Смешно. — Я криво улыбнулась. — Те же самые слова мне час назад говорила моя подруга, которая решила стать вампиром.

— Надеюсь, ты ее переубедила? — В серо-зеленых глазах Насти сверкнул вызов.

Я тоскливо покачала головой. Лифт остановился на нашем этаже. Первой вышла Настя, быстро прошла к своей двери, загромычала ключами. Когда я проходила мимо, то увидела, как напряглись ее плечи, словно она боялась, что я нападу на нее сзади. Чтобы еще больше не пугать ее, я почти бегом направилась к своей двери и обернулась.

— Если хочешь знать ответ на свой вопрос, можешь зайти ко мне на чай, — предложила я, даже не надеясь на ее согласие.

Ответом мне был резкий звук захлопнувшейся двери. На душе сделалось так горько, хоть оборотнем вой. Негнущимися пальцами я открыла замок, вошла в квартиру, сняла пальто и, не включая света, прошла в комнату. Маркиза прыгнула мне на колени и заурчала, а затем, приподнявшись на задних лапках, положила передние мне на грудь и принялась своей мягкой мордочкой стирать слезы с моих щек.

Дверной звонок застал меня в ванной, где я умывала лицо холодной водой. Наскоро вытершись полотенцем, я подошла к двери и, прижавшись к глазку, с удивлением увидела Настю.

— Привет. — Она в растерянности взглянула на меня, когда я открыла дверь, и

протянула вафельный торт. — Я принесла «Причуду». Надеюсь, приглашение еще в силе?

— Конечно, — охрипшим от волнения голосом пробормотала я, пропуская ее за порог.

— А у тебя тут ничего не изменилось, — натянуто сказала соседка, оглядываясь по сторонам.

— А ты что ожидала увидеть? Крышку от гроба и обескровленный труп? — нервно пошутила я.

— О, у тебя кошка! — Проигнорировав мои слова, Настя присела на корточки и погладила вышедшую к ней Маркизу.

Кошка заурчала от удовольствия.

— Лучше бы я завела летучую мышь, — ревниво проворчала я, проходя на кухню.

Настя последовала за мной, робко остановилась на пороге, пока я наливала в чайник фильтрованную воду.

— Присаживайся, — бросила я через плечо.

Настя присела на краешек стула и настороженно следила за мной.

— Ты откуда так поздно? — спросила я, чтобы сгладить неловкую паузу, и достала чашки.

— Отмечали день рождения подружки.

Понятное дело, и выпивали, значит. Вот чему я обязана отчаянной смелости Насти, заявившейся ко мне домой на ночь глядя. На трезвую голову она бы со мной даже в лифт не села — побоялась бы.

— Она тоже магичка?

— Нет. Моя одноклассница.

— А ты разве училась не в школе юных волшебников? — усмехнулась я.

— Представь себе, я училась в самой обычной школе, — нисколько не обиделась Настя. — А волшебство изучала уже в Высшей школе магии.

— Надо же, как у вас все интересно, — пробормотала я, обдав заварочный чайник кипятком. — А у нас вот Высшей школы вампиров нет. Что за несправедливость!

— Логично, — откликнулась Настя. — Чтобы стать магом, надо учиться. Чтобы стать вампиром, нужно уже чего-то добиться в жизни.

Она запнулась и пристально взглянула на меня. Я чуть не облилась кипятком, выплескивая его в раковину.

— Дай-ка угадаю, о чем ты сейчас думаешь. — Я достала банку черного чая со вкусом клубники и сливок и насыпала заварки в чайник. — Наверное, какими такими талантами я привлекла вампиров, что мне предложили стать одной из них?

Я долила в чайник кипятка, накрыла полотенцем и повернулась к Насте. Та выжидающе смотрела на меня.

Я вздохнула и второй раз за этот вечер начала рассказ о том, как вздорный директор отправил меня на развалины старой фабрики и как, возвращаясь оттуда домой поздно ночью, я встретила вампира...

— Так, значит, ты этого не хотела? — ошеломленно заморгала Настя, когда я закончила рассказ, и, не дожидаясь моего ответа, с раскаянием произнесла: — Жан, я ведь думала, что ты сама...

— И что? — устало спросила я, разливая заваренный чай по кружкам. — Разве это что-то меняет? Я вампир, а ты маг. И ты меня ненавидишь.

— Я тебя не ненавижу, — смутилась Настя.

— Тогда презираешь, — пожала плечами я, ставя чашки на стол.

— Ты помнишь, какую чашку я люблю? — растрогалась она, пододвигая к себе чашку со смешным слоненком. И, сделав осторожный глоток, серьезно спросила: — А с подружкой-то твоей что?

Я на одном духу выпалила ей Сашкину лав стори с вампирским уклоном.

— Ничего себе. — Настя сокрушенно покачала головой. — Это все очень серьезно. Если у них и правда такая любовь... Я ведь специализируюсь на любовной магии, — с

ноткой смущения призналась она. — Ну не то что привороты и отвороты, объявления о которых сейчас встретишь в любой газете... просто я вижу, кто из людей подходит друг другу, а кто нет, кто с кем будет счастлив, а кому от кого стоит держаться подальше.

— И что же ты с этими своими способностями делаешь? — Во мне проснулось жгучее любопытство.

— Помогаю людям знакомиться или мириться после глупой ссоры. Развожу тех, кто не создан друг для друга, и нахожу им новые удачные пары.

— Так, значит, ты такая волшебная сваха? Добрая фея? — усмехнулась я.

— В школе магии нас презрительно называют любовными феями. — Видно было, что я задела Настю за живое. — Но ведь наша работа тоже очень важна! Ведь когда человек счастлив в любви, он успешен во всем! — пылко заговорила она. — У него и работа спорится, и жизнь приносит удовольствие, и общаться с таким человеком — одна радость. А когда на сердце одиноко, то и солнечный день кажется серым, и работа раздражает, и на окружающих срываешь злость... Вот расскажу тебе один случай. Был в институте один молодой преподаватель по фамилии Быков...

— Волшебник? — уточнила я.

— Кто? — удивилась Настя.

— Ну Быков этот?

— Да нет, обычный человек.

— А что он тогда в вашем волшебном институте делал?

— Да самый обычный институт, где простые студенты филологию изучают! Так вот, преподаватель этот был очень вредный. Все студенты от него на сессии плакали. Представляешь, по его предмету был всего лишь зачет, но и тот с первого раза сдавали от силы трое студентов из всей группы. А все потому, что Быков был большой любитель задавать каверзные вопросы на знание литературы по своему предмету — так он якобы проверял, прочитал студент саму книгу или ознакомился с кратким содержанием.

— Какие вопросы, например? — заинтересовалась я.

— Например, какого цвета были обои в комнате старухи-процентщицы в романе «Преступление и наказание»...

— Ты знаешь? — Я с уважением покосилась на нее.

— Откуда! — махнула рукой Настя. — Я, конечно, Достоевского читала, но такие подробности и не вспомню. И студенты-то, которые к сессии готовились, ответить не могли. Вот я и услышала как-то в метро разговор двух девчонок, которые ехали с зачета и возмущались, что препод их завалил. Конечно, мне интересно стало. Поехала я в институт, разыскала этого Быкова. Все, как я и думала! Холост, несчастная любовь, невеста бросила и ушла к богатому бизнесмену. Бедняга в депрессии, жизнь не удалась, ушел с головой в работу и зверствует, срывая плохое настроение на студентах.

— А дальше что? — заинтересовалась я.

— А дальше самое интересное. — Настя азартно сверкнула глазами. — На соседней кафедре молоденькая аспирантка работала, Альбина. Я как ее увидела, сразу поняла, что эти двое созданы друг для друга. А этот молодчик мимо нее пробежал, чуть с ног сбил, даже не взглянул. Вот ведь люди! — с досадой воскликнула она. — Рядом с ними каждый день ходит их вторая половинка, а они и не замечают!

— Но ты, конечно, исправила эту несправедливость? — усмехнулась я.

— Само собой, — важно кивнула Настя. — В тот день такой ливень был! Альбина без зонта, стоит под крыльцом. Быков уже мимо нее проскочил. Пришлось вмешаться, заставить его обернуться и взять девушку под зонтик. По пути они о литературе разговорились. Я следом шла и все слышала. Оказалось, у них и писатели любимые общие, и вообще много тем интересных для разговоров. Альбинка — девушка умная. Ей среди неученых парней кавалера было найти сложно. В общем, сложилась пара. Поженились осенью. — Настя удовлетворенно улыбнулась. — А недавно очередная сессия у студентов была. Все с первого раза зачет сдали! Даже двоечник, который ни на что не надеялся! Вот что значит —

любовь, — подвела она итог своей поучительной истории.

— Все это, конечно, хорошо, — я помрачнела, вспомнив Сашу, — но с моей подругой-то как быть?

— Говоришь, любит она его? — задумчиво спросила Настя.

— Ох любит, на свою беду.

— И он ее? — строго уточнила Настя.

— Похоже на то, — удрученно признала я.

— Хочешь, я проверю, насколько это серьезно? — внезапно предложила она. — Мне достаточно их вдвоем увидеть, чтобы понять, подходят ли они друг другу и будут ли счастливы вместе.

— А ты можешь? — Я с волнением уцепилась за ее предложение.

— Конечно! Между прочим, — она лукаво улыбнулась, — я тебе всегда говорила, что вы с Федором не пара.

Настя напомнила мне о моем нелепом возлюбленном-кладоискателе. Она не раз поражалась моему выбору и несколько раз говорила, что Федор меня не иначе как приворожил. Как же она была права! Теперь я знала, что невзрачным, плохо одетым Федей я увлеклась исключительно под магическим воздействием Слезы Привлекательности, в свете которой Федор казался мне невероятно привлекательным и сексуальным. Интересно, а сама Настя догадывалась о действии амулета? Когда Федор подарил мне свое любимое кольцо, отлитое из волшебного серебра, я сразу прозрела и порвала с ним. А колечко, переплавленное в пирсинг, потом сыграло роковую роль в моей судьбе и привлекло ко мне внимание Жана. Так что, можно сказать, все мои беды — от Федора. Увижу — загрызу.

— Дело прошлое, — отмахнулась я. — Вот если бы ты Сашу с Ирвингом проверила! Они завтра в театр идут.

— Что ж, давненько я не бывала в театре. Диктуй, запишу название.

Я продиктовала все, включая ряд и место на верхнем билете, которые врезались мне в память. Потом показала фотографию подруги на компьютере, описала Ирвинга.

— Только билеты, — я запнулась. — Саша сказала, что они за месяц покупали.

— Это не проблема, — успокоила меня Настя. — Для меня всегда найдется свободное местечко.

Мы разошлись уже за полночь. Соседка даже поцеловала меня напоследок в щеку. Как раньше. И я поняла, что стена отчуждения между нами разрушена. Может, мы и не будем дружить так тепло, как прежде. Но и избегать меня Настя больше не станет.

Соседка отправилась спать, зевая на ходу. Закрыв за ней дверь, я увидела уголок конверта, торчащий из кармана пальто. Совсем про него забыла!

Внутри был листок, отпечатанный на принтере. Прочитав его содержимое, я хрипло рассмеялась. Хороша шутка! Старейшины от лица Парижского Клуба запоздало приносили мне извинения за судебные ошибки, допущенные в ходе следствия, и сообщали о том, что Андрей отстранен от руководства Орденом парижских Гончих. А мне в качестве компенсации даровали самое бесполезное недвижимое имущество из богатого наследия Жана — сгоревшую фабрику в Котловке. Жан выкупил ее накануне той роковой ночи, сделку оформляла Саша. Очевидно, поделив все виллы в Ницце, Тулузе, Монако и остров на Багамах, старейшины не придумали, как поступить с развалинами в московском спальном районе, и решили избавиться от проблемы, свалив ее на меня. Ну спасибо, облагодетельствовали.

Внезапно мне в голову пришла одна мысль, и листок дрогнул в руке, упав к ногам.

Я быстро накинула пальто, вышла на улицу, остановила машину и продиктовала адрес заброшенной фабрики на Котловке. Если призрак Жана и задержался на этом свете, то он может быть только там. И если нет возможности разыскать и допросить наследниц, отчего бы не спросить у самого завещателя?

— Уверена, что надо остановить здесь? — Водитель в замешательстве покосился на длинный забор за окном. На километр вокруг не горело ни одного фонаря.

После того как Гончие устроили пожар, чтобы скрыть следы побоища с людьми Жана, фабрика превратилась в пепелище. К тому же после того, как Жан ее выкупил, она больше не охранялась и не освещалась. Лишь в стороне виднелись редкие огни жилого микрорайона: в поздний час горящие окна в домах можно было сосчитать по пальцам. Город спал. А мне не терпелось проверить свою догадку.

— Давай я довезу тебя до дома, — предложил водитель.

— Не стоит, мы уже на месте. — Я протянула ему купюру. — Получите вдвое больше, если подождете меня около часа и отвезете обратно.

Он с подозрением взглянул на меня и крикнул:

— Лады.

Я уже вышла из машины, когда водитель приоткрыл окно:

— Фонарик нужен?

Я, конечно, рассчитывала на свое зрение, но фонарик не помешал бы.

— Давайте.

Надежда быстро отыскать в заборе сломанную дощечку не оправдалась. Отойдя на приличное расстояние от машины, я просто сильнее, чем это возможно человеку, надавила на одну из досок, срывая ее с гвоздей, а затем протиснулась в крошечную, не освещаемую даже светом фар тьму.

Вот где пригодился фонарик. Не столько для лучшей видимости — обрушившиеся во время пожара стены я видела и так, — сколько для храбрости. Лучик фонарика, бежавший впереди меня, разгонял темноту и страхи о чудовищах, которые в ней могли затаиться.

Когда я была здесь в прошлый раз, я несла три Серебряных Слезы в обмен на жизни Саши и бабушки Лизы, которых Жан взял в заложницы. Со Слезы Привлекательности все началось — именно она привлекла ко мне интерес француза, а я до той ночи и не подозревала, что пирсинг, который я ношу в пупке, изготовлен из магического серебра. Слеза Силы позволила мне продержаться против Жана в ручной схватке. Слеза Ненависти выжгла из сердца всю жалость, в результате она и погубила вампира, когда тот воссоздал легендарную Чашу последнего лорда, которая давала власть над всеми вампирами.

Я быстро шла по мерзлой земле, и ветер швырял мне в лицо снежинки, смешанные с пеплом. Я старалась не думать о том, что этот пепел, возможно, был кусочком старого стола, хранившегося на фабрике, а возможно, и частичкой плоти Жана. Я направлялась к руинам в надежде увидеть там француза и задать накопившиеся у меня вопросы. При жизни он был порядочной сволочью и никогда бы не ответил на них, посмеявшись мне в лицо. Но, может, смерть пошла ему на пользу?

Я думала о нашей кровной связи с Жаном, о влиянии его крови на мой характер. Оставшись без Слезы Милосердия, я не сошла с ума, не озверела, не накидываюсь на людей и вампиров. Вацлав говорит, что все дело в характере и воле новичка. Если по силе они не уступают тем же качествам донора, то никаких трагических перемен не случится. Гончий считает, что я переборола влияние крови Жана, а испытания, которые выпали на мою долю в последние месяцы, закалили мой дух. И если вначале я еще была подвержена вспышкам гнева и могла повести себя непредсказуемо, то теперь я вполне владею собой и не представляю угрозы для окружающих. Надеюсь, что он не ошибается.

Свет фонарика выхватил из темноты нагромождение кирпичей и горелые доски. Часть фабричных перекрытий была деревянной, пометку об этом я делала еще в отчете для Однорога, когда приезжала сюда впервые. В результате пожара здание обрушилось, превратившись в крошево из кирпича и досок, на самом верху которых, на высоте примерно двух этажей, красовался почти не тронутый пламенем старый стул. Словно какой-то шутник взгромоздил его туда уже после пожара, дабы с высоты посмотреть на разрушения. Наверное, это пошутил какой-то бомж. До пожара многие бездомные облюбовали заброшенное здание в качестве ночлежки.

Моя надежда очутиться в комнате на последнем этаже, где я убила своего создателя, не оправдалась. Значит, надо искать его где-то поблизости. А кроме призрака Жана, здесь могут

оказаться и призраки его погибших охранников...

Я обошла пожарище по периметру, светя фонариком и повторяя имя Жана, но не обнаружила никаких следов потусторонней жизни. Вернувшись к началу круга, я выключила фонарь и попыталась слиться с темнотой, чтобы отыскать в ней следы призраков. Тщетно. Наверное, слияние распространяется только на живых существ. Я включила фонарь, последний раз махнула им над головой, безо всякой надежды обводя руины, и вдруг чуть не выронила его. Дрожащими руками направила фонарик на стул, стоявший наверху развалин. Фонарик высветил знакомое красивое лицо в обрамлении темных волос, только теперь оно было полупрозрачным и мутным, как смазанный фотоснимок. Жан был одет так же, как в нашу последнюю встречу, — нарядная белая рубашка, дорогой черный костюм. Он с королевским видом восседал на колченогом стуле, как будто это был золотой трон, а вокруг находились не руины сгоревшего здания, а торжественный зал приемов в императорском дворце. Я некстати вспомнила, что Жан был потомственным графом и аристократичные манеры пронес через всю жизнь, не утратив их даже после смерти.

Призрак хранил молчание, насмешливо взирая на меня с высоты второго этажа. Я одновременно испугалась того, что он пропадет, так и не проронив ни слова, и что он окажется рядом и мне придется взглянуть в глаза того, кого я убила.

— Жан, поговори со мной, — позвала я по-французски, не сводя с него взгляда.

— Потрясающая наглость! — саркастически отозвался призрак, не высказав удивления тем, что я могу его видеть. — Ни здравствуй, ни прости. Ты не устаешь меня поражать, *mon amour*.

Я вспыхнула от этого интимного обращения, которым Жан всегда меня называл.

— Мне не за что просить прощения, — вскинулась я.

— А я ведь обижен на тебя, *mon amour*. — Он вскочил на ноги. — *Смертельно* обижен.

Призрак скользнул вниз, приближаясь ко мне, и я почувствовала холодок по коже. С каждым шагом его облик становился все четче. Уже можно было разглядеть выразительное лицо с классически правильными чертами и рельефными скулами, твердый рот с крепко стиснутыми губами, длинные ресницы и глубокие карие глаза, казавшиеся почти черными. Жан был красивым мужчиной — недаром я запала на него при нашей первой встрече. В пятидесятых он некоторое время был звездой черно-белого кино. Но он неспроста играл роли злодеев и авантюристов: Жан и в жизни никогда не был положительным героем. Он был классическим плохим парнем. Это выдавал и его взгляд — шальной, вызывающий и порочный одновременно, и самоуверенное выражение лица, и жестокий изгиб бровей.

— Я искала тебя не для того, чтобы просить прощения. — Я отважно взглянула призраку в лицо, по-прежнему глядя снизу вверх. Даже стоя на одном уровне со мной, Жан был выше на целую голову.

— Неужели соскучилась? — Француз наклонился ко мне так близко, словно хотел поцеловать. — Я польщен, *mon amour*.

Я медленно ослабила узел шарфа. Жан с интересом взглянул на мою обнажившуюся шею и облизнулся. А потом я подцепила пальцами серебряный кулон, который надела по дороге в машине, и нащупала неровные контуры пазла. Увидеть его Жан не ожидал. С ошеломленным видом он отстранился. Его призрачные пальцы легли поверх моих, держащих кулон, но я не почувствовала прикосновения, только холод.

— Я все знаю, — отрывисто сказала я. — Я была в Замке Сов в ту ночь, когда там собрались двенадцать обращенных тобой вампирш. Дарла, Ванесса Рейн, Орнелла Дамиани, Пандора и остальные.

— Bravo, *mon amour*, — призрак тонко усмехнулся и убрал руку, — ты всегда оказываешься в нужное время в нужном месте. Надеюсь, тебе понравился мой сюрприз? Ты рада, что не одинока в этом мире?

— Что за наследство ты им оставил? — требовательно спросила я.

— А девочки разве с тобой не поделились? — Он насмешливо приподнял бровь и

добавил: — Ах, прости, mon amour, подарков ровно двенадцать по числу наследниц. Когда я задумал эту забаву с кулонами и наследницами, тебя еще не было в планах.

— Значит, это не ядерная кнопка? — едко поинтересовалась я. — Мне стало намного легче.

— Ядерная кнопка? — Жан раскатисто расхохотался. — Ты меня недооцениваешь, mon amour. Мой прощальный подарок девочкам куда более оригинален. Это штучные экземпляры, каждый из которых обладает поистине взрывоопасной силой. Смотря как их применить. — От его зловещей улыбки меня прошиб озноб.

— И когда ты все это задумал? — сердито спросила я. — Неужели ты предчувствовал свою смерть?

— Ну что ты, mon amour! Я собирался править миром и прожить еще долгую-предолгую вечность. — Он щелчком сбил невидимую пылинку с лацкана пиджака, там, куда вошла Серебряная Слеза. — А идея с кулонами, картой и сокровищем пришла мне в голову, когда я встретил первую из моих девочек, Фабиолу. Я тогда уже почти отчаялся отыскать Серебряные Слезы и еще не встретил Элен, которая здорово помогла мне с их поисками.

Я вздрогнула, вспомнив магичку, которую Жан застрелил на моих глазах. Формально — защищая меня, фактически — избавляясь от надоевшей любовницы, которая исполнила свое предназначение.

— Тогда мне показалось забавным собрать свою коллекцию вампирш высшего класса, каждая из которых будет воплощенным талантом одной из Серебряных Слез, — поделился Жан. — Согласись, я отобрал лучших, — с самодовольством заметил он. — Среди моих воспитанниц голливудская богиня, поп-принцесса, звезда телешоу, королева сплетен, олимпийская чемпионка, премьер-министр, нефтяная королева...

Я слушала призрака, затаив дыхание и пытаясь не выдать своего ликования, чтобы не спугнуть его откровений. Я уже поняла, что из вредности Жан не скажет правды о наследстве. Но можно хотя бы узнать информацию о незнакомых вампиршах. К моему сожалению, призрак оборвал список, не назвав всех до конца. Но и теперь в моих руках было немало зацепок. Пусть у меня нет фамилий вампирш, но есть имена и описания внешности. А теперь еще и род их занятий. Конечно, придется проверять данные вампирш по всему миру, но сомневаюсь, чтобы среди них было много нефтяных королев, премьер-министров и олимпийских чемпионок. К тому же поиск сужается до вампирш-новичков, инициированных за последние два года. А это уже существенно облегчает наши с Вацлавом задачи.

— В ближайшие годы я не собирался открывать им правду о существовании других кровных сестер. Но я подумал, что я не вечен и было бы жаль, если мои девочки никогда не узнают друг о друге. Ведь они бы могли стать серьезной силой, объединив свои усилия, даже если это случится после моей смерти. Так возникла идея с завещанием, кулонами и картой. Сокровище появилось намного позже. Так уж и быть, открою тебе тайну. — Он доверительно наклонился ко мне, и от холода у меня едва волосы на голове не зашевелились. — Если бы ты убила меня неделей раньше, девочки обнаружили бы тайник пустым. Я наполнил его накануне своего визита в Москву.

— Что там было? — не удержалась я.

— О, — Жан насмешливо поцокал языком, — всему свое время, mon amour. Уверен, ты совсем скоро все узнаешь. Все узнают. Это будет разорвавшаяся бомба.

— С тобой, как всегда, приятно иметь дело! — раздраженно сказала я. — Между прочим, не все твои избранницы смогут воспользоваться твоим подарком. Эмили и Пандора недавно погибли.

— Очень жаль. — Лицо призрака на мгновение приняло скорбное выражение, но потом в его глазах сверкнул зловещий огонек, который мне совсем не понравился. — А хочешь, я расскажу тебе, как умрешь ты? — вкрадчиво предложил он.

Я с опаской отступила назад, споткнувшись о торчащую из земли арматуру.

— Да-да, не удивляйся, mon amour. Таков мой дар. Я скрывал его при жизни, но теперь могу тебе открыться. Отведав крови человека, я видел его смерть в будущем. Это так

захватывающе. — Он зловеще сверкнул черными глазами. — Я знал, что Элен умрет от моей пули. И не задумывался, когда стрелял в нее. Такова судьба. В тот момент решалась судьба кого-то из вас: или я ее, или она тебя. Твой час тогда еще не пробил, а я исполнил волю Провидения. Но ты умрешь молодой, *mon amour*, и это случится очень скоро. В Париже.

Я вздрогнула, и это не укрылось от призрака.

— Да-да, я вижу тебя в особняке парижских Гончих. Я не раз бывал там, когда меня вызывали на допросы. К счастью для меня, у этого сопляка Андре не нашлось ничего конкретного на меня. А вот на тебя, *mon amour*, будет целая папка, я видел ее в руках старейшин, когда тебе зачитывали приговор. Тебя обвинили в убийстве. И казнили.

В душе поднималась паника. Неужели мне предстоит заново пережить этот кошмар с обвинением? Но в чем на этот раз меня обвинят?

— Я увидел это в нашу первую встречу, *mon amour*, когда отведал глоток твоей крови, — разоткровенничался Жан. — Тогда мне показалось забавным, что девушка, которая не является вампиром, каким-то образом станет одной из нас в самое ближайшее время и, такая безобидная на вид, будет казнена по обвинению в убийстве. Тогда я даже не догадывался, что тебя обвинят в моем убийстве, — криво усмехнулся он. — Я хотел узнать еще больше подробностей из твоей вкусной крови, но не успел — ты ударила меня, наша кровь смешалась, и предсказание начало сбываться на глазах...

— Поэтому ты сбежал, как трус, бросив меня в Москве? — колко спросила я.

— Ты обижена на меня, *mon amour*? Прошу, не злись. — Призрак протянул ко мне руку и ласково погладил по щеке, отчего меня бросило в дрожь. — У меня были срочные дела, и я не мог их отложить. Как жаль, — с внезапной грустью заметил он, — что смерть забрала у меня мой дар. Сюда забредает не так много народу, обычно бродяги или сорванцы. Но я лишен единственного в моем положении развлечения: я даже не могу, как прежде, видеть конец их жизни. Видишь, как забавно получилось, *mon amour*, — задумчиво произнес он, глядя мне в глаза. — Я мог видеть чужую смерть, а ты можешь видеть призраков. Может, мой дар перешел к тебе, трансформировавшись? Как думаешь?

Я в смятении промолчала. Теперь, когда Жан рассказал мне о своем тайном даре, я уже не знала, что думать. По сути, и мои, и его способности — разновидность особых видений. Но в таком случае и у Фабиолы с ее кровными сестричками могут обнаружиться схожие способности.

— Или, чем черт не шутит, ты прямая наследница последнего лорда? — высказал другую версию Жан. — Тогда весьма символично, что именно ты убила меня в момент, когда Чаша Власти уже была в моих руках.

— Лучше уж такое родство, чем родство с тобой, — выпалила я и, развернувшись, зашагала прочь.

— Ты была в вечернем красном платье в момент своей смерти, — донесся мне вслед голос Жана, и мои ноги приросли к земле. — Красный тебе очень к лицу. — Призрак приблизился и встал передо мною. — Жаль, что тебя казнят в Париже и мы не сможем увидеться. Я был бы рад составить тебе компанию после смерти.

— Для меня это было бы проклятием, — процедила я и, обойдя его, направилась к забору.

— Был рад повидаться! — крикнул мне вслед француз. — Заходи еще. Мне тут совсем скучно. А соберешься в Париж — загляни попрощаться.

Хорошо, что призрак остался позади, у руин фабрики, и не мог видеть моего лица. По моим щекам текли слезы, но я улыбалась. Жан ошибся. Я уже побывала в Париже, и меня уже собирались казнить. Но не за его убийство, а за убийства, которых я не совершала. Я была в красном платье, и мне было суждено погибнуть там, в зале, где собрались все старейшины и где был глава местных Гончих Андрей. Меня спасли двое. Аристарх, подменивший яд, и Вацлав, добившийся отсрочки до выяснения обстоятельств, а потом закрывший меня собой от нападения разъяренного Василия Громова и получивший предназначавшуюся мне инъекцию. Какое счастье, что Аристарх уже успел подменить ее на

снотворное! Если бы не их вмешательство, меня бы казнили там тогда. И предсказание Жана сбылось бы. Тогда, когда мы встретились с ним в подворотне и он заглянул в мое будущее, судьба, должно быть, еще не знала, что Аристарх окажется моим родным дедом и что меня полюбит Вацлав.

Глава 11 ДЕНЬ ВЛЮБЛЕННОГО ВАМПИРА

Если бы ты горел в аду, а мне посулили бы небеса, я бы от них отказалась. Рай без тебя мне не рай.

Челси Куин Ярбро. Испытание кровью

День святого Валентина — чисто коммерческое, циничное предприятие. Я отношусь к нему абсолютно равнодушно.

Хелен Филдинг. Дневник Бриджит Джонс

На следующий вечер в гостях у моих родителей Аристарх безупречно отыграл роль жениха, изящно уклонился от маминого вопроса по поводу даты нашей свадьбы, обсудил с папой какие-то новомодные рыболовные снасти, окружил нежным вниманием бабушку Лизу, и та, несмотря на напряженные отношения с невесткой, получила удовольствие от ужина в семейном кругу.

Простившись с родителями, мы подвезли до дома бабулю. И, пока Аристарх галантно вызвался проводить бывшую возлюбленную до квартиры, я набрала номер Вацлава.

— Освободилась? — откликнулся он после первого гудка.

— Ждешь? — улыбнулась я.

— Жду, — серьезно ответил он. — Когда будешь дома?

— Минут через пятнадцать.

— Я тебя заберу.

Вацлав отключился раньше, чем я успела задать вопрос. И в этом весь он. Глеб проболтал бы со мной минут десять, расспросил бы, как мы с Аристархом сходили в гости, поведал бы в подробностях, как скучал, на ходу сочинил бы для меня стихотворение или пересказал новый анекдот. Вацлав общался коротко и по делу, не делая различий между деловыми и личными звонками. А ведь сегодня все-таки День всех влюбленных!

Интересно, куда это он собирается меня забрать? Я думала, мы проведем вечер у меня дома. Поздний сеанс в кино или прогулка по ночной Москве меня не вдохновляли. В ночные клубы Вацлав не ходок. Разве что он пригласит меня в вампирский ресторан — «Подземелье» или «Версаль», которые работают четко от заката до рассвета, не давая вампирам умереть с голоду. Кстати, в «Подземелье» же постоянно проводятся тематические дни, когда по-особенному оформляют зал и официанты надевают необычные костюмы. Когда Глеб привел меня туда впервые, там был «трупный» день и нам прислуживал официант с муляжом топора в спине, а по залу носилась «утопленница» Офелия с водорослями в волосах.

Сегодня в «Подземелье» должно быть царство романтики — всё в шариках, цветах, звучат лучшие хиты о любви. Интересно, в кого перевоплотятся официанты — в ангелов, в Купидонов со стрелами, в Ромео и Джульетт?

Снова зазвонил телефон. На этот раз это была Настя.

— Ну что, — взволнованно спросила я, — видела их?

— Видела. — Голос Насти был растерянным и тревожным. — Жан, эти двое просто созданы друг для друга. Такое нечасто встретишь. Они будут очень счастливы вместе. От таких союзов рождаются очень одаренные дети. Если бы, конечно, в их случае это было возможно, — поправила она и тихо добавила: — Если их разлучить, они могут погибнуть от тоски. Мне очень жаль.

Я сбросила вызов и бессильно откинулась на сиденье. Уж если даже Настя признала серьезность чувств Саши и Ирвинга, то я не имею права пытаться разлучить их. Если выбор стоит так, что Сашка проживет несчастную человеческую жизнь или будет счастливым влюбленным вампиром, уж лучше второе.

— Домой? — спросил Аристарх, садясь за руль.

Я устало кивнула.

— Ты чего такая невеселая? — с улыбкой заметил он, выворачивая на проспект.

— Я смотрю, ты слишком весел, — с упреком заметила я.

— А что? — не понял Аристарх.

— А ничего! Ты не думал, что мне не очень-то приятно обманывать своих родителей и бабушку? Что это противоестественно — выдавать своего деда за жениха? Что меня с ума сводит желание мамы скорее выдать меня за тебя замуж?! — все сильнее заводилась я. — Что это ненормально: идти с тобой в гости, представляя женихом, выслушивать от родителей поздравления с Днем святого Валентина, изображать влюбленность к собственному деду, а потом бежать на свидание к другому!

— Жан, — Аристарх виновато покосился на меня, — ты думаешь, мне самому все это нравится?

— Думаю, да, — огрызнулась я.

— Я хочу видеть сына и Лизу, — с решимостью сказал он и спросил с тоской: — Как мне еще можно с ними встречаться?

Я вздохнула, признавая его правоту.

— Извини, я все понимаю. Но ты думал о том, что мы будем говорить через год или два? Начнутся расспросы, почему мы еще не женаты или почему не живем вместе хотя бы в гражданском браке. Или ты и свадьбу собираешься инсценировать с обменом обручальными паспортами и печатями в паспортах?

— Нет, конечно, — Аристарх взъерошил волосы. — Что-нибудь придумаем. Только не лишай меня этих вечеров, ладно? — Он с мольбой посмотрел на меня.

Я кивнула, понимая, как важны для него эти короткие встречи с близкими ему людьми — женщиной, которую любил, сыном, которого не знал.

Когда мы подъехали, у моего подъезда уже стоял черный внедорожник Вацлава. Я заметила, что Аристарх с недовольством взглянул в окно, но ничего не сказал. Видимо, мы сошлись на компромиссе. Я помогаю Аристарху видеться с близкими, а он не лезет в мою личную жизнь.

Мужчины обменялись приветствиями. Я поцеловала Аристарха в щеку и пересела в «форд». Вацлав проследил в зеркале, что машина Аристарха выехала со двора, и только тогда наклонился поцеловать меня. Похоже, старомодные приличия не позволяли ему проявлять чувства к девушке на виду у ее родственника. А Аристарх в вампирской среде был мне за отца.

— А теперь пристегнись, — попросил он, отстраняясь и заводя мотор.

— Куда мы едем? — сгорая от любопытства, поинтересовалась я.

Похоже, Вацлав приготовил мне сюрприз!

— Ко мне, — просто ответил он. — Ты же хотела побывать у меня в гостях?

Я чуть в ладоши не захлопала. Это еще лучше, чем ужин в «Подземелье»! Берлога Вацлава волновала мое воображение с тех пор, как мы побывали в гостях у Криса, и я не раз пыталась представить, где живет мой любимый. Воображение рисовало то стерильные, лишённые всяческой индивидуальности апартаменты, как у Криса, то загородный коттедж с современным тренажерным залом в подвале, то захлавленную квартиру, где куда ни глянь стопками лежат папки с документами по текущим делам Гончих.

— Скажи, — вспомнила я, — что случилось в Москве, что твои ребята тебя так ждали?

Вацлав нахмурился:

— Кто-то нападает на молодых женщин в лифтах. Насилует и убивает. Мы взяли след, но пока не нашли сукиного сына.

— Понятно, — выдавила я.

И зачем только спросила? Романтического настроения как не бывало. Чтобы как-то отвлечься, я включила магнитола и принялась щелкать каналами радио в поисках «Love-радио». Надеюсь, хоть это напомнит Вацлаву, какой сегодня день!

— Оставь, — попросил Вацлав, когда я наткнулась на выпуск новостей.

По окончании выпуска взял слово ведущий часа, и я уже собиралась переключить радиостанцию, когда ведущий объявил Жасмин и зазвучала знакомая мелодия. Я прибавила звук, чтобы послушать слова песни, которая стояла на Сашкином телефоне на входящие звонки от Ирвинга:

Время улетает, как песок.
Мне бы быть с тобой еще чуток.
Скоро я увижу вновь рассвет,
Но исчезнет с ним твой след.

Поразительно, насколько текст песни совпал с Сашкиной реальностью. Ведь с рассветом вампир Ирвинг покидал ее.

Вацлав покосился на меня, очевидно недоумевая по поводу моего музыкального выбора. Но мне было не до объяснений. Интересно, а какую музыку предпочитает он сам? Брутальный хард-рок? Депрессивный дум-метал? Меланхоличную готику? Жизнерадостный джаз? Чувственный блюз? Классику? Впрочем, что для меня классика, то для Вацлава музыка его молодости. Он, может, еще прижизненные концерты Бетховена застал.

По дороге я рассказала ему о своей вчерашней встрече с Жаном. Мне крепко влетело за самодеятельность, за легкомыслие, за то, что отправилась на пепелище без него или Аристарха и не поставила никого в известность.

— А если бы на тебя там кто-нибудь напал? — негодовал Вацлав.

— Тогда это было бы его последнее нападение в этой жизни. Не будите во мне вампира — и не покусаны будете, — попыталась отшутиться я. — Так ты хочешь услышать, что я узнала?

Вацлав скрипнул зубами:

— Говори.

Выслушав меня до конца, он присвистнул.

— Говоришь, премьер-министр, нефтяная королева и олимпийская чемпионка? И ты хочешь сказать, что не узнала их в лицо?

— Уж извини, я политикой, бизнесом и спортом не интересуюсь, — смешалась я. — И вообще, слышал такую поговорку: много будешь знать, занудой прослывешь? Как думаешь, нам теперь будет легче их найти?

— Найти-то, может, и легче, — с озадаченным видом отозвался Вацлав. — А поговорить без ордера — вряд ли. Олимпийскую чемпионку еще можно попытаться прижать. А к премьер-министру и нефтяной магнатке так просто не подобраться.

— Что же делать? — с отчаянием спросила я.

— Ты уже сделала все возможное и невозможное, — строго отрезал он. — Теперь предоставь дело профессионалу.

Мы подъехали к новой высотке в районе Кутузовского проспекта.

— Идем? — Вацлав помог мне выйти из машины и повел к подъезду.

— Сколько здесь этажей? — Я подняла голову, пытаюсь сосчитать этажи по горящим окнам.

— Тридцать четыре, — ответил Вацлав. — Мой — тридцатый.

Вестибюль, отделанный мрамором, выглядел по-королевски. Но я даже не стала рассматривать окружающую роскошь — мне не терпелось подняться в квартиру Вацлава.

Первое, что я увидела, войдя за порог, это огни Москвы из гостиной напротив. На мгновение мне почудилось, что мы попали не в жилище, а на крышу. Панорамное

остекление окон от пола до потолка открывало совершенно фантастический вид на город. Казалось, я окунулась в сияние звезд, и сейчас в окно хлынет лунная дорожка и ляжет мне под ноги.

— Как красиво! — Я быстро скинула сапоги и пальто и подлетела к окнам. До перепланировки здесь была закругленная лоджия, и теперь из окон, не закрытых шторами, открывался фантастический вид. Спящий город. Желтая лента проспекта. Цепочки фонарей вдоль Москвы-реки. Гордый шпиль Московского университета. Звездное небо вокруг. Я и не знала, что в Москве бывают такие звезды. Получается, они светят только тем, кто живет на тридцатом этаже.

— Это, конечно, не Эмпайр-Стейт-Билдинг... — сказал Вацлав, подходя сзади и не включая света.

— Это еще лучше! — искренне ответила я, не в силах оторваться от стекла, и тихо добавила: — Ведь мы здесь одни.

— Я выбрал ее только из-за этого вида, — признался Вацлав. — Приехал посмотреть в сумерках и сразу понял, что это мое.

Он медленно заправил прядь волос мне за ухо. А затем его губы скользнули по моей шее, и мне показалось, что звезды сорвались с небосклона и пролились на землю ослепительным дождем.

— Сегодня День всех влюбленных, — прерывисто пробормотал он. — Прости, я не приготовил тебе валентинку.

Я, не сдержавшись, фыркнула. Вацлав и валентинки — нечто совершенно не укладывающееся в моей голове. Перед тем как сегодня отправиться в гости к родителям, я забежала в книжный магазин через дорогу от дома и пересмотрела кучу романтических открыток. Выбрать одну из них для Глеба не составило бы труда — ему бы подошла и шутивная валентинка «Давай с тобой займемся ЭТИМ — Валентинов день отметим», и непротивительный стишок «Мы друг другу идеально подошли — счастье на двоих одно нашли», и трогательное прозаическое признание «Когда мы вместе — каждый день становится для нас Днем влюблённых!». Но ни одна из открыток не могла выразить то, что я испытываю к Вацлаву. И все слова казались глупыми, когда я представляла, что их будет читать он. Мы никогда не говорили о наших чувствах, и слово «люблю» еще ни разу не прозвучало между страстными поцелуями или после пробуждения в одной постели. Хотя я не раз вспоминала слова Эвелины о том, что Вацлав любит меня еще сильнее, чем ее когда-то. Но что призрак может знать о том, что творится сейчас на душе у Гончего? Я ждала признания самого Вацлава и надеялась, что хотя бы сегодня он скажет то, что я мечтаю услышать. А пока я сказала в ответ:

— Я тоже, так что мы квиты.

— Но я хотел бы исправиться, — пробормотал Вацлав, разворачивая меня лицом к себе, — и написать ее губами.

От продолжительного поцелуя у меня голова пошла кругом. Такой искренний и пылкий поцелуй стоит миллиона валентинок! И пусть главные слова не прозвучали, «люблю» — это в первую очередь не слово, а отношение и состояние души. Не обязательно говорить, важно чувствовать.

— Ты обещал показать квартиру, — слабо прошептала я.

— Конечно. — Его руки скользнули по моим плечам, приспуская с них платье. — Предлагаю начать со спальни. У меня там для тебя подарок.

Я вспомнила о своем подарке, оставшемся в сумке. Шарф от Burberry я собиралась вручить Вацлаву с пожеланием, чтобы он всегда согревал и обнимал его шею, когда меня не будет рядом. Но решила, что можно сделать это и потом. Не хотелось разрушать то волшебство, которое искрило между нами.

— Только не зажигай света, — шепнула я, когда Вацлав подхватил меня на руки. — Достаточно одних звезд.

Первое, что я увидела на следующий день, проснувшись, — это рама формата А4, висевшая на стене напротив кровати. Спросонья, в темноте спальни, которую создавали светонепроницаемые шторы на окнах, я никак не могла различить, что на ней изображено. Я осторожно пошарила рукой в поисках выключателя или ночника и в следующий миг угодила в объятия Вацлава.

— Проснулась?

Я не знала, что ответить. Если в его спальне висит портрет Эвелины или фотография той женщины, которой он приготовил подарок на Новый год, я просто умру.

— Что-то не так? — Его губы оторвались от моих, в темноте тревожно сверкнули глаза.

— Включи свет. — Слова дались мне с трудом. — Пожалуйста.

— Пожалуйста.

На потолке вспыхнуло созвездие встроенных светильников, складывающихся в ковш Большой Медведицы. И я на миг залюбовалась этими искусственными звездами, а потом опустила глаза и увидела фотографию, на которой целовались двое. Вацлав, ослепительно привлекательный, в торжественном черном смокинге, держал в объятиях хрупкую темноволосую девушку в светлом, почти белом платье, похожем на свадебное. Казалось, что они парят в воздухе: за их спиной плыло звездное небо, под ногами рассыпались огни большого города. Парочка выглядела настолько увлеченной друг другом, настолько влюбленной и настолько счастливой, что мое сердце пропустило удар от жгучей ревности к неизвестной сопернице. А потом заколотилось, как набирающий скорость поезд-экспресс. Я узнала в девушке себя, а в огнях города — панораму Нью-Йорка.

— Это же... — растроганно выдохнула я.

— Ты и я, — просто сказал Вацлав, обнимая меня за плечи. — Это и есть мой подарок. Я хотел показать тебе еще вчера, но мы немного увлеклись... — его голос взволнованно сорвался, — друг другом.

— Но откуда она у тебя? — потрясенно спросила я.

— Я попросил фотографа переслать мне снимок. На днях получил его и распечатал. — Его руки сильнее стиснули мне плечи, я слушала его прерывистое дыхание и частый стук сердца и понимала, что он собирается с духом, чтобы сказать что-то очень важное. — Я хотел сделать две копии. Но потом подумал, что ты можешь перебраться жить ко мне... И тогда хватит одного снимка.

От неожиданного предложения Вацлава у меня закружилась голова.

— Ты правда этого хочешь? — взволнованно спросила я.

— Очень, — серьезно сказал он и развернул меня лицом к себе.

— Только я не одна приду, — прошептала я и улыбнулась, увидев, как вытянулось лицо Вацлава. Неужели он решил, что я возьму с собой Аристарха? — У меня, если помнишь, есть кошка.

Я потерлась щекой о его щетинистую щеку.

— Кошка — это замечательно, — хрипло выдохнул Вацлав, глядя меня рукой по спине. — Надеюсь, что ей здесь понравится.

Я обвила его шею руками и потянулась к губам. Не знаю, какая радость в пресловутом кофе в постель, когда поцелуи любимого куда горячее и слаще.

До экскурсии по квартире, где мне предстояло жить, дело дошло только через пару часов. В квартире с современной отделкой оказалось три комнаты — просторная гостиная с панорамными окнами, совмещенная с кухней, строгий кабинет с дорогой мебелью из дуба и небольшая спальня. При этом гостиная и кабинет выглядели довольно обжитыми, а спальня была аскетичной. Плотные светонепроницаемые шторы изумрудного цвета совпадали с оттенком тех бархатных портьер, из которых Скарлетт О'Хара сшила платье для встречи с Ретом Батлером в тюрьме. Кровать и тумбочка у изголовья — вот и весь интерьер. Кроме нашей фотографии, которую Вацлав окрестил «Нью-йоркский поцелуй», на стенах, покрашенных в приятный цвет весенней травы, не было других изображений. Не было здесь ни телевизора, ни пушистого ковра под ногами. Было очевидно, что комната используется

исключительно для дневного отдыха, а не для интимных свиданий. Я была уверена, что, несмотря на признания Вацлава в многочисленных интрижках, в эту квартиру он до меня женщин не приводил. И уж точно никому не предлагал стать здесь хозяйкой.

Из спальни мы переместились в гостиную, где было на что посмотреть. Прежде всего, оказалось, что огромные окна закрываются тканевыми жалюзи — одно нажатие пульта, и они скрыли серые московские сумерки и небо, на котором еще не успели созреть звезды. Сливочно-белые стены навевали ассоциации со Средиземноморьем. Мебель в светлых бежево-коричневых тонах делала комнату очень уютной. Встроенная подсветка на потолке давала мягкий рассеянный свет. Пожалуй, здесь будет очень приятно жить. Я прошлась вдоль стены, на которой висело несколько постеров в рамках — на одном был изображен римский Колизей, на другом — статуя Свободы в Нью-Йорке, на остальных — какие-то здания, мосты, памятники.

— Это города, в которых я жил в последние годы, — пояснил Вацлав, заметив мой интерес.

— А всего их сколько? — обернулась к нему я.

— Москва — двадцать третья по счету. В среднем я менял город каждые пять-семь лет, даже до принятия Пражского договора.

— Если собрать вместе все постеры, стен этой гостиной не хватит, — заметила я.

— Я стал собирать их не так давно — с тех пор, как появились плакаты, — объяснил Вацлав. — Когда жил в Барселоне, купил первый снимок. Когда уезжал оттуда, взял его с собой, а потом уже появились остальные. Если бы я начал собирать коллекцию в девятнадцатом веке, мне пришлось бы возить с собой картины маслом, — усмехнулся он.

— Не могу поверить, что ты такой взрослый, — проговорила я, глядя в его молодое лицо.

— Ты хочешь сказать — такой старый. — Его губы дрогнули.

— Такой опытный. — Я коснулась поцелуем его щеки. — Такой умный. Такой сильный. — По одному поцелую в краешек глаз и висок на каждую характеристику. — Такой...

— Достаточно. — Вацлав обхватил меня за талию и наклонился так близко, что я увидела карие крапинки в его льдисто-серых глазах. — И что же нашла во мне ты, такая юная... — Он вернул мне поцелуй в щеку. — Такая нежная. — Поцелуй в ресницы. — Такая чуткая. — Поцелуй в мочку уха. — Такая...

— Подожди. — Я отстранилась, и Вацлав с неохотой отпустил меня. — Я все-таки хочу посмотреть, как ты живешь.

— Чувствуй себя как дома. Если понадобится, я на диване.

Вацлав уселся на диван с таким видом, как будто занял место в зрительном зале. А я, поправив растрепавшиеся волосы, огляделась вокруг. Гостиная выглядела довольно просто и современно: ни помпезных ваз и колонн в классическом стиле, как в квартире у Аристарха, ни новомодных хайтековских деталей, как в холостяцкой берлоге Криса. Светлые стены, подвесной потолок со встроенной подсветкой, паркетная доска на полу. Напротив дивана был домашний кинотеатр с плазменным экраном во всю стену и высокими колонками, рядом — стойка с дисками и журнальный столик из стекла, на котором лежали выключенный ноутбук и раскрытый посередине журнал «Авторевю».

— Живешь по-королевски, — оценила я, подходя к стойке с дисками. — Ты что, тайный олигарх?

Квартира не моя, хотя выбирал ее я сам. Это собственность Клуба.

В подборке дивиди преобладали старые черно-белые голливудские и французские фильмы на языке оригинала — «Человек с оружием», «Мальтийский сокол», «Любовь после полудня», «Иметь или не иметь». Названия были мне сплошь незнакомы за исключением «Завтрака у Тиффани». А я-то ожидала увидеть новомодные боевики вроде «Матрицы» и «Бойцовского клуба» или леденящие душу триллеры в духе «Семи» и «Молчания ягнят»!

— Я совсем тебя не знаю, — медленно проговорила я, оборачиваясь к Вацлаву.

— Ты о фильмах? — Он усмехнулся. — Вот и еще одно подтверждение того, что я слишком стар для тебя.

— Это, конечно, неисправимо. — Я наморщила лоб. — Но двадцатикратный просмотр «Блондинки в законе» и «Дьявол носит Прада» сделает тебя намного ближе ко мне.

На вкус и бренд, как говорится, товарищей нет, но Вацлав мог бы и постараться разделить мои увлечения.

— Пощады! — взмолился он, но я уже отвернулась к этажерке.

А вот и диск с фильмом «Полдень» — Вацлав говорил, что это его любимый. Я с любопытством вытащила пластиковый бокс. На черно-белой обложке мужчина в шляпе, со значком шерифа и кобурой на поясе шел по пустому, залитому солнцем городу. Похоже, это какой-то старинный вестерн.

Я не успела толком рассмотреть диск, как Вацлав оказался рядом со мной.

— Иди ко мне. — Он притянул меня к себе и поцеловал. Долго. Нежно. Ласково. Не так неистово и по-мужски грубо, как прежде. Словно со мной он начинал оттаивать сердцем. Словно он и в самом деле начинал меня...

— Ой! — Захотев обнять Вацлава, я выронила диск, и он глухо ударился об пол.

Вацлав с неохотой отстранился и наклонился, чтобы поднять коробку. А прямо за его спиной, у окон, по-прежнему закрытых жалюзи, я увидела нечто, прежде не замеченное мной. Там на этажерке в горшке зеленело одинокое растение, в котором я, в изумлении подойдя ближе, узнала... крапиву.

— А это что такое?

Вацлав в ту же секунду оказался рядом.

— Крапива. — В его голосе прозвучало волнение.

— Зачем ты выращиваешь ее? — изумилась я.

— Это одна из старинных традиций, — пояснил он. — Когда вампир впервые покидает свой родной город, он берет с собой мешочек с землей. А приехав на новое место, насыпает эту землю в горшок и начинает ее поливать, ожидая, что семена, которые в ней содержатся, дадут всходы. У кого-то вырастает цветок, у кого-то — трава, у меня, — он горько усмехнулся, — выросла крапива.

От его истории у меня на глазах выступили слезы. Как же он был одинок все эти годы, если по всему миру таскал с собой горшок с крапивой!

— Ты возил ее с собой по всему миру? — дрогнувшим голосом спросила я. — Сколько же ей лет? Двести?

— Это уже не та крапива. Да и пересекать границы с растением теперь непросто. Но я беру с собой семена и землю. И, приезжая на новое место, высаживаю семечко в горшок. Глупость, правда?

Я молча покачала головой, в очередной раз подумав, что я совсем не знаю Вацлава и что мне предстоит сделать еще много ошеломительных открытий. Задумавшись, я протянула руку к крапиве.

— Осторожно! — Вацлав перехватил мое запястье, но было уже поздно: крапива обожгла пальцы.

— Ай!

Я отдернула руку. Вацлав, продолжая держать пальцы на моем пульсе, развернул мою ладонь и поцелуями погасил начинающий разгораться огонь.

— Хочешь, я ее сейчас же выброшу? — Он виновато взглянул на меня.

— Не вздумай! Буду теперь за ней ухаживать, — слабо улыбнулась я. — Кстати, ты ее когда поливал последний раз, изверг? Выглядит она неважно.

— Так меня сколько дома не было, — ответил в свое оправдание он.

— Мог бы отдать ключи консьержке, — сказала я.

— И попросить поливать крапиву? — Он картинно поднял бровь.

Я рассмеялась.

— Удивляюсь, как она вообще не засохла, — заметила я.

— Есть один секрет.

Вацлав прокусил палец до крови и, не успевшая ахнуть от изумления, как он сцедил несколько алых капель в горшок. Земля впитала кровь, как голодный вампир.

— Ты поливаешь ее кровью? — потрясенно спросила я.

— Изредка. Или когда уезжаю надолго.

— А крапива теперь тоже вампир? — опасливо уточнила я.

— Ты читалась сербских легенд о тыквах-вампирах? — усмехнулся он.

— Что за легенды? — Во мне проснулось любопытство.

— Считается, что тыквы и арбузы, на которые в полнолуние падает лунный свет, становятся вампирами, — зловещим тоном проговорил Вацлав. — А в качестве доказательства указывают на прожилки в их мякоти. Они похожи на кровеносные сосуды.

— Уже боюсь! — хихикнула я.

— А за мою крапиву не переживай. В полнолуние я переставляю ее в коридор, от греха подальше. А капелька крови, которую я время от времени ей даю, всего лишь удобрение. В сельском хозяйстве кровь животных издавна используют в этом качестве. Кровь — это жизнь. Даже консержка как-то обмолвилась, что поливает цветы в холле водой, которой ополаскивает свежее мясо, и они растут особенно пышно.

— И что, подходит любая кровь? — уточнила я. Надо будет сказать бабушке Лизе, у нее дома целая оранжерея фиалок. А вот у меня растения долго не живут, сразу чахнут. Хотите избавиться от ненавистного кактуса — просто отдайте его мне.

— Лучше всего красная, говяжья.

— А вампирская?

— Она очень концентрированная и поэтому незаменима, когда уезжаешь из дома надолго.

— Спасибо, — пробормотала я, — буду знать...

Кажется, у кактусов, которые попадут в мои руки, появился шанс на выживание.

— Ну что, все посмотрела?

— Осталась кухня.

Я отодвинула Вацлава в сторону и направилась к барной стойке, отделяющей жилую часть гостиной от зоны кухни. Судя по идеальному состоянию кухонного гарнитура в классическом стиле и первозданной чистоте встроенной стекло-керамической плиты, они по назначению использовались раза три, не больше. Можно хоть сейчас для каталога снимать в качестве новой мебели и техники. Более обжитым выглядел холодильник, серебристая поверхность которого утратила изначальный блеск. На дверце не было ни одного магнитика, который хозяин привез бы из путешествий или получил бы в подарок от друзей. Двигимая любопытством, я заглянула внутрь. Мясная нарезка, яйца, помидоры, початая бутылка коньяка. Ни одной бутылочки или пластикового пакета с донорской кровью. Вацлав не признавал их, предпочитая утолять жажду по старинке. Впрочем, с его работой он всегда будет сыт...

— Проголодалась? — Вопрос Вацлава застал меня врасплох.

— Да вообще-то чего-нибудь перекусила бы, — сказала я, чтобы как-то объяснить свой интерес к содержимому холодильника.

— Обычно я не ужинаю дома, — признался Вацлав.

— Да я уже заметила.

— Приготовить тебе омлет или доедем до ресторана?

— Ты умеешь готовить омлет? — Я округлила глаза. — Ты не перестаешь меня удивлять!

— Так что, удивить тебя?

— Попробуй!

Пока Вацлав колдовал у плиты, я прошлась вдоль кухни и на открытой полке, где обычно ставят банки со специями и чаем, заметила одинокую фигурку собачки. Игрушечный песик, опустившись на передние лапы, склонил голову, словно в ожидании угощения. Глядя

на его забавную мордашку, я невольно улыбнулась и взяла статуэтку в руки. Как только она здесь оказалась?

— Откуда она у тебя? — Я повернулась к Вацлаву.

Он замер у плиты с лопаткой в руках и в замешательстве уставился на игрушку. А меня бросило в дрожь при мысли, что собачка могла быть чьим-то романтическим подарком. Ведь с кем-то Вацлав встречался в Москве до меня. Кому-то приготовил подарок в новогоднюю ночь — я видела уголок блестящей коробки в кармане его куртки.

— Это твое, — медленно произнес он.

Я непонимающе сдвинула брови:

— Что?

— Я купил его тебе на Новый год. Но не решился подарить.

— Но почему? — в растерянности спросила я. Значит, тот подарок был для меня? Значит, никакой соперницы, которую я себе придумала, не было?

— Потому что Аристарх опередил меня и преподнес тебе серьги с сапфирами, — угрюмо сказал Вацлав. — Мой подарок показался мне глупым и жалким.

— Сам ты глупый, — пробормотала я и погладила игрушечного песика по голове. — Все наши богатства — прах и пепел, они бессильны доставить нам то, ради чего стоит жить.

Вацлав с удивлением взглянул на меня.

— Это Экзюпери, — озвучила я авторство цитаты.

В детстве бабушка часто читала мне «Маленького принца»: как выяснилось недавно — это была не только ее любимая книга, но и любимая книга Аристарха. Но я только сейчас поняла смысл этой фразы. Раньше мне казалось, что жить стоит ради полочки и покупки новых платьев. В той, прошлой, жизни я бы, наверное, не оценила игрушечного песика, как не оценила антикварное кольцо, подаренное мне Федором. Сейчас эта безделушка была мне дороже всех богатств. Она была свидетельством того, что Вацлав думал обо мне. Еще до того нашего поцелуя в подвале особняка парижских Гончих...

— Ты поэтому сбежал тогда? — уточнила я.

Вацлав кивнул, не поднимая глаз от плиты.

— А я думала, ты торопишься на свидание. Чтобы вручить своей девушке подарок, — призналась я.

— Правда? — Он удивился так искренне, словно никакой девушки у него не было уже лет двести. И быть не могло.

— Честное вампирское, — улыбнулась я.

— Присаживайся. — Он кивнул на стул у барной стойки. — Омлет готов. Буду тебя кормить.

Омлет оказался объединением. Быть может, все дело в том, что он был приготовлен любимым мужчиной после ночи, проведенной вместе. Хотя в нашем случае будет точнее сказать — дня. К тому же я только что узнала, что соперницы, к которой я так ревновала Вацлава после новогодней вечеринки, не было, а были лишь непонимание и недоразумение, возникшие из-за дорогого подарка, который сделал мне Аристарх. Я вспомнила слова Эвелины о том, что первым подарком ей от Вацлава был золотой медальон, но не испытала ревности. Будучи сыном городского главы, Вацлав привык делать дорогие подарки. Сейчас другие времена. И он, очевидно, не хотел ставить меня в неловкое положение, преподнеся драгоценности. Статуэтка, выбранная им для меня, была мне намного дороже сережек, подаренных Аристархом. И я жалела только об одном: что он не вручил мне ее тогда, в новогоднюю ночь.

Позвонил Ирвинг по какому-то рабочему вопросу. Когда Вацлав закончил разговор, я торопливо спросила:

— Скажи, Саша еще не...

Я запнулась, но Вацлав понял меня с полуслова.

— Нет. Она не проходила инициации.

В моей душе шевельнулась надежда.

— Но дала согласие на нее, — разбил ее Вацлав.

— И когда это случится? — прошептала я.

— Как только она будет готова. — Вацлав пожал плечами. — Может, уже завтра. Может, спустя месяц.

Через пару часов ему надо было ехать в штаб к своим ребятам. В окна уже заглянула ночь, и, убрав со стола пустые тарелки, Вацлав открыл жалюзи, впуская лунное сияние. Щелкнул выключатель, убирая верхний свет, и мы одновременно шагнули друг к другу.

Звонок Аристарха застал нас на диване в гостиной. Французская песня «Salut» Джо Дассена, поставленная на входящие от деда, ассоциировалась у меня с историей Аристарха и бабушки Лизы: он тоже «отправился очень далеко», «потерялся», потом «вернулся», а теперь был «лишь воспоминанием» и уже больше никогда не скажет: «Привет, это снова я!», как и лирический герой песни.

— Не бери, — пробормотал Вацлав.

— Надо ответить. — Я нехотя уклонилась от его губ, вспомнив о том, что взяла с Аристарха обещание позвонить мне сразу же, как станет известно, что Саша стала вампиром. «Salut» сейчас звучал сигналом тревоги, и я поторопилась ответить на вызов.

— Жанна, ты дома? — раздался взволнованный голос Аристарха.

— Что случилось? — с тревогой спросила я. — Что-то с Сашей?

— С Сашей ничего, — торопливо ответил Аристарх. — Так ты дома или где? Нужно срочно встретиться.

— Я у Вацлава.

Трубка ответила молчанием, но Аристарх быстро справился с замешательством и не показал своего недовольства моим непристойным поведением.

— Дождитесь меня, — велел он. — Скоро буду.

— Что случилось? — Вацлав, облокотившись о диван, смотрел на меня.

— Одевайся! — Я бросила ему футболку, которую пятью минутами раньше сама же с него стащила. — Сюда едет Аристарх.

— Звучит как к нам едет ревизор, — заметил Вацлав, натягивая футболку. — Если что, я готов жениться и сделать тебя честной женщиной.

— Молчи уж, жених! — Я торопливо поправила сбившееся платье и одернула подол. — Кажется, там дело в другом.

— Лучше сядьте, — с порога предупредил Аристарх, входя в квартиру.

К тому времени мы уже успели привести себя в порядок и аккуратно разложили подушки, сброшенные на пол, на диване в гостиной.

— Что случилось? — Вацлав пристально взглянул на него, не собираясь подчиняться гостю в своем доме.

— Я только что разговаривал с Марио, старейшиной Римского Клуба, и он раскрыл мне секретную информацию, — взволнованно сообщил Аристарх. — Вы не поверите, что случилось с Орнеллой.

— Ее убили? — ахнула я.

— Намного интереснее, — сверкнул глазами Аристарх. — Она перестала быть вампиром.

— Что? — хором воскликнули мы.

— Как вам это нравится, а? Так вот. Некоторое время назад Орнелла Дамиани обратилась в медицинский центр местного отделения Клуба с жалобами на странное самочувствие. Наши медики, осмотрев ее, поставили ошеломляющий диагноз: Орнелла, иницированная по всем правилам два года назад, оказалась человеком. В ее крови не было вируса вампиризма, температура тела и пульс соответствовали норме человека и так далее. Орнелла клялась, что не имеет представления, что с ней произошло, и винила во всем грипп, который перенесла по возвращении из поездки в Прагу.

Мы с Вацлавом коротко переглянулись. В Праге мы встретили Фабиолу, теперь

выясняется, что там была и Орнелла. Может, именно там хранился ларчик, оставленный Жаном своим наследникам?

— В Рим срочно вызвали специалистов, которые работают над вакциной, убивающей вирус вампиризма. Те провели полное обследование и не нашли никаких зацепок. Орнелла была полностью здоровым нормальным человеком. Проверяли и ее кровного наставника и других новичков, которых он инициировал. В крови наставника не обнаружили ничего необычного. Другие новички, их всего пятеро, являлись вампирами, их анализы тоже ничего не показали. Орнелла тем временем обратилась к старейшинам с просьбой повторно инициировать ее. — Аристарх сделал интригующую паузу.

— И?! — первой не выдержала я.

— Инициацию провели. Но организм Орнеллы поборол вирус вампиризма. Анализ крови показал наличие антител.

— И что?

— Орнелла больше никогда не станет вампиром и проживет обычную человеческую жизнь, — поведал Аристарх. — Сейчас ее держат в клинике на строгом карантине. Старейшины опасаются, что она может быть разносчицей неизвестной нам инфекции, которая делает вампиров людьми.

— Похоже на провокацию со стороны магов, — высказал свою версию Вацлав. — Они давно недовольны усилениями наших позиций по всему миру. Если им удалось создать такой вирус, который превращает вампиров в людей, то через год в мире может не остаться ни одного вампира.

— Или на прощальный подарок Жана, — задумчиво заметила я, вспомнив его слова о разорвавшейся бомбе. — Призрак сказал, что наследство поделено на двенадцать частей.

— Призрак? — Аристарх в замешательстве уставился на меня. — Какой призрак?

Я коротко рассказала ему о своей поездке на руины фабрики, выслушала очередную порцию обвинений в легкомыслии и беспечности и продолжила:

— Что, если наследство Жана — это вакцина от вампиризма?

— Но зачем Орнелле вводить ее себе, если она хочет остаться вампиром? — засомневался Аристарх.

— Может, она не знала, что это. Или это получилось случайно... — предположил Вацлав. — В любом случае ответы надо искать у нее.

— Мы едем в Рим? — оживилась я.

— Ты ведь замолвишь за нас слово перед Марио? — Вацлав вопросительно взглянул на Аристарха. — Дело касается национальной безопасности. Мне надо только расколоть ее, чтобы она призналась в существовании своих сестер. И тогда все двенадцать наследниц Жана окажутся в наших руках.

— Хорошо, — кивнул Аристарх. — Только я еду с вами.

— Но сначала нужно выяснить еще кое-что.

Вацлав включил ноутбук, а пока тот загружался, взял телефон и принялся кому-то звонить.

— Давай пока посмотрим расписание рейсов в Рим, — предложил Аристарх и придвинул к себе ноутбук.

Стартовой страницей загрузился Яндекс. Аристарх уже принялся набивать в поисковике свой запрос, как я вскрикнула, увидев знакомое имя в строчке новостей наверху страницы.

— Смотри!

— «Телеведущая Глория Майлз застрелена у себя дома», — взволнованно прочитал Аристарх и торопливо щелкнул по новости.

Подробностей было мало. Говорилось только, что полиция рассматривает версию о заказном убийстве. И что смерть телезвезды может быть связана со скандальным разоблачением какого-то крупного чиновника, который был гостем ее последней программы.

— Не могу дозвониться, — с досадой сказал Вацлав, подходя к нам. — Что у вас там?

Он склонился над монитором, сощутив глаза и читая новость.

— Сначала Эмили, потом Пандора, теперь Глория. Слишком много совпадений, — пробормотала я. — Что, если кто-то убивает наследниц?

— Гибель Эмили — несчастный случай, — возразил Вацлав. — А что касается остальных, на первый взгляд все выглядит так, что смерти обеих девушек связаны с их родом занятий. Пандору убили за шантаж, Глорию — за разоблачение. — Он помолчал и с мрачным видом добавил: — Но если ты права и дело в кровном родстве, то скорее всего тут замешана одна из них. Жан просчитался. Его преемницы не захотели править миром вместе, и теперь одна из них избавляется от конкуренток, прибирая к рукам все наследство.

— А Жанна? — воскликнул Аристарх, обращаясь к Вацлаву. — Она ведь тоже одна из них. Что, если ей тоже грозит опасность?

— Надо ехать в Рим, — твердо сказал Вацлав. — Орнелла должна подтвердить слова Жанны. Тогда появятся основания для расследования и бесед с наследницами. Аристарх, звони Марио, убеди его, чтобы с Орнеллы глаз не спускали. Скажи, чтобы усилили охрану. Ее тоже могут попытаться убить.

Аристарх схватился за телефон, торопливо набрал номер и заговорил по-итальянски. Надо же, мой дед — полиглот! Заслушавшись, я не сразу сообразила, что Аристарх сорвался на крик не из-за темпераментности итальянской речи, а из-за чего-то внезапного и страшного...

Вацлав, внимательно следивший за разговором, чертыхнулся.

— Что? — Я схватила его за руку, требуя перевода.

— Орнелла мертва, — пояснил он.

— Что случилось? — повернулась я к Аристарху, когда он нажал отбой.

— Орнелла сбежала из клиники. И ее сбила машина. — И мой воспитанный, утонченный дед выругался так, что даже Вацлав в удивлении приподнял бровь.

— А водитель? — спросил Гончий.

— Скрылся, — мрачно ответил Аристарх.

— Теперь у нас опять нет никаких зацепок, — нахмурился Вацлав.

И в этот момент зазвонил его сотовый. На экране высветился набор цифр. Звонящий не входил в список абонентов, занесенных в телефонную книгу. И Гончий, раздраженный тем, что его отрывают в такой момент, рявкнул в трубку:

— Слушаю.

Он стоял так близко, что я услышала знакомый женский голос, доносившийся из динамика и темпераментно говорящий по-испански. Фабиола! Выслушав ее, Вацлав что-то коротко сказал на том же языке, отключился и взглянул на меня.

— Это Фабиола. Она испугалась за свою жизнь и готова все рассказать. К утру она будет в Москве.

— Если только ее не убьют по дороге, — угрюмо добавил Аристарх.

Из-за нелетной погоды Фабиола просидела сутки в аэропорту. Вацлав пропадал с Гончими, Аристарх оставался ночевать у меня и не спускал с меня глаз, боясь оставить одну даже на минуту. У него в голове крепко засела мысль, что неизвестный преступник может прийти по мою душу. Пока Фабиола ждала вылета, мы с Аристархом сидели за компьютером и без конца обновляли новости — боялись, что придут известия о гибели еще кого-нибудь из вампирш. Новостей не было, но в нашем случае уже их отсутствие было хорошим известием.

Наконец раздался звонок Вацлава.

— Она со мной. Приезжайте в штаб.

Когда по московским пробкам мы с Аристархом добрались до штаб-квартиры Гончих, Вацлав с Фабиолой были уже на месте.

Мне было не по себе, когда я ступила за порог. Последний раз я была здесь вместе с Глебом, Аристархом и Вацлавом во время допроса Нэнси, которую обвинили в покушении на мою жизнь. И тогда Нэнси, признавшая свою вину, из этой комнаты уже не вышла.

Вацлав сам привел приговор в исполнение. А еще в ту ночь я последний раз видела Глеба живым. Отсюда мы поехали к нему домой, где поссорились и я выставила его вон. Не подозревая о том, что отправляю навстречу гибели...

Фабиола сидела за столом, вытянув перед собой руки и сложив их в замок. Ее ноздри нервно подрагивали, когда она обернулась к нам. Вацлав стоял у окна, прислонившись к подоконнику и держа в руке какой-то листок.

Он кивнул нам и предложил садиться. Я выбрала место подальше от Фабиолы, с другой стороны стола. Аристарх сел ближе к ней, таким образом оказавшись между нами и готовый в случае необходимости меня защитить.

— Вот список всех. — Вацлав положил передо мной список с двенадцатью именами и фамилиями, четыре из которых были вычеркнуты: Эмили, Пандора, Глория и Орнелла.

Напротив имени Ингрид, обозначенной как «нефтяная королева», стояло три восклицательных знака.

— Фабиола считает, что за убийствами стоит Ингрид. Но она еще не успела объяснить почему. Начни свой рассказ сначала, будь добра. — Он кинул взгляд на нервно замершую испанку и жестко добавил: — И по-английски.

Опустив глаза и глядя на свои руки, Фабиола заговорила. Она начала со второй встречи вампирш, последовавшей вскоре после их знакомства в Замке Сов. На этот раз они собрались в Лондоне. Из-за отсутствующего кулона, который похитила я, возникли проблемы с расшифровкой карты и было решено обратиться к ювелиру, изготовившему подвески. К Филу Шепарду отправились Фабиола и Пандора, изменившая свою внешность с помощью темноволосого парика. Девушки убедили ювелира отдать им эскиз, не подумав о том, что у Шепарда могут остаться копии. А Пандора к тому же сделала заказ на кольцо с бриллиантами, которое так и не успела получить до своей смерти.

Под предлогом участия в благотворительности все вампирши собрались в лондонском офисе благотворительного фонда, которым руководила Эмили Ричардсон. Дарла, Ванесса, Орнелла, Глория и Оливия даже не стали делать тайны из своей поездки. Фонд Эмили и в самом деле пополнился за счет их щедрых пожертвований. Но сотрудникам фонда было невдомек, что за закрытыми дверями кабинета начальницы обсуждались отнюдь не дела благотворительности.

Как и предполагала Ингрид, чтобы расшифровать карту, понадобились знания и опыт всех двенадцати наследниц. Каждая из них смогла разгадать свою часть головоломки, связанную или с родом занятий, или с каким-то воспоминанием о Жане, или с личными воспоминаниями, которыми однажды они поделились с французом.

Фабиола опустила рассказ о том, как они расшифровывали карту, и сразу перешла к тайнику. Он находился в Праге, в одном из старых домов, что был зашифрован в карте.

Разлетевшись по своим срочным делам (у Дарлы был концерт, у Ванессы — презентация нового фильма, у Орнеллы — важное дефиле), вампирши собрались в Праге через несколько дней. Фабиола оказалась в Праге первой и разыскала человека, имя которого также было указано в карте. Тот сообщил, что ему предписано провести наследниц, явившихся с серебряными кулонами, к потайному сейфу. Однако по условиям договора с завещателем при этом должны присутствовать все двенадцать наследниц.

Когда все вампирши оказались в сборе и хранитель провел их к сейфу, вмонтированному в стену подвала, оказалось, что он не имеет ни ключа, ни шифра к нему. Оставив наследниц наедине, хранитель удалился, а вампирши с надеждой обернулись к Фабиоле. Однако та, сколько ни билась, не смогла подобрать пароль. Тогда вампирши вспомнили о буквах на обратной стороне своих кулонов. Еще когда расшифровывали карту, они изрядно поломали голову над их загадкой. Только у двух вампирш буквы на кулоне совпадали с начальной буквой имен — у Ванессы и Орнеллы, у других наследниц совпадений не было. Латинские буквы не складывались ни в одну разумную фразу ни на одном из языков, известных наследницам. Из части букв можно было составить какие-то слова, но в таком случае оставался бессмысленный набор букв на других кулонах. Ингрид

предположила, что послание зашифровано все-таки на латинском языке. Писательница Оливия высказала версию, что это какая-то крылатая латинская фраза из двенадцати букв. Ученая Эрика, хорошо знавшая латынь, подсказала решение: что, если зашифрованная фраза содержит больше букв, но они повторяют те, которые выбиты на кулонах? Она оказалась права, и с помощью кулонов и листка бумаги, на котором писали повторяющиеся буквы, вампириши составили латинское изречение: *FORTES FORTUNA ADIUVAT*.

— Смелым судьба помогает, — перевел вслух Аристарх.

Фабиола кивнула, подтверждая правильность его слов, и продолжила рассказ.

Однако сейф открывался числовым паролем. Тогда пришла на выручку Ингрид со своим заоблачным IQ) в двести семьдесят пять баллов. Поколдовав над листком бумаги, она вывела некую закономерность букв и цифр и вычислила код.

Прага

За две недели до этого

Двенадцать кровных сестер склонились над запертым кейсом. И когда все взволнованно замерли, не решаясь открыть его, Пандора безо всяких сомнений откинула крышку...

— Это еще что за хрень? — воскликнула она, озвучив мысли всех остальных.

В мягком нутре кейса находились двенадцать ячеек, в которых лежало по одному пистолету странного вида. Вместо патрона в каждом из них содержался дротик с ампулой с непонятным содержимым. Никаких пояснений или записки от Жана в кейсе не было.

— Это шприцемёты. Я видела такие однажды, — удивленно моргнула писательница Оливия. — В ампулах было снотворное, обычно ими усмиряют крупных животных.

— Жан в своем репертуаре! — демонически расхохоталась супермодель Орнелла. — Он развел нас даже после своей смерти. Талант!

— Столько мучений ради какой-то ампулки неизвестного назначения? — Фабиола не сдержала своего разочарования.

— Как вы думаете, что это? — Телеведущая Глория с любопытством склонилась над кейсом. В ней уже проснулся журналистский азарт.

— Сыворотка правды? — язвительно высказалась Пандора.

— А может, мышьяк? — встряла поп-принцесса Дарла. — Жан решил, что без нас ему будет скучно на том свете, и предлагает составить ему компанию как можно быстрее.

Эмили наивно предположила:

— А что, если это новейшая разработка какого-нибудь лекарства для людей? Например, от рака?

— Скорее от Жана стоит ожидать сибирскую язву или бубонную чуму, — брезгливо поморщилась Орнелла.

— Состав нужно исследовать, — азартно заявила ученая Эрика. — Я лично этим займусь в своей лаборатории.

— А давайте проверим прямо здесь? — с хулиганским видом предложила Дарла и первой выхватила пистолет из ячейки кейса, а затем играючи навела его на Орнеллу, с которой они не ладили с первого дня знакомства.

Топ-модель, вздрогнув, в испуге попятилась.

— Не смешно, — натянуто проговорила она, глядя на пистолет неподвижными, широко раскрытыми глазами.

— Дарла, прекрати сейчас же, — потребовала Ингрид тоном школьной учительницы. — Что бы это ни было, Эрика права: состав надо исследовать и только потом делать выводы.

— А если я не хочу ждать? — наслаждаясь замешательством Орнеллы, Дарла продолжала держать топ-модель на мушке.

— Тогда целься выше, — негромко посоветовала Ванесса, с которой несносная

манекенщица прежде успела поцапаться, — а то промажешь.

— А ты что, снайпер? — с любопытством взглянула на нее Дарла.

— Нет, просто сейчас в боевике снимаюсь, беру уроки стрельбы.

— Предупреждать надо! — начала ерничать Дарла, и в этот момент наверху раздался дикий грохот.

Вампириши сразу не поняли, что произошло. Только увидели, что резко побледневшая Орнелла прислонилась к стене и держится за шею. А певица, выронив пустой пистолет, повторяет, что она не хотела и выстрелила случайно.

Начался переполох. Кьяра оттеснила Дарлу, остальные девушки окружили Орнеллу, с тревогой вглядываясь в ее лицо.

— Как ты? Ты в порядке? Говорить можешь? — слышались взволнованные голоса.

— Не дождетесь — не помру. — Орнелла слабо улыбнулась.

— Пульс учащенный, — озабоченно проговорила Эрика, взяв пострадавшую за запястье.

— Чувствуешь что-то необычное? — деловито поинтересовалась Рэйчел.

— Чувствую, — Орнелла облизнула бескровные губы, — непреодолимое желание кого-то убить!

И, оттолкнув в сторону Эрику, она резко подалась к Дарле и выхватила из кейса пистолет.

Вампириши взволнованно загалдели. Кьяра загородила Дарлу, Орнеллу обступили остальные.

— Не делай глупостей, — сурово осадил Ингрид.

— Прости, я не хотела в тебя стрелять! — оправдывалась Дарла.

— Дай-ка мне. — Фабиола ловким движением обезоружила Орнеллу и вернула пистолет в ячейку.

Топ-модель разразилась громкой руганью и обещаниями повыдергивать Дарле ноги.

— Давайте все успокоимся! — призвала Рэйчел, и в комнате как по мановению волшебной палочки повисла настороженная тишина. — Так-то лучше, — удовлетворенно кивнула она. — Итак, с учетом этого инцидента у кого какие соображения?

— Нужно немедленно взять анализы и провести полное обследование! — захлопотала Эрика и повернулась к Орнелле. — Мы можем сегодня же вылететь в Стокгольм, сделаем все исследования в моей лаборатории.

Но Орнелла только отмахнулась от нее как от назойливой мухи:

— Еще чего! Между прочим, у меня график расписан на полгода вперед. Завтра у меня съемки для «Elle» и эфир в телешоу. И отменять я ничего не намерена!

— И тебе совершенно неинтересно, что за гадость теперь течет в твоей крови? — Глория округлила глаза от удивления.

— Главное, что она мне жить не мешает, — беззаботно пожала плечом топ-модель. — Так что пусть Эрика там корпит в лабораториях, изучает состав, а я подожду результатов. Скучать мне в ближайшее время некогда — работы невпроворот... Что? — Она неприязненно покосилась на Ванессу, которая вдруг наклонилась к ней и втянула ноздрями воздух.

— Вам не кажется, что от Орнеллы пахнет живой кровью? — медленно сказала актриса.

— Эй-эй, вы что?! — Топ-модель испуганно попятилась, когда одиннадцать вампириш обступили ее, замкнув круг.

— А ведь ты права, — с ошеломленным видом признала Оливия, — ее кровь пахнет, как у людей.

— Я никогда не ощущала этого раньше, — взволнованно заметила Эмили, и ее зрачки расширились — в них проснулась жажда.

— Это уже не смешно! — в бешенстве вскричала Орнелла. — Вы что, издеваетесь?! Не трогай меня! — Она с яростью дернула рукой, за которую ее взяла Эрика.

— Ее кожа теплая, — замороженно произнесла ученая.

— Дай мне руку! — потребовала Рэйчел, и супермодель опасно протянула ей узкую ладонь с матово блеснувшим кольцом из белого золота. — Тихо все.

На одну минуту, пока Рэйчел считала пульс Орнеллы, все затаили дыхание.

— Пульс как у здорового человека, — озадаченно сообщила Рэйчел минуту спустя и обвела всех взглядом. — Конечно, необходимы дополнительные исследования, но мне кажется...

— Сенсация! — охнула Пандора. — Жан оставил нам антивирус!

Все вампирши округлившимися глазами уставились на Орнеллу.

— Что? — Она замотала головой, и тяжелые каштановые локоны стегнули по воздуху. — Нет-нет! Этого не может быть! Не может быть, чтобы я...

— Ты снова человек! — глядя на нее с неподдельным восторгом, провозгласила Эрика. — Первый вампир на всей планете, который прошел обратное превращение.

— Мне, конечно, приятно быть уникальной, — взяв себя в руки, сказала Орнелла, — но такой славы мне не надо. Мне достаточно, что я вхожу в тройку самых знаменитых моделей мира.

— Девочки! — ажиотированно воскликнула Глория. — Вы представляете, *что* попало к нам в руки?

— И что нам теперь делать с этим богатством? — растерянно поинтересовалась Кьяра.

— Лично мне оно ни к чему, — с разочарованным видом отозвалась Фабиола. — Становиться человеком я не собираюсь, мне и вампиром хорошо живется.

— И мне это тоже ни к чему! — лихорадочно забормотала Орнелла и забегала глазами по лицам кровных сестер. — Мне нельзя стареть даже на день, помогите мне! Кто-нибудь, иницируйте меня снова!

— Что? — раздались вздохи изумления.

— Сестры вы мне или нет? Ну хоть одна-то нормальная вампирша из вас найдется? — Орнелла с надеждой переводила взгляд с Оливии на Эмили и на других девушек.

— Но так нельзя, — в растерянности пробормотала Эрика. — Дайте мне провести хотя бы несколько исследований! Поедем со мной в Швецию хотя бы на пару дней!

— Отстань, — прорычала сквозь зубы Орнелла и с мольбой обратилась к молчавшей Ингрид: — Сделай меня вампиром!

— Между прочим, — озабоченно хмурясь, отметила Рэйчел, — это в наших общих интересах. Никто ведь не хочет, чтобы о происшедшем с Орнеллой стало известно другим? Тогда уж придется рассказывать все начиная с инициации и тогда о нашем кровном родстве с Жаном станет известно всему свету.

Вампирши подавленно молчали.

— Я проведу повторную инициацию, — решила Рэйчел. — У кого-нибудь есть что-то острое?

Кьяра молча протянула свой кинжал. Рэйчел полоснула по центру ладонь Орнеллы, потом свою, а затем скрепила их руки.

— Спасибо тебе, — поблагодарила Орнелла. — Ты спасла мне жизнь. И карьеру.

— Не за что, — тепло улыбнулась Рэйчел. — Мы же сестры. А теперь, — она обернулась к остальным, — давайте разбирать свои пистолеты и расходиться.

Взволнованно переговариваясь, вампирши одна за другой подходили к кейсу и забирали сыворотку.

— А все-таки Жан нас всех удивил, — заметила Ванесса, покрутив в руках пистолет.

— Умение удивлять даже после смерти — редкий талант, — согласилась Оливия, пряча свой пистолет в сумочку с рукописью новой книги.

— Да уж, — покачала головой Фабиола, небрежно бросив пистолет в сумку с отмычками, — чего только я не ожидала, но только не этого.

— Не представляю, зачем это мне, — проворчала Кьяра, теребя полосатый шерстяной шарф, обмотанный вокруг шеи.

— Да ты только представь, какая бомба у тебя в руках! — азартно воскликнула Пандора.

Судя по восторженному выражению лица Эрики, осторожно, как величайшую ценность в мире, взявшую свой пистолет с сывороткой, она была согласна с Пандорой. И в ближайшее время собиралась сделать все от нее зависящее, чтобы выяснить формулу антивируса и наладить его массовое производство для тех вампиров, кто разочаровался в вечности.

— Неужели никто из вас не хочет стать человеком, рожать детей, ездить отдыхать на море? — с затаенной тоской спросила Эмили, забирая свой пистолет.

— А еще стариться, быть слабой и лишь догадываться, что думают окружающие? Это не для меня, — возразила Глория.

— Так, может, отдашь свою долю мне? — спросила Ингрид.

— Нет уж! — Телеведущая сунула пистолет в сумку-портфель со сценарием следующего эфира. — Я пока не придумала, как им распорядиться, но пусть будет.

Ингрид молча забрала свою сыворотку и спрятала в карман пальто.

Рэйчел достала свою.

В ячейке остался последний пистолет.

— А это чей? — Рэйчел бросила взгляд на кейс.

— Это Орнеллы, — удрученно сказала Дарла, глядя в пол.

— Точно! Ты-то свой бездарно потратила. — Фабиола ловко подхватила пистолет, бросила насмешливый взгляд на певицу и протянула его пострадавшей топ-модели.

— Что, расходимся? — скомандовала Рэйчел, и вампиры потянулись к лестнице, оставив на столе опустевший кейс.

— Последними покидали подвал я и Ингрид, — подошла к завершению своего рассказа Фабиола. — Ингрид попросила меня задержаться на пару минут и предложила купить мой пистолет с вакциной. Я согласилась. Он был мне ни к чему. Променять способности вампира на человеческие слабости я не собиралась.

— А Ингрид? Она сказала, зачем ей вакцина? — уточнил Аристарх.

— Я и не спрашивала. Она предложила хорошую цену, и мы ударили по рукам. После того как мы разошлись, я отправилась в Париж — закончить одно дело и получить кое-что необходимое для ограбления пражского музея. Там я пробыла два дня, потом вернулась в Прагу, приведя вас с собой на хвосте, — угрюмо заметила она. — В ту ночь мне позвонила Пандора и поделилась, что Ингрид предлагала продать ей вакцину. Пандора отказалась. В деньгах у нее нужды не было, а сыворотка еще могла когда-нибудь пригодиться. Дальнейшие мои похождения в Праге вы знаете, — скривилась она. — Вскоре после того, как наши пути вновь разошлись, я узнала о смерти Эмили, а потом мне позвонила Глория. Она вспомнила обо мне, когда понадобилось добраться до сейфа того прокурора, в котором он хранил порочащие его документы о финансовых махинациях. Меня не пришлось просить дважды: этот гад в прошлом году чуть не упек меня за решетку. Я вскрыла для Глории тот сейф. А когда передавала ей документы, мы разговорились о новостях от наших кровных сестер, и Глория рассказала мне о звонке Ингрид с предложением продать ей вакцину. Она не согласилась. Когда я узнала о смерти Глории и Пандоры, то сразу сообразила, что за этим стоит Ингрид. Не знаю уж, зачем ей это, но ей нужны все части вакцины. И она не остановится ни перед чем, чтобы их собрать, — убежденно заключила Фабиола.

— А ты-то чего испугалась? — спросил Аристарх. — Ты же продала свою часть.

— Я свидетель, — мрачно изрекла испанка. — Сначала Ингрид соберет все части вакцины, а потом избавится от всех, кто о ней знает. А чтобы до поры до времени никто ни о чем не догадался, первые убийства она решила замаскировать под несчастные случаи. Кстати, вам не кажется, что смерть Эмили — не случайность? Говорят, она погибла, спасая кошку из горящего подвала. Как думаете, зная добрый характер Эмили и проследив за ней пару дней, было легко предугадать, что она бросится за кошкой в огонь?

— Но зачем Ингрид всех убивать? — поразила я. Хотя она и производила

впечатление женщины властной и неуступчивой, в подобной жестокости ее заподозрить было трудно.

— Я не знаю, зачем ей это, — отрывисто ответила Фабиола. — Но, если уж она стала убивать, она не остановится.

— Ты права, — согласился Вацлав. — Она не остановится. И нам надо ее остановить. Однако, даже если я запротоколирую твой рассказ, ты подпишешься под каждым словом, а Жанна подтвердит факт встречи в Замке Сов, оснований для задержания Ингрид это нам не дает. Прямых доказательств ее виновности у нас нет.

А на нет и скидок нет, кисло подумала я.

— И что же делать? — Фабиола в отчаянии подняла глаза на Гончего.

— Нам нужны улики. — Вацлав озадаченно потер подбородок. — А для этого нам нужно отправиться к Ингрид и взять ее под наблюдение. Операция пока будет тайной от местных властей. Я подключу своих ребят.

У Фабиолы зазвонил телефон, и она потянулась к своей сумке. Это была уже не та прелестная «Боттега Венета», которая и привлекла мое внимание к девушке в парижском аэропорту. Та сумка, похоже, была утеряна в Праге. Но Фабиола оставалась верной себе: новая сумочка от Диора из крокодиловой кожи, напоминающая формой конское седло, была тоже броской и заметной. Странно, одежда у авантюристки совсем неприметная — взгляду не за что зацепиться.

Звонила Ванесса. Она взволнованно поведала, что на съемках фильма произошел несчастный случай. Во время перерыва в ее фургончик на полной скорости врезался грузовик с пьяным водителем. Погибла гримерша, ожидавшая актрису внутри. А сама Ванесса спаслась чудом: отлучилась на минуту, чтобы дать автографы поклонникам.

Фабиола передала нам разговор, добавив:

— По-моему, нам стоит поторопиться. Если ты, — она бросила обвиняющий взгляд на Вацлава, — намерен вести наблюдение за Ингрид, а не остановить ее, то я это сделаю сама.

Она кинула мобильный в сумку и яростно дернула молнию, чуть не вырвав ее с корнем. Я чуть не ахнула: какое варварство! Пока Вацлав склонился над ноутбуком, я, не выдержав, тихо спросила у Фабиолы:

— Скажи, почему ты носишь такие эффектные сумки? Тебя же по ним легко запомнить.

Та тонко усмехнулась:

— Потому и ношу. Запоминают только сумку, а не меня. Пусть лучше помнят цвет моей сумки, чем мое лицо.

Вацлав громко выругался, и мы встревоженно повернулись к нему.

— А вот и доказательства, — с мрачным видом сообщил он. — Ингрид невиновна.

— Но как? — вскинулась Фабиола.

Вместо ответа Гончий повернул к нам экран ноутбука. На новостном сайте рядом с фотографией Ингрид был заголовок: «Нефтяная королева погибла во время взрыва на заводе».

— Убийца не мелочится, — хмуро заметил Вацлав.

— А что, если это инсценировка? — засомневалась Фабиола.

— Это я, конечно, проверю, — пообещал Гончий. — Подстроить несчастный случай на собственном предприятии было бы проще всего. Но интуиция мне подсказывает, что Ингрид здесь ни при чем.

— А как насчет Кьяры? — взволнованно спросила я. — Она убила двух репортеров в Замке Сов. Если кто из оставшихся вампирш и способен на убийства, то она — больше всех.

— Зачем ей это? — бурно возразила Фабиола. — Вакцина ей не нужна, она тоже продала ее Ингрид. К тому же Кьяра слишком вспыльчива и импульсивна, она бы себя выдала. Кстати, она страшно зла на убийцу Жана. Ты, — она взглянула мне в лицо, — для нее враг номер один с тех пор, как стало известно, что Жана убила ты, а не Гончие. Не советую попадаться ей на глаза.

— С этим мы еще разберемся, — угрюмо пообещал Вацлав. — И за убийства репортеров она ответит по всей строгости закона. Но я тоже сомневаюсь в ее причастности к смертям вампирш и Ингрид в частности. Для Кьяры, как я понимаю, проще всадить пулю в лоб, чем организовать взрыв на заводе. Для этого нужны средства. И помощники.

— А как думаете, — подал голос Аристарх, — зачем все-таки Жан оставил своим наследницам вакцину?

— Чем не способ влияния? — высказал свою версию Вацлав. — Половина вампиров мечтает стать людьми, другая половина больше всего на свете боится того же. Разработки антивируса ведутся всего в нескольких отделениях Клуба по всему миру. Многие отделения принципиально не выделяют на это финансирование. Имея на руках вакцину, можно заручиться поддержкой очень важных вампиров, если пообещать кому-то из них возжеланный антивирус или, наоборот, припугнуть тем, чтопустишь его в ход и тем самым лишишь всего.

— Думаю, Жан хотел, чтобы мы объединили свои усилия ради какой-то общей цели, — предположила Фабиола. — Нас много, многие обладают влиянием, а с помощью вакцины и впрямь можно было бы быстрее договориться с теми вампирами, кто будет нам мешать.

Обязательно поинтересуюсь у Жана, чего он этим добивался, когда все закончится, мрачно подумала я.

К следующему вечеру стали известны результаты генетической экспертизы погибших при взрыве на заводе. Собственные вампирские эксперты, активно сотрудничавшие с Гончими, подтвердили, что среди погибших была Ингрид Ульман.

Мобильный Фабиолы разрывался от звонков — ей звонили обеспокоенные кровные сестры. Оливия взволнованно пересказала, что ей приснился страшный сон про авткатастрофу. Привыкнув прислушиваться к своей интуиции, которая не раз спасала ей жизнь, она отложила запланированную поездку и вызвала механика. Тот обнаружил поломку, которая могла бы привести к трагедии. Мы вспомнили похожую историю с Дарлой: у ее машины отказали тормоза, и она чудом уцелела. Эрика сообщила о взрыве в лаборатории — ей повезло, что она вышла позвонить, иначе попала бы в самый эпицентр. Рэйчел интересовалась, где Фабиола сейчас, и предлагала собраться всем вместе, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию.

— Хорошая идея, — оценил Вацлав, когда Фабиола передала ему разговор с Рэйчел, во время которого умолчала о том, что находится в Москве, в штаб-квартире Гончих. Разрешив ей отвечать на звонки, Вацлав взял с нее слово, что в целях безопасности она не будет говорить о своем местонахождении и сотрудничестве с его командой. Фабиола была пайнкой и уклончиво отвечала, что затаилась в одном укромном месте, где ее никто не найдет.

— Пожалуй, лучший выход сейчас, — продолжил Вацлав, — это пойти ва-банк: собрать всех оставшихся в живых наследниц и устроить очную ставку. Если мы правы в том, что убийцу стоит искать среди них, то она непременно воспользуется шансом, чтобы избавиться от всех одним махом.

— Ты предлагаешь нам всем выступить в качестве наживки? — с негодованием воскликнула Фабиола.

— Есть другие варианты? Хочешь подождать, пока убийца перебьет вас поодиночке? Хотя в этом есть резон. С каждым трупом круг обвиняемых все сужается.

Фабиола вспыхнула и оскорбленно сверкнула черными глазами.

— Ничего страшного не случится, — спокойно сказал Вацлав. — Мы с ребятами будем рядом и сразу же вмешаемся. Для подстраховки еще нью-йоркских Гончих попросим приехать, их главный — мой хороший друг. Правда, действовать придется неофициально, втайне от Парижского Ордена Гончих.

Аристарх, присутствовавший при разговоре, с укором покосился на нарушителя законов, но промолчал.

— Если мы дадим делу огласку, — пояснил Вацлав, — придется объявить о

подставных наставниках и о том, что настоящим донором выступал Жан. В этом случае мы, возможно, получим одобрение местных старейшин на проведение ментальных допросов всех наследниц. Но даже если до этого дойдет, это долгий процесс, и убийца с помощью своих помощников сможет убить еще нескольких.

— И где мы должны будем собраться? — недовольно спросила Фабиола.

— Полагаю, там, где все начиналось. В Замке Сов.

Глава 12 ВАМПИР ВАМПИРУ ОБОРОТЕНЬ

Существование чудовищ приводит к чудовищным последствиям.

Стефани Майер. Затмение

Я вздохнула, думая о чудовищной игре, в которую оказалась втянута. Убийцы, рыскающие за моим окном, гибель любимой пары туфель... Просто воплощение самых жутких кошмаров. Интересно, что ждет меня дальше?

Джулия Кеннер. Код Живанши

Спустя три дня я стояла у ограды Замка Сов в предместье Парижа. Первый раз я была здесь в ночь встречи двенадцати вампирш, второй — когда меня привозили на ментальный допрос. Оба раза ничем хорошим для меня это не закончилось, и я надеялась, что на третий раз нам обязательно повезет.

— Готова? — спросил Вацлав, подходя сзади.

Я коротко кивнула.

— Тогда удачи всем нам. Пошли.

За спиной раздались негромкие шаги других Гончих. Я обернулась. Здесь была вся московская команда Вацлава: Ирвинг, азиат Шон, мулат Джаспер и новенький — англичанин Уильям, заменивший погибшую Лаки. За ними шли пятеро американцев во главе с улыбающимся Крисом.

С большим трудом удалось уговорить Вацлава и Аристарха взять меня в Замок Сов. Они хором твердили, что я не должна подвергать себя опасности, и не хотели понимать, что мне просто необходимо быть здесь сегодня. Уж я объясняла, что могу заручиться поддержкой призраков, которые живут в замке, и предлагала применить слияние, чтобы вычислить убийцу, но только вызвала яростный протест у деда и Гончего. Вацлав ясно дал понять, что сигналом для его команды будет признание убийцы, а доказательством ее вины — свидетельства других вампирш и аудиозапись разговора, которую он собирается предъявить старейшинам в качестве оправдания за несанкционированную секретную операцию. Пришлось пойти на шантаж. Аристарху я заявила, что в таком случае сообщаю родителям, что он мне коварно изменил и между нами все кончено, что исключает возможность семейных встреч в будущем. А Вацлаву пригрозила, что все равно попаду в замок — с его согласия или без. Только тогда я буду действовать на свой страх и риск, могу случайно завалить всю операцию и уж как пить дать попаду в неприятности. Вацлав рассудил, что в таком случае безопаснее держать меня под присмотром, и, взяв с меня обещание вести себя тише воды и ниже травы, с неохотой согласился. Аристарх только недовольно проворчал, что упрямая я точно в него, а коварством вся пошла в Жана, и тоже смирился с моей поездкой в Замок Сов.

Гораздо сложнее было убедить Аристарха не лететь с нами. Он как старейшина — фигура видная, если о его приезде в Париж станет известно, вся секретность операции будет нарушена. Кроме того, зная, как дед обо мне беспокоится, Вацлав опасался, что тот может натворить глупостей, защищая меня от возможной угрозы. К счастью для нас, у Аристарха, помимо сдачи нового номера журнала, возникли и неотложные дела в Клубе. Поэтому,

строго-настрого наказав Вацлаву не спускать с меня глаз, а мне самой — быть очень осторожной, Аристарх остался в Москве, а мы вылетели в Париж по поддельным паспортам — чтобы сохранить секретность.

Первая часть нашего плана прошла как по маслу. Опасаясь наблюдения за замком, мы перелезли ограду со стороны леса. Я отыскиала взглядом тот участок парка, где лежали тела репортеров, убитых Коброй. Но, вопреки моим прогнозам, их призраки не бродили между деревьев. Снега уже не было, но черная земля была достаточно мерзлой, чтобы не вязнуть под ногами. Лишенные листвы деревья придавали парку зловещий вид, и трудно было представить, что летом здесь бывает зелено, лужайки покрываются свежей травой, а деревья стоят в цвету. Казалось, что в окрестностях Замка Сов навеки прописалась стылая морозная ночь...

Здесь нашим командам предстояло разделиться. На прощание парни обменялись крепкими рукопожатиями, а Крис подмигнул Ирвингу:

— Береги себя ради невесты!

Всегда молчаливый и бесстрастный Ирвинг после согласия Саши готов был кричать о своем счастье всему миру и уже успел поведать о нем своим американским коллегам и позвать их на свадьбу. Я ожидала, что Крис болезненно воспримет слова Ирвинга, но тот неожиданно тепло разговорился со скандинавом, с интересом изучил фотографию Саши, назвав ее настоящей красавицей. Более того, когда Ирвинг, воспользовавшись свободным временем до начала операции, решил съездить в ювелирный салон за обручальными кольцами, Крис вызвался ему помочь. Глядя на его поведение, я просто поражаюсь. Крис не завидовал Ирвингу, он искренне желал ему счастья. Того самого, которое потерял сам... Не многие люди на это способны. А вампиры — тем более.

Я и Вацлав со своей командой двинулись к замку, чтобы войти в него с черного хода. Американцы исчезли в парке, они прикрывали нас снаружи и были готовы в случае необходимости прийти на выручку.

Замок встретил нас привычными для него сквозняками, которые носились по пустым помещениям, чувствуя себя здесь полными хозяевами. Тихо стонали половицы под ногами, по-старчески жалуясь на свою заброшенность и долгое отсутствие жильцов. Из одного зала прямо перед нами, изрядно напугав меня, вылетел голубь и, промахав крыльями над головами, исчез в темном чреве замка. В лицо пахло холодом: одно из окон в зале было разбито. Вот откуда сквозняки и птицы, залетевшие в дом в поисках тепла и пищи.

Следуя по коридорам и залам вместе с Гончими в полной темноте, я то и дело поглядывала по сторонам, ожидая появления призраков, которых теперь в отличие от прошлого визита в замок могла видеть. Но, вопреки моим опасениям о толпе замученных в жилище Жана душ, ныне густо заселивших залы, замок был пуст. Жаль. Вацлав рассчитывал, что они могут сослужить нам службу и предупредить о незваных гостях, если вампирша-убийца приведет помощников.

В комнате, где я укрывалась за бархатной портьерой, подглядывая за первой встречей вампирш, напротив, было душно и пыльно. А сама портьера, казалось, сохранила стойкий запах «Пуазона» — духов Кобры, которая тогда чуть меня не обнаружила. Я опять спряталась за занавесом, чтобы убедиться, что отсюда по-прежнему хорошо просматривается зал, а я остаюсь невидимой для чужих глаз. Затем вышла из укрытия и поправила глубокие бархатные складки, закрывавшие часть окна, так что на полу оставался треугольник лунного света, тогда как соседние окна со сдвинутыми портьерами пропускали целые квадраты света.

В самом же зале, где встречались вампиры, было темно: окна в нем были зашторены с прошлого раза. Первым туда вошел Вацлав. За ним — Ирвинг с Джаспером, потом я, Шон и Уильям. Мне уже доводилось переступать порог зала, в тот раз, дождавшись, когда вампиры скроются, я метнулась к столу и забрала серебряный пазл-кулон, оставленный для Кобры. На обратном пути чуть не столкнулась с ней, спешащей обратно в зал. Тогда у меня было всего несколько секунд. Сейчас я могла разглядеть интерьер подробнее, хотя во мраке это было непросто, а напольные лампы, стоящие по углам, мы включать не стали, чтобы не

выдать себя. Вот длинный стол, на котором остались бокалы, еще хранившие запах шампанского, выпитого вампирами за встречу. Вот стул-трон во главе стола, который тогда заняла Рэйчел. Вот громоздкий деревянный сервант — его содержимым в прошлый раз любовалась Фабиола. Сейчас, когда бокалы с шампанским были вынуты, за стеклом остались стоять только кувшин восточного вида, какие показывают в фильмах про джиннов, и несколько кубков. Странно, что серебро еще не растащили, ведь замок даже не охраняется. Видимо, репутация Жана, которого местные жители считали чуть ли не дьяволом, даже после смерти хозяина надежно защищает замок от воров.

Потолок был высоким, и, подняв голову, я увидела стеклянную люстру. Внезапно на ней зажглись два желтых огонька. Сова, потревоженная появлением людей, недовольно ухнула и, сорвавшись с места, пролетела над моей головой, чуть не задев крылом, а затем скрылась в коридоре. Наверное, отправилась на ночную охоту. Вот и умница, лучше держаться отсюда подальше. Возможно, совсем скоро здесь будет очень жарко. Во всяком случае, Вацлав и его команда вооружились до зубов и были готовы при малейшей опасности открыть стрельбу. Я искренне надеялась, что все обойдется без крови и с голов невинных вампирш, а уж тем более с голов Гончих, не упадет ни волоса. Преступница выдаст себя, в тот же миг в зал ворвутся Гончие, арестуют ее, а все остальные вампиры вздохнут спокойно и разлетятся по домам.

Маленький азиат прикреплял под столешницу миниатюрные микрофоны: запись разговора между вампирами должна была стать дополнительной уликой, которые по окончании операции Гончие обязаны предоставить старейшинам вместе с отчетом о проделанной работе. Вацлав очень рассчитывал на помощь Фабиолы. Именно испанка должна спровоцировать убийцу выдать себя и добиться от нее признания. Ради этого и был затеян весь план Гончих. Только признание убийцы при многих свидетелях могло оправдать «самодеятельность» Гончих перед старейшинами.

Когда микрофоны были установлены, Вацлав скомандовал:

— По местам и ждать!

Мы прошли в соседнюю комнату. К счастью, здесь было полно старой мебели — диваны, книжный шкаф, кресла, тумбочка, напольная лампа с большим абажуром. У стены стоял старый рояль. Все это, в сочетании с непроглядным мраком, создавало идеальные условия для засады. Ирвинг выкрутил лампочки в люстре и в лампе, так что темнота нам была обеспечена. С Вацлавом мы договорились так: до начала встречи я нахожусь в комнате рядом с Гончими. А когда вампиры соберутся, я, как и в прошлый раз, займу место наблюдателя за портьерой. Я бы и сразу там спряталась, да Вацлав категорически отменил эту идею, заявив, что направляющиеся в зал вампиры меня легко обнаружат. Хотя я и так сделала все возможное, чтобы стать невидимкой. На мне были сапоги на плоской подошве, узкие черные джинсы, свитер под горло и облегающая черная куртка. Фабиола одолжила мне пару своих перчаток. И, по ее примеру, я заплела волосы в две тугие косы и надела вязаную шапочку. Теперь я полностью сливалась с темнотой, и стук каблуков не выдал бы моего присутствия здесь.

Стянув с дивана пыльный плед, Вацлав кинул его на пол у кресла и поманил меня к себе. Мы сели на плед, прислонившись спиной к стене, плечом — друг к другу. Я чувствовала, как напряжен Вацлав, несмотря на то что до начала встречи оставалось еще два часа. Остальные Гончие заняли места по углам, целиком слившись с обстановкой. Если бы я не знала наверняка, что справа от нас у дивана застыл Ирвинг, а слева, под роялем, затаился Шон, я бы никогда не поняла, что в комнате есть кто-то живой.

Потянулись минуты ожидания. Я жалела, что еще не успела овладеть телепатией, чтобы общаться с Вацлавом мысленно. Сколько всего можно было бы рассказать друг другу за эти два часа! Отвлечься болтовней, лишь бы не думать о том, что совсем скоро покой брошенного замка могут нарушить выстрелы и шальная пуля может настигнуть одного из нас. Даже если убийца будет одна и не приведет с собой команду головорезов, чего не исключал Вацлав, в любом случае у нее будет оружие. И, поняв, что ее приперли к стенке,

она от отчаяния может натворить глупостей.

Стянув перчатку, я накрыла ладонью руку Вацлава, собираясь сплести наши пальцы вместе, но обожглась о холод металла. В руке, лежавшей на колене, он держал пистолет. Я неловко убрала руку, понимая, что Гончий сосредоточен на деле и ему сейчас не до нежностей. В следующую секунду Вацлав быстрым движением переложил пистолет в другую руку, а освободившейся обнял меня и прижался губами к локону на моем виске. У меня перехватило дыхание от его невысказанных слов. Слова были излишни. Я чувствовала, что его сердце бьется одновременно с моим. Ощущала тепло его объятий. Впитывала трепет его губ. Разделяла его тревогу и его надежду. Что это, если не любовь? В тот миг я вдруг отчетливо поняла: если нам суждено пережить эту ночь, мы будем вместе. На века.

Нас обступала темнота, мы были одни на целую вселенную вокруг, и ничто на свете не имело значения, кроме прерывистого дыхания Вацлава на моей коже и его руки на моем плече. Я могла бы просидеть так сотню лет. И каждое мгновение из них было бы наполнено острым, бьющим через край, ослепительным счастьем.

Но у нас были только два часа, которые пронеслись одной секундой. А потом Вацлав насторожился, его рука до боли стиснула мое плечо, и он отодвинулся. Мой слух, обострившийся до максимально возможной отметки, различил голоса в парке. Это были Оливия и Эрика. А Вацлав, должно быть, заметил первых гостей еще раньше — когда у ворот замка остановились машины.

Началось. Я так мечтала, чтобы Вацлав на долю секунды поцеловал меня, вселил в меня уверенность, придал мне сил. Но моему мужчине уже было не до романтики. Он приготовился к схватке. Он желал вычислить преступника и остановить его прежде, чем тот навредит другим. Я осторожно, стараясь ничем не выдать своего присутствия, откинулась к стене и сомкнула веки, слушая приближение вампирш.

Быстрые шаги и дробный стук каблуков по каменной лестнице. Скрип парадной двери, которую не открывали с прошлой ночной встречи. Тихий стон половиц. Глухой удар о мебель, болезненный всхлип и звякнувшее стекло — Эрика в темноте налетела на острый угол и потеряла очки. Едва уловимый шелест — это сквозняк-озорник подхватил концы легкого шелкового шарфа, и они хлестнули по воздуху. Шепот, взволнованное дыхание, усиливающийся с каждым мгновением цветочный с ноткой пряностей аромат и резкая отдушка с морским запахом. Оливия пользуется духами Miracle от Ланком, а Эрика — каким-то дешевым дезодорантом.

Я приоткрыла глаза за секунду до того, как вампириши переступили порог комнаты, в которой мы затаились, и задержала дыхание, чтобы ничем себя не обнаружить.

Оливия была в черном кашемировом пальто до колена, с повязанным поверх шелковым голубым шарфом. Голубой цвет шел брюнетке Оливии и, видимо, был одним из основных в ее гардеробе. На фотографиях в Интернете она часто была изображена в нарядах голубых и синих оттенков. Я вспомнила голубую ленту, которая была в волосах писательницы в прошлый раз. На этот раз Оливия закрепила волосы заколкой-крабом, выпустив на высокий лоб длинную челку.

В списке Жана Оливия значилась как воплощение Слез Предсказания. Писательница привлекла внимание прессы еще тогда, когда отказалась лететь в Америку на презентацию своей книги. Самолет потерпел крушение, а Оливия в последовавших за этим интервью призналась, что видела во сне авиакатастрофу. Вот и недавно пророческий сон спас ее от смерти, которую неведомый пока нам убийца планировал обставить как несчастный случай. Впрочем, не стоило вычеркивать Оливию из списка подозреваемых: она и сама могла инсценировать покушение, чтобы отвести от себя подозрения. В таком случае успех нашей операции висел на волоске — кто бы мог поручиться, что писательница не предугадает ловушку, которую мы ей готовим?

Ученая Эрика держала в руках очки с разбитым стеклышком и неуверенно переступала с ноги на ногу, подслеповато щурясь. Кто меньше всего подходил на роль убийцы, так это она. Невысокая, склонная к полноте и сутулая, она по-прежнему выглядела синим чулком,

особенно на фоне элегантной писательницы. Какая-то бесформенная куртка, широкие брюки, ботинки на плоской подошве, тяжесть которых выдают скрипящие под поступью Эрики половицы... Нет, я, конечно, понимаю, нужда заставит и Sela носить, но уж вампиры-то в средствах не нуждаются, могла бы и побаловать себя приличными обновками. Волосы блеклого русого оттенка Эрика собрала в низкий узел, что делало молодую женщину похожей на престарелую английскую гувернантку. Если бы не выдающееся открытие Эрики в области фармакологии и не ее беспримерная честность, когда она не пожелала утаивать вакцину от гриппа, даже в обмен на миллионы, которые ей сулили ведущие фармакологические компании, эта невыразительная серая мышь никогда бы не привлекла внимания искушенного в женской красоте Жана Лакруа. Впрочем, и за невиновность Эрики я бы сейчас не поручилась. Сколько фильмов снято про таких вот сумасшедших ученых, оказавшихся маньяками. Что, если Эрике взбрело в голову, что кровь Жана делает ее сестер потенциально опасными для людей и она принялась уничтожать их поодиночке, а под конец запланировала самоубийство? Впрочем, с Эрикой все было очень просто. Патологическая честность ученой, из-за которой Жан выбрал ее воплощением одноименной Слезы, играла нам на руку. У Фабиолы уже был готов прямой вопрос для Эрики, который она задаст при встрече. И если Эрика — убийца, она не сможет солгать и признается во всем.

Мои ресницы были полуопущены, а голова не шелохнулась, когда я проводила их взглядом. Больше всего на свете я в тот миг боялась подвести Вацлава.

Оливия и Эрика скрылись в зале, а мой слух уже различил шаги на крыльце и шум машины у главных ворот замка. Вампиры были пунктуальны и прибывали в замок одна за другой.

Торопливо пересекла комнату Дарла. В худенькой девушке, одетой в куртку с капюшоном, широкие джинсы и кроссовки, никто бы не признал знаменитую на весь мир поп-принцессу. На то и был расчет. Афишировать свой визит в Замок Сов звезде было ни к чему. Внимание Жана бунтарка Дарла когда-то привлекла своей храбростью на грани дерзости, благодаря чему и стала воплощением Слезы Смелости в списке вампира. Храбрость и спасла ей жизнь, когда у ее машины отказали тормоза. Не всякий решится выпрыгнуть на полном ходу на дорогу.

По-кошачьи неслышно прошла перед нами Фабиола — гибкая, одетая во все черное, с руками, спрятанными в перчатках, и с неизменными косами. Воплощение Слезы Интуиции. Вацлав в шутку поинтересовался у нее, что говорит интуиция по поводу исхода сегодняшней операции. Фабиола угрюмо сказала, что лучше бы ей отсидеться на своей тайной квартире. Судя по ее мрачному настрою, нас ждет опасная ночь.

Вскоре за ней появилась Рэйчел — такая же элегантная и строгая, с гордо выпрямленной спиной, с идеальной стрижкой каре, на высоких каблуках, какой я ее запомнила в прошлый раз. Одетая она была в стиле Коко Шанель — похоже, Рэйчел придерживалась выведенного мной правила: старый бренд лучше новых двух. Классическое пальто застегнуто на все пуговицы, под модные укороченные рукава надеты высокие перчатки. Она не спешила их снять на ходу, и в этом тоже была отточенность ее манер. Рэйчел ступала с гордо выпрямленной спиной, окутанная шлейфом дорогих духов с древесно-цветочным мускусным ароматом, которые удивительно ей шли. Невозмутимая, уверенная в себе, грациозная. Как будто шла не на тайную встречу с вампирами, среди которых может оказаться убийца, а в торжественный зал, где ей предстоит принять присягу на управление целой страной. Я симпатизировала Рэйчел — устоять перед ее обаянием было невозможно. Недаром Жан выбрал ее в качестве воплощения Слезы Харизмы, недаром именно ее, а не властную Ингрид, на прошлой встрече признали лидером вампирши. Мне было трудно представить ее убийцей. Скорее убийца не успел добраться до нее потому, что Рэйчел, как и положено премьер-министру, всегда окружена толпой телохранителей. Даже странно, что и сейчас, и в первый раз ей удалось сохранить тайну встречи и явиться в замок одной. Хотя тогда, при появлении репортеров, она принялась звонить охране, которая, видимо, дежурила неподалеку.

Следующей пришла Кобра. Сначала я услышала быстрые шаги, затем — шелест крыльев, резкий свист рассекаемого металлом воздуха, глухой стук, с каким острое кинжала входит в дерево, и возмущенное уханье совы. Похоже, птица метнулась навстречу Кобре, а та, среагировав на опасность, метнула в нее кинжал. Судя по удаляющемуся голосу совы, та не пострадала. До меня донеслось раздосадованное шипение Кобры, когда та резким движением вытащила кинжал из дерева, а затем торопливые шаги по направлению к нам. Ступив за порог комнаты, Кобра быстро двинулась к залу. Мой мозг стремительно фиксировал ее приметы, так, словно мне потом предстояло описать портрет Кобры полицейским. Средний рост. Спортивное телосложение. Длинная шея и неизменный шерстяной шарф, напоминающий капюшон кобры. Короткая мальчишеская стрижка. Резкий профиль. Прямой нос. Тонкие губы, не знающие помады и блеска. Особая примета: едкий запах «Пуазона». Совершенно секретно: в списке Жана Лакруа известна как воплощение Слезы Силы. Фабиола объяснила, что Кобра была олимпийской чемпионкой по дзюдо.

Внезапно Кобра остановилась на полпути, напряженно замерла и повернула голову, вглядываясь в очертания мебели, тонущей в темноте. Я перестала дышать. Перепуганное сердце забилось, как часовой механизм у бомбы, грозя в любой миг взорваться и выдать меня и Гончих с головой. Я увидела, как напряглась Кобра, положив руку на пояс с кинжалом. Затем она сделала шаг в сторону. Прямо по направлению к нам. И я почувствовала, как закаменело плечо Вацлава. Мне показалось, я даже слышу, как сжимается воздух между его пальцами, обхватившими пистолет. Если Кобра нас сейчас обнаружит, все пропало. И останется только одна цель: убить ее прежде, чем она пустит в ход свой кинжал.

Внезапно из зала, откуда уже лился тусклый голубоватый свет, донесся стук каблучков. На пороге показалась Оливия.

— Кьяра, это ты? — неуверенно позвала она, щуря глаза.

— Я, — медленно отозвалась Кобра, отступая назад и возвращаясь в квадрат лунного света у окна.

— Наконец-то! А Ванесса не с тобой? Кроме вас все уже в сборе.

Словно в ответ на ее вопрос раздался звук открывающейся двери, а вслед за ним — торопливые шаги.

Кобра, по-прежнему стоя на том же месте, метнула острый взгляд в темноту прямо над моей головой. Так что у меня волосы на макушке под шапочкой зашевелились. Убедить себя в том, что Кобра меня не видит, было очень трудно. А еще в тот момент я отчетливо поняла, что Кобра и есть преступница. Из семерых вампирш, собравшихся сейчас в замке, прирожденной убийцей была она одна. Других кандидаток не было.

Ванесса ступила за порог и замедлила шаг, заметив Кобру и Оливию.

— Привет. — Голос ее звучал утомленно и вяло. — Вы уже здесь?

— Только тебя и ждем, — укорила писательница с мировым именем.

— Уж простите, — с сарказмом отозвалась звезда Голливуда. — Ради того, чтобы вырваться сюда, мне пришлось отработать два съемочных дня почти без перерыва на сон.

Оливия на это ничего не ответила и, развернувшись, прошла в зал. Ванесса и Кобра двинулись следом. Я неотрывно смотрела на актрису, бывшую моим кумиром. Прекрасная, как богиня, высокая брюнетка с шикарными волосами входила в тройку самых сексуальных женщин планеты. Недаром Жан выбрал ее воплощением Слезы Привлекательности. Мне вдруг пришло в голову, что Ванесса и Жан Лакруа были бы очень красивой парой. И стало жутко любопытно, был ли между Жаном и его избранницей роман. В прошлый раз Ванесса была одета как для красной ковровой дорожки — короткое меховое манто, шелковое платье, сапоги на шпильке. Вряд ли тогда она ожидала, что попадет в сырой неоттапливаемый замок, где гуляют сквозняки. Сейчас наряд Ванессы был нарочито прост и удобен: джинсы-скинни, мягкий свитер под горло, короткая куртка по фигуре и мокасины. Свою пышную натуральную гриву, благодаря которой Ванесса заняло первое место в рейтинге звезд с самыми красивыми волосами, потеснив Дженнифер Энистон, она собрала в высокий хвост и напоминала сейчас простую американскую девушку из рождественской комедии, которую

легко представить и наряжающей елку, и играющей в снежки, и катящейся с горы на санках. И только сандалово-мускусный шлейф дорогих духов, в котором я узнала «От кутюр» Живанши, выдавал статус суперзвезды.

Ванессе удивительно шел этот образ соседской девчонки. И было совершенно невозможно представить ее за рулем автомобиля, сбивающей несчастную Орнеллу, хотя в прошлый раз она не скрывала своей неприязни к топ-модели, или у окна небоскреба, хладнокровно толкающей Пандору вниз. Впрочем, из-за публичности Ванесса и не стала бы марать руки сама. А уж нанять киллеров, как заметил Вацлав, ей точно по средствам.

Девушки скрылись в зале, и я взволнованно замерла, обратившись в слух. Зазвучали короткие приветствия, послышался стук отодвигаемых стульев — вампириши занимали свои места. Радости в голосах не было. Из двенадцати избранниц Жана в живых осталось только семь, и, собравшись вместе снова, они остро почувствовали эту утрату.

Мы подождали, пока вампириши рассядутся, и Фабиола начнет играть свою роль. Ее небрежное: «Как думаете, кто из нас следующая?» — послужило сигналом. Вампириши заспорили, Вацлав легонько стиснул мое плечо и подтолкнул вперед. «Иди», — прочитала я по его губам. «Будь осторожна!» — молили глаза.

Я медленно поднялась на ноги и, чувствуя себя канатоходцем над пропастью, осторожно, стараясь не выдать себя ни звуком, двинулась к окнам. Нырнула в спасительную темноту между квадратами лунного света на полу, в один миг юркнула за портьеру среднего окна. А уже потом, выровняв дыхание и убедившись, что ни одна из вампириш в зале не смотрит на арку, соединяющую комнаты, метнулась за соседнюю занавеску крайнего окна.

Теперь я могла видеть если не все, то большую часть происходящего в зале, как в прошлый раз. В тусклом голубом свете все казалось иллюзорным и ненастоящим. Вампириши сидели за столом, Рэйчел стояла, облокотившись о стул. Она сняла пальто, оставшись в узкой юбке и шелковой блузке и, казалось, совсем не мерзла. Тогда как в замке было ненамного теплее, чем на улице. Грязную посуду вампириши убрали в сервант, освободив стол.

— Кому нужно нас убивать? — с недоверием спрашивала Дарла.

— Тому, кто испортил тормоза на твоей машине, — парировала Фабиола.

— Да мало ли психов на земле, — пожала плечами певица и забарабанила пальцами по столу. — Я вообще думаю на своего агента, с которым поцапалась накануне. Все знают, что он побивает свою любовницу. Почему бы ему ни испортить мне тормоза?

— И лишит себя заработка? — едко поинтересовалась Фабиола.

— Он его уже лишился, — сообщила Дарла. — Я уволила его немедленно.

— Так, значит, и поломка моей машины — не случайность? — нервно спросила Оливия, теребя конец шелкового шарфа.

— Ерунда какая-то, — вставила Кобра, — если ты хочешь сказать, что кто-то по очереди убивает кровных наследниц Жана, то сама подумай: кто о нас знает?

— Бинго! — удовлетворенно воскликнула Фабиола. — Это самые здравые слова, которые я сегодня услышала.

В зале повисла ошеломленная тишина.

— Ты хочешь сказать, что убийца — одна из нас? — натянуто сказала Ванесса.

Эрика, испуганно пискнув, зажала рот ладошкой и в панике обвела соседок взглядом, как будто опасаясь, что каждая из них сейчас вытащит пистолет и направит ей прямо в лоб.

— Но зачем ей это нужно? — Рэйчел недоверчиво склонила голову.

— Вы привезли то, что я просила? — коротко спросила Фабиола.

Вампириши потянулись к своим сумкам и выложили на стол по пистолетику с вакциной. Всего их было три: не доставало пистолетов Фабиолы и Кьяры, которые они продали Ингрид и теперь их судьба была неизвестна, не было пистолета Эрики — свою вакцину она исследовала в лаборатории, и пистолета Дарлы — свой выстрел она истратила на Орнеллу. Я затаила дыхание, разглядывая легендарное наследство Жана. Я видела такие в выпуске новостей, когда показывали репортаж о медведе, забредшем в жилой поселок в Америке.

Тогда полицейские усыпили его снотворным с помощью похожего пистолета-игольника, а потом отвезли в лес и выпустили.

— Сначала я думала, что дело в них, — кивнула Фабиола. — И подозревала, что за смертями Пандоры и Глории стоит Ингрид, а гибель Орнеллы и Эмили — просто несчастные случаи. Ингрид заплатила мне кучу бабла за мою вакцину и предлагала Пандоре выкупить у нее ее долю. Та отказалась и вскоре погибла. Та же история с Глорией. Но теперь Ингрид мертва, а все пистолеты, как я вижу, при вас. Значит, дело в другом.

— А что, если кто-то другой узнал про нас, — кусая губы, предположила Оливия, — решил, что из-за крови Жана мы можем быть опасны, и захотел перебить поодиночке? Вы уверены, что в прошлую нашу встречу здесь не было никого, кто подслушал наши разговоры? А может, — она затравленно огляделась, — здесь вообще на каждом шагу натыканы камеры и микрофоны?

В этом она была почти права. Разговор, происходящий в зале, записывался.

— Здесь-то? — насмешливо фыркнула Фабиола, уводя разговор от опасной темы. — Не смейся народ. Здесь даже лампочки почти все перегорели, где уж тут взяться шпионским штучкам. Эрика, — она повернулась к ученой, — скажи, ты провела анализы вакцины?

— Только малую часть, — с готовностью доложила та. — Вы же понимаете, на это нужно время. Кроме того, моей части сыворотки недостаточно для полномасштабных исследований, — робко добавила она. — Вот если бы кто из вас согласился...

— Ты выяснила что-то конкретное? — перебила ее Фабиола.

Эрика кивнула и быстро заговорила:

— Состав близок к вакцине, над которой работала Виктория Виноградова из Московского Клуба.

Я мысленно присвистнула. Ничего себе! Та самая ученая, погибшая от рук Инессы. Аристарх говорил, что она была очень талантлива и совсем чуть-чуть не довела исследования до конца. А Жан вскоре после ее смерти приехал в Москву в поисках недостающих Серебряных Слез и, вполне возможно, смог достать результаты исследований. Вот только кто их для него доработал, если даже Эрика была не в курсе и никому из вампиров во всем мире о существовании антивируса неизвестно?

— И? — поторопила ее Фабиола.

— Мне пока не удалось восстановить недостающие части формулы Виноградовой, — с удрученным видом призналась Эрика. — Но я продолжаю работать над этим.

— И как думаешь, сколько на это уйдет времени? — поинтересовалась Рэйчел.

— Возможно, годы, — развела руками ученая.

— Значит, в обозримом будущем мы единственные обладательницы эксклюзивной вакцины, — подвела итог Фабиола.

— А что, если дело все-таки в этом? — взволнованно спросила Оливия. — Кто-то узнал о существовании вакцины и решил ею завладеть. А способ избрал такой: сначала убить, потом обыскать вещи?

— Тебе бы детективы писать, — с сарказмом заметила Дарла.

— У тебя есть другая версия? — обиделась писательница.

— Есть. Я думаю, что ты права в том, что дело в вакцине. Ведь смерти начались после того, как мы открыли сейф и завладели наследством.

— А может, и после того, как Орнелла стала человеком и обратилась с просьбой об инициации в местный Клуб, — взяла слово Рэйчел. Я заметила, что она выглядела бледнее, чем обычно, и ее голос едва заметно подрагивал от волнения, хотя из всех собравшихся в зале она выглядела самой спокойной. — Кто знает, что она там рассказала о нас?

— Не думаю, — покачала головой Кобра. — Если бы она проболталась, нами бы уже давно занялись старейшины. Подлог при инициации — дело серьезное, они бы это на тормозах не спустили.

— Скажи, Эрика, — Фабиола внезапно повернулась к ученой, — это ты убила Орнеллу?

— Что? — Та стремительно побледнела и начала заикаться. — Я? Как это я?

— А вот так! — продолжила наседать на нее Фабиола. — Ты захотела прибрать к рукам антивирус, выдать его за собственное изобретение и прославиться среди вампиров, раз уж с вакциной от гриппа вышел такой облом. А для этого тебе только и надо было, что убрать всех нас как свидетелей, а потом довести анализ вещества до конца и заявить всему вампирскому миру об уникальном открытии!

По щекам Эрики покатались крупные слезы.

— Как ты можешь так говорить? — упрекнула Оливия Фабиолу, успокаивающе обняв ученую за плечи.

— Разве я это... ради славы делаю? — давясь рыданиями, проговорила Эрика. — Я же хочу... чтобы всем... лучше было! Да я за всю жизнь... даже котенка не утопила... Отец хотел... у деревенской кошки... а я тогда... не дала... отбила... Сама по всей деревне... ходила, раздавала... А ты говоришь — Орнеллу!

— Прости, — виновато сказала Фабиола, поняв, что неправда.

Эрику можно было смело вычеркивать из списка подозреваемых — будучи воплощением Слезы Честности, она не умела врать. Теперь круг сузился до пяти имен. Дарла, Ванесса, Рэйчел, Оливия и Кобра. Я ставила на последнюю. Тем более что та была на взводе, то и дело оглядывала соседок и нервно крутила в руках кинжал, на который я посматривала с опаской. Если она вздумает внезапно применить его, то к появлению Гончих в зале уже будет один труп. Ванессы или Оливии. Одна сидела напротив Кобры, другая — сбоку от нее.

— Кстати, кто-нибудь из вас, кроме Ванессы, умеет стрелять? Глория ведь была убита из пистолета. — Фабиола пристально взглянула на Рэйчел. — А хобби Рэйчел, насколько я знаю, это стрельба в тире. И она в нем добилась неплохих успехов. Для премьер-министра.

— Похвально, что ты изучила прессу обо мне, — хладнокровно отозвалась та. — Только, знаешь ли, в тот день, когда была убита Глория, я находилась на встрече с избирателями. Можешь посмотреть репортаж в Интернете.

— Я уже не знаю, на кого думать, — с удрученным видом признала Фабиола.

— А тут и думать не надо, — внезапно сказала Ванесса, сидевшая по диагонали от Кобры и некоторое время наблюдавшая за хаотичным движением кинжала в руках девушки. — Только у одной из нас была достаточная физическая сила для того, чтобы столкнуть Пандору с небоскреба. Только одна из нас — лицо непубличное и могла, не боясь огласки, появиться рядом с местом преступлений. Я сейчас не беру в расчет Эрику, потому что в ее невиновности, думаю, сомнений ни у кого нет. Только одна из нас не связана контрактами и работой и может беспрепятственно передвигаться по миру. Только у одной из нас есть подложные паспорта. Если вы вспомните наш разговор, когда мы покидали замок в прошлый раз, вы поймете, о ком речь.

Все вампиры с ужасом повернулись к Фабиоле. Та, не ожидавшая такого вывода, с секунду выглядела ошеломленной, но быстро взяла себя в руки.

— Да, у меня есть подложные паспорта. — Она вздернула подбородок. — И что с того?

— Я могу доказать, что в день гибели Орнеллы, Пандоры и остальных не выезжала из Сиднея, — заметила писательница. — Я заканчиваю рукопись новой книги и все ночи напролет сижу в своем кабинете. Мои соседи могут это подтвердить.

— А я после возвращения из Праги не покидала пределов Стокгольма, — поспешно сказала Эрика.

— А я колесила по всей Европе, — передернула плечами Дарла. — И что? Любая из нас может быть убийцей, но ей необязательно самой марать руки. Если бы я, например, хотела вас переубивать, то наняла бы профессионалов, вместо того чтобы палиться самой.

Теперь все вампиры уже с паникой уставились на Дарлу. Одна Фабиола смотрела на вступившуюся за нее певицу с симпатией.

— Спокойно, — поморщилась Дарла. — Я просто хочу сказать, что наличие алиби ничего не значит. Кстати, кому принадлежала идея собрать нас всех вместе здесь?

— Мне, — спокойно сказала Рэйчел. — Пятеро из нас были убиты за десять дней. По моему, есть повод увидеться.

— И что, — вспыхнула Кобра, — так и будем сейчас подозревать каждого? Или, может, тебе есть что нам сказать?

— Есть, — бесстрастно произнесла Рэйчел, беря в руки пальто. — Прощайте. Замок окружен моими людьми. Они профессионалы. В этом ты, Дарла, была права. Так что не беспокойтесь, они все сделают быстро. Увидите Жана — передавайте от меня привет.

Все вампиры пораженно застыли на своих местах, не в силах поверить этим страшным словам. Только Кобра молниеносным броском кинулась к Рэйчел, вздев руку с кинжалом, и в тот же миг прогремел выстрел. В руке, которую Рэйчел держала под пальто, был спрятан пистолет. Взмахнув руками, Кобра упала на пол и больше не шевельнулась. Запахло кровью. Что-то звякнуло на полу — это кинжал, который выронила Кобра, отлетел к моим ногам. Одним-единственным выстрелом Рэйчел подтвердила, что в стрельбе она достигла высоких результатов. От ужаса происходящего у меня волосы под шапочкой зашевелились. Кто бы мог подумать, что убийцей, безжалостно убиравшей своих кровных сестер, окажется именно она — образец стиля и безупречных манер! Вот уж поистине: вампир вампиру оборотень! И Рэйчел среди своих сестер именно такой оборотень — в безупречно сидящей юбке от Лагерфельда и туфельках в стиле Шанель. Да, не все то Булгари, что блестит.

— Я так и знала, — скучающим тоном произнесла Рэйчел, — что она будет первой.

Пистолет она по-прежнему держала перед собой. Все девушки в оцепении смотрели на харизматичную леди.

— Давайте без глупостей. — Обойдя мертвую Кобру, Рэйчел направилась к арке. — Предупреждаю, что у меня пуль хватит на всех. Но только я, в отличие от настоящих профессионалов, могу сделать очень больно.

С крыльца донесся грохот шагов: выстрел послужил сигналом для сообщников Рэйчел.

Я бросила отчаянный взгляд на затаившихся Гончих. Почему они не среагировали на выстрел? Разве убийства Кобры недостаточно для обвинения?

— Почему ты это делаешь? — донесся до меня голос Фабиолы. Справившись с замешательством, она продолжила играть свою роль, невзирая на то что теперь ей в лицо смотрело безжалостное око пистолета.

— Ничего личного, — равнодушно уронила Рэйчел. — Просто политика.

— Политика? — растерянно переспросила Оливия.

— Скоро выборы. Я собираюсь баллотироваться в президенты. Местный Клуб меня поддерживает, потому что у меня безупречная репутация. Как и у моего официального донора, ныне покойного. — Рэйчел произнесла это таким тоном, что ни у кого в зале не осталось сомнений, что она причастна к его смерти. — Я не могу поставить под угрозу цель, к которой шла всю жизнь. А ваше существование — это угроза моей репутации. Рано или поздно кто-то из вас проговорится о настоящем доноре. А кровь Жана, если об этом станет известно, — крест на моей карьере. Жан пообещал мне серьезную поддержку, когда я согласилась на этот подлог. Но я совершенно не ожидала, что в курсе этого подлога окажутся еще одиннадцать человек. Точнее — вампиров.

— Так ты решила убить нас еще тогда, во время первой встречи? — с неприязнью уточнила Дарла.

— Да, — хладнокровно ответила Рэйчел, отступая к выходу.

— Так чего же ты ждала столько времени? — спросила Фабиола.

Рэйчел усмехнулась и бросила взгляд за плечо: ее наемники были уже близко.

— Признаться, Жан меня заинтриговал своим наследством. А расшифровать карту можно было только сообща. Вы были нужны живыми.

— А когда сейф был открыт и ты получила свое, то начала убивать, — с ненавистью выговорила Фабиола. — Смерть Эмили — не несчастный случай, да?

— Но ведь как правдоподобно, не так ли? Исполнитель превзошел сам себя. А вот с

Дарлой прокололся. Кто же знал, что ты такая счастливица. — Рэйчел зловеще улыбнулась певице. — Увы, каждому везению рано или поздно приходит конец. — Она шагнула к арке, намереваясь уйти.

— Ты кое-что забыла, — прозвучал голос Фабиолы.

— Что? — Рэйчел на секунду отвлеклась на появившихся в поле зрения наемников, и это решило ее судьбу.

— Подарок от Жана.

Молниеносное движение — и Фабиола схватила со стола лежащий перед ней пистолет с вакциной, наставляя его на Рэйчел:

— Попробуй объяснить в своем Клубе, как ты снова стала человеком.

Выстрел из пистолета Рэйчел заглушил звук летящей капсулы из пистолета Фабиолы. Фабиола успела упасть под стол, Рэйчел успела увернуться. Капсула разбилась о пол, проливая капли драгоценной вакцины. Но Рэйчел недолго радовалась спасению. Пользуясь ее замешательством, Ванесса схватила другой пистолет с антивирусом со стола, и дротик с прозрачной капсулой вошел в шею Рэйчел. В следующий миг маленький азиат сбил преступницу с ног, отнимая у нее пистолет и беря на прицел. А Вацлав и остальные Гончие бросились навстречу наемникам Рэйчел и закрыли вампирш своими спинами как кордоном. В коридоре завязалась схватка. А в зале между тем Рэйчел обиженно вскрикнула, выдергивая из шеи дротик и держась за ранку:

— Ты попала в меня!

— Я разве не рассказывала? — Ванесса выгнула бровь. — Последних два съемочных дня я только и делала, что стреляла.

Грохот перестрелки заглушил голоса. Одна из пуль пролетела над моей головой, застряв в бархате шторы, и я макушкой ощутила ее тепло.

— Сюда! — От Гончих отделилась мощная фигура Ирвинга. Он схватил меня за плечи и поволок в зал.

— Нет, там Вацлав! — попыталась вырваться я.

— Он велел тебя защитить. Ты там сейчас не нужна, — жестко оборвал Ирвинг.

— А ты кто такая? — Все вампиры в зале настороженно вытаращились на меня, но вопрос задала Ванесса.

— Это наша кровная сестричка, — сообщила Фабиола, появляясь из-под стола. — Официальная наследница Жана.

— Что происходит? — нервно спросила Оливия, вздрагивая от звуков выстрелов.

— Это московские Гончие. — Фабиола кивнула Ирвингу и Шону, который держал на мушке загнанную в угол у шкафа Рэйчел. — Они нам помогут.

— Так ты с ними заодно? — Рэйчел скривила рот. — Не ожидала от тебя такой прыти.

Выстрелы со стороны коридора стихли, и до нас донеслись ободряющие выкрики: похоже, Гончие одержали победу и два отряда — московский и нью-йоркский объединились. Значит, конец? У нашей истории будет счастливый финал?

Внезапно окно разлетелось вдребезги, и в зал ворвались трое людей Рэйчел. Ирвинг успел уложить одного и сцепился с другим, Шон выстрелил из пистолета Рэйчел в третьего. Вампиры с началом перестрелки нырнули под стол. Рэйчел, оставшись без присмотра, быстрее ветра метнулась к столу, на котором оставался последний пистолет с антивирусом. Никто не успел ей помешать. Рэйчел схватила пистолет и выпустила дротик с ампулой в спину Ирвинга. В разбитое окно уже летели безжалостные пули, а в зал со стороны коридора ворвались Гончие. Перед тем, как инстинкт самосохранения бросил меня на пол, я успела увидеть, как кто-то из американских Гончих, метнулся к Ирвингу, выталкивая его из-под пуль. Автоматная очередь вскользь прошла по боку Ирвинга, а затем прошла грудь американца. Это был Крис. Ирвинг отлетел к стене, тяжело ударившись об нее, и осел на пол. Крис пошатнулся, но устоял на ногах и с рыком кинулся на стрелявшего, вогнав в него несколько пуль из пистолета. Противники схватились врукопашную и вывалились в разбитое окно. Кажется, за Криса волноваться не стоит — все-таки он вампир и регенерирует. А вот

Ирвинг! Я с замершим сердцем повернулась к нему и увидела, как из уголка его рта стекает струйка крови. Он отыскал меня взглядом и шевельнул слабеющими губами:

— Скажи Саше...

Договорить он не смог — потерял сознание. На его боку красными звездами расплывались раны, складываясь в сплошной узор. И регенерация уже не помогала: после укола вакцины Ирвинг стал человеком.

Я в оцепенении смотрела на истекающего кровью Ирвинга. Как же все подло, как неправильно! Ирвинг мечтал сделать Сашку вампиром, чтобы они могли быть вместе. Став человеком, он даже не успел осознать ту мысль, что теперь им с Сашей ничто не мешает соединить свои судьбы. Ничто, кроме смерти.

Смерти, которая в следующий миг встала между мной и Вацлавом, ворвавшимся в зал.

— Ни с места! — раздался возглас Рэйчел.

И Вацлав остановился, а сзади на него налетели остальные Гончие. Выстрелы в соседней комнате стихли. Слышны были лишь стоны раненых. Схватка закончена. Гончие одержали победу. Рэйчел проиграла. Но в ее руках пистолет с пулями, который она забрала у кого-то из мертвецов. И в любой момент может прогреметь выстрел.

Дуло пистолета смотрит Вацлаву в сердце. Рэйчел нечего терять. Всего одно движение пальца отделяет от непоправимого.

Рэйчел выстрелит. Вот-вот выстрелит. Она не промахнется. Ведь она хороший стрелок. А пуля, попавшая в сердце, способна убить и вампира. Даже если она не из серебра. Смерть Кобры — тому подтверждение. Есть только один шанс спасти моего любимого — нарушить данное ему слово.

Я копирую учащенное дыхание Рэйчел, настраиваясь на ее волну, собираясь слиться с ее разумом. Пытаюсь ощутить в ладони тяжесть пистолета. Смотрю на Вацлава ее глазами и вижу в нем врага, которого нужно уничтожить. Чувствую ее отчаяние, ее страх, крах всех надежд. Рука не дрогнет. Только не сейчас. Всю жизнь была сильной, всю жизнь шла к своей цели. Была так близко к победе! Какой глупый проигрыш. Зачем только связалась с Жаном? Проклятый француз, от него одни неприятности! Надо было все-таки разделаться с девчонками одним махом: нанять одиннадцать киллеров и уничтожить всех по всему миру в один день. Но побоялась огласки. Куда проще контролировать одного преданного киллера, а потом ликвидировать его, чем найти одиннадцать. В итоге все равно пришлось нанимать семерых. Но все тщетно. Ее люди мертвы. Она поймана в ловушку. Выхода нет. Только два выстрела. Первый — в сердце Гончему, который здесь главный. Второй — себе в голову. Уж лучше сама, чем попасть к ним в руки. В обойме только две пули. На ошибку нет права. А впрочем, пусть живет...

Я вынырываю из сознания бывшей вампирши за секунду до того, как пистолет в ее руке внезапно делает крутой вираж, дуло упирается в висок, и в тот же миг гремит выстрел.

Вацлав, чертыхнувшись, бросился к осевшей на пол Рэйчел. Проверил отсутствие пульса. Повернулся ко мне:

— Ты в порядке?

Я быстро кивнула. Надеюсь, никто не понял, что произошло на самом деле.

Вацлав склонился над Ирвингом.

— Скажи, — я подошла сзади, — он... — Я запнулась, не в силах выговорить страшное слово «умер».

Вацлав отрывисто качнул головой.

— Нет, пока держится. Но регенерации почти нет.

— Ты не знаешь? Рэйчел всадила в него сыворотку, — выпалила я. — Регенерации не будет. Он теперь человек.

Вацлав коротко выругался сквозь зубы и страшным голосом вскричал:

— Где этот чертов доктор?

Внезапно в проеме разбитого окна показался человек с бородкой и, строгим взглядом окинув вампирш и меня, торопливо спросил по-французски:

— Кто из вас Жанна?

— Я.

Я удивленно выступила вперед.

— Идите сюда, Крис зовет вас.

Я вскочила на подоконник и прыгнула на снег в брызгах алой крови, на котором, разметавшись, лежал Крис. Позади меня раздался шум: кто-то из Гончих помог доктору подняться через окно к раненому Ирвингу. А на моих глазах закипали слезы. Куртка Криса намочила от крови, а лицо было мертвенно-бледным. Надежды нет, рана смертельна — это было понятно с первого взгляда.

— Надя, — слабо застонал Крис, приоткрывая глаза. Я опустилась на колени прямо в снег и сжала его испачканные в крови руки. — Жанна, — узнал меня Крис, с трудом выговаривая слова.

— Тише, — шепнула я по-английски, едва сдерживая слезы. — Тебе не надо сейчас говорить.

— Ирвинг... — с трудом выговорил Крис.

— С ним все в порядке, — торопливо солгала я. Хотела бы я, чтобы эти слова были правдой! — Только чуть-чуть задело.

— Хорошо. — Губы Криса дрогнули, словно хотели улыбнуться. — До свадьбы заживет.

У меня кольнуло сердце. Этот отважный парень пожертвовал собой, чтобы спасти Ирвинга, чтобы подарить ему возможность на счастье с любимой. Счастье, которое отняли у самого Криса. Если бы Крис не вытолкнул Ирвинга из-под пуля, Ирвинг был бы уже мертв. Так у него есть хоть слабый, но шанс.

— Мы отвезем тебя к доктору, — зашептала я, — и он...

— Не надо, — прервал меня Крис. — Послушай. У меня мало времени. Скоро я встречу с Надей. Я знаю, она ждет меня.

Слезы потекли по моим щекам, и Крис слабо сжал мои пальцы:

— Не плачь. Я хочу этого. Хочу быть с Надей. Послушай. Я немного учил ваш язык. На свадьбе я хотел произнести свою свадебную клятву на русском. Хотел сделать Наде сюрприз, — превозмогая боль, сказал он. — Первое, что я сделаю, когда увижу ее, произнесу эту клятву. Но ты ведь понимаешь, — он сделал слабую попытку улыбнуться, и я вздрогнула, увидев кровь на его губах, — я не могу облажаться. Я хочу, чтоб ты послушала мою клятву и поправила мои ошибки.

— Да, — глотая слезы, пробормотала я, — конечно.

— Хорошо. — Крис закрыл глаза, сделал глубокий вдох, то ли собираясь с духом, то ли пытаясь унять боль, и начал говорить.

И я услышала родную речь с характерным американским акцентом. Крис медленно и прилежно выговаривал каждое слово, как будто от этого зависела вся его жизнь...

— Моя любимая Надя, чем больше я узнаю тебя, тем больше люблю. Чем дольше мы вместе, тем сильнее мое счастье. Никакие слова на свете не скажут, насколько ты дорога мне. Мое счастье — провести жизнь рядом с тобой и быть твоим. Сердце мое, пока оно бьется, будет преисполнено нежностью к тебе, где бы я ни был. Я весь твой, ты для меня — все. Я люблю тебя страстно и по-настоящему. Я любил бы тебя еще сильнее, если бы это было возможно. Ты достойна самого лучшего. Спасибо, что из всех миллионов мужчин на свете ты выбрала меня. Обещаю, я сделаю все, чтобы ты ни одного дня не пожалела о своем решении. Ты — единственная женщина во всем мире, которая мне необходима. Самая любимая, самая желанная, моя единственная.

Крис несколько раз прерывался, захлебываясь приступом кашля, а в конце сказал:

— Ты меня ни разу не поправила.

— Ты все сказал правильно. — Я порывисто стиснула его липкие от крови пальцы.

— Как думаешь, — его губы по привычке дрогнули, но уже были слишком слабы, чтобы сложиться в улыбку, — ей понравится?

— Непременно, — сквозь слезы улыбнулась я и почувствовала, как он в последний раз сжал мою ладонь. А потом Крис запрокинул голову и невидящими голубыми глазами уставился в беззвездное черное небо. На его губах застыла полуулыбка. Наверное, в последний миг жизни он увидел свою Надю.

Надеюсь, они сейчас и правда вместе. Такая любовь не должна умирать вместе со смертью тела, ведь она живет в самом сердце. И как только я об этом подумала, перед моими глазами вдруг ярко вспыхнула картина: цветущее поле красных тюльпанов, по нему мчится красивая девушка в летящем платье и с лентой в распущенных русых волосах, похожая на сказочную принцессу, Крис бежит навстречу ей и ловит в свои объятия. Я словно наяву услышала счастливый смех влюбленных и шепот признаний...

Со стороны входа в замок раздались взволнованные голоса. Я обернулась и увидела, как в стороне безмолвно стоят американцы, глядя на своего погибшего жоака. Как давно они стоят здесь? Слышали ли они наш разговор? За их спинами с крыльца на носилках спустили Ирвинга, над ним хлопотал доктор.

От московских Гончих, несущих носилки, отделился Вацлав. Быстро пересек аллею, подошел ко мне, тихо опустился рядом. Затем закрыл Крису глаза и порывисто прижал меня к себе.

— Что с Ирвингом? — тихо спросила я.

— Плохо. — Он скрипнул зубами.

— Поезжай с ним. Ты должен быть рядом.

— Спасибо. — Вацлав быстро поцеловал меня в висок и поднялся на ноги, поторопившись догнать машину с раненым.

Я задержалась у тела Криса, не в силах встать. Американцы подошли ближе. Кто-то предложил мне руку. Остальные подняли Криса, чтобы унести из парка. Я тронула за рукав того, кто помог мне подняться.

— Много наших пострадало?

Он устало взглянул на меня, и я поняла, что от волнения задала вопрос по-русски, а не по-английски. Я исправила свою оплошность и получила ответ:

— Из наших — Крис, из ваших — Ирвинг.

— А остальные?

— У остальных небольшие ранения, уже затягиваются. Бывало и хуже.

Я с облегчением перевела дух:

— А люди Рэйчел?

— Все убиты, — безо всяких эмоций сообщил Гончий. — Это же только люди, наемники. Они и не подозревали, с кем сражаются.

Парень отвернулся к своим, а я побрела к выходу из парка. Вокруг ничего не изменилось. Все было точно так же, как несколько часов назад, когда мы тайком вошли на территорию. Вот только уже не было Криса с белозубой улыбкой. И жизнь Ирвинга теперь висела на волоске.

За воротами стояли Фабиола, Ванесса, Дарла, Оливия и Эрика. Девушки выглядели испуганными и потрясенными. Наверное, до сих пор не могли поверить в предательство Рэйчел и в то, что чудом избежали смерти. Увидев меня, они в растерянности замолчали.

— Значит, ты наша сестра? — кашлянула Оливия.

— Надеюсь, не такая заботливая и нежная, как Рэйчел? — нервно пошутила Дарла.

— Привет, — смущенно улыбнулась мне Эрика.

— Что же теперь будет? — ни к кому конкретно не обращаясь, спросила Ванесса.

— Не знаю, как вы, а я уже написала чистосердечное признание о подлоге с донором, — объявила Фабиола. — Вацлав пообещал мне замолвить за меня слово перед старейшинами, а я согласилась некоторое время поработать на благо Клуба, помогая Гончим. Так что в ближайшее время ищите меня в Москве. Заодно познакомлюсь поближе со своей новой сестренкой. — Она подмигнула мне. — Да не переживайте вы так, — обратилась она к другим вампиршам. — Подлог — не такое уж страшное преступление. Тем более что до

инициации вы не знали правил Клуба и не понимали, что идете на нарушение. Жан ведь всем нам заморочил головы, так что ответственность целиком на нем. Ну вынесут вам выговор, что не признались во всем раньше, отделаетесь штрафом или общественными работами на благо Клуба. Как я. Только теперь все будут в курсе нашего подлинного родства и косые взгляды нам обеспечены. Хотя наша безупречная репутация на протяжении почти двух лет должна переломить общественное мнение в отношении фатального влияния крови Жана на его приемников.

— Вы и в самом деле не замечали в себе никакой повышенной кровожадности? — Я обвела взглядом вампирш. — Не нападали на людей?

— Я питаюсь кровью только из пробирок, — быстро ответила Эрика. — Это удобно и из лаборатории уходить не надо. Я там почти все свободное время провожу.

— Я тоже, — откликнулась Ванесса. — Мне себя никак подставлять нельзя, папарацци следуют по пятам. Даже в холодильник однажды залезли! Хорошо, что мой агент — один из нас, и вся сыворотка хранится у него.

— Я пью кровь разве что из агентов, — хмыкнула Дарла и уточнила: — Образно выражаясь.

— А я из редакторов, — в тон ей ответила Оливия.

— Вот и я говорю, — подвела итог Фабиола, — чушь все эти легенды!

Вспомнив о законе равновесия, я уже хотела спросить, не замечали ли они в таком случае в себе каких-нибудь необычных способностей, приравненных к магическим. Например, видеть призраков. Но, к счастью, меня перебила Ванесса.

— А как же Рэйчел? — внезапно спросила она. — Разве кровь Жана не повлияла на нее? Вы видели, как она с нами разговаривала, когда во всем призналась? Ей было ни капельки не жаль нас. Она двигалась только к своей цели, а нас собиралась устранить как досадные помехи.

— Ты права, — согласилась Дарла.

— А еще Кобра, — взволнованно добавила я. — То есть Кьяра. Помните вашу первую встречу? Она убила тех двух репортеров, которые спугнули вас.

— Убила? — ахнула Эрика.

— И очень жестоко, — тихо добавила я. — Растерзала их, как дикий зверь.

Вот уж у кого перевес силы явно склонился в сторону физической мощи, так это у Кобры. Повисло тягостное молчание, которое первой нарушила Дарла:

— Знаете, что я подумала? Дело ведь не только в доноре, но и в нас. Жан был парень волевой и сильный, тут никто спорить не станет. Но ведь и мы не слабые духом. У каждой из нас есть характер, и воля, и цель в жизни. Может быть, кто-то изначально склонный к насилию или кто-то более слабый и попал под влияние крови Жана, но мы сумели сохранить свое «я» и остались сами собой.

— Красиво говоришь, — одобрила Оливия.

— Это объяснение мне нравится! — повеселела Ванесса.

— Ну что, — Дарла накинула капюшон и зябко поежилась, — расходимся? Или вы хотите продолжить общение в более теплой обстановке?

Мы переглянулись и поняли, что ни у кого нет такого желания. Минувшая ночь была серьезным испытанием и вымотала из нас все силы.

— Так я и знала. — Певица подавила зевок. — Я думаю, нам всем найдется о чем поговорить. Но как-нибудь в другой раз и в более приятных условиях. А пока, сорри, — она взглянула на часы, — вынуждена вас покинуть. Мне надо хорошенько выспаться перед перелетом в Канаду. А то сразу после приземления у меня большой концерт.

— А меня частный самолет ждет, — спохватилась Ванесса. — Никого не надо подбросить до Голливуда?

Вампирши переглянулись и рассмеялись.

— Возьми Эрику, пусть развеется, — сказала Оливия. — А то совсем в лаборатории засиделась.

— Что вы! — замахала руками ученая. — Я в шаге от открытия мировой важности, ни о чем другом и думать не могу.

— Ну, тогда по домам! — подвела итог Оливия.

Вампири тепло распрощались со мной и пошли к припаркованным машинам. А Фабиола задержалась, сказав, что ей нужно кое-что уточнить у меня по поводу жизни в Москве.

Как только девушки отошли на достаточное расстояние, чтобы не слышать нас, Фабиола повернулась ко мне и жадно спросила:

— Как ты это сделала?

— Что? — Я аж отшатнулась от алчного блеска, зажегшегося в ее глазах.

— Я видела, как ты неотрывно смотрела на Рэйчел в тот момент, когда она держала на мушке твоего парня. Я была готова поспорить, что Рэйчел разнесет ему мозги. Но она вдруг передумала и застрелилась. С чего бы это?

— Она была в отчаянии и понимала, что смерть Гончегго ее не спасет, — медленно ответила я.

— Не ври, — перебила Фабиола. — Я читала про слияние. Я мечтала им овладеть, потому что это здорово облегчило бы мне жизнь. Но у меня ничего не получилось, сколько я ни пыталась. А у тебя получилось. Все дело в крови Жана, так? У него был какой-то тайный дар — он однажды проговорился, но так и не признался, что это было. Теперь я знаю, что это слияние. Раз умеешь ты, смогу и я.

— Я не понимаю, о чем ты. — Я в волнении облизнула губы.

— Предлагаю сделку, — прищурилась Фабиола. — Я молчу о том, что видела, а ты научишь меня тому, что умеешь. Идет? Ведь мы же кровные сестры и должны помогать друг другу. Тем более что нас так мало осталось. Так что, по рукам? Или мне позвать кого-нибудь из Гончих и, как законопослушной гражданке, доложить, что я стала свидетельницей слияния, в результате которого известная премьер-министр прострелила себе башку?

— Хорошо, — с неохотой кивнула я, — по рукам.

Фабиола удовлетворенно улыбнулась и протянула мне руку в черной перчатке.

— Пожалуй, я проживу пару недель в Москве. Надеюсь, за это время управимся.

Глава 13 ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА ВАМПИРА

Ты нуждаешься во мне, а я в тебе, и во всем мире только мы с тобой действительно стоим друг друга. Неужели ты даже этого не можешь понять?

Энн Райс. Вампир Лестат

Втайне я мечтаю об обручальном кольце размером с целую планету, но вряд ли кому-то захочется в этом признаться.

Плам Сайкс. Блондинки от Bergdorf

Платье было волшебным: молочно-кремовое, прямого силуэта, без бретелек, с вырезом декольте сердечком, со шлейфом и корсетной шнуровкой. Перехваченное по талии узкой лентой, оно было двухслойным: верх сделан из тонкого кружева, украшенного бисером. Ничего лишнего и вызывающего. Очень нежно и романтично. Модельер-вампир Роман Дворцов превзошел самого себя, создавая свадебный наряд.

Костюм жениха, вопреки традициям, был тоже белым, делая его похожим на сказочного принца.

— Какие же они красивые! — растроганно шепнула я Вацлаву, глядя на Сашу и Ирвинга, поднявшихся со своих мест во главе праздничного стола.

— Горько! Горько! — скандировали уже успевшие захмелеть гости.

Ирвинг нежно привлек к себе невесту, Саша обвила тоненькими руками его могучую

шею. Губы молодоженов встретились, а у меня на глаза навернулись слезы от радости за подругу. Какое чудо, что Ирвинг смог поправиться после того страшного ранения! Ведь тогда, когда его срочно госпитализировали в парижскую клинику, никто не мог дать утешительного прогноза...

«Готовьтесь к худшему», — скорбно говорили врачи. Для вампира ранения были бы не существенными, но для человека, которым стал Ирвинг за мгновение до выстрелов, они были очень опасны. Над Ирвингом колдовали лучшие специалисты, но и они не могли ничего обещать. «Его может спасти только чудо», — услышала я из разговора Вацлава с врачом. И тогда я поняла, что надо лететь в Москву за Сашей.

Приземлившись в Шереметьеве, я сразу набрала номер подруги. Она долго не отвечала.

— Привет! — Фоном ее прерывистому от волнения голосу служила какая-то романтическая мелодия и женские голоса. «Принести на размер больше?» — услышала я любезный вопрос.

— Ты где? — быстро спросила я.

Саша на миг замялась:

— В свадебном салоне.

— Где? — У меня упало сердце.

— Жан, — напряженно сказала Саша, — я знаю, ты против Ирвинга. Но все решено. Я люблю его и выйду за него замуж. Ирвинг вчера звонил мне. Он в командировке в Париже, и он купил обручальные кольца. А я выбираю свадебное платье. Жан, — ее голос смягчился и стал умоляющим, — приезжай, а? Они все такие невозможно красивые, что у меня голова кругом. А ты так хорошо в этом разбираешься. Поможешь мне, как подруга.

— Говори адрес.

Я повторила адрес салона Аристарху, который меня встретил, и отрешенно откинулась на сиденье, невидящим взглядом уставясь в окно. Сказать девушке, влюбленной до потери пульса, что ее жених опасно ранен и находится в коме, — это непомерно тяжелая задача. Привезти эту скорбную новость в свадебный салон, где она примеряет платье невесты, — это самая невыносимая и горестная обязанность из всех, какие мне приходилось выполнять в жизни. Если добавить к этому, что Саша — не какая-то посторонняя мне девушка, а лучшая подруга, за которую я переживаю, как за саму себя, вы поймете, в каком полубморочном состоянии я тогда находилась.

Я сжимала в руке мобильный телефон и больше всего боялась, что мне позвонит Вацлав и скажет, что Ирвинга больше нет. Так, с мобильным в руке, я и ворвалась в свадебный салон. Все консультанты столпились в примерочной, а когда я пробилась между ними, то у меня перехватило дух при виде Саши. Она стояла в корсетном белом платье с многослойной юбкой, похожая на невесту из сказки, и какая-то девушка примеряла к ее волосам воздушную фату. Саша обернулась ко мне с сияющей улыбкой, и мне стало так больно, что я чуть не рухнула к ее ногам. Наверное, моя улыбка получилась каменной. Наверное, консультанты что-то почувствовали, потому что оставили нас наедине. И только Саша еще была слишком увлечена своим счастьем, не подозревая о том, что оно может разрушиться в любой миг со звонком моего мобильного.

— Как тебе платье? Нравится? — Она весело крутилась у зеркала в полный рост. — Я перемерила штук десять, остановилась на трех и никак не решу, какое из них взять. Поможешь?

— Обязательно, Саш. Только давай ты сначала сделаешь паузу. Посидим в кафе напротив, расскажешь, каким ты представляешь платье своей мечты, а потом вернемся, и ты еще раз покажешь мне их. — Я сочиняла на ходу. Главное — увести отсюда подругу. Новости, которые я привезла, нельзя сообщать здесь.

— Хорошо! — Саша охотно ухватила за мою идею. — А то у меня уже голова кругом.

Консультанты не хотели нас отпускать. Как знали, что Саша уже не вернется. Но я так глянула на особо назойливую сотрудницу, что она тут же умолкла и помогла Саше снять

платье.

— Так что? Куда идем? — Выйдя на улицу, подруга закрутила головой и радостно указала на вывеску «Иль Патио». — Я бы не только кофе выпила, я бы еще и поужинала.

Аристарх, припарковавшийся у входа в салон, вышел из «феррари» и открыл дверь. Мы договорились, что я поговорю с Сашей наедине в салоне, а потом он отвезет нас в аэропорт.

— Идем со мной. — Я потянула Сашу к машине.

И в этот миг она поняла, зачем я приехала. Она разом побледнела и тихо спросила:

— Что с Ирвингом?

Я ненавидела себя за то, что мне предстояло ей сказать. И, когда я договорила, прежде светящееся счастьем лицо Саши сделалось совсем мертвым.

— Я должна быть рядом с ним, — сдавленно проговорила она.

— За этим я здесь.

Следующие полдня показались мне вечностью в аду. Сначала мы заехали к Саше домой за загранпаспортом, потом в посольство, где Аристарх каким-то непостижимым образом сделал Саше необходимую визу за полчаса, а затем в аэропорт. За все время Саша не проронила ни звука. Как будто рядом со мной находилась только ее телесная оболочка, а душа уже была рядом с Ирвингом и пыталась вернуть его к жизни.

В самолете Саша отказалась от горячего обеда и всю дорогу отрешенно смотрела в окно, за которым плыла беспросветная ночь.

В Париже нас встретил Вацлав.

— Как он? — Саша впервые за несколько часов нарушила молчание.

— Без изменений, — хмуро сообщил Вацлав.

Я увидела, как окаменели Сашины плечи. Это было хуже, чем «Он вышел из комы», но намного лучше, чем «Его больше нет». Пока оставался шанс на чудо.

Саша вошла в отдельную палату Ирвинга в реанимации незадолго до полуночи, а с рассветом в палату примчались врачи. Не знаю, что она говорила жениху и говорила ли она что-то вообще, но он пришел в сознание. Дождавшись ответа от врачей, что состояние Ирвинга стабильное и показатели улучшились, она упала в обморок. Вацлав успел подхватить ее, доктора хлопотали вокруг. «Упадок сил», — прозвучал диагноз. Сашку положили в палату под капельницу. Но уже через несколько часов она, вопреки предостережениям врачей, покинула палату, чтобы быть рядом с Ирвингом и держать его за руку.

«Какая любовь», — шептались в коридоре санитарки, утирая невольные слезы.

А я вспоминала слова Насти о том, что Саша и Ирвинг созданы друг для друга и если их разлучить, то они могут погибнуть. Тогда я не поверила ей, но теперь понимала: если Ирвинга не станет, Саша тихо угаснет.

К счастью, с каждым новым днем прогнозы врачей становились все оптимистичней. То самое чудо, о котором они твердили не так давно, случилось. И теперь Ирвинг поправлялся вопреки всему. Ведь ему было ради кого задержаться на этом свете.

Через неделю после приезда Саши Ирвинга перевели из реанимации в обычную палату. Угроза жизни миновала, здоровье шло на поправку. Дела звали Вацлава и его ребят в Москву. Кроме того, Саша не отходила от постели жениха ни днем ни ночью, так что за него можно было быть спокойными.

Я улетела домой вместе с Гончими. Саша и Ирвинг вернулись через месяц. А в начале лета мы с Вацлавом получили приглашения на свадьбу...

— Двадцать один! Двадцать два! — продолжали вялый отсчет гости, устав подсчитывать мгновения поцелуя молодоженов.

— Тридцать! Сорок! — выкрикнул какой-то веселый парень лет двадцати, сидевший рядом с Сашиной сестрой Аленой. — Ну хорош уже, голубки!

Жених и невеста с неохотой оторвались друг от друга и вернулись за стол. А я с любопытством взглянула на незнакомого балагура. Он напомнил мне Глеба — такой же обаятельный и смазливый, с располагающей улыбкой и искоркой в глазах. Даже типаж

похожий — светло-русые волосы, серые глаза. И юное, еще не тронутое щетиной, приятное лицо. Парень наклонился к Алене, что-то интимно прошептал ей на ухо, и девушка взволнованно зарделась. Да они же вместе, осенило меня, и я с подозрением уставилась на юнца. Сейчас выяснится, что ему на самом деле лет двести и он самый что ни на есть вампир! Алена-то увлекалась «Сумерками» и мечтала о встрече со своим Эдвардом Каленом. Но уж слишком румян и загорел парень для вампира, да и взгляд у него такой лучистый и безмятежный, какой бывает только в двадцать лет.

Мы с Вацлавом появились в ресторане, где проходило торжество, уже под вечер. Саша просила меня стать свидетельницей и взять на себя организацию выкупа, но мне пришлось отказаться. Как знала, что день свадьбы будет на редкость солнечным и знойным. Утренний марафон с выкупом, поездку в загс и последующую прогулку по Москве я бы просто не выдержала. Поэтому сейчас за столом рядом с Сашей сидела ее одноклассница с перекинутой через плечо лентой свидетельницы, а мы с Вацлавом, пришедшие последними, заняли свободные места с самого края, где уже расположились ненадолго опередившие нас Шон, Джаспер и Уильям. Подруги со стороны невесты с интересом поглядывали на видных парней, не подозревая о том, кем те на самом деле являются.

Это была странная свадьба: все гости в основном были со стороны невесты. В зале собрались Сашины родственники, друзья, я увидела некоторых коллег по «Милому дому». Ирвинг пригласил только бывших напарников.

С нас с Вацлавом, как с припозднившихся гостей, тамада сразу же затребовал тост и подарок. Я взяла микрофон первой, выразила восхищение красивой парой, коротко напомнила жениху, какое сокровище ему досталось в Сашином лице, и наказала строго-настрого ее беречь, защищать, холить и лелеять. Впрочем, это было лишнее — и так было понятно, что Ирвинг души не чает в своей молодой жене и сделает все возможное, чтобы сделать ее счастливой. Напоследок я пожелала молодоженам неземной любви и медового месяца длиной в целую жизнь.

Вацлав был немногословен: от лица всех коллег жениха пожелал ему семейного счастья и заверил родню Саши, что невеста теперь в надежных руках. А в качестве подарка «от коллег» преподнес путевки на Мальдивы — по согласованию с молодоженами, с вылетом на завтра. Перелет бизнес-классом, пятизвездочный отель — я сама выбирала путевки, в душе завидуя Саше и Ирвингу, которые теперь могут вместе наслаждаться солнечными деньками на берегу моря. Нам с Вацлавом доступны только лунные ночи. К путевке я приложила подарок и лично от себя: три красивых купальника и парео к ним известной элитной марки, чтобы на Мальдивах Саша чувствовала себя на высоте.

Еще один подарок молодоженам остался тайной от гостей: служебная квартира на Коломенской, которую занимал Ирвинг, была подарена ему Клубом. После того как Ирвинг вернулся в Москву, в Клубе состоялось чрезвычайное заседание с участием старейшин и Гончих. Решался вопрос, как быть с Ирвингом, ставшим человеком, и его знаниями о Клубе и вампирах. Пятнадцать лет жизни в Клубе невозможно было стереть из памяти. После долгих обсуждений и выступления самого Ирвинга, который поклялся держать втайне сведения о вампирах, решили оставить все как есть, а бывшему Гончему в обмен на молчание передать в собственность служебную квартиру. Кроме того, Ирвинг согласился принять участие в исследованиях вампирских ученых как единственный вампир, ставший человеком. Эрика уже прилетела из своей Швеции и обосновалась в бывшей лаборатории Виктории Виноградовой, изучая итоги ее работы и готовясь к новым исследованиям.

Продолжать работу в команде Гончих Ирвинг больше не мог, но Вацлав добился согласия старейшин на то, что Ирвинг будет считаться консультантом и «дневным» помощником команды. Сам же Ирвинг планировал открыть частное детективное агентство, чтобы применить опыт, полученный в команде Гончих.

А вот над Сашиной памятью поработали. После того как на Совете старейшин и Гончих было решено, что Саше помнить о вампирском прошлом своего жениха вовсе не обязательно, мы с Вацлавом и Ирвингом наведались к ней гости. В нашем присутствии

Вацлав подретушировал Сашины воспоминания, и теперь исповедь Ирвинга она считала страшным сном, Гончих — сотрудниками спецназа, а ранение в Париже — результатом секретной операции спецназовцев. Она даже настоящее имя Ирвинга забыла и звала его тем именем, каким он ей представился — Иван. Мои откровения она тоже стала воспринимать как ночной кошмар, о чем мне с застенчивой улыбкой и поведала перед свадьбой, присовокупив, что это все Аленкино увлечение вампирами сыграло свою роль в ее снах. Уверена, для Саши так даже лучше. Пусть считает своего мужа обычным мужчиной и проживет нормальную человеческую жизнь.

После того как наши тосты были произнесены, а шампанское выпито, ко мне подошел тамада и заговорщическим тоном попросил следовать за ним. Начиналась традиционная свадебная забава «похищение невесты», и массовик-затейник отвел меня к Саше, сидевшей в подсобке, чтобы я скрасила ее ожидание, пока жених и его друзья будут выполнять каверзные задания. Хотела бы я видеть Вацлава и остальных Гончих, отплясывающих польку-бабочку или изображающих танец живота! Надеюсь, потом удастся хотя бы на видео посмотреть.

А пока я попала в объятия Саши, которая крепко расцеловала меня:

— Жан, как я рада, что ты все-таки пришла! Как твоя командировка? Как Нью-Йорк?

Я испытала укол совести: чтобы объяснить свое дневное отсутствие на свадьбе, мне пришлось придумать срочную командировку, в которую меня якобы заслал Аристарх как сотрудницу его журнала. Зато про Нью-Йорк врать не пришлось: я коротко поделилась своими впечатлениями от Бродвея и Таймс-сквер.

— Рада за тебя, ты всегда мечтала о том, чтобы связать свою жизнь с модой, — тепло улыбнулась подруга.

— А я рада за тебя! — Я поспешила перевести разговор на свадьбу и на жениха.

— Жанка, я такая счастливая! Даже самой не верится! — Саша порывисто сжала мои ладони и удивилась: — А ты чего такая холодная?

Я осторожно высвободила руки, неловко отговорившись:

— Да они у меня всегда такие.

Температура тела у вампира — примерно тридцать четыре градуса, и сердцебиение замедленное, как у человека в коме. Наши ученые говорят, что именно благодаря этому мы «законсервированы» в своем возрасте и не стареем, а живая кровь помогает нам поддерживать жизнеспособность. Но Сашке это знать ни к чему — к счастью, ее угроза вампирского существования миновала, и я поторопилась сменить тему. Похвалила ее свадебное платье, ресторан и праздничный стол, который ломился от деликатесов.

Саша радостно улыбнулась, даже не подозревая о том, что милейший модельер Роман Дворцов, который шил платье на заказ, на самом деле вампир, что шеф-поваром пиршества выступает тоже вампир — считающийся одним из лучших в своем ремесле. И что все торжество оплачено на деньги Клуба — в качестве еще одного подарка за молчание бывшему Гончему.

— Ты тоже прекрасно выглядишь, — вернула она мне комплимент. — Дай-ка на тебя поглядеть! — Она отстранилась, а я покрутилась перед ней, демонстрируя свое воздушное вечернее платье из шифона, тоже работы Дворцова. Осенью, когда мы ужинали в «Подземелье» с Глебом, а потом к нам присоединилась Инесса, Дворцов подходил поздороваться со старейшиной. Тогда я могла только мечтать о том, чтобы именитый дизайнер смастерил для меня наряд. И вот, узнав о том, что я подруга невесты, Роман сам предложил сшить платье. Нежно-кораллового цвета, в стиле ампир, с завышенной талией и без бретелек, оно делало меня хрупкой и очень женственной. Особенно на фоне Вацлава, ради свадьбы друга надевшего строгий темно-синий костюм.

Счастье просто фонтаном изливалось из Сашкиных глаз, окутывало меня заразной радостью, наполняло эйфорией пространство небольшой кладовой, где хранились чистые скатерти и посуда, отражалось от хрустальной поверхности бокалов. Это было не просто счастье невесты, соединившей жизнь с любимым человеком. Это было какое-

то еще более глобальное счастье, которое мне было недоступно.

— Жан! — Саша порывисто сжала мои ледяные ладони, уже не замечая их холода, и заговорщически взглянула мне в глаза: — Я беременна!

«Они просто созданы друг для друга, — услышала я как наяву голос Насти. — От таких союзов рождаются очень одаренные дети».

На глаза навернулись слезы радости. Я крепко обняла Сашку, вдохнув свежий цветочный аромат ее духов, и прошептала:

— Я за тебя очень, очень рада, подружка.

— Надеюсь, хотя бы быть крестной моего малыша ты не откажешься?

Ответить я не успела: на пороге возник тамада и весело объявил:

— Пора возвращаться!

Еще в коридоре нас настигли звуки караоке — Ирвинг исполнял песню о любви из кинофильма «Гардемарины, вперед!». И притом неплохо исполнял!

Как жизнь без весны,
Весна без листвы,
Листва без грозы
И гроза без молний,
Так годы скучны
Без права любви
Лететь на призыв
Или стон безмолвный твой.

Ему вторил нестройный хор мужских голосов. Неужели там и Вацлав подпевает? Представить его поющим было невозможно. Мне вспомнилось, как однажды в вампирском ресторане был вечер караоке, и Глеб тогда спел для меня песню Александра Серова «Я люблю тебя до слез», трогательно заламывая при этом руки и падая на колени. Было бы странно ждать от Вацлава чего-то подобного. Это уже будет не Вацлав. Не тот Вацлав, которого я люблю.

— Пойдите пока здесь, — распорядился тамада и нырнул в зал.

Навстречу нам вышли, держась за руки, Алена и ее парень. Увидев нас, они смутились и быстро направились к крыльцу — подышать воздухом, а может, украдкой поцеловаться.

— Видела? — заговорщически спросила Саша, кивнув на младшую сестру. — Влюбилась вон!

— Надеюсь, он не вампир? — опасливо уточнила я. — Этот, как его там, Эдвард Каллен?

Саша рассмеялась хрустальным безмятежным смехом, какой я никогда не слышала у вампиров. Теперь я начинаю понимать, почему в книгах вампиры все время зловеще и демонически хохочут. Когда ведешь такой ненормальный образ жизни, как наш, разучиться смеяться по-человечески проще простого. И я в который раз порадовалась, что Саше удалось избежать этой участи и тех перемен, которые она бы неизбежно повлекла за собой. Подруга останется такой, какой я ее знаю и люблю: милой, доброй, нежной, светлой.

— Это наш новый сосед, недавно к нам в дом переехал, — объяснила она. — Алена, как его увидела, сразу про своих вампиров забыла. К счастью, и Алешка на нее внимание обратил, так что сестренка теперь летает на крыльях от счастья.

Это и немудрено, что обратил. Алена — та же Саша. Стройная, высокая, светловолосая, голубоглазая. Только более юная, наивная и легкомысленная.

— Значит, Алена и Алешка, говоришь? — улыбнулась я.

— Главное, чтобы глупостей не наделала, — посерьезнела подруга. — Ей ведь только восемнадцать исполнилось, а Алешка на два года старше.

Но тут вернулся тамада с Ирвингом, вручил ему похищенную невесту, и молодожены прошли в зал, где уже включили романтический хит на все времена — «Love story» Энди

Уильямса.

Войдя в зал, где вокруг жениха с невестой уже кружились другие пары, я сразу угодила в объятия Вацлава.

— Потанцуем? — предложил он.

— А ты умеешь? — удивилась я.

— Обижаешь. Я в девятнадцатом был завсегдатаем балов. — Он взял мою руку в свою, а другой обхватил меня за талию.

— С тех пор музыка и танцы существенно изменились, — со смешком заметила я, позволяя увлечь себя в круг танцующих.

— Но вальс остался прежним. Открою тебе страшный секрет: это я давал Александре и Ирвингу уроки вальса перед свадьбой. — Он с улыбкой указал на танцующих жениха и невесту и удовлетворенно произнес: — Моя школа!

— Странно, Саша мне ничего не говорила!

— Это потому, что я запретил им это упоминать под страхом смерти! — Вацлав зловеще сверкнул глазами, а затем закружил в танце, демонстрируя свое мастерство.

— Не надо, — засмеялась я. — В вальсе я не мастерица.

Он замедлил темп, и теперь мы просто двигались под музыку — вампиры в толпе людей, не замеченные ими.

She fills my heart
With very special things,
With angel songs,
With wild imaginings.
She fills my soul
With so much love
That anywhere I go
Im never lonely.
With her along
Who could be lonely?
I reach for her hand,
It's always there¹³, —

лилось из динамиков. И мое сердце забилося от этих волнующих слов. Как бы мне хотелось, чтобы Вацлав испытывал нечто подобное по отношению ко мне. Признание в любви от него так и не прозвучало. И сейчас по его привычно невозмутимому лицу по-прежнему было невозможно догадаться, что там у Гончего на сердце.

Рядом с нами Уильям вел в танце стройную рыжеволосую девушку в лавандовом платье — Сашину свидетельницу. В другом конце зала Джаспер танцевал с высокой блондинкой в декольтированном голубом платье, ее не тронутые загаром плечи контрастировали с шоколадной кожей Гончего. Шон, стоя у стены, рассказывал что-то

веселое миниатюрной смуглой брюнетке Карине, работавшей в «Милом доме». У меня тревожно кольнуло сердце: только бы эти девушки не повторили Сашкиной ошибки и не влюбились в вампира. То, что Сашина лав стори получила счастливое продолжение, — это редчайшее исключение. Ни одной девушке в мире так еще не везло, чтобы возлюбленный из вампира стал человеком. Пока вампиры-ученые не раскрыли секрет вакцины Жана, у возлюбленных вампиров есть только один выход — вступить в Клуб. С правом Гончих на обращение человека, которым едва не воспользовался Ирвинг, это проще простого. Вот только пути назад уже не будет...

— Не ожидал, что среди приглашенных окажется маг, — вдруг произнес Вацлав, глядя на кого-то за моей спиной.

— Где? — изумилась я, оборачиваясь.

Рядом с нами танцевали Сашины родители, какая-то из Сашиных подруг со своим парнем и Алена с Алешей.

— Да вон же. — Вацлав кивком указал на юную парочку.

— Ты уверен? — ошеломленно уточнила я.

— Молодой, пока неопытный, но вполне одаренный, — дал свою оценку Алеше Вацлав.

Я потрясенным взглядом проводила ребят. Кто бы мог подумать! Одна из сестер вышла замуж за бывшего вампира. Другая мечтала о вампире, а влюбилась в мага.

Вскоре настало время бросать букет невесты. Сашка коварно настояла на том, чтобы я встала в первом ряду, и умышленно кинула букет в мою сторону. В последний момент я увернулась, и букет с радостным ревом поймала Алена. Подруга укоризненно взглянула на меня. А ее младшая сестра была совершенно счастлива и со значением показывала букет озадачившемуся магу Алеше, в планы которого женитьба в ближайшие лет десять явно не входила.

Потом пришла очередь Ирвинга бросать неженатым друзьям подвязку с ноги невесты. К моему изумлению, Вацлав не стал уклоняться от участия в забаве. А уж когда он поймал брошенную в его сторону подвязку, я и вовсе испытала ошеломление. Вацлав с невозмутимым видом вернулся ко мне. Покрутив в руке кружевную подвязку с бантиком и стразами, он наклонился ко мне и вогнал в краску словами:

— Красивая вещица. Очень уж хочется посмотреть, как она будет смотреться на тебе. — И без паузы добавил: — Еще шампанского?

— Что? — ошарашенно переспросила я.

— За счастье молодых! — И Вацлав потянулся за бутылкой розового «Моэт Шандон».

Для свадьбы Саши я сделала исключение и выпила немного игристого вина. Хотя после того, как я увидела толпу зеленых чертей в пражской пивной, от алкоголя меня совершенно отвратило. К счастью, в банкетном зале представителей зеленокожих не наблюдалось. То ли на них подействовало присутствие юного мага, то ли на свадебных банкетах им не поживиться и они предпочитают пивные бары.

Вскоре жених с невестой разрезали свадебный торт и сбежали с торжества. Гости налегали на десерт — клубничный чизкейк в исполнении вампирского шеф-повара был великолепен, а молодежь продолжила танцы, которые становились все более откровенными с каждым бокалом, выпитым за счастье молодоженов.

— Хочешь посмотреть на стриптиз, — Вацлав насмешливо кивнул в сторону блондинки с декольте, которая так страстно извивалась в восточном танце под песню Шакиры, что бюст не меньше четвертого размера был готов вывалиться наружу, на радость не отходящему от блондинки Джасперу, — или уже сбежим?

— Сбежим! — Я проглотила последнюю ложечку восхитительного чизкейка и поднялась из-за стола.

Мы вышли на крыльцо и на миг застыли: прямо за козырьком начиналась стена дождя. Прогнозы синоптиков о грозе все-таки сбылись к ночи. По ступеням лестницы барабанили тугие капли, а на асфальте уже растекались лужи.

— У меня нет зонта, — предупредил Вацлав.

— У меня тоже, — ответила я, не отрывая взгляда от льющихся с неба струй воды и мечтая ощутить их свежесть на своей коже.

— Возвращаемся? — Вацлав лукаво взглянул на меня. — Или?..

— Или! — радостно воскликнула я и, схватив его за руку, вытащила под ливень.

Мы сбежали по ступеням и тут же промокли до нитки.

— Куда же вы? — донесся нам вслед крик Сашиной мамы, вышедшей на крыльцо. — Зонтик возьмите!

Она помахала нам сложенным зонтом, но мы покачали головами.

— Спасибо, тетя Полин! — крикнула я. — Не надо.

— Простудитесь же! — с недовольством проворчала она. — Сумасшедшие! — донеслись до нас ее приглушенные слова, когда она уже входила обратно в ресторан.

Мы расхохотались, и от смеха Вацлава, подобного громовым раскатам, мое сердце забилося чаще. Я впервые видела его смеющимся и торопилась запечатлеть в памяти узор морщинок в уголках его прищуренных глаз, лучики в уголках рта — как же они ему шли! Вацлав притянул меня к себе, целуя мокрыми губами.

Внезапно рядом с нами сверкнула молния — но почему-то не с неба, а сбоку. Мы одновременно отпрянули друг от друга и повернулись на вспышку: на крыльце стоял свадебный фотограф и с широкой улыбкой показывал нам большой палец. Затем он поймал нас в объектив и сделал еще несколько кадров.

— Похоже, «Нью-йоркский поцелуй» на стене спальни скоро дополнит «Поцелуй под дождем», — усмехнулся Вацлав.

— «Самый мокрый поцелуй», — предложила я свой вариант и, поднявшись на цыпочки, коснулась губами его губ, стирая с них дождевые капли.

Благодарный фотограф защелкал вспышкой.

— Люблю тебя, — выдохнул Вацлав.

И от этого внезапного признания мне сделалось так жарко, как будто мы стояли не под прохладным московским дождем, а под тропическим ливнем где-нибудь на Шри-Ланке.

— А как это будет по-чешски? — взволнованно пробормотала я.

— Милую те. — Он с силой сжал меня в объятиях.

— Милую те, — с восторгом подхватила я, запрокинув голову к небу и подставляя лицо дождевым каплям.

— Так это значит, ты согласна? — порывисто спросил Вацлав.

Я так и не дала ему ответа на предложение переехать к нему, высказанное почти три месяца назад. Все сомневалась. Но теперь сомнений не осталось.

— Да!

Вацлав обхватил меня за талию, приподнял над землей и закружил. Со стороны крыльца вылетела еще одна молния.

...Забегая вперед, скажу, что именно эта фотография впоследствии заняла почетное место в нашей спальне рядом с «Нью-йоркским поцелуем». Вацлав окрестил ее как «Скажи мне да». А фотограф, передавая нам снимки, выразил готовность поработать на нашей свадьбе. Вацлав в тот же вечер сделал мне предложение, преподнес обручальное кольцо с бриллиантом. Кольцо я с тех пор не снимаю, а ответа пока не дала. Куда торопиться? Ведь впереди у нас вся вечность. По крайней мере, лет сто на раздумья у меня есть.